СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО, ЗЛАТОУСТАГО,

БЕСѢДЫ

НА РАЗНЫЯ МѢСТА СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Департамента Удѣловъ.

1861.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. 13-го Декабря, 1860 года.

Цензоръ ***Архимандритъ Фотій.***

БЕСѢДЫ НА КНИГУ ПРОРОКА ИСАІИ ([1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Превосходство Пророка Исаіи весьма ясно можно видѣть и изъ самой книги его, но совершеннѣе показываетъ это апостолъ Павелъ, который зналъ лучше всѣхъ добродѣтели его и говорилъ такимъ Духомъ. Объясняя смѣлую рѣчь Пророка, нераболѣпный образъ мыслей, высокій умъ и ясность пророчества о Христѣ, онъ выразилъ все это однимъ словомъ: *Исаіа же дерзаетъ и глаголетъ: обрѣтохся не ищущымъ мене, явленъ быхъ не вопрошающымъ о мнѣ* (Рим. 10, 20). Велика также и сострадательность этого Пророка. Онъ не только возставалъ противъ народнаго безумія и съ великою смѣлостію, свободною рѣчью и высокими мыслями возвѣщалъ евреямъ угрожавшія имъ скорбныя обстоятельства, но и самъ среди этихъ обстоятельствъ скорбѣлъ и сокрушался не меньше подвергшихся имъ и плакалъ горьче угнетенныхъ ими. Таковы были обыкновенно, мож-

---

([1]) Отъ Св. Іоанна Златоустаго дошло до насъ толкованіе только на первыя 8 главъ книги Пророка Исаіи и кромѣ того нѣсколько бесѣдъ на отдѣльныя мѣста этой книги. Время и мѣсто написанія ихъ достовѣрно неизвѣстно, подлинность же не подлежитъ сомнѣнію. См. Oper. S. Chrys. edit. Montfauc. an. 1835. Tom. VI. p, 1 et 108.

но сказать, всѣ пророки и святые: расположеніемъ своимъ къ подвластнымъ они превосходили любовь отцовъ и далеко превышали силу природы. Подлинно никто, никогда никто не пламенѣлъ такою любовію къ своимъ дѣтямъ, съ какою они умирали за подвластныхъ, скорбѣли, плакали, молили Бога о страждущихъ, шли вмѣстѣ съ ними раздѣлять бѣдствія, дѣлали и терпѣли все для того, чтобы избавить ихъ и отъ вышняго гнѣва, и отъ угнетавшихъ обстоятельствъ. Такъ, никто не можетъ быть столь способнымъ къ распоряженію властію, какъ душа любомудрая и умѣющая сострадать. Потому и великаго Моисея Богъ возвелъ на престолъ народнаго правителя, что онъ еще прежде дѣлами показалъ свою любовь къ народу и послѣ говорилъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. 32, 32). И этотъ самый Пророкъ, видя погибель ихъ, говорилъ: *оставите мене, да горцѣ восплачуся: не належите утѣшати мя о сокрушеніи дщере рода моего* (Иса. 22, 4). Іеремія составилъ пространный плачъ по разрушеніи города. Іезекіиль даже пошелъ вмѣстѣ съ ними въ плѣнъ, считая болѣе легкимъ для себя быть въ странѣ чужой, нежели въ отечественной, находя величайшее утѣшеніе въ несчастіи находиться вмѣстѣ съ страждущими и облегчать обстоятельства другихъ. Даніилъ, заботясь о возвращеніи ихъ изъ плѣна, больше двадцати дней оставался безъ пищи и со всѣмъ усердіемъ молилъ Бога о прекращеніи тяжкаго ихъ рабства (Дан. 10, 2). И каждый изъ святыхъ сіяетъ этою добродѣтелію. Такъ Давидъ, видя посылаемый гнѣвъ Божій и угрожающій народу, просилъ

направить ударъ на него самаго и говорилъ: *се азъ есмь согрѣшивый, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша; да будетъ нынѣ рука твоя на мнѣ и на дому отца моего* (2 Цар. 24, 17). И Патріархъ Авраамъ, находясь вдали отъ бѣдствій и не имѣя никакого участія въ угрожавшихъ содомлянамъ несчастіяхъ, просилъ и молилъ Бога такъ, какъ будто находился среди самыхъ бѣдствій, неотступно принималъ всѣ мѣры и говорилъ объ избавленіи ихъ отъ страшнаго сожженія до тѣхъ поръ, пока Богъ, оставивъ его, отошелъ (Быт. 20, 33). А святые новаго Завѣта являли еще бóльшую добродѣтель, какъ получившіе бóльшую благодать и призванные къ бóльшимъ подвигамъ. Посему Петръ, слыша слова Христовы, что богатымъ весьма трудно взойти на небо, скорбѣлъ, трепеталъ и спрашивалъ такъ: *кто можетъ спасенъ быти* (Лук. 18, 26)?—хотя самъ находился въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Они смотрѣли не на свое положеніе, а заботились о вселенной. И Павелъ показываетъ намъ это во всѣхъ своихъ посланіяхъ; онъ рѣшался даже не видѣть Христа для спасенія людей и говорилъ такъ: *желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти много паче лучше: а еже пребывати во плоти нужнѣйше есть васъ ради* (Фил. 1, 23. 24). Такой же характеръ сохраняетъ и этотъ Пророкъ. Изрекая опредѣленія Божіи съ великою смѣлостію и обличая грѣшниковъ, онъ часто и продолжительно умоляетъ Бога, разгнѣваннаго противъ нихъ; особенно можно видѣть это въ концѣ его пророчества. Теперь же нужно обратиться къ самому началу пророчества.

ТОЛКОВАНІЕ НА 1 ГЛАВУ КНИГИ

ПРОРОКА ИСАІИ.

Видѣніе, еже видѣ Исаіа (Иса. 1, 1).

1. *Видѣніемъ* Исаія называетъ пророчество, или потому, что многія изъ будущихъ событій онъ созерцалъ самымъ своимъ зрѣніемъ, подобно какъ Михей видѣлъ народъ разсѣяннымъ (3 Цар. 22, 17), и Іезекіиль—плѣненіе и беззаконіе покланявшихся солнцу и Ѳаммузу (Іезек. 8, 14), или потому, что слышанное пророками отъ Бога было для нихъ нисколько не меньше видѣннаго зрѣніемъ, но одинаково достовѣрно, чего въ житейскихъ дѣлахъ не бываетъ. Ибо они слышали иначе, нежели прочіе люди, какъ самъ Пророкъ говорилъ: *приложи ми ухо еже слышати* (Исаі. 50, 4). Притомъ онъ, называя рѣчь свою *видѣніемъ*, дѣлаетъ ее достовѣрною, возбуждаетъ слушателя и обращаетъ къ Тому, Кто совершилъ эти дѣла. Такъ обыкновенно всѣ, передававшіе изреченія Божіи, прежде всего внушали, что они не говорятъ ничего отъ самихъ себя, но что произносимыя

ими слова суть изреченія божественныя и письмена нисшедшія съ неба. Такъ Давидъ говоритъ: *языкъ мой трость книжника скорописца* (Пс. 44, 2). Не трости приписывай письмена, но держащей ее рукѣ, т. е. не языку Давида, но движущей его благодати. И другой Пророкъ выражаетъ тоже самое, когда говоритъ: *пастырь бѣхъ и ягодичія собирая* (Амос. 7, 14),— дабы кто-нибудь не приписалъ сказаннаго имъ человѣческой мудрости; а третій не ограничился только этимъ, но прибавилъ и еще нѣчто другое, сказавъ: *азъ наполню силы Духомъ Господнимъ и судомъ и силою* (Мих. 3, 8). Подлинно, благодать дѣлала ихъ не только мудрыми, но и сильными, не составомъ тѣла, но душею. Такъ какъ они имѣли дѣло съ народомъ дерзкимъ и безстыднымъ, жаждавшимъ крови пророковъ и совершавшимъ убійство святыхъ, то конечно они имѣли нужду въ великой силѣ, чтобы не бояться невыразимой его дерзости. Посему и говорилъ Богъ Іереміи: *положихъ тя аки градъ твердъ, и въ столпъ желѣзный, и аки стѣну мѣдяну* (Іер. 1, 18); и Іезекіилю: *посреди скорпіевъ ты живеши, не убойся и отъ лица ихъ не ужасайся* (Іез. 2, 6). И Моисей, когда былъ посылаемъ, отказывался, кажется мнѣ, боясь не только Фараона, но особенно самаго народа іудейскаго (Исх. 4, 10). Бесѣдуя съ Богомъ и не распространяясь о варварѣ, онъ съ великимъ тщаніемъ старался узнать, что должно ему говорить Іудеямъ, невѣровавшимъ, что онъ дѣйствительно

былъ посланъ отъ Бога, и знаменія получилъ сообразныя съ ихъ расположеніемъ; и весьма справедливо. Ибо, если одинъ изъ нихъ, и притомъ облагодѣтельствованный имъ, привелъ его въ такой страхъ, то что долженъ былъ онъ чувствовать, представляя этотъ буйный народъ? Посему Пророкъ и получилъ не только Духа мудрости, но и силы, и говорилъ: я исполнился *силы Духомъ Господнимъ и судомъ и силою* (Мих. 3, 8); и другой: *слово Божіе бысть ко Іереміи сыну Хелкіеву* (Іер. 1, 1); и еще иной: *бремя* (λῆμμα) *о Ниневіи: книга видѣнія Наума сына Елкесеева* (Наум. 1, 1). Этотъ Пророкъ, означая другимъ выраженіемъ тоже, что предъидущіе, назвалъ полученіе Духа *бременемъ*. Такъ какъ они говорили, бывъ объемлемы (λαμβανόμενοι) Духомъ, то онъ и назвалъ такъ дѣйствіе благодати. Посему и Павелъ вездѣ въ началѣ посланій употребляетъ выраженіе: *апостольство;* тó, чтó пророки означали выраженіемъ: *видѣніе*, *слово*, *пророчество*, *глаголъ*, онъ означаетъ выраженіемъ: *апостольство*. Какъ тотъ, кто изрекаетъ видѣніе и слово Божіе, говоритъ не свое; такъ и тотъ, кто называетъ себя апостоломъ, преподаетъ не свое ученіе, а то, какое повелѣлъ ему Пославшій. Достоинство апостола (посланника) — не прибавлять ничего отъ самаго себя. Посему и Христосъ говорилъ: *не зовите себѣ наставника на земли*: *единъ бо есть наставникъ вашъ*, *иже на небесѣхъ* (Мат. 23, 9. 10), внушая, что начало всѣхъ нашихъ догматовъ

происходитъ свыше, отъ небеснаго Владыки, хотя люди служатъ къ ихъ преподаванію. *Еже видѣ Исаіа.* Какъ видятъ пророки тó, чтó видятъ, мы сказать не можемъ; потому что не возможно объяснить словомъ способа ихъ видѣнія; но это знаетъ ясно только тотъ, кто узналъ на опытѣ. Если часто никто не можетъ объяснить словомъ дѣйствій природы и страстныхъ состояній души, то тѣмъ болѣе—способа дѣйствій Духа. Впрочемъ, если нужно осмѣлиться привести неточныя сравненія,—не съ тѣмъ, чтобы ясно представить дѣло, но только изобразить подобіемъ,—мнѣ кажется, съ пророками происходило тоже, какъ если бы чистая вода, принявъ въ себя солнечные лучи, просвѣтилась. Такъ и души пророковъ, очистившись напередъ собственною добродѣтелію, принимаютъ даръ Духа и, проникнувшись этимъ свѣтомъ, получаютъ вѣдѣніе будущаго. *Сынъ Амосовъ.* Для чего онъ упоминаетъ объ отцѣ? Или для отличія отъ другихъ, одноименныхъ съ нимъ, или для того, чтобы научить, что незначительность отца нисколько не помрачаетъ добродѣтели сына; благородство состоитъ не въ томъ, чтобы происходить отъ знатныхъ родителей, но чтобы самимъ быть великими. Такъ и этотъ Пророкъ, происходившій отъ незнатнаго отца, сдѣлался знаменитѣе всѣхъ, просіявъ превосходствомъ собственной добродѣтели. *Еже видѣ на Іудею и на Іерусалимъ.*

2. Почему онъ упомянулъ отдѣльно о томъ и другомъ мѣстѣ? Потому, что и наказанія имъ

были отдѣльныя и въ различныя времена, такъ какъ Богъ премудро устроилъ и то, чтобы не всѣ вдругъ погибали, но по частямъ и отдѣльно, дабы чрезъ наказаніе отведенныхъ въ плѣнъ оставшіеся дѣлались благоразумнѣе. Если же они не пользовались врачевствомъ, какъ должно, то это—вина не врача, но больныхъ. Такъ Онъ поступаетъ всегда и въ каждомъ поколѣніи; не всѣхъ, вмѣстѣ и одинаково согрѣшающихъ, вмѣстѣ и наказываетъ,—иначе весь нашъ родъ давно былъ бы истребленъ, — но однихъ наказываетъ здѣсь, дабы и для нихъ самихъ облегчить тамошнее наказаніе и современникамъ ихъ подать величайшее побужденіе къ исправленію, а другихъ, которые не хотятъ исправиться ни сами собою, ни чрезъ такое распоряженіе, сберегаетъ для неизбѣжнаго и страшнаго дня суда. *Въ царство Озіи и Іоаѳама и Ахаза и Езекіи, иже царствоваша во Іудеи.* Съ пользою онъ указываетъ и время пророчества, отсылая любознательнаго слушателя къ исторіи событій. Ибо такимъ образомъ пророчество будетъ удобопонятнѣе и яснѣе, когда мы узнаемъ, при какихъ обстоятельствахъ и при какихъ ранахъ іудейскихъ пророки употребляли врачевство. *Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола* (ст. 2). Это вступленіе исполнено великаго гнѣва. Ибо, если бы гнѣвъ его не былъ весьма сильнымъ и невыразимымъ, то онъ не оставилъ бы людей и не обратилъ бы рѣчи къ стихіямъ. Впрочемъ онъ дѣлаетъ это не только для того, чтобы показать свой

гнѣвъ, но чтобы и самихъ людей, которые будутъ слушать, обличить съ великою силою, показавъ, что одаренные разумомъ хуже безчувственныхъ стихій. Такъ обыкновенно поступали и другіе пророки. Посему и посланный къ Іеровоаму, оставивъ царя, къ которому былъ посланъ, обратилъ рѣчь къ жертвеннику (3 Цар. 13, 1. 2). И Іеремія взывалъ къ землѣ такъ: *земле, земле, земле, напиши мужа сего, мужа отвержена* (Іер. 22, 29. 30). И еще другой говорилъ: *слышите горы, основанія земли* (Мих. 6, 2). *Сыны родихъ*. Пророкъ указываетъ на сдѣланное имъ благодѣяніе, не общее для всѣхъ людей, состоящее въ полученіи бытія, но особенное, состоящее въ усыновленіи. Богъ всегда предваряетъ своими благодѣяніями. Какъ при сотвореніи человѣка Онъ еще не созданнаго почтилъ властію, сказавъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26); а въ новомъ Завѣтѣ оказалъ еще бóльшее благодѣяніе, когда не только не сдѣлавшихъ ничего добраго, но и сдѣлавшихъ безчисленное множество золъ, удостоилъ бани пакибытія; такъ и здѣсь можно видѣть, что Онъ почтилъ усыновленіемъ не только не сдѣлавшихъ ничего добраго, но и падшихъ. Впрочемъ, воздавая честь прежде трудовъ, Онъ не лишаетъ награды послѣ трудовъ, но и тогда удостоиваетъ еще бóльшихъ наградъ. *И возвысихъ*. Однимъ этимъ словомъ онъ изобразилъ все, бывшее въ Египтѣ, въ пустынѣ, въ Палестинѣ. Богъ, по обилію благодѣяній Своихъ,

обыкновенно не останавливается на подробномъ изчисленіи событій. *Тіи же отвергошася мене.* Преступили, говоритъ, мой законъ, оставили мои заповѣди. *Позна волъ стяжавшаго и, и оселъ ясли господина своего* (ст. 3). Сравненія усиливаютъ обличеніе, особенно когда они заимствуются отъ предметовъ неравныхъ, какъ и Христосъ говоритъ: *мужіе Ниневитстіи востанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ и;* и еще: *царица южская востанетъ на судъ съ мужи рода сего, и осудитъ ихъ: яко пріиде отъ конецъ земли слышати премудрость Соломонову* (Лук. 11, 32. 31). И Іеремія также говоритъ: *пріидите во островы Хеттимъ, и видите, и въ Кидаръ послите, и разсмотрите прилѣжно и видите, аще премѣниша языцы боги своя, людіе же мои премѣниша славу свою на то, отъ негоже не упользуются* (Іер. 2, 10. 11). Пророкъ показываетъ нетрудность постановленій закона, такъ что та мѣра, какая требуется отъ людей, легко исполняется и безсловесными животными, и даже безсмысленнѣйшими изъ безсловесныхъ. Но, скажетъ кто-нибудь, животныя отъ природы имѣютъ это знаніе. А мы совершаемое ими отъ природы можемъ исполнять по волѣ. *Позна волъ стяжавшаго и.* Обличаетъ ихъ не только преимуществомъ дара, но и чрезмѣрностію ихъ нечестія усиливаетъ обличеніе. Какъ выше онъ призывалъ стихіи къ ихъ обличенію, такъ теперь сравниваетъ ихъ не съ людьми, но съ без-

словесными животными, и притомъ съ безсмысленнѣйшими, и показываетъ, что они хуже этихъ животныхъ.

3. Такъ поступаетъ и Іеремія, указывая на *горлицу* и *ластовицу* (Іер. 8, 7); и Соломонъ то къ муравью, то къ пчелѣ отсылаетъ проводящаго лѣнивую жизнь (Прит. 6, 6. Сир. 11, 3). ***Исраиль же мене не позна.*** Крайнее нечестіе, когда даже тѣ, которые были приближены и удостоены стольких почестей, всѣ вдругъ уклонились къ нечестію. Не сказалъ: ***Іаковъ***, но: ***Исраиль***, дабы добродѣтелію предка яснѣе показать неблагодарность потомковъ. Тотъ добродѣтелію души пріобрѣлъ благословеніе, выраженное этимъ названіемъ, а они нечестіемъ своимъ измѣнили ему. ***И людіе мои не разумѣша; мене***, говоритъ, сіяющаго свѣтлѣе солнца. ***Увы языкъ грѣшный*** (ст. 4). И это въ обычаѣ у пророковъ—оплакивать болящихъ неизцѣльно. Такъ поступаетъ и Іеремія во многихъ мѣстахъ; такъ и Христосъ, когда говоритъ: *горе тебѣ, Хоразине, горе тебѣ, Виѳсаидо* (Мат. 11, 21); потому что и это—видъ наставленія. Кого не вразумило ученіе, того часто исправляло сѣтованіе. ***Людіе исполнени грѣховъ.*** Еще болѣе усиливаетъ обличеніе указаніемъ на то, что они всѣ и притомъ крайне грѣшны. ***Сѣмя лукавое.*** Не происхожденіе ихъ порицаетъ, но показываетъ, что они порочны съ самаго перваго возраста. Какъ Іоаннъ, восклицая: *рожденія ехиднова*, не безчеститъ ихъ природы; иначе не сказалъ бы:

сотворите убо плодъ достоинъ покаянія, если бы они отъ природы и по рожденію были такими (Мат. 3, 7. 8); такъ и здѣсь Пророкъ, говоря: *сѣмя лукавое,* не порицаетъ ихъ рожденія. *Сынове беззаконніи.* Не сказалъ: *преступные,* но: *беззаконніи,* находящіеся въ состояніи нисколько не лучше тѣхъ, которые никогда не получали закона, и даже, говоритъ, превышающіе ихъ по волѣ. *Остависте Господа и разгнѣвасте.* Усиленно выражаетъ тоже; ибо имени Божіяго достаточно было для обличенія, какъ и Іеремія обличаетъ, когда говоритъ: *забысте бо Господа и предани бысте бѣсомъ* (Вар. 4, 6—8). *Святаго Израилева.* И это усиливаетъ ихъ вину, что Онъ, будучи Владыкою всѣхъ, имъ тогда особенно былъ извѣстенъ. *Отвратистеся вспять. Что еще уязвляетеся, прилагающе беззаконіе* (ст. 5)? Величайшее нечестіе, когда и отъ наказаній не дѣлаются лучшими. Впрочемъ и наказаніе есть видъ благодѣянія. Они не могли сказать, что Богъ только почтилъ и облагодѣтельствовалъ ихъ, а согрѣшившихъ оставилъ, но Онъ и почестями привлекалъ ихъ, и страхомъ наказаній вразумлялъ, и однако при томъ и другомъ они остались неизцѣльно больными. Онъ употреблялъ всѣ виды врачеванія, отсѣкая и прижигая; но болѣзнь не уступала; а это особенно и служитъ знакомъ неизцѣльной болѣзни, когда не могутъ даже принимать врачевства. *Всякая глава въ болѣзнь и всякое сердце въ печаль: отъ ногъ даже до главы нѣсть въ немъ цѣ-*

лости: ни струпъ, ни язва, ни рана паляшаяся (ст. 6). Здѣсь говорится о наказаніяхъ и мученіяхъ; потому что и это — не меньшій видъ благодѣянія и чести, оказанной имъ. Я, говоритъ, всѣхъ ихъ наказалъ и подвергъ скорби. Если же *всякая глава въ болѣзнь*, то какъ нѣтъ ни струпа, ни язвы? Струпъ тогда является дѣйствительнымъ струпомъ, когда прочія части тѣла здоровы; а когда будетъ изъязвлено все тѣло, тогда рана уже не будетъ представляться раною. Это онъ и хочетъ выразить, т. е. все тѣло изъязвлено, не такъ, чтобы одна часть была здорова, а другая изранена, но все— въ огнѣ, все—одна рана. *Нѣсть пластыря приложити*. Это тяжелѣе прежняго; ибо не такъ тяжело болѣть, какъ при болѣзни не имѣть возможности принять врачевство, и особенно, когда есть такой Врачь. *Ниже елеа, ниже обязанія*. Дабы выразиться сильнѣе, онъ продолжаетъ переносную рѣчь; ибо въ этомъ и состоитъ превосходство переносной рѣчи. *Земля ваша пуста* (ст. 7). Это онъ не описываетъ, какъ уже бывшее, но предсказываетъ, какъ будущее. Пророки обыкновенно такъ поступаютъ, устрашая слушателя и вмѣстѣ съ тѣмъ показывая силу своей истины. Какъ прошедшему не возможно не быть, такъ и будущему, возвѣщенному пророками, не возможно не случиться, если только люди, которымъ угрожаетъ наказаніе, не раскаятся. *Гради ваши огнемъ пожжени*. Богъ не совершенно истребилъ ихъ, но оставилъ стоять остатками отъ варварскаго сожженія, ко-

торые могли бы сильнѣе трогать обращающихъ на нихъ взоры. *Страну вашу предъ вами чуждіи поядаютъ, и опустѣ низвращенна отъ людей чуждихъ*. Еще тяжелѣе несчастіе, когда люди бываютъ зрителями собственныхъ бѣдствій, а не только по слуху узнаютъ о нихъ. *Оставится дщерь Сіоня, яко куща въ виноградѣ, и яко овощное хранилище въ вертоградѣ* (ст. 8).

4. Сравненія, особенно тѣ, которыя употребляются въ Писаніи, много способствуютъ къ усиленію рѣчи. *А дщерію Сіона* Пророкъ называетъ Іерусалимъ; потому что онъ лежитъ при этой горѣ. *Яко куща въ виноградѣ и яко овощное хранилище въ вертоградѣ*. Когда расхищены плоды и отведены земледѣльцы, тогда уже излишни зданія города. *Яко градъ воюемый*. Это—намекъ на ихъ слабость и безпомощность. Когда нѣтъ никакого помощника, тогда бываетъ необходимо запереться, ожидая защиты единственно отъ стѣнъ. *И аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, яко Содома убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ* (ст. 9). У пророковъ всегда въ обычаѣ — предсказывать не только тѣ бѣдствія, которыя грѣшники имѣютъ потерпѣть, но и тѣ, которыя они достойны были потерпѣть, чтобы и во время самаго наказанія они воздавали великую благодарность Богу, испытывая наказаніе не соотвѣтствующее грѣхамъ, но гораздо меньшее. Такъ и здѣсь онъ говоритъ, что грѣхи ихъ заслуживали не

этихъ, изчисленныхъ бѣдствій, но всецѣлаго истребленія и совершеннаго уничтоженія всего рода ихъ, какъ случилось съ содомлянами; но человѣколюбіе Божіе не допустило быть этому, а послало наказаніе гораздо меньше грѣховъ. Такъ какъ есть великое сродство между ветхимъ и новымъ Завѣтами, то и Павелъ справедливо привелъ эти слова и сказалъ еще рѣшительнѣе, нежели Пророкъ (Рим. 9, 28. 29). Подлинно, какъ въ то время, если бы не была великая милость Божія, всѣ были бы истреблены; такъ и во время пришествія Христова, если бы не явилась благодать, всѣ пострадали бы тяжелѣе тѣхъ. Но Богъ оставилъ намъ *сѣмя*; разумѣетъ спасшихся отъ плѣна. *Услышите слово Господне, князи Содомстіи: внемлите закону Божію, людіе Гоморрстіи* (ст. 10). Сказавъ, что они достойны были наказанія содомлянъ, Пророкъ показываетъ, что они совершали дѣла содомлянъ; посему и называетъ ихъ этимъ общимъ именемъ. Иначе такое выраженіе было бы неумѣстно. А что дѣйствительно онъ обращаетъ теперь рѣчь не къ содомлянамъ, но къ іудеямъ, называя ихъ общимъ именемъ, это доказываютъ послѣдующія слова. Ибо онъ упоминаетъ о жертвахъ, приношеніяхъ и прочихъ, установленныхъ закономъ, священнослуженіяхъ, которыхъ и слѣда не было у содомлянъ. *Закону Бога* нашего;— говоритъ это для обличенія. *Что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь? Исполненъ есмь всесожженій овнихъ и ту-*

ка агнцовъ, и крове юнцовъ и козловъ не хощу (ст. 11). Псаломъ сорокъ-девятый весь сходенъ съ этимъ мѣстомъ и составленъ хотя изъ другихъ выраженій, но изъ тѣхъ же мыслей. Словамъ Псалма: *призоветъ небо свыше и землю, разсудити люди своя* (Пс. 49, 4), подобны слова: *слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола;* и послѣдующее сходно. Какъ Давидъ говоритъ: *не о жертвахъ твоихъ обличу тя, всесожженія же твоя предо Мною суть выну* (ст. 8); такъ и Исаія говоритъ: *что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь?* И еще Давидъ говоритъ: *не пріиму отъ дому твоего телцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ* (ст. 9); и Исаія: *всесожженій овнихъ, и тука агнцовъ, и крове юнцовъ и козловъ не хощу.* Такъ какъ они, часто слыша обличенія въ недостаткѣ прочихъ добродѣтелей, ссылались, какъ на величайшее оправданіе, на жертвы, которыя они часто приносили, то справедливо тотъ и другой пророкъ, или лучше, всѣ пророки отвергали такое ихъ оправданіе. Отсюда видно, что жертвы были установлены не собственно сами по себѣ, а для того, чтобы онѣ служили руководствомъ къ другимъ добродѣтелямъ въ жизни. Но такъ какъ іудеи, пренебрегая существенно необходимымъ, занимались ими, то Богъ говорилъ, что Онъ не принимаетъ и ихъ. *Ниже приходите явитися Ми* (ст. 12); если, говоритъ, вы придете въ храмъ. *Кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ?* Между тѣмъ

цѣлая книга, называемая Левитъ, состоитъ изъ постановленій о жертвоприношеніяхъ; и во Второзаконіи и въ другихъ многихъ мѣстахъ встрѣчается много законовъ касательно ихъ. Какъ же онъ говоритъ: *кто изыска сія изъ рукъ вашихъ?* Говоритъ для того, чтобы ты зналъ, что Богъ собственно не хотѣлъ устанавливать ихъ, но отъ слабости іудеевъ получили начало законы о жертвахъ. Какъ не хотѣлъ Богъ, чтобы отпускаема была жена, однажды соединенная съ мужемъ, по для предотвращенія бóльшихъ золъ, именно, дабы при запрещеніи развода не стали убивать ненавидимыхъ женъ внутри домовъ, Онъ допустилъ меньшее зло; такъ точно и здѣсь, желая удержать отъ жертвоприношеній бѣсамъ, Онъ допускалъ то, чего не хотѣлъ, дабы достигнуть того, чего хотѣлъ. Тоже самое выразилъ и пророкъ Амосъ, сказавъ: *еда заколенія и требы принесосте Ми въ пустыни лѣтъ четыредесять?—глаголетъ Господь* (Амос. 5, 25). И Іеремія говоритъ: *о всесожженіихъ и жертвахъ не заповѣдахъ отцемъ вашымъ* (Іер. 7, 22).

3. Такъ какъ бѣсамъ было приносимо такое служеніе, то Богъ, желая, чтобы это не сдѣлалось для немощнѣйшихъ поводомъ къ погибели, часто говоритъ такимъ образомъ чрезъ всѣхъ пророковъ. Бѣсы негодовали, когда имъ не были приносимы жертвы, и часто требовали себѣ настоятельно дыма и смрада и говорили: *мы получили этотъ жребій* (1). А Богъ и въ началѣ

(1) Иліад. 4, 49.

не требовалъ ихъ, и когда установилъ, то показалъ, что не по своему желанію Онъ допустилъ ихъ; какъ видно не только отсюда, но и изъ того, что Онъ скоро отмѣнилъ ихъ, и когда онѣ были приносимы, не принималъ, и вообще всячески показывалъ, что такой способъ служенія гораздо ниже Его величія. Такъ и теперь Онъ говоритъ: *для* васъ Я терпѣлъ это, а не самъ имѣлъ въ томъ нужду. *Ходити по двору моему не приложите.* Здѣсь онъ или предсказываетъ плѣнъ, или запрещаетъ имъ это; потому что они приходили не съ благочестивымъ расположеніемъ духа. *И аще принесете Ми семидалъ, всуе* (ст. 13). Изъ заповѣдей однѣ были даны сами по себѣ, а другія для чего-нибудь другаго; напримѣръ, познавать Бога, не убивать, не прелюбодѣйствовать, и тому подобное было заповѣдано по причинѣ происходящей отсюда пользы; а приносить жертвы, курить ѳиміамъ, соблюдать субботу и тому подобное было заповѣдано не для того, чтобы только было совершаемо само по себѣ, но чтобы чрезъ исполненіе этого люди отклонялись отъ служенія бѣсамъ. Но такъ какъ іудеи жертвоприношенія совершали, а пользы отъ нихъ не получали, но еще привязывались къ бѣсамъ, то Богъ справедливо отвергаетъ и самыя жертвы. Такъ и то дерево справедливо вырубаютъ, которое имѣетъ листья и вѣтви, а плодовъ не приноситъ; потому что земледѣлецъ всячески заботится о растеніи, не для коры и ствола, но для полученія плодовъ. *Кадило мерзость Ми*

есть. Видишь ли, что Онъ не свойству приносимаго радовался, но требовалъ добраго расположенія приносящихъ? Посему дымъ и смрадъ отъ жертвоприношенія Ноева Онъ назвалъ *вонею благоуханія* (Быт. 8, 21); а ихъ ѳиміамъ—мерзостію. Онъ требуетъ, какъ я сказалъ, не даровъ какого-нибудь свойства, но добраго расположенія приносящихъ. *Новомѣсячій вашихъ и субботъ* (ст. 14). Нужно замѣтить, что Онъ не отвергаетъ ничего необходимаго, но — то, что̀ отмѣнилъ и Христосъ, пришедши на землю. Посему и Павелъ, выражая тоже еще сильнѣе, когда обличалъ іудеевъ, и изображая не только это, но и многое другое, сказалъ, что не имѣющіе ничего добраго внутри себя не получаютъ отъ узаконенныхъ обрядовъ никакой пользы. *Се ты*, говоритъ онъ, *Іудей именуешися, и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ, и разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая, научаемь отъ закона*. И еще: *обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши: аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть* (Рим. 2, 17. 18. 25). Тѣ, говоритъ, которымъ былъ ввѣренъ законъ, не получали никакой пользы отъ того, что имъ былъ ввѣренъ законъ; потому что они не вѣровали. Тоже выражаетъ и Давидъ другимъ образомъ, когда говоритъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя* (Псал. 49, 16)? Такъ какъ они часто превозносились слышаніемъ закона, не имѣя добрыхъ дѣлъ, то Павелъ, обли-

чая ихъ за такое тщеславіе, говоритъ: *научая убо инаго, себе ли не учиши? Проповѣдая не красти, крадеши* (Рим. 2, 21. 22). Подобнымъ образомъ и Давидъ говоритъ: *аще видѣлъ еси татя, теклъ еси съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ участіе твое полагалъ еси* (Псал. 49, 18). *И дне великаго не потерплю.* Говоритъ о пятдесятницѣ, праздникѣ кущей, пасхѣ и прочихъ праздникахъ. *Поста, и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя.* Говоритъ имъ человѣкообразно. *Бысте Ми въ сытость*; въ пресыщеніе, въ отвращеніе. Подлинно, это служитъ доказательствомъ неизреченнаго человѣколюбія Его, что Онъ часто согрѣшавшихъ терпѣлъ и не прежде наказывалъ, какъ сами грѣшники крайностію нечестія вызывали Его на это. *Ктому не стерплю грѣховъ вашихъ*; болѣе уже не буду терпѣть. Это подобно сказанному Давидомъ: *сія сотворилъ еси, и умолчахъ* (Пс. 49, 21). *Егда простреше руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ* (ст. 15). Отсюда видно, что отъ молитвы, даже продолжительной, не бываетъ никакой пользы, если молящійся остается во грѣхахъ. Нѣтъ ничего равнаго добродѣтели и моленію посредствомъ дѣлъ. *Руки бо ваша исполнены крове*; т. е. убійственны; но не сказалъ: убійственны, а: *исполнены крове*, выражая, что они дѣлали грѣхъ занятіемъ, и всегда усиленнымъ занятіемъ.

6. И это дѣло благости Божіей, что, угрожая

Онъ оправдывается, приводитъ причины, почему Онъ не принимаетъ ихъ молитвы. *Измыйтеся, чисти будите* (ст. 16). Почему же Онъ, сказавъ: *ктому не стерплю грѣховъ вашихъ*, даетъ совѣтъ, и показавъ, что они больны неизцѣльно, говоритъ объ исправленіи? Богъ обыкновенно такъ поступаетъ: и угрожаетъ лишеніемъ спасенія, чтобы усилить страхъ, и не останавливается на этомъ, чтобы подать добрыя надежды, и такимъ образомъ привести къ раскаянію. Это можно видѣть вездѣ. Такъ Онъ поступилъ съ ниневитянами не словами, а дѣлами. Не обѣщавъ имъ ничего добраго на словахъ, но представивъ въ угрозѣ одно только наказаніе, Онъ прекратилъ свой гнѣвъ, какъ скоро всѣ эти иноплеменники показали должное съ своей стороны. Такъ и Давидъ говоритъ опять въ псалмѣ; я сказалъ уже, что этотъ псаломъ совершенно сходенъ съ началомъ (книги Исаіи). Какъ Исаія послѣ угрозъ говоритъ: *измыйтеся, чисти будите*, такъ и Давидъ послѣ словъ: *обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя*, прибавляетъ: *жертва хвалы прославитъ Мя, и тамо путь, имже явлю ему спасеніе мое* (Псал. 49, 21. 23), называя *хвалою* славословіе посредствомъ дѣлъ и исповѣданіе Его. А дабы они, слыша слова: *измыйтеся, чисти будите*, не разумѣли обыкновенныхъ очищеній, Пророкъ продолжаетъ: *отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима, престаните отъ лукавствъ вашихъ*. Показываетъ лег-

кость добродѣтели и свободу воли, такъ какъ отъ нихъ самихъ зависѣло — исправиться. *Научитеся добро творити* (ст. 17). Нечестіе ихъ было такъ велико, что они даже потеряли познаніе о добродѣтели. Такъ и пророкъ Давидъ говоритъ: *пріидите, чада, послушайте мене: страху Господню научу васъ* (Псал. 33, 12). Это знаніе выше всѣхъ знаній и достойно тѣмъ бо́льшаго старанія, чѣмъ больше встрѣчаетъ препятствій, отъ насильственнаго влеченія природы, отъ лѣности воли, отъ козней бѣсовъ, отъ множества дѣлъ. Такъ и Варухъ говоритъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему: изобрѣте всякъ путь хитрости* (Вар. 3, 36. 37). *Взыщите суда;* т. е. защищенія обижаемыхъ, для чего нужно много трудовъ и бодрости души; посему и сказалъ: *взыщите*. Ибо многое помрачаетъ правду, и подарки, и невѣдѣніе, и властолюбіе, и стыдъ, и страхъ, и лицепріятіе; потому и нужна великая бдительность. *Избавите обидимаго*. Это важнѣе предъидущаго; здѣсь требуется не только правое сужденіе, но и приведеніе дѣла къ окончанію. *Судите сиру и оправдите вдовицу*. Богъ много печется, чтобы никто не терпѣлъ зла, а еще больше, когда кто, подвергаясь злу, терпитъ притомъ еще другое несчастіе. Вдовство и сиротство невыносимы и сами по себѣ; но если притомъ еще другіе обижаютъ этихъ несчастныхъ, то — двойное кораблекрушеніе. *И пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь* (ст. 18). Надобно замѣтить, что вездѣ у проро-

ковъ ничего Богъ такъ не требуетъ, какъ защиты обижаемыхъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ, говоря отъ лица іудеевъ: *дамъ ли первенцы моя о нечестіи моемъ, плодъ утробы моея за грѣхи души моея*, Онъ присовокупляетъ: *возвѣщу тебѣ, человѣче, что добро, или чесого Господь ищетъ отъ тебе, развѣ еже творити судъ, и любити милость, и готову быти еже ходити съ Господемъ Богомъ твоимъ* (Мих. 6, 7. 8). Также и пророкъ Давидъ говоритъ: *милость и судъ воспою Тебѣ, Господи* (Псал. 101, 1). *И пріидите.* Онъ напередъ представилъ оправданія, потомъ и призываетъ на судъ; напередъ научилъ, какъ они могли бы избавиться отъ обвиненій, потомъ и требуетъ отчета, чтобы не осудить ихъ безъ оправданія. *И истяжимся*, говоритъ, будемъ судиться. Судясь, Онъ бываетъ и защитникомъ и врачемъ. Далѣе, желая показать, что мы, хотя бы сдѣлали великія дѣла, имѣемъ и тогда нужду въ Его человѣколюбіи для избавленія отъ грѣховъ, говоритъ: *и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю;* беретъ совершенно противоположныя свойства и обѣщаетъ измѣнить одно изъ нихъ на противоположное. *Аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю.* Велика сила покровительства вдовицамъ, если оно душу, такъ оскверненную, что она какбы покрыта краскою нечестія, не только освобождаетъ отъ зла, но и дѣлаетъ столь свѣтлою. *И аще хощете и послушаете Мене,*

благая земли снѣсте: аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечь вы поястъ: уста бо Господня глаголаша сія (ст. 19. 20). Такъ какъ для людей болѣе грубыхъ вожделѣнно и пріятно не столько избавленіе отъ грѣховъ, сколько наслажденіе благами, почитаемыми въ настоящей жизни, то Онъ обѣщаетъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и эти блага; потому что и послѣднее зависитъ отъ перваго.

7. Притомъ онъ показываетъ легкость добродѣтели, утверждая, что она зависитъ только отъ хотѣнія; а дабы обѣщаніемъ благъ не подать имъ повода къ безпечности, опять оканчиваетъ рѣчь страшною угрозою и убѣждаетъ въ несомнѣнности ея силою Изрекшаго это. *Како бысть блудница градъ вѣрный Сіонъ* (ст. 21)? Этотъ вопросъ означаетъ и скорбь говорящаго, и великую безчувственность іудеевъ, и неожиданность событія. Такъ и Павелъ съ недоумѣніемъ говоритъ о галатахъ: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся* (Гал. 1, 6). Это—видъ обличенія и внушенія, призывающаго къ добродѣтели. Выраженное удивленіе и прибавленіе похвалъ къ обличенію дѣлаетъ обличеніе болѣе тяжкимъ; ибо мы не столько порицаемъ тѣхъ, которые не отличаются ничѣмъ и ведутъ низкую жизнь, сколько тѣхъ, которые прежде казались ревностными въ добродѣтели, а потомъ предались порокамъ. Называя его здѣсь *блудницею,* Пророкъ разумѣетъ не развратъ тѣлесный, но неблагодарность къ Богу, которая хуже блуда. Тамъ унижается человѣкъ; а здѣсь

презирается Богъ. Такое названіе употребляютъ какъ онъ, такъ и всѣ другіе пророки; потому что Богъ благоволилъ почитаться для этого города какбы мужемъ, выражая неизреченную любовь къ нему; посему пророки часто и говорятъ о нихъ, какбы о мужѣ и женѣ, не для того, чтобы унизить рѣчь до грубыхъ дѣлъ человѣческихъ, но чтобы сравненіемъ съ предметами обыкновенными руководить слушателей къ познанію любви Божіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тронуть ихъ позорнымъ названіемъ. *Вѣрный*, т. е. благочестивый, исполненный всякой добродѣтели; и отсюда видно, что подъ блудомъ онъ разумѣетъ не тѣлесный развратъ; ибо иначе онъ сказалъ бы: *градъ цѣломудренный*, въ противоположность *блудницѣ;* а теперь, желая показать, что подъ блудомъ онъ разумѣетъ нечестіе, въ противоположность ему приводитъ *вѣру*. *Полнъ суда*, т. е. исполненный правды. Опять величайшее обличеніе: они не только всецѣло предавались нечестію, но и всецѣло оставили добродѣтель, вдругъ отвергнувъ все богатство благъ и ниспадши въ крайнюю бездну золъ. *Въ немже правда почиваше;* обитала, говоритъ, была поселена, насаждена, укоренена, усердно исполняема всѣми гражданами. Онъ продолжаетъ прежнія похвалы съ одной стороны для того, чтобы усилить обличеніе за перемѣну нравовъ, а съ другой подать добрыя надежды и показать, что имъ легко опять исправиться. *Нынѣ же въ немъ убійцы*, т. е. человѣкоубійцы. *Сребро ваше неиску-*

шено (ст. 22), т. е. подделанное, нецельное, нечистое. ***Корчемницы твои мешают вино съ водою.*** Такъ какъ въ началѣ онъ не изобразилъ ихъ нечестія въ частныхъ видахъ, но сказалъ только, что они согрѣшили, стали сѣменемъ злымъ и сынами беззаконными, что́ могло показаться болѣе порицаніемъ, нежели обвиненіемъ; то здѣсь онъ исчисляетъ самыя вины ихъ въ частныхъ видахъ, и прежде всего указываетъ на то́, что́ составляетъ первое, среднее и послѣднее изъ золъ,—сребролюбіе и корыстолюбіе въ торговлѣ. Впрочемъ нѣкоторые, не разумѣя неизреченной премудрости Божіей, принимаютъ эти слова въ переносномъ смыслѣ. Великій и возвышенный Исаія, говорятъ они, не сталъ бы говорить о плутовствѣ мѣнялъ и обманахъ барышниковъ, но *сребро* здѣсь означаетъ изреченія Божіи и *вино*—ученіе, которое они искажали прибавленіемъ собственныхъ мнѣній. Я не порицаю и этого объясненія, но говорю, что другое болѣе справедливо. Говорить о такихъ предметахъ не только не недостойно Пророка, но даже весьма достойно и его и человѣколюбія Божія. И для чего много распространяться объ этомъ? Когда единородный Сынъ Божій пришелъ на землю, принесши съ Собою высокое ученіе и желая насадить ангельскую жизнь, тогда и Онъ немало говорилъ о мѣрахъ и такихъ предметахъ, которые кажутся еще маловажнѣе этого,—о привѣтствіяхъ, о сидѣніи посреди другихъ, о возлежаніи на первомъ мѣстѣ. Эти, по видимому маловажныя дѣла, ког-

да пренебрегають ими, дѣлаются великими поводами ко грѣхамъ. Если же должно исполнять это въ новомъ Завѣтѣ, то тѣмъ болѣе должно было въ ветхомъ, когда и слушатели были болѣе грубы, и вся жизнь ихъ отличалась этимъ, когда народъ такимъ образомъ особенно научался удаляться отъ всякой несправедливости, ни въ чемъ не обижать ближнихъ и не увеличивать бѣдности нуждающихся плутовствомъ въ торговлѣ.

8. Отъ пренебреженія этихъ предметовъ часто были разрушаемы города, владыки были низвергаемы съ престоловъ, происходила непримиримая война; и напротивъ при соблюденіи этого былъ великій миръ, благоденствіе и безопасность, руководствующая къ добродѣтели. *Князи твои не покаряются* (ст. 23). Это— знакъ величайшей болѣзни и развращенія, когда сами врачи усиливаютъ болѣзни. Начальники должны удерживать безпорядочныя дѣйствія народа, располагать его къ исполненію долга, дѣлать покорнымъ закону; если же они сами первые нарушаютъ законы, то какъ они могутъ быть учителями другихъ? Выраженіе: *не покаряются*, значитъ: не повинуются закону, не соблюдаютъ заповѣдей; какъ и Павелъ обличая говоритъ: *научая убо иного, себе ли не учиши* (Рим. 2, 21)? Когда испорченъ корень, тогда чего добраго можно ожидать отъ вѣтвей? *Общницы татемъ*. Еще важнѣе вина, когда они не только не прекращаютъ преступленій, но стараются дѣлать противное, не только не

преслѣдуютъ воровъ, но и содѣйствуютъ имъ, дѣлая зло, совершенно противоположное долгу начальника. *Любяще дары.* Другой немаловажный видъ сребролюбія, который имѣетъ благовидное основаніе, но подъ предлогомъ благосклонности означаетъ крайнее корыстолюбіе. *Гоняще воздаяніе;* злопамятны въ отношеніи къ своимъ врагамъ, мстительны въ отношеніи къ оскорбившимъ ихъ, что́ составляетъ величайшій видъ злобы. Посему не только въ новомъ, но и въ ветхомъ Завѣтѣ онъ осуждается съ великою силою. *И злобы*, говоритъ Пророкъ, *кійждо брата своего да не помнитъ въ сердцахъ своихъ* (Зах. 7, 10). Отъ этого зла долженъ быть чистымъ и народъ, а тѣмъ болѣе начальникъ, который въ составленіи приговора подсудимымъ долженъ быть свободенъ отъ вражды, чтобы пристань не сдѣлалась для нихъ подводнымъ камнемъ. *Сирымъ не судящіи*, т. е. не покровительствующіе, такъ чтобы они получили справедливое. *И суду вдовицъ не внимающіи.* Надобно замѣтить, что не только дѣлать зло, но и не дѣлать добра, считается порокомъ. Такъ и въ новомъ Завѣтѣ, не напитавшіе алчущаго, не за то, что они похищали чужое, но за то, что не раздавали своего нуждающимся, осуждаются въ огонь геенскій. Подобнымъ образомъ и эти здѣсь осуждаются не за то, что предаются корыстолюбію и злоупотребляютъ властію, но и за то, что не подаютъ помощи нуждающимся. *Сего ради тако гла-*

голетъ Владыка Господь Саваоѳъ, властитель Израиля (ὁ δυνάστης τοῦ Ἰσραήλ), т. е. народа (1). Не напрасно Пророкъ прибавилъ: *властитель*, но желая напомнить іудеямъ о благодѣяніяхъ, полученныхъ ими сверхъ чаянія, и тяжкихъ наказаніяхъ, которыя они потерпѣли. Такъ какъ они, согрѣшая много и часто и пользуясь великимъ долготерпѣніемъ Божіимъ, предавались безпечности, то онъ хочетъ показать, что Богъ можетъ наказать, когда захочетъ, и не имѣетъ нужды ни въ обстоятельствахъ, ни во времени, но все у Него близко и готово. *Горе крѣпкимъ во Израили: не престанетъ бо ярость моя на противныя.* Что можетъ быть несчастнѣе тѣхъ, которые имѣютъ врагомъ своимъ Бога? *Не престанетъ*, говоритъ Онъ не для того, чтобы привести ихъ въ отчаяніе, но чтобы, усиливъ страхъ, призвать къ покаянію. Страшнѣе этихъ словъ: *не престанетъ ярость*, слѣдующія слова: *на противныя моя.* Ничто такъ не прогнѣвляетъ Бога, какъ несправедливость къ бѣднымъ. *Горе крѣпкимъ*, говоритъ Онъ, осуждая не просто силу, но силу, употребляемую во зло; а подъ силою разумѣетъ здѣсь не крѣпость тѣлесную, но власть въ дѣлахъ. *И судъ врагомъ моимъ сотворю;* накажу враговъ моихъ. Врагами своими Онъ называетъ враговъ бѣднымъ,—тѣхъ, которые обижаютъ бѣдныхъ; и говоритъ это для того, чтобы показать тебѣ

---

(1) Въ славянскомъ нѣтъ словъ: *властитель Израиля.*

важность несправедливости. *И наведу руку мою на тя, и разжегу въ чистоту* (ст. 25). Дабы ты уразумѣлъ, каковъ гнѣвъ Божій и наказаніе, т. е. что Онъ посылаетъ ихъ не для зла и не только для отмщенія, но и для того, чтобы сами наказываемые сдѣлались лучшими, говоритъ: *и разжегу тя въ чистоту*. Посему не тогда нужно скорбѣть, когда мы наказываемся, но когда грѣшимъ; послѣднее производитъ нечистоту, а первое—чистоту. Что же значитъ: *въ чистоту?* Такъ, чтобы не осталось въ тебѣ и слѣда нечистоты. Что для золота огонь, тоже для безпечныхъ наказаніе. *Непокаряющихся же погублю, и отъиму всѣхъ беззаконныхъ отъ тебе, и всѣхъ гордыхъ смирю*. Тѣ, говоритъ, которые больны неизцѣльно и не укрощаются даже наказаніями, погибнутъ. Какая польза отъ ихъ жизни, если они при жизни вредятъ и себѣ и другимъ? А тѣ, которые отъ ихъ наказанія могутъ исправиться, останутся. Здѣсь, мнѣ кажется, онъ намекаетъ и на плѣнъ. *И приставлю судіи твои, якоже прежде, и совѣтники твоя, яко отъ начала* (ст. 26).

9. Здѣсь онъ говоритъ о возвращеніи изъ плѣна. Послѣ истребленія неизцѣльно больныхъ, послѣ исправленія способныхъ къ раскаянію, онъ благовременно прилагаетъ и остальной видъ врачеванія—предстоятельство хорошихъ начальниковъ и общество добрыхъ совѣтниковъ, чтобы, при уврачеваніи тѣла лекарствами и при отличныхъ врачахъ, части города пришли въ преж-

нее благосостоянiе во всѣхъ отношенiяхъ. Подлинно, немаловажный видъ благодѣянiя—получить добрыхъ начальниковъ. *И по сихъ наречешися градъ правды, мати градовомъ, вѣрный Сiонъ.* Но мы не находимъ, гдѣ приписывалось бы такое названiе городу Iерусалиму. Чтоже можно сказать на это? То, что онъ говоритъ здѣсь о названiи, выраженномъ дѣлами. Это не мало поможетъ намъ, когда iудеи потребуютъ отъ насъ объясненiя имени Еммануила. Если Исаiя сказалъ, что Христосъ будетъ названъ такимъ именемъ, а между тѣмъ Онъ нигдѣ такъ не названъ, то мы можемъ сказать имъ, что Пророкъ назвалъ Его по значенiю дѣлъ Его. Такъ точно и здѣсь. *Съ судомъ бо спасется плѣненiе его и съ милостынею* (ст. 27). *Съ судомъ*, т. е. съ отмщенiемъ, съ наказанiемъ и мученiемъ враговъ. *Съ милостынею*, т. е. съ великимъ человѣколюбiемъ. Здѣсь Онъ обѣщаетъ имъ два величайшихъ дара: наказать отведшихъ ихъ въ плѣнъ и доставить имъ самимъ великое благоденствiе; каждый изъ этихъ даровъ самъ по себѣ можетъ доставить величайшее удовольствiе, а когда они стекутся оба вмѣстѣ, то произойдетъ неизреченная радость. Съ другой стороны желая показать, что и послѣ продолжительнаго плѣна они будутъ возвращены въ отечество не за то, что понесли достойное наказанiе и очистились отъ грѣховъ, но по человѣколюбiю Божiю, онъ прибавляетъ: *и съ милостынею. И сокру-*

шатся беззаконніи и грѣшницы вкупѣ (ст. 28). Это—третій видъ благодѣянія, состоящій въ томъ, что не будетъ ни одного соблазнителя и обольстителя, но будутъ совершенно истреблены учители нечестія. *И оставившіи Господа скончаются;* а нечестивые, говоритъ, погибнутъ. *Занеже постыдятся о идолѣхъ своихъ, ихже сами восхотѣша* (ст. 29). Нѣкоторые стараются приложить эти слова къ настоящему времени; но мы, не споря съ ними, будемъ объяснять по порядку. Вотъ что, говоритъ онъ, случится при нашествіи непріятелей. Когда иноплеменники вторгнутся въ страну, осадятъ городъ, будутъ держать всѣхъ какбы въ сѣтяхъ, и не будетъ никого, кто бы отмстилъ имъ и разсѣялъ облако, потому что Богъ оставилъ эту страну; тогда конечно самымъ дѣломъ обнаружится великій стыдъ почитателей идоловъ. *Ихже восхотѣша*, говоритъ, т. е. о которыхъ тщательно заботились; посрамятся истуканами своими, которыхъ сами сдѣлали. Въ видѣ разсказа онъ предлагаетъ обличеніе. Подлинно, еще прежде нанесенія имъ ранъ, самый способъ дѣланія идоловъ достаточенъ былъ для того, чтобы пристыдить ихъ. Ибо, что̀ можетъ быть постыднѣе, какъ дѣлать для себя какого-нибудь бога? *И посрамятся о садѣхъ своихъ, ихже возжелѣша.* Они не только покланялись истуканамъ, но служили и деревамъ въ рощахъ. *Будутъ бо яко теревинѳъ отметнувшій листвія своя* (ст. 30); т. е. или идо-

лы, или сами жители города. А это дерево онъ привелъ въ примѣръ какъ потому, что оно особенно растетъ въ тамошней странѣ и находится у нихъ въ обиліи, такъ и потому, что оно сильно и густо цвѣтетъ, когда распускается, и бываетъ крайне безобразно, когда теряетъ листья. *И яко вертоградъ не имый воды.* Другое сравненіе, болѣе ясное, нежели первое, и удостовѣряющее въ истинѣ сказаннаго въ первомъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего пріятнѣе цвѣтущаго сада, и нѣтъ ничего непріятнѣе сада опустошеннаго. То и другое случилось и съ этою столицею. Она была всегда прекрасна и блистательна, отличаясь безчисленными красотами, и стала хуже и отвратительнѣе всѣхъ, потерявъ вдругъ такое богатство благолѣпія. *И будетъ крѣпость ихъ яко стебль изгребія* (ст. 31). Прежнія сравненія показывали безобразіе, а это—слабость; всѣ они весьма понятны, заключаютъ въ себѣ весьма ясный и выразительный смыслъ. *Яко стебль изгребія*, т. е. слабы. *И дѣланія ихъ яко искры огненныя.* Здѣсь онъ показываетъ, что зло — внутри ихъ, что они сами приготовили себѣ плѣнъ и воспламенили пещь. Какъ упавшія искры производятъ огонь, такъ совокупные грѣхи ихъ воспламенили гнѣвъ Божій. *И сожгутся беззаконницы и грѣшницы вкупѣ, и не будетъ угашаяй.* Опять Онъ угрожаетъ имъ лишеніемъ спасенія по той же самой причинѣ, не для того, чтобы они отчаявались, но чтобы, возбудивъ въ себѣ живой

страхъ, оставили свою великую безпечность; притомъ указываетъ здѣсь и на нѣчто другое, на непреодолимую свою силу, на то, что когда Онъ наказываетъ и отмщаетъ, тогда никто не можетъ противостать и прекратить бѣдствія.

ТОЛКОВАНІЕ НА 2 ГЛАВУ КНИГИ

ПРОРОКА ИСАІИ.

Слово бывшее (отъ Господа) ко Исаіи, сыну Амосову (Иса. 2, 1).

1. Отсюда видно, что пророки изрекали не всѣ пророчества вдругъ, но, получая вдохновеніе въ различныя времена, возвѣщали ихъ по частямъ, которыя впослѣдствіи, бывъ собраны вмѣстѣ, составили цѣлую книгу. Посему и здѣсь такъ начинается пророчество. И не отсюда только это дѣлается яснымъ и понятнымъ для насъ, но и изъ дальнѣйшихъ словъ, гдѣ Пророкъ означаетъ и время пророчества, то прибавляя: *въ лѣто, въ неже вниде Танаѳанъ во Азотъ,*— то замѣчая: *и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Иса. 20, 1. 6, 1). Пророчества собраны вмѣстѣ не такъ, какъ посланія Павла и Евангелія, но, какъ я сказалъ, въ различныя времена. Посему и настоящее *слово* онъ начинаетъ особымъ предисловіемъ, и не поэтому только, но и по само-

му предмету, о которомъ онъ намѣревается говорить и который весьма отличенъ отъ предъидущаго и гораздо возвышеннѣе его. Ибо здѣсь онъ говоритъ намъ о призваніи язычниковъ, объ открытіи проповѣди, о распространеніи вѣдѣнія по всей вселенной, о водвореніи мира на землѣ. Если же онъ, намѣреваясь говорить о такихъ истинахъ,упоминаетъ объ Іудеѣ и Іерусалимѣ,—это нисколько не странно. Рѣчь его была пророчествомъ, прикрытымъ до времени приведенными именами. Такъ и Давидъ, приступая къ составленію 71-го псалма, надписалъ его *о Соломонѣ*, но далѣе изрекъ видѣнія, которыя гораздо важнѣе достоинства Соломона и даже природы всѣхъ людей. Ибо слова: *прежде солнца пребываетъ имя Его и прежде луны престолъ Его* (Пс. 71, 17. 5), и тому подобныя, конечно, никто изъ людей самыхъ безумныхъ не станетъ относить къ природѣ человѣческой. Также поступилъ и Іаковъ, когда предсказывалъ тоже, о чемъ теперь намѣревается говорить Исаія, и даже больше этого: ибо онъ, вмѣстѣ съ призваніемъ язычниковъ, предсказалъ и о смерти (Христовой), и о воскресеніи, и о времени, въ которое имѣлъ придти (Христосъ). И онъ изложилъ все это не открыто, но названіемъ сына прикрывъ то, о чемъ намѣревался сказать; такъ напр. онъ предсказывалъ, по видимому, о томъ, что случится съ Іудою, но, какъ свидѣтельствуютъ послѣдующія событія, предсказалъ и о томъ, что имѣлъ совершить Христосъ. Ибо Іуда не былъ *чаяні-*

емъ языковъ, и не тогда колѣно его прославилось, когда *оскудѣло* царство его; но все это произошло, когда пришелъ Христосъ. Если же іудеи безстыдно будутъ отвергать этотъ законъ пророчествъ, то изъ самыхъ изреченій пророческихъ весьма легко можно обличить ихъ, если кто, тщательно раскрывъ пророчества и съ надлежащимъ вниманіемъ изслѣдовавъ каждое слово, приложитъ сказанное къ событіямъ. А чтобы сильнѣе заградить уста ихъ, я постараюсь объяснить это пророчествами не о Христѣ, но объ ихъ патріархахъ, и покажу, что многія пророчества, хотя были изречены о родоначальникахъ, но исполнились на ихъ потомкахъ. Я изложу, *для* примѣра, одно или два событія, и потомъ обращусь къ своему предмету. Такъ, когда Іаковъ, призвавъ Симеона и Левія, предсказывалъ имѣвшее случиться съ ними, то сказалъ: *Симеонъ и Левій братія*, и укоривъ ихъ за преступленіе и несправедливое избіеніе сихемлянъ, продолжалъ: *раздѣлю ихъ во Іаковѣ и разсѣю ихъ во Израили* (Быт. 49, 5—7). Но всякій можетъ видѣть, что это сбылось не на Симеонѣ и Левіи, а на потомкахъ ихъ. Колѣно Левіино дѣйствительно было разсѣяно; десятая часть его принадлежала каждому изъ прочихъ колѣнъ; и колѣно Симеоново имѣло почти такую же участь, бывъ разсѣяно по жребію между всѣми прочими колѣнами, и не получило, какъ всѣ другія, совокупнаго и особаго наслѣдства (Іис. Нав. 21, 4). И самъ Іаковъ, получивъ благословенія отъ отца, не пользо-

вался ни однимъ изъ нихъ. Отецъ предсказалъ ему великое благоденствіе и постоянное господство надъ Исавомъ; но онъ имѣлъ недостатокъ въ необходимомъ, содержался скотоводствомъ и былъ такъ далекъ отъ господства надъ братомъ, что опасался даже за свою жизнь, и встрѣтившись съ нимъ только однажды съ великимъ страхомъ, былъ радъ, что могъ удалиться отъ него и спастись. Что же сказать на это? Неужели пророчество ложно? Нѣтъ; но пророчества обыкновенно бываютъ таковы, что имѣющее случиться съ одними лицами предсказывается подъ другими, и одни имена употребляются вмѣсто другихъ, какъ было и съ Ханааномъ. Ибо мы не видимъ, чтобы онъ былъ рабомъ у братьевъ, но и проклятіе, изреченное на него, не осталось безъ исполненія, а исполнилось на гаваонитянахъ, происшедшихъ отъ Ханаана. Сказанное въ видѣ проклятія было пророчествомъ.

2. Если же столь многіе и такіе примѣры показываютъ намъ, что многое изъ сказаннаго говорится объ однихъ, а сбывается на другихъ, и если пророки употребляютъ имена такимъ образомъ, то удивительно ли, что и теперь Пророкъ, приводя имена Іудеи и Іерусалима, предвозвѣщаетъ о Церкви? Такъ какъ онъ говорилъ къ людямъ неблагодарнымъ, которые убивали пророковъ, сожигали книги, разрушали жертвенники; то для нихъ справедливо покрывало лежало при чтеніи ветхаго Завѣта, по словамъ блаженнаго Павла (2 Кор. 3, 14). Иначе они

истребили бы и книги, если бы понимали силу пророчества о Христѣ. Если они не устыдились Его, когда Онъ самъ присутствовалъ, творилъ чудеса и представлялъ совершеннѣйшія доказательства своей силы, согласія и единомыслія съ Отцемъ, и не отстали дотолѣ, пока распяли Его; то едва ли они пощадили бы тѣхъ, которые говорили о Немъ, которыхъ они и безъ того часто побивали камнями. Посему пророки, употребляя собственныя и извѣстныя имъ имена, такимъ образомъ прикрывали пророчества. А что здѣсь говорится не объ Іудеѣ и Іерусалимѣ, это мы обстоятельно докажемъ, обративъ вниманіе на каждое слово. *Яко будетъ въ послѣдняя дни явлена гора Господня* (ст. 2). Замѣть точность Пророка: онъ не только возвѣщаетъ событія, но опредѣляетъ и время. Ибо что говоритъ Павелъ въ словахъ: *егда же пріиде кончина лѣта* (Гал. 4, 4), и въ другомъ мѣстѣ: *въ смотреніе исполненія временъ* (Еф. 1, 10), тоже и Пророкъ выражаетъ словами: *въ послѣдняя дни. Горою* же онъ называетъ Церковь и ея непобѣдимое ученіе. Какъ если бы безчисленныя войска нападали на горы, натягивая луки, бросая копья, подводя осадныя орудія, горамъ они не могли бы повредить, но сами отступили бы, потерявъ собственную силу; такъ и всѣ, нападавшіе на Церковь, ея не поколебали, а собственную силу потеряли и посрамились, при самомъ нанесеніи ударовъ оказываясь безсильными, при самомъ нападеніи впадая въ изнуреніе, при самомъ дѣйствіи ис-

пытывая пораженіе отъ страждущихъ; въ этомъ и состоитъ дивный способъ ея побѣды, возможный не для людей, а только для Бога. Подлинно, въ Церкви достойно удивленія не только то, что она побѣдила, но и то, что побѣдила такимъ образомъ. Бывъ гонима, преслѣдуема, терзаема безчисленными способами, она не только не уменьшалась, но и возрастала, и самое терпѣніе ея поражало старавшихся причинить ей эти страданія. Таковъ бываетъ адамантъ въ отношеніи къ желѣзу: тѣмъ самымъ, что получаетъ удары, онъ уничтожаетъ силу ударяющаго; таковъ и роженъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые идутъ противъ него: онъ нисколько не дѣлается отъ этого слабѣе, а идущіе противъ него окровавливаютъ свои ноги (Дѣян. 9, 5). Посему Пророкъ и назвалъ Церковь горою. Если же іудей не допускаетъ здѣсь переноснаго смысла, то пусть онъ обличится собственными словами Пророка. Самъ пророкъ сказалъ, что волки и агнцы будутъ пастись вмѣстѣ, что свиснетъ Богъ мухамъ и пчеламъ и наведетъ на іудеевъ рѣку сильную, потому что они не хотѣли имѣть воду силоамскую (Исаі. 11, 6. 7, 18. 8, 6). Если бы кто-нибудь сталъ принимать это буквально, то допустилъ бы много непонятнаго; но должно принимать означаемое этими выраженіями, и такимъ образомъ различать ходъ мыслей. Что же означается этими выраженіями? Названіями волковъ и агнцевъ означаются нравы людей—звѣрскіе и кроткіе; мухами—безстыдство египтянъ; рѣкою—стремительность непріятель-

скаго войска; Силоамомъ — кротость и доброта начальствовавшаго тогда царя іудейскаго. Никто изъ людей самыхъ безумныхъ, конечно, не будетъ противорѣчить намъ въ этомъ. Посему, какъ это Пророкъ означилъ другими названіями, такъ и твердость Церкви, ея непоколебимость, высоту, непобѣдимость, онъ выразилъ названіемъ горы. И другой Пророкъ сравниваетъ съ горою надѣющихся на Бога, означая ихъ непобѣдимость. *Явлена*. Это уже не требуетъ объясненія. Самыя событія по свойству своему громче трубы возвѣщаютъ славу Церкви. Подлинно, не такъ блистательно солнце и происходящій отъ него свѣтъ, какъ дѣла Церкви. *И домъ Божій на версѣ горъ.*

3. Какъ истолковалъ бы это іудей? Храмъ его никакъ не на верху горъ; а сила Церкви касается самыхъ небесъ. Какъ домъ, находящійся на вершинѣ горъ, бываетъ видимъ всѣми; такъ, и еще больше того, Церковь сдѣлалась славною у всѣхъ людей. *И возвысится превыше холмовъ.* Этимъ Пророкъ опять выражаетъ тоже самое, чего съ храмомъ никогда не бывало, даже и тогда, когда онъ, по видимому, былъ въ самомъ лучшемъ состояніи. Ибо какъ относить это къ храму, когда онъ и самими іудеями часто былъ непочитаемъ, и разрушаемъ руками иноплеменниковъ? А сила Церкви, хотя испытывала нападенія болѣе жестокія и болѣе частыя, нежели онъ, но никогда не была покоряема руками нападающихъ, а напротивъ особенно отъ враговъ дѣлалась еще болѣе высокою и славною. Тогда

были сонмы мучениковъ, тогда—лики исповѣдниковъ, тогда являлись души крѣпче желѣза и сіяли свѣтлѣе самыхъ звѣздъ; тѣла ихъ были разсѣкаемы, но душа не была побѣждаема, а побѣждала и увѣнчавалась. Кто видалъ, кто слыхалъ, чтобы убіеніе приносило вѣнецъ, чтобы закланіе доставляло побѣду, чтобы войско дѣлалось болѣе славнымъ тогда, когда больше являлось убиваемыхъ непріятелями? *И пріидутъ къ ней вси языцы.* Продолжая рѣчь, Пророкъ дѣлается болѣе яснымъ, говоритъ болѣе открыто, выражаетъ пророчество болѣе вразумительно, и сильнѣе заграждаетъ уста іудеевъ. Ибо, хотя бы они были весьма безстыдны, этого они никакъ не могутъ отнести къ своему храму. Язычникамъ было запрещено и тщательно возбранялось входитъ въ храмъ. Что я говорю: входить въ храмъ? И самимъ іудеямъ съ великими угрозами законъ запрещалъ имѣть общеніе съ язычниками и подвергалъ ихъ за это величайшему наказанію. Пророкъ Аггей все свое пророчество составилъ изъ того, что обличалъ, угрожалъ, требовалъ наказанія за такое непозволенное смѣшеніе посредствомъ брака. Но наше—не таково; Церковь, со всею щедростію раскрывая свои нѣдра, съ распростертыми объятіями ежедневно принимаетъ всѣ народы вселенной. Такое повелѣніе и первые учители догматовъ получили отъ Единороднаго, немедленно услышавъ отъ Него такія слова: *шедше научите вся языки* (Мат. 28, 19). Замѣть, какъ Пророкъ указываетъ не только на

призванiе язычниковъ, но и на усердное ихъ послушанiе. Онъ не сказалъ: *приведутся*, но: *прiидутъ*. Другой Пророкъ, выражая это яснѣе, сказалъ: *и не научитъ кiйждо ближняго своего и кiйждо брата своего*, *глаголя*: *познай Господа: яко вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ* (Iер. 31, 34). Для iудеевъ и тварь измѣняла свои свойства, и были постоянныя угрозы, и безпрестанныя наказанiя, и непрерывныя чудеса, и явленiя пророковъ, и страхъ законодателя, и угрожавшiя войны, и нападенiя иноплеменниковъ, и бѣдствiя, попускаемыя Богомъ, и наказанiя, ниспосылаемыя съ неба: но они оставались *жестоковыйными и необрѣзанными*, какъ говорилъ Стефанъ (Дѣян. 7, 51), упорными и непреклонными; а для язычниковъ достаточно было простаго слова и одного слышанiя, и всѣ они тотчасъ притекли. Посему и Давидъ, выражая это, сказалъ: *людiе*, *ихже невѣдѣхъ*, *работаша Ми*, и, удивляясь ихъ послушанiю, прибавилъ: *въ слухъ уха послушаша Мя* (Пс. 17, 44. 45). И Iаковъ, выражая тоже самое болѣе прикровенно, сказалъ: *привязуяй къ лозѣ жребя свое*, *и къ винничiю жребца осляте своего* (Быт. 49, 11). Между тѣмъ кто видалъ жеребенка, привязаннаго къ *винничiю*, стоящаго у винодрадника, и не повреждающаго плодовъ? Между безсловесными—никогда; а между людьми это совершилось съ великою точностiю. Iудеи, бывъ связаны безчисленными узами, *сокрушили иго*, *расторгли узы*, какъ говоритъ Пророкъ (Iер.

5, 5); а язычники, не бывъ принуждаемы никакою необходимостію, охотно послушались, какъ *жребя*, привязанное къ *винничію*, не нарушили ни одной изъ заповѣдей, но стояли, показывая великую покорность. *И пойдутъ языцы мнози, и рекутъ: пріидите, и взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля* (ст. 3). Посмотри, какъ они составляютъ лики и торжества, убѣждаютъ другъ друга, и всѣ дѣлаются учителями,—не одинъ, не два и не три, но многіе стекающіеся народы. Придутъ, говоритъ, *языцы мнози* и изъ различныхъ странъ; чего у іудеевъ никогда не было. Если нѣкоторые и приходили къ нимъ, то развѣ немногіе прозелиты, и притомъ съ великимъ трудомъ, и они никогда не назывались народами, но — пришельцами. *Се*, говоритъ Пророкъ, *пришельцы пріидутъ къ тебѣ* и будутъ твоими слугами (Иса. 54, 15). Если же Пророкъ продолжаетъ иносказательную рѣчь, называя Церковь горою и домомъ Бога Іаковля, то не удивляйся этому. Онъ, какъ я прежде сказалъ, то раскрываетъ, то закрываетъ пророчество; первое дѣлаетъ для того, чтобы людямъ болѣе разумнымъ дать способъ къ уразумѣнію сказаннаго; а второе—для того, чтобы удержать безпорядочное стремленіе неразумныхъ; и вездѣ онъ разнообразитъ свою рѣчь.

4. Если онъ сказалъ: *Бога Іаковля*, то не смущайся этимъ, возлюбленный. И единородный Сынъ Божій есть Богъ Іаковль. Онъ и далъ законъ, и совершалъ у нихъ всѣ чудеса. Это

ясно можно видѣть и изъ ветхаго Завѣта, если іудеи не приписываютъ никакой важности новому. Такъ Іеремія говоритъ: *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ* (Іер. 31, 31), выражая, что Сынъ Божій былъ законодателемъ обоихъ законовъ. А что Онъ и освободилъ евреевъ изъ Египта, объ этомъ Пророкъ прибавляетъ: *въ день, въ оньже емшу Ми за руку ихъ, извести я отъ земли Египетскія* (ст. 32). Если же Онъ вывелъ ихъ, то Онъ же совершилъ и всѣ чудеса въ Египтѣ и въ пустынѣ. *И возвѣститъ намъ путь свой, и пойдемъ по нему.* Видишь ли желаніе нѣкотораго другаго закона? *Путемъ* Писаніе обыкновенно называетъ заповѣди Божіи. Если бы онъ говорилъ о прежнемъ Завѣтѣ, то не сказалъ бы: *возвѣститъ намъ*; потому что тотъ Завѣтъ былъ ясенъ, понятенъ и извѣстенъ всѣмъ. А что мы говоримъ это безъ лжеумствованія, въ этомъ самыя слова Пророка могутъ убѣдить и крайне безстыдныхъ. Упомянувъ здѣсь только о пути, онъ объясняетъ, о какомъ онъ говоритъ пути, и излагаетъ много отличительныхъ его признаковъ. Посему продолжаетъ: *отъ Сіона бо изыдетъ законъ, и слово Господне изъ Іерусалима.* Противъ этаго и безстыднѣйшіе сыны іудейскіе не могутъ открыть рта. Ибо, что здѣсь говорится о новомъ Завѣтѣ, это можно видѣть и изъ мѣста, и изъ времени, и изъ того, кто принялъ законъ, и изъ самыхъ дѣйствій по принятіи закона, и

изъ всего вообще. И во-первыхъ, изъ мѣста: *отъ горы Сіона.* Законъ Моисеевъ данъ былъ предкамъ ихъ на горѣ Синаѣ. Какъ же здѣсь говорится: *отъ Сіона?* Не довольствуясь этимъ, онъ прибавилъ и время. Не сказалъ: *изыде законъ,* но: *изыдетъ,* что̀ относится къ будущему времени и къ предмету еще не бывшему. А законъ ветхій уже данъ былъ за много лѣтъ прежде того, когда Пророкъ говорилъ это; законъ же новаго Завѣта еще имѣлъ быть данъ спустя много лѣтъ. Посему онъ и не сказалъ: *изыде,* но: *изыдетъ,* т. е. впослѣдствіи времени. Потомъ онъ опять указываетъ на мѣсто и говоритъ: *и слово Господне изъ Іерусалима.* Здѣсь онъ съ точностію показываетъ намъ отличительный признакъ новаго Завѣта. Дѣйствительно, Христосъ преподавалъ высокія и достойныя небесъ заповѣди то сидя на горѣ, то находясь въ Іерусалимѣ. Сказавъ такимъ образомъ о мѣстѣ и времени, Пророкъ прибавляетъ и то, кто приметъ законъ, заграждая со всѣхъ сторонъ уста противорѣчущимъ. Кто же приметъ его? Народъ ли еврейскій и сыны іудейскіе? Нѣтъ, но происходящіе изъ язычниковъ. Посему и прибавляетъ: *и судити будетъ посредѣ языкъ* (ст. 4). Закону особенно свойственно-судить противящихся ему. А что здѣсь идетъ рѣчь не о ветхомъ Завѣтѣ, это ясно изъ самыхъ дѣйствій. Мы не соблюдаемъ субботы, не принимаемъ ни обрѣзанія, ни праздниковъ ихъ и ничего другаго изъ ветхаго; потому что мы слышали Павла, который говоритъ: *яко аще обрѣ-*

заетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ (Гал. 5, 2); и еще: *дни смотряете, и мѣсяцы, и времена, и лѣта: боюся о васъ, еда како всуе трудихся въ васъ* (Гал. 4, 10. 11). Отсюда очевидно, что о новомъ Завѣтѣ говорится въ словахъ: *и судити будетъ посредѣ языкъ*, какъ и Павелъ говоритъ: *въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ* (Рим. 2, 16). Какъ, скажи мнѣ, будетъ судить? По ветхому Завѣту? Нѣтъ, но: *по благовѣстію моему*. Видишь ли: хотя слова различны, но мысли согласны? Исаія говоритъ: *судити будетъ посредѣ языкъ*. И Павелъ говоритъ: *будетъ судить по благовѣстію моему* (Рим. 2, 16). *И изобличитъ люди многи;* т. е. противящихся и преступающихъ. Это и Христосъ объясняя говорилъ: *не Азъ сужду вамъ, но слово, еже глаголахъ, то судитъ вамъ* (Іоанн. 12, 47. 48). *И раскуютъ мечи своя на орала, и копія своя на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ ктому ратоватися.* Пророкъ не довольствуется прежними признаками;—велико богатство истины;—но прибавляетъ еще признакъ новаго Завѣта, сіяющій по всей вселенной. Какой же именно? Миръ и прекращеніе войнъ. Когда это будетъ, говоритъ, тогда водворится такое спокойствіе во вселенной, что самыя воинскія оружія будутъ перекованы на земледѣльческія орудія. А этого, какъ всякій можетъ видѣть, не было во времена іудеевъ, но было все напротивъ. Ибо во все продолженіе своего царства они не переставали вое-

вать и подвергаться нападеніямъ враговъ, которые то продолжительное, то краткое время воевали съ ними. Жители самой Палестины часто поставляли ихъ въ затруднительныя обстоятельства, такъ что они подвергались крайней опасности.

5. Это ясно показываетъ исторія Царствъ, вся составленная изъ войнъ; показываютъ и всѣ пророки, возвѣщавшіе эти событія и предсказывавшіе о нихъ прежде, нежели они случились. Съ того самаго, можно сказать, дня, въ который евреи освобождены были отъ египетскаго рабства, они проводили все время въ войнахъ. А теперь не такъ, но великій миръ во вселенной. Если же и бываютъ войны, то не такъ, какъ прежде. Тогда вооружались города противъ городовъ, страны противъ странъ, народы противъ народовъ, и одинъ народъ раздѣлялся на многія части. Кто прочитаетъ книгу Іисуса Навина и Судей, тотъ увидитъ, сколько войнъ испытала тогда Палестина въ короткое время. И не только это было тяжело, но и то, что законъ повелѣвалъ всѣмъ браться за оружіе и никто не былъ свободенъ отъ такой службы. Этотъ законъ имѣлъ силу не только у іудеевъ, но и по всей вселенной, такъ что и ораторы и философы, неимѣвшіе ничего, кромѣ плаща, по призыву къ войнѣ, брали щиты и становились въ воинскій строй. Такъ Сократъ, сынъ Софрониска, весьма славившійся между аѳинянами своимъ спокойствіемъ и любомудріемъ, разъ или два стоялъ въ строю; и глава ихъ ораторовъ, Димосѳенъ,

часто съ каѳедры выходилъ на войну. Если же ораторовъ и философовъ законъ не освобождалъ отъ войны; то еще менѣе кто-нибудь другой изъ народа освобождался отъ такой обязанности. Но теперь нельзя видѣть ничего подобнаго. Возсіяло Солнце правды, и—города, народы и всѣ племена стали столь далеки отъ жизни въ такихъ опасностяхъ, что даже не умѣютъ взяться за что-нибудь воинское, но, сидя внутри стѣнъ и городовъ, издали узнаютъ о дѣлахъ воинскихъ, и весь народъ живетъ на свободѣ и безъ обязанности къ такой непріятнѣйшей службѣ. Если же и теперь бываютъ войны, то гдѣ-нибудь далеко, на крайнихъ предѣлахъ Римскаго государства, а не по городамъ и селеніямъ, какъ было прежде. Тогда и въ одномъ народѣ, какъ я сказалъ, часто происходили безчисленныя возмущенія и многоразличныя войны; а нынѣ гдѣ только свѣтитъ солнце, вся земля отъ Тигра до Британскихъ острововъ, и Ливія, и Египетъ, и Палестина, или лучше сказать, всѣ страны, подвластныя римлянамъ, находятся въ мирѣ; вы знаете, какимъ совершеннымъ спокойствіемъ наслаждаются эти города, узнающіе о войнахъ только по слуху. Христосъ могъ бы уничтожить и остатки войнъ, но Онъ попускаетъ быть набѣгамъ варваровъ для нѣкотораго вразумленія людей безпечныхъ, дѣлающихся во время мира болѣе нерадивыми. И Пророкъ для способныхъ правильно понимать выразилъ тоже самое, что я сказалъ, т. е. что уже болѣе не будетъ безпрестанныхъ возмущеній. Онъ не сказалъ, что со-

вершенно не будетъ войны, но что? *Не возметъ языкъ на языкъ меча,* и о спокойствіи народовъ прибавилъ: *не навыкнутъ ктому ратоватися,* кромѣ немногихъ, назначенныхъ для того, воиновъ. *И нынѣ, доме Іаковль, пріидите пойдемъ свѣтомъ Господнимъ: остави бо люди своя домъ Іаковль* (ст. 5, 6). Окончивъ пророчество о Церкви, Пророкъ переходитъ опять къ историческимъ событіямъ, какбы продолжая ходъ рѣчи. Такъ обыкновенно поступаютъ пророки: не только неясностію сказаннаго, но и видомъ послѣдовательности они прикрываютъ пророчество. Посему онъ и не оканчиваетъ рѣчи совершенно, но, какбы простирая одну какую-нибудь цѣпь, опять переходитъ къ вразумленію іудеевъ и говоритъ: *и нынѣ, доме Іаковль, пріидите, пойдемъ свѣтомъ Господнимъ,* т. е. по заповѣдямъ Его, по закону Его. *Зане свѣтильникъ,* говоритъ Премудрый, *заповѣдь закона, и свѣтъ, и путь жизни, и обличеніе, и наказаніе* (Прит. 6, 23). Также Давидъ говоритъ: *заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (Пс. 18, 9); и еще: *свѣтильникъ ногама моима законъ твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. 118, 105). И вездѣ, какъ всякой можетъ видѣть, законъ такъ называется. Такъ и Павелъ говоритъ: *уповая же себе вожда быти слѣпымъ, свѣта сущымъ во тмѣ, наказателя безумнымъ* (Рим. 2, 19. 20). Подлинно, не такъ лучи солнца озаряютъ наши очи тѣлесныя, какъ заповѣди закона просвѣщаютъ очи душевныя.

6. Такимъ образомъ Пророкъ, желая показать, что еще прежде воздаянія и наградъ заповѣди доставляютъ намъ вознагражденіе при самомъ ихъ исполненіи, назвалъ ихъ *свѣтомъ*. Ибо, какъ глазъ при самомъ освѣщеніи свѣтомъ получаетъ пользу, такъ и душа при самомъ повиновеніи закону получаетъ величайшіе плоды, очищается, освобождается отъ порока и восходитъ къ добродѣтели; напротивъ того преступающіе законъ, еще прежде наказанія, получаютъ наказаніе въ самомъ преступленіи, находясь въ положеніи болѣе жалкомъ, нежели сидящіе во тьмѣ, испытывая страхъ, трепетъ и угрызенія совѣсти, боясь и страшась всѣхъ знающихъ и ничего, незнающихъ. *Остави бо люди своя, домъ Іаковль*; т. е. устранился, отступилъ, презрѣлъ, лишилъ своего промышленія. Внушивъ страхъ, Пророкъ потомъ приводитъ и причину, чтобы они исправили дѣла свои. Какую же причину? *Зане наполнися страна ихъ волхвованій, якоже иноплеменниковъ*. Прежде онъ обвинялъ ихъ въ корыстолюбіи, сребролюбіи, презрѣніи вдовицъ; а здѣсь укоряетъ за неправыя мнѣнія и остатки нечестія, которые мало по малу увлекали ихъ къ идолослуженію. Притомъ, въ обличеніе ихъ не просто сказалъ, что они волхвовали, но: *страна ихъ наполнися волхвованій*. Нечестіе ихъ, говоритъ, опять увеличилось чрезмѣрно. Какъ выше онъ говорилъ не просто: *людіе* грѣшники, но: *исполнены грѣховъ* (Исаі. 1, 4); такъ и здѣсь говоритъ: *наполнися*. Далѣе, желая еще болѣе усилить

обличеніе, прибавляетъ: *якоже изъ начала. Изъ начала*, когда? Когда они еще не знали Бога, когда еще не получили закона, когда еще не испытали Его благодѣяній, когда жили съ язычниками; это заслуживало крайняго осужденія,—теперь, послѣ такихъ дѣйствій промышленія и попеченія Божія, быть нисколько не лучше тѣхъ, которые не испытали ничего подобнаго. Не останавливаясь и на этомъ, но желая тронуть ихъ еще болѣе, онъ прибавляетъ: *яко же иноплеменниковъ*, такимъ сравненіемъ личностей дѣлая осужденіе болѣе тяжкимъ. Тоже часто дѣлаетъ и Павелъ, какъ напримѣръ, когда говоритъ: *не хощу же васъ, братіе, не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. 4, 13); и еще: *и вѣдѣти комуждо отъ васъ свой сосудъ стяжавати во святыни и чести, а не въ страсти похотнѣй*, и, не ограничиваясь этимъ, прибавляетъ: *якоже и языцы не вѣдящіи Бога* (1 Сол. 4, 4. 5). Подлинно, такой образъ рѣчи особенно трогаетъ людей даже самыхъ отчаянныхъ. Если же такъ осуждаются іудеи, то какое прощеніе, какое оправданіе можемъ имѣть мы, послѣ такой благодати, неизреченной чести, надежды на безсмертныя блага, впадая въ такое же бѣдственное состояніе, какъ и они? Дѣйствительно, и нынѣ есть много людей, которые заражены этою болѣзнію и губятъ свою жизнь, которые предаютъ себя безумію волхвователей и кромѣ того, что оскорбляютъ Бога, пріобрѣтаютъ себѣ излишнія скорби и

ослабѣваютъ въ подвигахъ добродѣтели. Такъ діаволъ всячески старается убѣдить неразумныхъ, что не въ ихъ власти добродѣтель и порокъ, что они не одарены свободнымъ произволеніемъ, желая такимъ образомъ совершить два постыднѣйшихъ дѣла: ослабить подвиги добродѣтели и лишить величайшаго дара,—свободы. То посредствомъ волхвованій, то посредствомъ гаданій, то чрезъ наблюденіе дней, то чрезъ нечестивое ученіе о судьбѣ, то чрезъ многое другое, онъ ввелъ въ жизнь эту тяжкую болѣзнь и низвратилъ все. Потому и Пророкъ сильно обличаетъ это, чтобы исторгнуть болѣзнь съ корнемъ. *И чада многа иноплеменнича родишася имъ.*

7. Что значитъ: *чада иноплеменнича*? У евреевъ, по причинѣ ихъ малодушія и удобопреклонности къ обольщенію, издревле былъ законъ—не смѣшиваться ни съ кѣмъ изъ прочихъ людей, чтобы такія связи не послужили поводомъ къ нечестію. Такъ какъ они не только не могли исправлять другихъ, но и сами неспособны были избѣгать вреда отъ другихъ; то Богъ, оградивъ ихъ закономъ и удерживая отъ смѣшенія съ прочими народами, устроялъ и наставлялъ ихъ особо; ибо желательно было, чтобы они хотя при такомъ руководствѣ могли сохранить данное имъ отъ Бога устройство. Но они какъ преступали другія заповѣди, такъ, презрѣвъ и эту, вступали въ родство съ сосѣдями, отъ которыхъ брали себѣ невѣстъ,—отъ моавитянъ, аммонитянъ и другихъ нечестивыхъ народовъ,—

и, заводя другія связи, принимали учителей нечестія и оскверняли чистоту своего благородства. За это между прочимъ и укоряетъ ихъ Пророкъ. *Наполнися бо страна ихъ сребра и злата, и не бяше числа сокровищъ ихъ: и наполнися земля ихъ коней, и не бяше числа колесницъ ихъ.* (ст. 7). Но какое преступленіе, скажетъ кто-нибудь, имѣть деньги, владѣть конями, особенно въ то время, когда было немного расположенія къ любомудрію? Чтоже мы скажемъ на это? Пророкъ осуждаетъ не обладаніе ими, но настроеніе воли, употребляющей ихъ не такъ, какъ должно. Какъ тогда, когда онъ говоритъ: *горе крѣпкимъ* (Иса. 1, 27), онъ не власть осуждаетъ, но худо пользующихся властію; такъ точно и здѣсь онъ укоряетъ не за то, что они имѣли богатство, но за то, что собирали его съ великимъ избыткомъ и сверхъ нужды. *И не бяше*, говоритъ, *числа сокровищъ ихъ.* И не только за это, но и за то, что они, гордясь богатствомъ и властію надъ конями, мало по малу уклонялись отъ надежды на Бога, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорилъ имъ Пророкъ: *надѣющіися на силу свою и о множествѣ богатства своего хвалящіися* (Пс. 48, 7); и еще въ другомъ мѣстѣ: *не спасается царь многою силою, и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея* (Пс. 32, 16); и еще въ иномъ псалмѣ: *не въ силѣ констѣй восхощетъ, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ благоволитъ: благоволитъ Господь въ боящихся Его и въ уповающихъ на*

милость Его (Пс. 146, 10. 11). *И наполнися земля мерзостей дѣлъ рукъ ихъ, и поклонишася тѣмъ, яже сотвориша персты ихъ* (ст. 8) Пророкъ, какъ мудрый врачъ, высказываетъ причину недуга и источникъ болѣзни. Намѣреваясь обличить ихъ нечестіе, онъ предварительно показалъ причины болѣзни: сребролюбіе, высокомѣріе, незаконныя связи, объяснивъ, что отъ этого они мало по малу впали въ бездну погибели и стали поклоняться идоламъ. Потомъ, осмѣивая такое ихъ служеніе, прибавляетъ: *дѣлъ рукъ ихъ*. Подлинно, что можетъ быть смѣшнѣе того, когда человѣкъ дѣлаетъ бога? *Мерзостію* же Писаніе обыкновенно называетъ идоловъ; потому и *мерзостію запустѣнія* называется истуканъ, поставленный во храмѣ. *Егда убо узрите*, говоритъ Господь, *мерзость запустѣнія стоящу на мѣстѣ святѣ: иже чтетъ, да разумѣетъ* (Мѳ.24,15). Желая отклонить ихъ отъ привязанности къ предметамъ чувственнымъ, Богъ запрещалъ имъ дѣлать всякое изображеніе и называлъ это мерзостію, чтобы далеко отвести ихъ отъ нечестія. Ибо чувствовать омерзѣніе значитъ чрезмѣрно ненавидѣть что-нибудь, какъ нечистое, какъ проклятое. Такимъ образомъ *мерзостію* въ Писаніи называется достойное ненависти и отвращенія. А всякій идолъ таковъ. *И поклонишася тѣмъ, яже сотвориша персты ихъ: и преклонися человѣкъ, и смирися мужъ* (ст. 9). Какъ поклоненіе Богу возвышаетъ человѣка, такъ поклоненіе идоламъ уни-

жаетъ и низводитъ съ высоты. Ибо, чтó ниже человѣка, который лишаетъ себя спасенія, имѣетъ своимъ врагомъ Бога всѣхъ, преклоняется предъ вещами бездушными, служитъ камнямъ? Богъ удостоилъ насъ такой чести, что сдѣлалъ высшими самыхъ небесъ; а діаволъ старается низвести покоряющихся ему до такого безчестія, что дѣлаетъ ихъ безчувственнѣе самыхъ вещей безчувственныхъ. Посему и говоритъ Пророкъ: *смирися мужъ*. Это обличеніе само по себѣ достаточно было для того, чтобы имѣющаго умъ отклонить отъ такой болѣзни; но такъ какъ многіе изъ людей боятся не столько грѣховъ, сколько наказаній, то онъ присоединяетъ и наказаніе, и говоритъ: *и не претерплю имъ*. Не прощу, говоритъ, не оставлю, не пренебрегу, но потребую отчета и назначу наказанія за преступленія. *И нынѣ внидите въ каменія, и скрыйтеся въ землю отъ лица страха Господня* (ст. 10). Достаточно посмѣявшись безумію поклоняющихся идоламъ и указаніемъ на способъ дѣланія идоловъ обличивъ и глупость служащихъ имъ и безсиліе идоловъ, Онъ еще подтверждаетъ слова свои, предоставляя испытать сказанное на опытѣ, и говоритъ: для Меня достаточно было бы и тѣмъ самымъ, что идолы дѣлаются людьми, показать безуміе обольщаемыхъ; но такъ какъ они, погрузившись въ нечестіе, какбы въ опьяненіе, стали слѣпы къ предметамъ яснымъ и очевиднымъ, то городъ ихъ постигнутъ такія бѣдствія,

что и самые безчувственные убѣдятся, каково безсиліе идоловъ и какова сила Божія.

8. Для того, прежде, нежели сказалъ о войнѣ, Пророкъ говоритъ о томъ, что̀ произойдетъ отъ ней, повелѣвая войти въ камни и скрыться подъ самую землю, не съ тѣмъ, чтобы они дѣйствительно сдѣлали это, но чтобы такимъ образомъ убѣдились, какъ невыносимъ гнѣвъ, который тогда покажетъ Богъ. *Скрыйтеся*, говоритъ, *въ землю отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда востанетъ сокрушити землю*. Не сказалъ просто: *отъ крѣпости Его*, но: *отъ славы крѣпости*. Ибо таковы дѣла Божіи и таковы побѣды Его; въ нихъ—великая слава и знаменитость. Здѣсь, мнѣ кажется, Пророкъ указываетъ на побѣду, бывшую при Езекіи, называя *землею* множество народа, *сокрушеніемъ*—пораженіе, а *востаніемъ*—явленіе Его на помощь. Посему и Давидъ говоритъ такъ: *да воскреснетъ Богъ, и расточится врази Его* (Пс. 67,2); и еще: *воскресни Боже, суди земли* (Пс. 81, 8),—означая дѣлами и положеніями людей дѣйствія Божіи. *Очи бо Господни высоцы, человѣкъ же смиренъ* (ст. 11). Дабы никто изъ тогдашнихъ слушателей не сомнѣвался въ сказанномъ; — ибо имѣвшее случиться для многихъ было невѣроятнымъ и превышающимъ всякое чаяніе; — онъ прибѣгаетъ къ могуществу Совершающаго и слабости подвергающихся Его дѣйствію. Нѣтъ ничего, говоритъ, выше Бога, и ничего—ниже людей. Итакъ, не сомнѣвайся, можетъ ли столь Великій и Силь-

ный внезапно такъ унизить слабыхъ. Хорошо сказалъ онъ: *очи Господни высоцы*. Не сказалъ: *сила*, но: *очи Господни*, такъ какъ и одного воззрѣнія Божія достаточно для ниспроверженія всего противнаго. Тоже и Давидъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. 103, 32); и еще другой Пророкъ: *и воззрю къ нему, и премогу ему* (Осія 11, 4). *И смирится высота человѣческая, и вознесется Господь единъ въ день оный* (ст. 11). По совершеніи чудной побѣды, послѣ славныхъ и дивныхъ трофеевъ, бѣсы будутъ обличены, идолы поруганы, лжепророки принуждены молчать, господство иноплеменниковъ разрушено, всякія уста, противорѣчущія Богу, заграждены. Посему онъ и говоритъ: *и вознесется Господь единъ*. Никто уже не будетъ противорѣчить и сомнѣваться въ могуществѣ Божіемъ, когда дѣла представятъ такое яснѣйшее доказательство. Величіе существа Божія постоянно, никогда не начиналось и всегда существуетъ, но оно называется *возносящимся* въ душѣ людей, когда противорѣчущіе и противодѣйствующіе, убѣдившись доказательствомъ самыхъ дѣлъ, покорятся и вознесутъ приличное славословіе. *День бо Господа Саваоѳа на всякаго досадителя и горделиваго, и на всякаго высокаго и величаваго, и смирятся: и на всякъ кедръ Ливанскій высокихъ и превознесенныхъ, и на всяко древо желудя Васанска, и на всякую гору высокую, и на всякій холмъ высокій, и на вся-*

кій столпъ высокъ; и на всякую стѣну высокую, и на всякій корабль морскій, и на всяко видѣніе доброты кораблей. И смирится всякій человѣкъ, и падется высота человѣча, и вознесется Господь единъ въ день оный (ст. 12—18). Здѣсь стѣною, кедромъ, холмомъ и дубомъ онъ называетъ сильныхъ людей, высотою этихъ деревъ иносказательно означая власть ихъ; а названіемъ корабля и видѣнія доброты кораблей указываетъ на богатѣйшихъ изъ нихъ.

9. Онъ хочетъ сказать слѣдующее: всякій человѣкъ сильный, всякій властелинъ, всякій военачальникъ, всякій обладающій богатствомъ, всякое, такъ сказать, великолѣпіе и могущество человѣческое тогда прекратится и изчезнетъ; и ничто не поможетъ имъ избѣжать гнѣва Божія: ни сила тѣлесная, ни опытность въ войнѣ, ни изобиліе богатства, ни покровительство власти, ни множество войска, и ничто другое подобное. О кедрахъ ливанскихъ онъ упоминаетъ потому, что особенно тамъ растетъ это дерево, или потому, что эти предметы были близко; видѣніемъ же доброты кораблей называетъ великолѣпіе военачальниковъ, окруженныхъ богатствомъ, оружіемъ, копьеносцами. Впрочемъ, мнѣ кажется, онъ намекаетъ и на прибытіе иноплеменниковъ издалека. *И рукотворенная вся скрыютъ, внесше въ пещеры, и въ разсѣлины каменей, и въ вертепы земныя, отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда востанетъ сокрушити землю* (ст. 18.

19). Боги ихъ, говоритъ, не только не подадутъ имъ никакой помощи, но и сами будутъ нуждаться въ помощи людей и безопасныхъ мѣстахъ, чтобы не быть взятыми. *Отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда востанетъ сокрушити землю.* Дабы кто-нибудь не приписалъ этого нашествію иноплеменниковъ и не подумалъ, будто страхъ зависитъ отъ ихъ могущества, онъ обращаетъ рѣчь къ Богу всѣхъ и говоритъ, что самъ Богъ будетъ управлять этою войною и въ Его власти—среди такой опасности наказывать за совершенныя преступленія. *Въ день бо оный изринетъ человѣкъ мерзости своя златыя и сребряныя, яже сотвориша, да покланяются суетнымъ и нетопыремъ, еже внити въ вертепы твердаго камене, и въ разсѣлины каменей отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда востанетъ сокрушити землю* (ст. 20. 21). Достаточно онъ посмѣялся имъ, показавъ, какъ они скрываются вмѣстѣ съ богами и уходятъ въ землю, и какъ драгоцѣнность вещества не можетъ нисколько помочь въ предстоящемъ бѣдствіи. Нетопырями же онъ назвалъ идоловъ или по ихъ безсилію, или по мрачности заблужденія и потому, что бѣсы все дѣлаютъ скрытно. Какъ для нетопырей солнце и свѣтъ ненавистны, а ночь и тьма пріятны; такъ и для бѣсовъ и для увлеченныхъ ими въ заблужденіе порокъ и все преступное обычно и пріятно, а добродѣтель и дѣла свѣта—ненавистны, и когда сіяютъ эти дѣ-

ла, то они тотчасъ погружаются во мракъ, такъ что живущій добродѣтельно не нуждается ни въ какомъ трудѣ и усиліи; ибо довольно только явиться свѣту, и все мрачное разсѣется. *Оставите вамъ человѣка, емуже есть дыханіе въ ноздряхъ его: яко въ чемъ вмѣнися сей* (ст. 22)? Здѣсь, мнѣ кажется, онъ указываетъ на Езекію, который отъ страха и великаго изнуренія находился при послѣднемъ издыханіи. Когда иноплеменники, какбы поймавъ его въ сѣти, думали, что имѣютъ въ немъ вѣрную добычу, и что они безъ труда возмутъ городъ и отведутъ царя въ плѣнъ, тогда случилось противное ожиданію иноплеменниковъ. Посему Пророкъ и говоритъ: *оставите человѣка, емуже есть дыханіе въ ноздряхъ его: яко въ чемъ вмѣнися сей*? Т. е. онъ не значитъ ничего. Они надѣялись истребить все набѣгомъ, но случилось все напротивъ; и тотъ, кого вы считаете за ничто, окажется славнѣе всѣхъ, получивъ помощь отъ Бога.

ТОЛКОВАНІЕ НА 3 ГЛАВУ КНИГИ

ПРОРОКА ИСАІИ.

Се Владыка Господь Саваоѳъ отъиметъ отъ Іерусалима и отъ Іудеи крѣпкаго и крѣпкую (Иса. 3, 1).

1. Какъ отличный врачъ, то прижигая, то отсѣкая, то давая горькія лекарства, возстановляетъ здоровье больныхъ; такъ точно и человѣколюбивый Богъ, различными и разнообразными наказаніями возбуждая іудеевъ отъ разслабленія и безпечности, то устрашаетъ непризнательныхъ набѣгомъ иноплеменниковъ, то еще прежде такого нападенія поражаетъ ихъ другими угрозами, разнообразіемъ угрозъ постоянно сохраняя въ нихъ живой страхъ. Такъ теперь Онъ угрожаетъ имъ безсиліемъ, голодомъ, засухою, лишеніемъ не только необходимаго, но и того, что нисколько не меньше необходимыхъ вещей сохраняетъ нашу жизнь. Подлинно, не голодъ только тяжекъ; но тяжко—имѣть недостатокъ и въ управляющихъ дѣлами; отъ этого обыкновенно и самое богатство бываетъ тяжелѣе голода. Ибо какая польза въ томъ, что все

льется какбы изъ источниковъ, когда происходятъ междоусобныя войны, когда море воздымается, волны бушуютъ, и нѣтъ ни кормчаго, ни рулеваго, и никого, кто могъ бы остановить бурю обстоятельствъ и возвратить спокойствіе? Если же вмѣстѣ съ этимъ бываетъ и голодъ; то представь крайность бѣдствій. Всѣмъ этимъ Богъ угрожаетъ іудеямъ, и во-первыхъ самымъ тяжкимъ бѣдствіемъ. *Се*, говоритъ, *Владыка Господь Саваоѳъ*. Это выраженіе: *се* пророки часто употребляютъ, когда хотятъ удостовѣрить слушателя въ истинѣ словъ своихъ. Не здѣсь только, но и прежде, и въ самомъ началѣ можно видѣть, что грѣхи часто предшествовали тѣлесному разслабленію, какъ напр. въ Каинѣ. Такъ какъ онъ неправильно воспользовался своею силою, то справедливо подвергся разслабленію. Такъ и въ сидѣвшемъ при купели грѣхи были причиною разслабленія, какъ говоритъ Христосъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай* (Іоан. 5, 14). И Павелъ говоритъ: *сего ради въ васъ мнози немощни*,—потому, что они грѣшили, принимая таинства съ нечистою совѣстію (1 Кор. 11, 30). И блудника онъ предаетъ *во изможденіе плоти*, подвергая его такому наказанію за грѣхи (1 Кор. 5, 5). Впрочемъ это не всегда бываетъ наказаніемъ за грѣхи, но иногда бываетъ поводомъ къ полученію вѣнцовъ, какъ у Лазаря и Іова. И не слабость только, но и другія болѣзни тѣлесныя происходили отъ грѣха, какъ напр. проказа Озіи за безстыдство души его. Такъ и ру-

ка царя Іеровоама изсохла за его гордость и высокомѣріе. И языкъ Захаріи былъ связанъ не за что иное, какъ за грѣхъ души. Посему, такъ какъ и для іудеевъ тѣлесное здоровье, благоденствіе и обиліе богатства служили поводомъ къ высокомѣрію, то Богъ исторгалъ корень гордости, вразумляя ихъ, дѣлая лучшими и доставляя имъ больше того, чего лишалъ ихъ. Ибо чтó за вредъ — имѣть слабое тѣло, когда этимъ научается душа? Притомъ, дабы они не подумали, что случившееся было слѣдствіемъ слабости природы, Пророкъ предсказываетъ объ этомъ и простираетъ угрозу не только на мужей, но распространяетъ наказаніе и на женскій полъ,—такъ какъ былъ развращенъ и тотъ и другой полъ,—и далѣе, по причинѣ крайняго нечестія, обращаетъ рѣчь противъ самыхъ женщинъ, обвиняя ихъ въ преступленіяхъ, которыя разрушили городъ до самаго основанія. Посему и на нихъ онъ посылаетъ заразу; ибо заразу, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ, когда говоритъ: *отъиму крѣпкаго и крѣпкую*, или какую-нибудь другую тѣлесную болѣзнь, не уступающую искусству врачей. Таковы—наказанія Божіи. *Крѣпость хлѣба и крѣпость воды.* Это—тягчайшее наказаніе, когда уничтожается не самое вещество, а происходящая отъ него сила, такъ что люди наказываются самымъ видомъ его, никогда не насыщаясь имъ и отсюда усматривая, что это—гнѣвъ Божій. *Исполина и крѣпкаго.* Исполиномъ Писаніе постоянно называетъ человѣка сильнаго, или превосходя-

щаго многихъ размѣромъ своихъ членовъ. Такъ и въ книгѣ Бытія говоритъ: *тіи бяху исполини, человѣцы именитіи* (Быт. 6, 4), повѣствуя не о какомъ-нибудь другомъ родѣ существъ, но объясняя намъ, что они были сильны, крѣпки, здоровы. *И человѣка ратника и судію.* Невыносимое наказаніе, выражающее крайнюю гибель, когда, и при цѣлости стѣнъ и башенъ, городъ вмѣстѣ съ самыми жителями можетъ быть преданъ непріятелямъ. Ибо безопасность городовъ заключается не въ камняхъ, не въ деревахъ и оградахъ, но въ благоразуміи населяющихъ городъ; когда есть такіе люди, тогда они, и въ присутствіи враговъ, ограждаютъ городъ безопаснѣе всего; а когда ихъ нѣтъ, то, хотя бы никто не безпокоилъ его, онъ представляется болѣе жалкимъ, нежели городъ осаждаемый.

2. Такимъ образомъ Пророкъ преподалъ тѣмъ и всѣмъ слушающимъ немалый урокъ любомудрія, убѣждая никогда не надѣяться на величіе города, на рвы и укрѣпленія, но на добродѣтель мужей доблестныхъ. Внушая имъ страхъ, онъ говоритъ, что Богъ лишитъ городъ безопасности, отнявъ не только свѣдущихъ въ войнѣ, но и умѣющихъ судить, которые не менѣе воюющихъ приносятъ пользу городамъ, благоустрояя миръ и часто отклоняя угрожающія войны. Такъ какъ войны постоянно произрастаютъ отъ корня грѣховъ, то стражи законовъ и точные блюстители правосудія, обуздывая большую часть грѣховъ, могутъ уничтожать и поводы къ войнѣ.

Почему же Богъ отнимаетъ ихъ? Потому, что люди не пользовались ими, какъ должно, когда они были. Какъ спасительныя наставленія Его приносили великую пользу слушателямъ, но, возвѣщая іудеямъ, Онъ прикрывалъ свои наставленія неясностію, потому что они не внимали словамъ Его; такъ точно и эти великіе дары, которые доставляютъ намъ великое спасеніе, Онъ часто отнимаетъ, когда принимающіе не хотятъ извлечь изъ нихъ никакой пользы. *И пророка, и смотреливаго.* Не малый видъ гнѣва (Божія)—и то, когда прекращаются пророчества. Такъ, когда Богъ отвратился отъ народа іудейскаго за грѣхи дѣтей Илія и за великое нечестіе народа, то прекратилось пророчество: *глаголъ Господень*, говоритъ Писаніе, *бѣ честенъ въ тыя дни, не бѣ видѣніе посылаемо* (1 Цар. 3, 1); *честенъ*, т. е. рѣдокъ. И при Озіи было тоже самое. Между тѣмъ не мало пользы они получили бы отъ этого, если бы хотѣли. Ибо слышать волю Божію, приготовляться къ будущимъ бѣдствіямъ, узнавать неизвѣстное и то, когда нужно напасть на непріятелей, когда быть спокойнымъ, и какъ избѣгать всѣхъ скорбей,—это много способствовало имъ ко спасенію. Но такъ какъ, слыша откровенія, они не поступали, какъ должно, то Богъ лишилъ ихъ и откровенія; при чемъ являлось великое человѣколюбіе Божіе въ томъ, что Онъ, и предвидя будущее и зная, что они не будутъ пользоваться дарами Его, какъ должно, дѣлалъ все, отъ Него зависящее. Вмѣстѣ

съ пророкомъ, говоритъ, Богъ отниметъ *и смотреливаго*. Здѣсь, мнѣ кажется, *смотреливымъ* онъ называетъ того, кто по великому благоразумію своему и по опытности въ дѣлахъ предугадываетъ будущее. Ибо иное дѣло — предугадываніе, иное – пророчество. Одинъ говоритъ Духомъ Божіимъ, не привнося ничего отъ себя самого; а другой, на основаніи прежде бывшаго и усиліями собственнаго благоразумія предвидитъ многое изъ будущаго, какъ свойственно предвидѣть человѣку благоразумному. Но между тѣмъ и другимъ великое различіе, такое, какое различіе между благоразуміемъ человѣческимъ и благодатію божественною. А чтобы примѣромъ пояснить слова мои, вспомнимъ о Соломонѣ и Елиссеѣ. Оба они возвѣщали неизвѣстное и открывали сокровенное, но не оба—одною и тою же силою; первый по человѣческому благоразумію, на основаніи естественнаго опыта, говорилъ о прелюбодѣйныхъ женахъ (Прит. гл. 5); а послѣдній говорилъ не по собственному соображенію, — какое соображеніе могло открыть воровство Гіезія (4 Цар. гл. 5)?— но по божественной благодати провидя отдаленныя событія. *И старца, и пятьдесятоначальника* (ст. 3). Вмѣстѣ съ тѣми, говоритъ, отниметъ Богъ и старца и пятидесятника, разумѣя подъ *старцемъ* не просто человѣка престарѣлаго, но имѣющаго вмѣстѣ съ сѣдиною и благоразуміе, свойственное сѣдинѣ. Также и подъ *пятьдесятоначальникомъ* онъ разумѣетъ не одного какого-нибудь пятидесятника,

но называетъ этимъ именемъ всѣхъ начальниковъ. Ибо ничего, по истинѣ ничего нѣтъ хуже безначалія, подобно какъ нѣтъ ничего ненадежнѣе корабля, который не имѣетъ кормчаго. Не останавливаясь и на этомъ, онъ угрожаетъ, что отнята будетъ и другая великая опора безопасности,—умѣющіе подавать отличные совѣты, которые не меньше оружія доставляютъ благодѣянія городамъ. Отъиму, говоритъ, *и дивнаго совѣтника, и премудраго архитектона*, разумѣя не строителя, но человѣка опытнаго въ дѣлахъ, знающаго многое и умѣющаго благоразумно устроять всѣ дѣла го́рода.

3. Вмѣстѣ съ тѣми—*и разумнаго послушателя.* Подлинно, когда нѣтъ этого, то, хотя бы все прочее было, нѣтъ никакой пользы городамъ; хотя бы были и пророки, и совѣтники, и начальники, но если нѣтъ ни одного слушателя, то все—тщетно и напрасно. Здѣсь, мнѣ кажется, выраженіе: *отъиму*, значитъ: *оставлю, попущу*, подобно какъ Павелъ говоритъ: *предаде ихъ въ неискусенъ умъ* (Рим. 1, 28), выражая не то, будто Богъ ввергъ ихъ въ безуміе, но—оставилъ и попустилъ имъ оставаться безумными. *И поставлю юноши князи ихъ* (ст 4). Это хуже и гораздо бѣдственнѣе безначалія; ибо кто не имѣетъ начальника, тотъ лишенъ руководителя; а у кого худой начальникъ, того онъ ввергаетъ въ пропасть. *Юношами* же здѣсь называетъ ихъ Пророкъ, не унижая этого возраста, но желая яснѣе по-

казать ихъ безуміе. Бываютъ и юноши разумные, и старцы, живущіе безумно; но такъ какъ это случается рѣдко, а большею частію бываетъ напротивъ, то онъ и назвалъ безумныхъ такимъ именемъ. Тимоѳей былъ юношею, но управлялъ Церковію мудрѣе множества старцевъ. И Соломонъ, бывъ двѣнадцати лѣтъ, бесѣдовалъ съ Богомъ, имѣлъ великое предъ Нимъ дерзновеніе, прославился, получилъ вѣнецъ, былъ по своей мудрости предметомъ удивленія для иноплеменниковъ, и не только мужи, но и жены приходили издалека, имѣя единственною цѣлію своего путешествія то, чтобы послушать его и научиться отъ него чему-нибудь; а когда онъ достигъ старости, то много уклонился отъ добродѣтели. И отецъ его, блаженный Давидъ, совершилъ тяжкій грѣхъ не тогда, когда былъ отрокомъ и юношей, но когда уже прожилъ этотъ возрастъ, тогда и согрѣшилъ; а когда онъ былъ малымъ отрокомъ, тогда воздвигъ дивный трофей, поразилъ иноплеменника, показывалъ всякое любомудріе, и юность нисколько не была для него препятствіемъ къ дѣламъ доблестнымъ. Также отъ Іереміи Богъ не принялъ отказа, когда онъ ссылался на свой возрастъ; но послалъ его къ іудейскому народу, сказавъ, что въ этомъ нѣтъ никакого препятствія, только бы мысли были мудры. Имѣя такой же возрастъ, или даже гораздо меньшій, Даніилъ судилъ старцевъ. И Іосія, не имѣя еще и десяти лѣтъ, восшелъ на царскій престолъ, и тогда отличался добрыми

дѣлами; но послѣ того вскорѣ, предавшись безпечности, потерялъ душевную добродѣтель. А Іосифъ? Онъ, бывъ не только юнымъ, но и весьма юнымъ, вступилъ въ трудную борьбу, сражаясь не противъ людей, но противъ самой силы природы, и изъ печи и пламени, гораздо болѣе жестокаго, нежели персидскій [1], не вышелъ ли здравымъ, оставшись невредимымъ не менѣе трехъ отроковъ? Какъ они тогда вынесли неповрежденными свои тѣла и даже волосы, вышедши какбы изъ источника, а не изъ печи; такъ и онъ, въ этой борьбѣ, освободившись изъ рукъ египтянки, остался непобѣдимымъ ни отъ ея прикосновенія, ни отъ словъ, ни отъ вида, ни отъ одеждъ, ни отъ благовоній, — что́ скорѣе хвороста и смолы воспламеняетъ огонь страсти,—ни отъ самаго возраста своего не потерпѣвъ ничего такого, что свойственно потерпѣть человѣку. И эти три отрока, находясь въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, обуздали чрево, попрали страхъ смерти, побѣдили столь великое войско и гнѣвъ царя, устремившагося противъ нихъ свирѣпѣе пещнаго пламени, и ничто не преодолѣло ихъ, но постоянно оставались они съ нерабощенною душею. Такимъ образомъ Пророкъ не унижаетъ возраста, когда говоритъ это. Подобнымъ образомъ и Павелъ, когда говоритъ: *не новокрещенну* (*подобаетъ епископу быти*—μὴ νεόφυτον), *да не разгордѣвся въ*

---

(1) Т. е. вавилонскій. Св. Іоаннъ Златоустъ часто называетъ Ассирію и Вавилонію—Персіею.

судъ впадетъ діаволь (1 Тим. 3, 6), разумѣетъ не юнаго по возрасту, а новонасажденнаго (νεωςὶ φυτευθέντα), т. е. недавно оглашеннаго; ибо словомъ: *насаждать*, онъ означаетъ *оглашать* и *учить*, какъ напр. когда говоритъ: *азъ насадихъ, Аполлосъ напои* (1 Кор. 3, 6). И Христосъ называетъ это насажденіемъ: *всякъ садъ*, говоритъ Онъ, *егоже не насади Отецъ мой небесный, изкоренится* (Матѳ. 15, 13). Если бы Апостолъ называлъ новокрещеннымъ юнаго, то Тимоѳея, весьма юнаго, такъ юнаго, что самъ говорилъ: *никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. 4, 12), онъ не возвелъ бы на такую степень власти и не поставилъ бы управлять такими церквами. *И ругатели господствовать будутъ ими.* Видишь ли, что онъ укоряетъ не возрастъ, но развращенную душу? Такимъ прибавленіемъ онъ выразилъ это яснѣе. *Ругателями* же здѣсь онъ называетъ обманщиковъ, лицемѣровъ, льстецовъ, которые обольстительными рѣчами предаютъ другихъ діаволу. *И нападати имутъ людіе, человѣкъ на человѣка, и человѣкъ на ближняго своего* (ст. 5). Какъ въ зданіяхъ, когда поддерживающія ихъ деревья сгнили, или отняты, стѣны необходимо обрушиваются, не имѣя никакой подпоры; такъ и тамъ, гдѣ отняты вышеупомянутые мужи, начальники, совѣтники, судьи, пророки, ничто не препятствуетъ народу истреблять самаго себя и быть великому смятенію.

4. *Приразится отроча къ старцу, и без-*

честный къ честному. Юноша, говоритъ Пророкъ, будетъ противиться старцу, будетъ превозноситься предъ нимъ, презирать его. Это, еще прежде нападенія непріятелей, бѣдственнѣе всякой войны. Ибо, когда старость не будетъ уважаема юностію и люди низкіе и презрѣнные станутъ попирать ногами людей почтенныхъ; тогда городъ будетъ находиться въ состояніи нисколько не лучшемъ того, какбы онъ утопалъ въ волнахъ. *Яко имется человѣкъ брата своего или домашняго отца своего, глаголя: ризу имаши, нача[…]вождь намъ буди, и брашно мое подъ тобою да будетъ. И отвѣщавъ въ день оный речетъ: не буду твой началовождь, нѣсть бо въ дому моемъ ни хлѣба, ни ризы: не буду началовождь людемъ симъ* (ст. 6. 7). Здѣсь, кажется мнѣ, Пророкъ указываетъ или на какую-нибудь весьма бѣдственную осаду города, приведшую ихъ въ крайне стѣснительное положеніе, или, безъ осады, на какой-нибудь невыносимый голодъ и великій недостатокъ въ необходимомъ. Онъ выражается согласно съ общимъ обыкновеніемъ. Какъ многіе говорятъ: «если бы случилось, чтобы весь городъ продавался за оволъ, то я не могъ бы купить его,» выражая этимъ свою крайнюю бѣдность; такъ и Пророкъ говоритъ, что если бы за одну одежду и за одинъ хлѣбъ продавались начальственныя должности, и тогда никто не купитъ ихъ; такой будетъ недостатокъ въ необходимомъ. *Яко оставленъ бысть Іерусалимъ* (ст. 8); т. е. покинутъ, опустошенъ,

лишенъ промышленія Божія. *И Іудеа паде;* исполнилась, говоритъ, смятенія и безпокойства, волненія и безпорядка. *И языкъ ихъ со беззаконіемъ, не покаряются Господеви.* Здѣсь показывается и причина золъ,—невоздержаніе языка. Въ этомъ обличаетъ ихъ и Осія: *Ефремъ*, говоритъ, *въ пагубу бысть во дни наказанія: въ племенѣхъ Исраилевыхъ показахъ вѣрная* (Ос. 5, 9). Тоже говоритъ и Малахія: *прогнѣвляющіи Бога словесы вашими, и рѣсте: о чесомъ прогнѣвахомъ Его?—зане рѣсте: всякъ творяй зло, добръ предъ Господемъ, и въ нихъ самъ благоволи: и гдѣ есть Богъ правды* (Мал. 2, 17)? Въ этомъ же и онъ обвиняетъ ихъ, представляя двоякую вину,—ту, что они не только не покаряются и не только нарушаютъ законъ, тогда какъ должны были бы стыдиться и краснѣть, скрывать свои лица и склонять голову, но еще стараются увеличить прежнія беззаконія, при неисполненіи заповѣдей произнося дерзкія слова, подобно какому-нибудь негодному рабу, который, не исполняя приказаній господина, еще оказывается дерзкимъ. *Сего ради нынѣ смирися слава ихъ, и студъ лица ихъ противу ста имъ* (ст. 9). Пророкъ опять говоритъ о будущемъ, какбы о прошедшемъ, слѣдуя обыкновенному закону пророчества. *Смиреніемъ славы* онъ называетъ плѣнъ. Подлинно, не малымъ было стыдомъ для тѣхъ, которые были въ званіи владыкъ вселенной,—покориться людямъ нечестивымъ и иноплеменнымъ. А подъ *студомъ лица* онъ разу-

мѣетъ стыдъ, происходящій отъ грѣха. Такова была жизнь ихъ. Такъ какъ они напередъ постыдили сами себя своими дѣлами, то и Богъ лишилъ ихъ славы, предавъ ихъ наказанію меньшему, нежели какому они подвергли сами себя. Ибо не такъ дурны были они, живя въ чужой странѣ, какъ тогда, когда владѣли своею столицею и предавались беззаконіямъ. Тамъ сокращались злыя дѣла ихъ, а въ отечествѣ болѣе и болѣе увеличивались. Такимъ образомъ Пророкъ преподаетъ имъ высокое ученіе, убѣждая постоянно прежде наказанія удаляться отъ пороковъ, воздерживаться и стыдиться, не тогда, когда иноплеменники возмутъ ихъ и отведутъ въ рабство, но когда сила грѣха будетъ держать ихъ плѣнниками. *Грѣхъ же свой яко Содомскій возвѣстиша, и явиша.* Какъ часто я говорилъ, такъ и теперь скажу: Пророкъ, показывая человѣколюбіе Божіе, предсказываетъ не только то, что они будутъ терпѣть, но и то, чему они достойны были подвергнуться. Грѣхи ихъ были равны содомскимъ; а наказанія ихъ— гораздо легче. Богъ не исторгъ ихъ съ корнемъ, не разрушилъ города ихъ до основанія и не истребилъ остатковъ рода ихъ. Выраженія же: *возвѣстиша и явиша*, сказаны человѣкообразно; ибо не тогда Богъ узнаетъ совершившееся, когда оно совершается,—какъ можно сказать это о Томъ, кто знаетъ все прежде бытія?—но Пророкъ сказалъ такъ для того, чтобы показать великость бѣдствія.

5. Какъ въ другомъ мѣстѣ Писаніе говоритъ:

умножися вопль грѣховъ ихъ ко Мнѣ (Быт. 18, 20), говоритъ такъ не представляя Бога обитающимъ гдѣ-нибудь далеко и не заключая Его въ небѣ, но показывая великость грѣха; такъ и здѣсь словомъ: *возвѣстиша*, Пророкъ выражаетъ чрезмѣрность нечестія. Грѣхи болѣе легкіе могли бы быть незамѣтными; но чрезмѣрные и великіе бываютъ всѣмъ извѣстны и явны, хотя бы не было никого, кто бы осуждалъ и обличалъ ихъ; ибо они сами себя обличаютъ и дѣлаютъ явными. Такимъ образомъ Пророкъ, желая показать великость золъ, говоритъ: *возвѣстиша и явиша*, т. е. совершая зло съ великою неумѣренностію, съ великою дерзостію, не стыдясь и не скрываясь, но дѣлая нечестіе своимъ занятіемъ. *Горе души ихъ: зане умыслиша совѣтъ лукавый на себе самихъ, рекше: свяжемъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть* (ст. 10). Крайнее зло, когда не только грѣшатъ, и не только грѣшатъ дерзко, но изгоняютъ и тѣхъ, которые могли бы исправить это. Какъ съумасшедшіе часто бросаются на врача; такъ точно и они представляли величайшее доказательство своей неизцѣльной болѣзни, изгоняя праведныхъ. Такова добродѣтель: она однимъ появленіемъ своимъ огорчаетъ живущаго нечестиво. Таковъ порокъ: онъ часто, еще не слыша обличенія, тяготится самымъ присутствіемъ людей праведныхъ. Здѣсь двоякое обличеніе: за то, что они связываютъ праведника, и за то, что связываютъ его, какъ бы *непотребнаго*. Такъ, когда кто-нибудь не

только не принимаетъ полезнаго, но и считаетъ это вреднымъ, то какое остается для него средство къ исправленію? Посему и Пророкъ, видя, что они дошли до крайности, начинаетъ снова плакать, оставивъ обличенія и укоризны: *горе души ихъ;* и далѣе весьма мудро говоритъ: *зане умыслиша совѣтъ лукавый на себе самихъ.* Хотя сдѣланное ими, по видимому, направлено противъ праведника; но если изслѣдовать внимательно, то умыселъ ихъ обращается не на того, противъ кого онъ направленъ, а противъ дѣлающихъ это. Отсюда мы научаемся, что человѣкъ добродѣтельный, хотя бы подвергся безчисленнымъ оскорбленіямъ, не терпитъ никакого вреда отъ оскорбляющихъ; а злоумышляющіе противъ него скорѣе на себя самихъ поднимаютъ мечъ, какъ было и съ этими. Они, связывая праведника, нисколько не повредили ему, но самихъ себя ввергли въ бóльшій мракъ и пустыню, лишившись свѣтильника. *Убо плоды дѣлъ своихъ снѣдятъ.* Таковъ порокъ: онъ самъ въ себѣ заключаетъ наказаніе. Сказанное здѣсь Пророкомъ означаетъ слѣдующее: они получатъ плоды свои, поставивъ себя въ совершенной пустынѣ и приготовивъ себѣ многія пропасти. *Горе беззаконному: лукавая бо приключатся ему по дѣломъ рукъ его* (ст. 11). Видишь ли, что отъ насъ всегда зависитъ мѣра и причина наказанія? Посему Пророкъ опять плачетъ, сѣтуетъ и сокрушается, что іудеи злоумышляли сами противъ себя и хуже всякаго врага вредили своему спасенію; а этого что мо-

жетъ быть бѣдственнѣе? *Людіе мои, приставницы ваши пожинаютъ васъ* (ст. 12) Превосходному учителю свойственно-разнообразить рѣчь, не повергать только въ скорбь и не доставлять только удовольствіе; но иногда предлагать то, а иногда другое, чтобы отъ такого разнообразія происходила великая польза. Посему и Пророкъ не только обличаетъ, но и плачетъ, что́ бываетъ еще сильнѣе обличеній, однако причиняетъ меньшую скорбь, и—что́ удивительно,—нанося глубочайшую рану, производитъ легчайшую боль. Онъ не плачетъ только, но и врачуетъ, и употребляетъ еще иной, дивный способъ наставленія. Какой же именно? Укоряетъ не всѣхъ вмѣстѣ, но отдѣляетъ отъ народа начальниковъ и на ихъ голову обращаетъ укоризны. Польза такого рода обличеній такъ велика, что и Моисей весьма часто употреблялъ его. Какъ этотъ пророкъ, тогда какъ всѣ были достойны обличеній, обращаетъ рѣчь противъ начальниковъ; такъ и Моисей, нашедши тогда народъ особенно виновнымъ въ беззаконіи, а Аарона достойнымъ не столь великаго обличенія, оставилъ весьма виновныхъ и обратилъ обличеніе на не столь виновнаго, такими укоризнами противъ него возбуждая совѣсть ихъ признать себя достойными большаго наказанія. Такъ и случилось; ибо за тѣмъ уже не было нужды въ другихъ рѣчахъ къ народу, но тѣхъ однихъ словъ, которыя сказаны были Аарону, достаточно было, чтобы привести въ сокрушеніе столь многія тысячи, какбы одного человѣка, и отъ

такой дерзости обратить къ страху и крайнему трепету. Предвидя это, Моисей, сшедши съ горы, тотчасъ бросилъ скрижали и сказалъ Аарону: *что сотвориша тебѣ людіе сіи, яко навелъ еси на нихъ грѣхъ великъ въ порадованіе супостатомъ ихъ* (Исх. 32, 21. 25)?

6. Такъ поступаетъ и этотъ пророкъ, подражая тому святому мужу двоякимъ образомъ. Моисей тогда не только произнесъ укоризну, но и самъ показалъ состраданіе, и такимъ образомъ сдѣлалъ обличеніе. Такъ и этотъ, подражая тому и другому, говоритъ: *людіе мои, приставницы ваши пожинаютъ васъ*. Онъ и дѣлаетъ имъ обличеніе, и говоритъ, какъ сostраждущій народу. *Приставниками* же, кажется, онъ называетъ здѣсь *истязающихъ*, подъ которыми, какъ я думаю, разумѣетъ хищниковъ ихъ и любостяжателей; а если не такъ, то собирающихъ подати. Посмотри и здѣсь на мудрость его: онъ осуждаетъ не самое дѣло, а неумѣренность. Ибо не сказалъ; *требуютъ*, но: *пожинаютъ*, т. е. отнимаютъ имущество, лишаютъ всего подъ предлогомъ требованія должнаго. Такое выраженіе онъ заимствовалъ отъ примѣра собирающихъ жатву: ибо *пожинать* (καλαμᾶσθαι) значитъ: послѣ жатвы собирать выпавшіе отъ жнецовъ колосья и совершенно ничего не оставлять на нивѣ. Такъ точно поступали тогда и эти люди, отнимая у іудеевъ все имущество и оставляя ихъ нагими. *И истязающіи обладаютъ вами.* Еще тяжелѣе то, что они не ограничивали этимъ своего любостяжанія, но еще далѣе простирали

насиліе, дѣлая людей свободныхъ рабами. *Людіе мои, блажащіи васъ льстятъ вы.* Здѣсь, мнѣ кажется, онъ указываетъ на лжепророковъ, или на тѣхъ, которые обольщали ихъ словами, что̀ всегда бываетъ причиною крайняго развращенія. Посему, показывая вредъ, происходящій отсюда, онъ присовокупляетъ: *и стези ногъ вашихъ возмущаютъ;* т. е. не позволяютъ идти прямо, сбивая съ пути, разслабляя, дѣлая нерадивыми. *Но нынѣ устроится Господь на судъ, и поставитъ на судъ люди своя. Самъ Господь на судъ пріидетъ со старѣйшины людей, и съ князи ихъ* (ст. 13. 14). Онъ продолжаетъ тотъ же способъ исправленія, обращая укоризны отъ народа къ старцамъ и начальникамъ и употребляя болѣе грозный образъ рѣчи: представляетъ самаго Бога судящимъ и осуждающимъ и обличающимъ за грѣхи противъ народа тѣхъ, которые обижали народъ. Посему и говоритъ: *но нынѣ устроится Господь на судъ.* Такъ какъ онъ окончилъ обличеніе; — обличеніе же для людей безчувственныхъ не очень тяжко, но наказаніе для нихъ страшно,—то и говоритъ, что однимъ обличеніемъ дѣло не кончится, но послѣдуетъ и судъ за грѣхи, судъ самого Бога, который наконецъ потребуетъ отчета и будетъ судиться съ грѣшниками. Это показываетъ и великое снисхожденіе Бога, желающаго судиться съ ними, и дѣлаетъ рѣчь болѣе обличительною, такъ что имѣющихъ умъ можетъ привести въ великое сокрушеніе. И не по той только причинѣ, о ко-

торой я сказалъ выше, онъ обращаетъ рѣчь къ начальникамъ и старцамъ, но и для того, чтобы научить всѣхъ, что начальники подвергнутся болѣе тяжкимъ наказаніямъ, нежели подчиненные. Подчиненный дастъ отчетъ только за себя самого, а начальникъ и за себя самого и за народъ, который ввѣренъ его власти. И отъ старцевъ справедливо требуется такая же строгость жизни; ибо что̀ для тѣхъ—власть, то для этихъ—возрастъ ихъ. Правда, и юноша, тяжко согрѣшающій, достоинъ наказанія; но тотъ, кто по самому возрасту способенъ къ воздержанію и не обуревается такими волнами страстей, но имѣетъ возможность съ большею легкостію быть любомудрымъ и съ бо̀льшимъ удобствомъ удаляться отъ всего житейскаго и пріобрѣлъ больше благоразумія посредствомъ опытности, тотъ справедливо долженъ быть наказанъ больше всѣхъ, если онъ въ старости совершаетъ дѣла невоздержныхъ юношей. *Вы же почто запалисте виноградъ мой, и разграбленіе убогаго въ домѣхъ вашихъ?* Богъ всегда имѣетъ великое попеченіе о терпящихъ обиды, и не меньше, какъ за грѣхи противъ Него, а иногда и больше, гнѣвается за грѣхи противъ подобныхъ намъ рабовъ. Жену прелюбодѣйную онъ позволилъ отпускать, а язычницу — нѣтъ (Мат. 5, 32. 1 Кор. 7, 12), хотя послѣдняя виновна противъ Него самаго, а первая-противъ человѣка. И когда приносится жертва, Онъ повелѣлъ оставлять даръ и не прежде приносить его, пока оскорбившій ближняго примирится съ братомъ сво-

нимъ (Мат. 5, 23. 24); и когда судилъ должника десятію тысячами талантовъ; то, обличая его во грѣхахъ противъ Себя, даже не назвалъ его лукавымъ, но скоро примирился съ нимъ и простилъ весь долгъ; а за сто динаріевъ и назвалъ рабомъ лукавымъ, и предалъ истязателямъ, и не прежде позволилъ отпустить, пока будетъ отданъ весь долгъ (Мат. 25).

7. И когда самъ Христосъ былъ ударяемъ, то Онъ не сдѣлалъ ничего рабу, панесшему ударъ, но кротко отвѣчалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. 18, 23)? Но когда Іеровоамъ, простерши руку, повелѣлъ взять обличавшаго его пророка, тогда Богъ сдѣлалъ руку его сухою (3 Цар. 13, 4), научая и тебя кротко переносить обиды, касающіяся тебя самаго, а касающіяся Господа преслѣдовать съ великою силою. Посему и преподавая заповѣди, Онъ хотя и поставилъ любовь къ ближнему второю заповѣдію, но — подобною первой, и какъ исполненія той требуетъ весьма строго, такъ и этой. О первой Онъ говоритъ: *всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею*; и объ этой: *яко самъ себе* (Матѳ. 22, 37. 39). И изъ многихъ другихъ мѣстъ можно видѣть, съ какою строгостію Онъ предписываетъ намъ обязанности другъ къ другу. Такъ и здѣсь, посмотри, какъ сильно Онъ повторяетъ и усиливаетъ обличеніе разительными выраженіями: *вы же*, говоритъ, *почто запалисте виноградъ мой*? Какъ поступили бы какіе-нибудь

жестокіе иноплеменные непріятели, такъ вы поступили съ своими. *Виноградомъ* же Онъ называетъ народъ, по причинѣ великаго попеченія о немъ и промышленія свыше. И желая усилить обличеніе, не сказалъ: почему подобныхъ себѣ рабовъ, ближнихъ, братьевъ, но *Мое*, говоритъ, погубили, *Мое* расхитили? Далѣе, показывая, въ чемъ состоитъ это *запаленіе*, говоритъ: *разграбленіе убогаго въ домѣхъ вашихъ*. Не столько градъ вредитъ виноградникамъ, сколько несправедливость къ бѣдному и убогому обыкновенно попаляетъ его душу, подвергая ее унынію, тягчайшему всякой смерти. Хищничество всегда—зло, но особенно тогда, когда обижаемый находится въ крайней бѣдности. Этимъ онъ не только обличаетъ, но и исправляетъ, обращая взоры ихъ на похищенное. Подлинно, послѣ такихъ словъ, самый видъ лежащаго предъ глазами можетъ достаточно тронуть того, кто не сдѣлался слишкомъ безчувственнымъ. *Почто вы обидите людей моихъ* (ст. 15)? Онъ продолжаетъ тотъ же образъ рѣчи; какъ тамъ говорилъ: *виноградъ мой*, такъ и здѣсь: *людей моихъ. И лице убогихъ посрамляете?* Тѣхъ, кого должно было исправлять, вы прогоняете; тѣхъ, кого нужно было возстановлять, вы сокрушаете. Ибо вмѣстѣ съ грабительствомъ они еще презирали низшихъ и обращались съ ними хуже, нежели съ невольниками, присоединяя къ любостяжанію надменность, и отъ неправеднаго обогащенія пріобрѣтая великую гордость. Ибо съ ко-

рыстолюбіемъ неразлучна болѣзнь высокомѣрія; и чѣмъ кто болѣе собираетъ богатства, тѣмъ болѣе усиливается и эта болѣзнь. *Глаголетъ Господь Саваоѳъ.* Что значитъ: *Саваоѳъ?* Ангеловъ, архангеловъ, вышнихъ силъ. Онъ говоритъ такъ, желая возвести слушателя отъ земли на небо, внушить ему мысль о великомъ царствѣ Божіемъ, дабы, поразивъ его этимъ, сдѣлать болѣе благоразумнымъ и показать, что такое снисхожденіе есть слѣдствіе не слабости, а долготерпѣнія Божія. *Сія глаголетъ Господь: понеже вознесошася дщери Сіони, и ходиша высокою выею, и помизаніемъ очесъ, и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущыя по долу, и ногама купно играющыя. И смиритъ Господь начальныя дщери Сіони, и Господь открыетъ срамоту ихъ. Въ день онъ, и отъиметъ Господь славу ризъ ихъ, и красоты ихъ, и вплетенія златая на главѣ, и тресны ризныя, и луницы гривенныя, и срачицы тонкія, и красоту лица ихъ, и состроеніе красы славныя, и обручи, и перстни, и мониста, и запястія, и художныя усерязи, и багряницы, и пребагряная, и утварь храмную, и свѣтлая Лаконская, и виссоны, и синеты, и червленицы, и виссонъ со златомъ и синетою претыканы, и тончицы преиманы златомъ: и будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ, и вмѣсто пояса ужемъ препояшешися, и вмѣсто украшенія златаго, еже на главѣ, плѣшъ имѣти будеши дѣлъ твоихъ ради, и вмѣ-*

сто ризы багряныя препояшешися вретищемъ: и сынъ твой добрѣйшій, егоже любиши, мечемъ падетъ, и крѣпцыи ваши мечемъ падутъ, и смирятся: и восплачутся хранилища утварей вашихъ, и останешися едина, и о землю ударена будеши (ст. 16—25). Здѣсь Пророкъ сдѣлалъ нѣчто необыкновенное, обративъ пространную рѣчь къ женамъ, чего нигдѣ въ Писаніяхъ мы не встрѣчаемъ въ такомъ видѣ. Какая же причина этого необыкновеннаго образа рѣчи?

8. Велика, мнѣ кажется, была тогда изнѣженность женъ и много онѣ способствовали нечестію мужей. Посему Пророкъ и обращается особенно къ нимъ, обличая ихъ въ тяжкихъ грѣхахъ, и въ началѣ рѣчи говоритъ опять отъ лица Божія: *сія глаголетъ Господь: понеже вознесошася дщери Сіони, и ходиша высокою выею.* Онъ укоряетъ ихъ за главнѣйшее изъ золъ,—за гордость и высокомѣріе. Это зло вездѣ несносно, но особенно въ женскомъ полѣ. Ибо жена, исполненная высокомѣрія, будучи болѣе легкомысленною и неразумною, легко развращается, утопаетъ, терпитъ кораблекрушеніе, такъ какъ гордость и высокомѣріе, скорѣе всякаго противнаго вѣтра, потопляетъ ее. Онъ, кажется, обращается къ женамъ іерусалимскимъ; посему и называетъ ихъ *дщерями Сіона. И ходиша высокою выею.* Здѣсь онъ и посмѣвается надъ ними, и показываетъ женское высокомѣріе, которое не можетъ оставаться въ душѣ, но прорывается наружу и выражается

движеніями тѣла. И не за гордость только онъ укоряетъ ихъ, но и за распутство, какъ говоритъ и объясняетъ въ дальнѣйшихъ словахъ. Онъ прибавляетъ: *и помизаніемъ очесъ*. Это свойственно развратнымъ женщинамъ,—мигать глазами и такимъ образомъ показывать великое распутство и изнѣженность; ибо ничто такъ не доказываетъ распутства и изнѣженности, какъ это. *И ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущыя по долу*. Не маловаженъ и этотъ недостатокъ, хотя онъ и кажется маловажнымъ; напротивъ влачить по землѣ одежду,—это знакъ крайней испорченности, изнѣженности, невоздержанія, распутства. Это и одинъ изъ язычниковъ, осмѣивая своего противника, поставилъ ему въ укоризну, сказавъ: «онъ спускаетъ одежду до пятокъ» (¹). *И ногама купно играющыя*. И это опять—признакъ такого же безстыдства. Во всемъ, и въ глазахъ, и въ одеждѣ, и въ ногахъ, и въ походкѣ обнаруживается или цѣломудріе, или распутство. Ибо движенія внѣшнихъ членовъ суть какбы вѣстники души, находящейся внутри. Какъ живописцы, смѣшивая краски, начертываютъ изображенія, какія хотятъ; такъ точно и движенія тѣлесныхъ членовъ выводятъ наружу свойства души и представляютъ ихъ нашимъ глазамъ. Посему и другой премудрый сказалъ: *одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и стопы человѣка возвѣстятъ, яже о немъ* (Сир. 19, 27). *И сми-*

(¹) У Діона говорится такъ о Цицеронѣ.

ритъ Господь начальныя дщери Сіони, и Господь открыетъ срамоту ихъ въ день онъ, и отъиметъ Господь славу ризъ ихъ. Обличивъ два порока, гордость и распутство, онъ для каждаго употребляетъ соотвѣтственное врачевство: для перваго—первое, а для втораго—послѣдующее, для гордости—смиреніе, а для красоты одеждъ—лишеніе ея. Когда, говоритъ, настанетъ война, тогда все уничтожится. Тогда высокомѣрныя и гордыя женщины, пораженныя страхомъ, освободятся отъ этой болѣзни; развратныя и во всемъ изнѣженныя, подвергшись игу плѣна, освободятся отъ всей этой изнѣженности. Но дабы сдѣлать слова свои болѣе чувствительными для нихъ и коснуться души слушателей, Пророкъ подробно изчисляетъ украшенія одеждъ этихъ женщинъ, золотыя вещи, носимыя на лицѣ и на прочихъ членахъ тѣла, потомъ переходитъ и къ украшенію дома. Ибо онѣ не только тѣло украшали, но простирали пагубную роскошь и на стѣны, расточая имѣніе на ненужные предметы, и, завивая свои волосы, простирали всюду эти обольстительныя крылья. За это онъ и укоряетъ ихъ и говоритъ: *отъиметъ славу ризъ ихъ, и красоты ихъ, и вплетенія златая на главѣ, и тресны ризныя.* Выраженіемъ: *тресны ризныя,* онъ называетъ или какое-нибудь головное украшеніе, или самый видъ головной прически. *И луницы гривенныя,*—украшеніе около шеи, видомъ подобное лунѣ. *И срачицы тонкія;*—вѣроятно, говоритъ о лѣтней одеждѣ. *И красоту*

лица ихъ; здѣсь, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ притиранья и румяны. *И состроеніе красы славныя*,—этимъ указываетъ на позолоту. *И обручи*,—золотыя украшенія на рукахъ. *И перстни*,—украшенія на кистяхъ рукъ. *И мониста*, —золотыя украшенія на головѣ. *И запястія, и художныя усерязи*,—которыя называютъ ручными повязками,—*и багряницы, и пребагряная, и утварь храмную, и свѣтлая Лаконская*. Такова была привязанность ихъ къ роскоши, что онѣ употребляли не только отечественныя произведенія, но собирали и издалека, изъ чужихъ странъ, и предпринимали для этого морскія путешествія. Ибо между Палестиною и Лакедемономъ великое разстояніе и огромное море.

9. И такъ не напрасно Пророкъ, не называя самыя одежды, указалъ на ихъ отечество, но для того, чтобы показать безмѣрную роскошь женщинъ. *И виссоны, и синеты, и червленицы, и виссонъ со златомъ и синетою претыканы, и тончицы преиманы златомъ*. Онѣ не оставили ни одного вида роскоши ни въ одеждѣ, ни въ другихъ украшеніяхъ, но прошли всѣ пути невоздержанія, силою разврата бывъ доведены до съумасшествія. Если же и тогда, прежде благодати и такого любомудрія, это было осуждаемо; то какое оправданіе могутъ имѣть нынѣшнія жены, которыя призваны на небо и къ подвигамъ бо́льшимъ, которыя обязываются соревновать ангеламъ, которыя могутъ несравненно съ бо́льшею силою побѣждать такое

невоздержаніе, и между тѣмъ превосходятъ и дѣйствующихъ на зрѣлищѣ? И,—что всего хуже,—онѣ даже не думаютъ, что грѣшатъ. Посему и на нихъ нужно вооружиться словомъ пророка. Подлинно, не только къ тѣмъ, но и къ этимъ относится прибавленное имъ: *и будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ*. Видишь ли, какъ онъ осуждаетъ и намащеніе благовоніями и угрожаетъ за это великимъ наказаніемъ? *Смрадомъ* онъ называетъ здѣсь пыль, которая поднимается послѣ разрушенія города и набѣга непріятелей. И дѣйствительно, они истребляли его тогда и огнемъ и мечемъ, иное разрушая, а иное предавая сожженію. Предвѣщая это, пророкъ и говоритъ: *и будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ, и вмѣсто пояса ужемъ препояшешися;* онъ представляетъ изображеніе плѣна и отведеніе въ страну иноплеменниковъ. *И вмѣсто украшенія златаго, еже на главѣ, плѣшъ имѣти будеши;* потому, что или волосы выпадутъ отъ скорби, или непріятели сдѣлаютъ это, или онѣ — сами себѣ. Въ древности былъ обычай—во время печали и несчастія стричься и бриться. Такъ, Іовъ остригъ главу, услышавъ о несчастіи дѣтей. И этотъ пророкъ далѣе говоритъ, что вмѣстѣ съ вретищемъ и рыданіемъ будетъ остриженіе (Иса. 22, 12). Также другой пророкъ говоритъ: *оброснися и остризися по чадѣхъ своихъ младыхъ* (Мих. 1, 16). *И вмѣсто ризы багряныя препояшешися вретищемъ*. Не представляется ли это страшнымъ и невыносимымъ?

Но насъ ожидаютъ еще не такія наказанія, а червь ядовитый и тьма нескончаемая. Ибо, если тѣхъ за пристрастіе къ украшеніямъ постигли плѣнъ, рабство и крайнія бѣдствія;—а что Богъ осудилъ и наказалъ ихъ собственно за этотъ грѣхъ, послушай, какъ Пророкъ, исчисливъ бѣдствія, указываетъ и на ихъ причину: это тебѣ, говоритъ, *вмѣсто украшенія*;—если же іудейскія жены, пристрастныя къ украшеніямъ, подверглись такому наказанію, такъ что отечественный городъ ихъ былъ разрушенъ до основанія, и онѣ, послѣ великой роскоши, были отведены въ чужую страну рабынями, плѣнницами и изгнанницами, и преданы голоду, болѣзнямъ и безчисленнымъ родамъ смерти: то не очевидно ли, что мы подвергнемся еще тягчайшимъ наказаніямъ, впадая въ тѣже грѣхи? Ибо кто получилъ больше чести, тотъ получитъ и тягчайшія наказанія. Если же какая-нибудь жена, пристрастная къ украшеніямъ, еще не потерпѣла ничего подобнаго, — пусть она не будетъ самонадѣянна. Богъ обыкновенно посылаетъ наказанія на одного и на другаго и чрезъ нихъ внушаетъ всѣмъ прочимъ, какія ожидаютъ ихъ бѣдствія. Но выражу яснѣе сказанное мною. Жители Содома совершали нѣкогда тяжкіе грѣхи и подверглись крайнему наказанію, когда низшелъ пламень, и города, и люди, и земля съ тѣлами ихъ, и все было сожжено. Что же? Послѣ нихъ развѣ никто не дерзалъ совершать такія же дѣла? Напротивъ, многіе и во многихъ мѣстахъ вселенной. Почему же они не потерпѣ-

ли ничего подобнаго? Потому, что они соблюдаются для другаго, тягчайшаго наказанія. Потому Богъ, сдѣлавъ это однажды, и не дѣлалъ болѣе, чтобы дерзающіе совершать такія же дѣла ясно видѣли, что они никогда не избѣгнутъ наказаній, хотя бы здѣсь и не подвергались имъ. Подлинно, если тѣ, которые жили прежде благодати и закона и не слыхали ни пророковъ, ни кого-нибудь другаго, потерпѣли такія наказанія за свои грѣхи; то справедливо ли было бы тѣмъ, которые послѣ нихъ удостоились такого попеченія Божія и не вразумились примѣромъ ихъ,—отъ чего грѣхъ дѣлается гораздо болѣе тяжкимъ,—избѣгнуть назначеннаго за это наказанія? Почему же они и теперь еще не наказаны? Дабы ты научился, что они соблюдаются для наказанія, гораздо болѣе тяжкаго.

10. А что дѣйствительно можно подвергнуться наказанію болѣе тяжкому, нежели содомское, послушай Христа, который говоритъ: *отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, неже граду тому* (Матѳ. 10, 15). Посему, если нынѣшнія жены, пристрастныя къ украшеніямъ, не наказываются такъ, какъ были наказаны украшавшіяся тогда—пусть онѣ не будутъ самонадѣянны. Самое замедленіе и долготерпѣніе Божіе приготовляетъ имъ жесточайшую огненную пещь и дѣлаетъ пламень сильнѣйшимъ. Такъ случилось и съ Ананіею и Сапфирою. Они, въ началѣ и при первомъ явленіи евангельской проповѣди утаивъ часть своего имѣнія, тотчасъ были поражены

смертію; а послѣ нихъ многіе, дерзавшіе дѣлать тоже, не потерпѣли ничего. Какъ же было бы справедливо, чтобы Судія праведный и воздающій всѣмъ равно, меньше согрѣшившихъ наказывалъ, а тяжелѣе согрѣшившихъ оставлялъ безъ наказанія? Не очевидно ли, что Онъ предопредѣлилъ день, въ который будетъ судить вселенную, и потому откладываетъ наказаніе, чтобы люди или отъ долготерпѣнія Его исправились, или подверглись тягчайшему наказанію, если останутся въ тѣхъ же грѣхахъ? Итакъ, когда мы, согрѣшая такъ же, какъ уже грѣшили другіе, потерпѣвшіе наказаніе, не терпимъ тоже, то не будемъ самонадѣянны, но еще болѣе будемъ страшиться. Наказаніемъ тѣхъ Богъ какбы изрекъ законъ, внушая и убѣждая всѣхъ: Я для того наказалъ согрѣшившихъ въ началѣ, чтобы и ты, согрѣшающій послѣ нихъ, ожидалъ себѣ тогоже, чтобы ты исправился и сдѣлался лучшимъ; за одинаковые грѣхи назначены одинаковыя и наказанія, хотя они не тотчасъ исполняются; такъ и на этихъ людей Я посылаю наказаніе не безъ причины, но потому, что въ ихъ домы отъ изнѣженности женъ вошла дурная болѣзнь, — страсть къ украшеніямъ, которая усилила трату имущества, вводя мужей въ излишнія издержки, подавая поводъ къ враждѣ, безпокойству и ежедневному соперничеству, и истощая чрево бѣдныхъ. Подлинно, когда жена заставляетъ мужа издерживать все имущество или даже больше своего имущества на оскорбленіе тѣла,—ибо оскорбленіе для тѣ-

ла—надѣтое на него золото,—тогда рука по необходимости сжимается для благодѣтельной милостыни. И множество другихъ видовъ грѣха происходитъ отсюда. Впрочемъ, предоставивъ хорошо узнавать это на опытѣ самимъ подвергающимся такому злу, обратимся къ послѣдующему. Представивъ изображеніе плѣна и сказавъ: Я наведу это *вмѣсто украшенія*, Пророкъ усиливаетъ наказаніе и говоритъ: *и сынъ твой добрѣйшій егоже любиши, мечемъ падетъ, и крѣпцыи ваши мечемъ падутъ*. Подлинно, это бѣдственнѣе плѣна; это—жизнь хуже смерти. Когда кто вмѣстѣ съ рабствомъ принужденъ проливать и безмѣрныя слезы, то представь, какъ велико его несчастіе, при совокупленіи разныхъ золъ, которыя тяжки и порознь сами по себѣ. Если бы случился только плѣнъ, то бѣдствіе было бы невыносимо; и если бы живущимъ на свободѣ случилось проливать такія слезы, то жизнь была бы тяжелѣе смерти; но теперь, говоритъ, то и другое будетъ соединено вмѣстѣ. Такое бѣдствіе нужно назвать двойнымъ, или лучше тройнымъ и четвернымъ, когда сынъ, и прекрасный, и любимый, и отъ враговъ, а не по общему закону природы, лишается жизни, а вмѣстѣ съ нимъ—и всѣ находящіеся въ зрѣломъ возрастѣ, такъ что имъ не остается никакой доброй надежды на человѣческую помощь и содѣйствіе. *И смирятся*: *и восплачутся хранилища утварей вашихъ, и останешися едина, и о землю ударена будеши*. Пророкъ всѣми мѣрами увеличиваетъ скорбь,

усиливаетъ страхъ, возбуждаетъ живое сокрушеніе, поставляетъ бѣдствія на видъ, распространяетъ описаніе несчастія, обращаясь ко всему, собирая отвсюду скорбныя черты по причинѣ безчувственности слушателей. Ибо желательно было, чтобы такими угрозами они были потрясены и стали чувствовать ожидающія ихъ бѣдствія. Посему онъ и прибавилъ то, что представляется великимъ бѣдствіемъ, т. е. что они будутъ видѣть опустошенное хранилище золота, памятникъ прежняго благоденствія, который самымъ видомъ своимъ будетъ постоянно возбуждать живую скорбь. Подлинно, несчастія обыкновенно тогда особенно поражаютъ насъ, когда мы сравниваемъ ихъ съ прежнимъ благоденствіемъ; такое сравненіе дѣлаетъ рану болѣе жестокою. Такъ и Іовъ нѣкогда со слезами говорилъ: *кто мя устроитъ по мѣсяцамъ преждnихъ дней* (Іов. 29, 2)? Онъ воспоминалъ о всемъ богатствѣ, о благахъ, которыя текли какбы изъ источниковъ, о почестяхъ, о доходахъ, о всей славѣ своей, чтобы такимъ сравненіемъ лучше показать, какъ тяжки настоящія, постигшія его, бѣдствія. Тоже дѣлаетъ теперь и пророкъ, напоминая о хранилищахъ и, не довольствуясь этимъ, представляетъ ихъ самихъ плачущими. Ибо рѣчь бываетъ поразительнѣе, когда дѣлаются такія олицетворенія. Посему онъ представляетъ плачущими и виноградъ и вино, чтобы сильнѣе поразить слушателей и тронуть ихъ безчувственность. Что значитъ: *останешися едина*? Оставленная, говоритъ, безъ

помощниковъ и безъ попеченія Божія, лишенная всей прежней славы, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами и стѣсненная среди иноплеменниковъ. За тѣмъ, желая представить крайность униженія, говоритъ: *и о землю ударена будеши.* Не сказалъ: *упадешь*, или: *низвергнешься*; но употребилъ другое слово, яснѣе выражающее все ея униженіе.

ТОЛКОВАНІЕ НА 4 ГЛАВУ КНИГИ

ПРОРОКА ИСАІИ.

И имутся седмь женъ въ тотъ день *за мужа единаго, глаголюще: хлѣбъ нашъ ясти будемъ и въ ризы наша одѣватися: точію имя твое да наречется на насъ, отъими укоризну нашу* (Исаі. 4, 1).

1. Пророкъ хочетъ показать происшедшее отъ войны оскудѣніе въ людяхъ, какъ народъ іудейскій сталъ малочисленъ. Намъ нужно, говорятъ женщины, не покровительство, какое свойственно женамъ получать отъ мужей, не расположенность и любовь, но пусть мужъ останется свободнымъ отъ такой обязанности, только бы намъ какъ-нибудь избавиться

отъ имени вдовства. Это означаютъ слова: *отъими укоризну нашу;* ибо въ древности вдовство считалось позорнымъ. *Въ день оный возсіяетъ Богъ въ совѣтѣ со славою на земли, еже вознести и прославити останокъ Исраиля* (ст. 2). Весьма тронувъ душу ихъ угрозою бѣдствій, достаточно описавъ несчастія и предложивъ пространную рѣчь о страшныхъ событіяхъ, Пророкъ наконецъ переходитъ къ предметамъ болѣе утѣшительнымъ. Отличный способъ врачеванія состоитъ въ томъ, чтобы не только отсѣкать и прижигать, но и утолять происходящую отсюда боль смягчающими лекарствами. Такъ точно поступаетъ и онъ. Все это, говоритъ онъ, кончится не скорбями, но по окончаніи бѣдствій послѣдуютъ событія болѣе утѣшительныя и будетъ не только избавленіе отъ бѣдствій, но и великая слава и великое торжество. Ибо *сіяніемъ* Божіимъ онъ называетъ то, которое разсѣеваетъ мракъ скорби, производитъ свѣтлый день и дѣлаетъ людей славными. А выраженіе: *въ совѣтѣ*, означаетъ, что Богъ устроитъ все разумно, съ свойственною Ему премудростію. *И будетъ останокъ* Израиля *въ Сіонѣ и останокъ во Іерусалимѣ: святи нарекутся вси написанніи въ жизнь во Іерусалимѣ* (ст. 3). Дабы ты убѣдился, что не по какому-нибудь случаю совершилось спасеніе тѣхъ, которые избѣгли опасности, но при помощи высшаго опредѣленія они, находясь среди бѣдствій, не были подавлены ими, для этого онъ говоритъ: *святи на-*

рекутся вси написанніи въ жизнь во Іерусалимѣ; тѣ, говоритъ, которые отдѣлены, предусмотрѣны, назначены не потерпѣтъ ничего худаго. Справедливо онъ называетъ ихъ *святыми*, выражая то, что не напрасно они отдѣлены и не безъ причины таково опредѣленіе Божіе, но нѣсколько способствовалъ тому и добродѣтельный образъ ихъ жизни, или прежній, или послѣдующій. Между ними хотя были добрые и кроткіе, но и они отъ случившихся событій сдѣлались еще лучшими и болѣе исправными. Ибо какъ золото, брошенное въ огонь, очищается отъ всякой нечистоты, такъ и люди ревностные дѣлаются еще болѣе ревностными во время искушеній, очищаясь отъ всякой безпечности. *Яко отмыетъ Господь скверну сыновъ и дщерей Сіонскихъ, и кровь Іерусалимску очиститъ отъ среды ихъ духомъ суда и духомъ зноя* (ст. 4). Здѣсь, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ двоякое очищеніе,—и то, что они получатъ наказаніе за грѣхи, и то, что они отъ этого сдѣлаются болѣе ревностными въ будущемъ. Подъ *кровію Іерусалимскою* онъ разумѣетъ умерщвленіе, неправедныя убійства. Потомъ, *желая* сильнѣе показать вину ихъ, говоритъ: *отъ среды ихъ*. Ибо они не тайно и не скрываясь отваживались на человѣкоубійства, но хуже разбойниковъ и нападающихъ на большихъ дорогахъ. Эти, скрываясь во тьмѣ и въ пустыхъ мѣстахъ, совершаютъ свойственныя имъ дѣла; а тѣ среди площадей, среди города, въ самыхъ судилищахъ совершали свои безза-

конія. Но и эту, говоритъ, происшедшую отсюда нечистоту истребитъ наступающая война. Такъ при утѣшительныхъ обстоятельствахъ онъ оправдывается въ прежнихъ скорбныхъ, объясняя, что все прежде случившееся случилось для того, чтобы они омылись, чтобы очистились, чтобы какбы перегорѣли въ огнѣ, чтобы отложили всякую нечистоту, чтобы сняли съ себя безчестіе грѣховъ и убійствъ. Что значитъ: *духомъ суда и духомъ зноя?* Онъ продолжаетъ иносказаніе, заимствованное отъ веществъ, подвергаемыхъ плавленію. Какъ тамъ воздухъ, входящій въ плавильную печь, раздувающій пламя и дѣлающій уголья болѣе горячими, истребляетъ всякую примѣсь; такъ и здѣсь гнѣвъ Божій и набѣгъ непріятелей будетъ для города огнемъ, огнемъ не истребляющимъ, но жгущимъ, очищающимъ, наказывающимъ, исправляющимъ. Ибо выраженіе: *духомъ суда*, значитъ: посредствомъ мученія, наказанія, воздаянія. *И пріидетъ Господь.* Пришествіемъ Пророкъ называетъ Его дѣйствіе. *И будетъ все мѣсто горы Сіони, и вся яже окрестъ ея осѣнитъ облакъ во дни, и яко дыма и свѣта огненна горяща въ нощи, всею славою покрыется: и будетъ въ сѣнь отъ зноя, и въ покровъ, и въ сокровеніе отъ жестости и дождя* (ст. 5. 6). Подъ облакомъ здѣсь онъ разумѣетъ успокоеніе отъ бѣдствій; а подъ *огнемъ горящимъ* явленіе Бога, соединенное съ утѣшеніемъ. Ибо что̀—облако во время зноя, то́—во время тьмы и глубокой

ночи огонь, свѣтло горящій; то умѣряетъ зной, а этотъ прогоняетъ тьму. Такимъ образомъ явленіе Бога онъ уподобляетъ свѣту огня, а успокоеніе—тѣни облака. Далѣе, желая показать, что бѣдствія будутъ уничтожаться не мало по малу, но вдругъ, при самомъ господствѣ скорбей, произойдетъ перемѣна, дабы они и отсюда убѣдились, что переворотъ къ лучшему произошелъ не по обстоятельствамъ и какому-нибудь случаю, но все совершено высшею силою, онъ говоритъ: *яко свѣта огненна горяща въ нощи*; такъ совершится перемѣна! *И будетъ въ сѣнь отъ зноя*. Чтó будетъ? Помощь, говоритъ, и содѣйствіе Божіе. Какъ тѣнь во время зноя, или убѣжище въ какой-нибудь пещерѣ сохраняетъ въ безопасности укрывшагося вь ней отъ сильной грозы; такъ точно помощь Божія и во время столь грозной войны не допуститъ потерпѣть никакого зла тѣмъ, которыхъ Онъ опредѣлилъ спасти въ началѣ.

ТОЛКОВАНІЕ НА 5 ГЛАВУ КНИГИ

ПРОРОКА ИСАІИ.

Воспою нынѣ возлюбленному моему пѣснь, возлюбленнаго моего винограду моему **(Исаі. 5, 1).**

1. Внушивъ страхъ предсказаніемъ бѣдствій, утѣшивъ обѣщаніемъ благъ, употребивъ различныя врачевства, Пророкъ снова предлагаетъ иную рѣчь, начиная ее подобно началу пророчества. Ибо, какъ въ началѣ онъ изложилъ благодѣянія Божіи, оказанныя іудеямъ, сказавъ: *сыны родихъ и возвысихъ*, и потомъ упомянулъ и представилъ сдѣланныя ими беззаконія, сказавъ: *тіи же отвергошася Мене;* и еще: *Израиль же Мене не позна, и людіе мои не разумѣша* (Исаі. 1, 2. 3); такъ и здѣсь другими словами, но тѣми же мыслями онъ выражаетъ одинаковое съ прежнимъ. Но почему, намѣреваясь изрекать обличенія, онъ называетъ обличеніе пѣснію? Моисей съ Маріамною справедливо поступили такъ; намѣреваясь пѣть побѣдную пѣснь, они справедливо начали такъ: *поимъ Господеви, славно бо прославися: коня*

и всадника вверже въ море (Исход. 15, 1). И Деввора, послѣ дивнаго трофея, послѣ необыкновенной побѣды справедливо составила побѣдную пѣснь, возсылая славословіе Богу (Суд. гл. 5). А этотъ Пророкъ, намѣреваясь обличать и имѣя потребность въ сильномъ словѣ и въ состояніи души не успокоительномъ, а напряженномъ, обѣщаетъ намъ пѣть и называетъ обличенія пѣснію. Впрочемъ не онъ одинъ дѣлаетъ это, но и великій Моисей, воспѣвшій тогда побѣдную пѣснь, въ обличеніе іудеевъ составилъ длинную пѣснь изъ укоризнъ и говорилъ: *сія ли Господеви воздаете, сіи людіе буіи и немудри* (Втор. 32, 6)? И много составивъ обличеній, онъ предписалъ іудеямъ пѣть ихъ; даже и мы еще доселѣ поемъ ихъ. Почему же они составляли обличенія въ видѣ пѣсни? Потому, что они руководились духовною мудростію и хотѣли доставить великую пользу душамъ слушателей. Нѣтъ ничего столь полезнаго, какъ постоянное памятованіе о своихъ грѣхахъ, а памятованіе ни отъ чего не дѣлается столь прочнымъ, какъ отъ пѣсни; посему, дабы они не скучали отъ чрезмѣрныхъ обличеній и не уклонялись отъ постояннаго памятованія о своихъ грѣхахъ, Пророкъ, стройностію пѣсни желая уничтожить стыдъ, происходящій отъ этого памятованія, и облегчить невыносимую скорбь, составилъ такія пѣсни, чтобы, по любви къ пѣнію постоянно повторяя ихъ, они постоянно помнили о самихъ себѣ и чтобы постоянное памятованіе о грѣхахъ было для нихъ

нѣкоторымъ постояннымъ урокомъ добродѣтели. Вы знаете, что другія книги Писанія многимъ не извѣстны даже по имени, а книга псалмовъ у всѣхъ на устахъ, равно какъ и эти самыя пѣсни. Такъ изъ самаго опыта видно, сколь великая польза происходитъ отъ пѣсни. Посему и говоритъ Пророкъ: *воспою возлюбленному пѣснь возлюбленнаго моего винограду моему*. Пѣснь, говоритъ, возлюбленному винограду воспою о самомъ возлюбленномъ. И для него я пою, говоритъ, и предметъ пѣсни—онъ самъ и дѣла его. Не удивляйся, что онъ называетъ любимымъ и возлюбленнымъ того, кого намѣревается обличать. И это служитъ величайшимъ обличеніемъ, что они, бывъ любимыми и пользуясь такимъ благоволеніемъ Божіимъ, не сдѣлались лучшими. Тоже выражаетъ и другой Пророкъ, когда говоритъ: *якоже грезнъ въ пустыни обрѣтохъ Израиля, и яко стража на смоковницѣ ранняго увидѣхъ отцы ихъ* (Осія 9, 10); онъ означаетъ этими плодами то, какъ они вожделѣнны и любезны для Бога, вожделѣнны и любезны не за собственныя добродѣтели, но по благости Божіей. А смыслъ словъ его слѣдующій: Я такъ возлюбилъ ихъ, какъ если бы кто нашелъ виноградъ въ пустынѣ, или ранній плодъ на смоковницѣ. Эти сравненія, не соотвѣтствуя достоинству Божію, сказаны приспособительно къ ихъ чревоугодію. *Тіи же*, говоритъ, пользуясь такою любовію, *отчуждишася и внидоша къ Веельфегору* (Ос. 9, 10). Такъ точно и здѣсь Пророкъ называетъ ихъ виногра-

домъ любимымъ и возлюбленнымъ, выражая, что Богъ сдѣлалъ все съ своей стороны, и притомъ не они прежде начали любить, но Богъ началъ прежде. Они же и послѣ этого не оказали себя достойными благодѣяній, но во всемъ оказали противное. *Виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ.* Названіемъ *винограда* Пророкъ выражаетъ все Божіе промышленіе и попеченіе объ нихъ.

2. Впрочемъ онъ не останавливается на этомъ, но исчисляетъ и другія благодѣянія; и во-первыхъ указываетъ на мѣстоположеніе. Ибо въ словахъ: *въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ,* онъ говоритъ съ похвалою какъ о свойствѣ земли, такъ и о мѣстоположеніи, о которомъ и Давидъ въ псалмѣ сказалъ объ Іерусалимѣ: *горы окрестъ его, и Господь окрестъ людей своихъ* (Пс. 124, 2). Богъ оградилъ его, говоритъ, и самымъ мѣстоположеніемъ, и кромѣ того самъ былъ для него величайшею стѣною; это и выражаетъ Пророкъ словомъ: *въ розѣ,* означая какъ безопасность и недоступность мѣста, такъ прежде того—помощь Божію, и заимствуя переносное выраженіе отъ воловьяго рога. Такое выраженіе и въ народѣ употребляется о тѣхъ, которые убѣгаютъ въ какое-нибудь безопасное мѣсто. Такъ какъ волъ есть сильнѣйшее изъ всѣхъ животныхъ, а рогъ есть крѣпчайшій членъ этого животнаго;—ибо оно пользуется рогомъ, какъ оружіемъ; — то многіе и привыкли такъ говорить по причинѣ его непреодолимости; и Писаніе часто называетъ *рогомъ единорога*

людей находящихся въ безопасности. Итакъ, *въ розѣ*, значитъ здѣсь: въ безопасности, на высотѣ; какъ и въ началѣ Пророкъ говорилъ: *сыны родихъ и возвысихъ* (Иса. 1, 2). *На мѣстѣ тучнѣ*; а Моисей выразилъ это словами: *землю кипящую млекомъ и медомъ* (Исх. 3, 8). *И огражденіемъ оградихъ и окопахъ* (ст. 2). *Огражденіемъ* Онъ называетъ или стѣну, или свое промышленіе. Подлинно, законъ ограждалъ ихъ безопаснѣе стѣны. *И окопахъ*. т. е. сдѣлалъ крѣпкую защиту. Такъ какъ ограда часто бываетъ удоборазрушима, то Я, говоритъ, окружилъ ихъ и другою защитою. *И насадихъ лозу избранну* (Σωρήχ). Онъ продолжаетъ переносную рѣчь, которую не должно изъяснять буквально, но довольно знать только цѣль ея. *Избранною* называетъ онъ здѣсь лозу истинно хорошую, благородную, приносящую плоды не дурные и нисшаго сорта, но отборные и первостепенные; ибо много сортовъ винограда. *И создахъ столпъ посредѣ его, и предточиліе ископахъ въ немъ*. Нѣкоторые разумѣютъ здѣсь храмъ, а подъ *предточиліемъ*—жертвенникъ, такъ какъ тамъ собирались плоды добродѣтелей каждаго, и приношенія. и всѣ жертвы; но я и теперь скажу тоже, что сказалъ выше, т. е. что нужно смотрѣть на цѣль переносной рѣчи. Всѣмъ этимъ Онъ хочетъ сказать: Я исполнилъ все съ своей стороны, оказалъ всякое попеченіе; Я не обременялъ ихъ работами, не изнурялъ трудами, не заставлялъ ихъ самихъ строить, копать и насаждать, но пе-

редалъ имъ вполнѣ устроенный виноградникъ; не ограничилъ и этимъ своего человѣколюбія, но и *ждахъ, да сотворитъ гроздіе*, и съ великимъ долготерпѣніемъ ожидалъ надлежащаго времени плодоприношенія; ибо это означаетъ выраженіе: *ждахъ. И сотвори терніе.* Указываетъ на ихъ жизнь безплодную, грубую, упорную. Какого же прощенія могутъ удостоиться тѣ, которые послѣ столь великаго попеченія воздаютъ землевладѣльцу такіе плоды? *И нынѣ живущій во Іерусалимѣ, и человѣче Іудинъ, судите между Мною и виноградомъ моимъ* (ст. 3). Велика сила правды Его, если самимъ виновнымъ предлагаетъ судить о томъ, что́ сдѣлалъ Онъ, и что́ сдѣлали они. *И нынѣ*; Я не упоминаю, говоритъ, о древнемъ, но и нынѣ готовъ судиться. Такъ Я никогда не перестаю дѣлать свое, а вы не исполняете своего. *Что сотворю еще винограду моему, и не сотворихъ ему? Зане ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе* (ст. 4). Составъ рѣчи не совсѣмъ ясенъ; посему нужно пояснить его. Смыслъ словъ его слѣдующій: что нужно было сдѣлать, и Я не сдѣлалъ? Они такъ явно грѣшили; на что же они могутъ сослаться? Развѣ что-нибудь опущено съ моей стороны, что они совершали такія преступленія? *Что сотворю еще винограду моему, и не сотворихъ ему?* Вотъ то, говоритъ, что сдѣлалъ Я; но Я не останавливаюсь на сдѣланномъ и не говорю, что Я сдѣлалъ много благодѣяній, а все ли Я сдѣлалъ, послѣ чего уже не остава-

лось бы сдѣлать ничего, объ этомъ прошу васъ сказать,—васъ, которые получали благодѣянія, были свидѣтелями сдѣланнаго и собственнымъ опытомъ узнали это, а не посторонниxъ и чужихъ. *Нынѣ убо возвѣщу вамъ, что Азъ сотворю винограду моему* (ст. 5). Одержавъ побѣду и показавъ неблагодарность ихъ, Онъ наконецъ произноситъ свое опредѣленіе и говоритъ, чтó намѣревается Онъ сдѣлать, не для того, чтобы осудить ихъ, но чтобы страхомъ угрозы сдѣлать болѣе послушными. *Отъиму огражденіе его, и будетъ въ разграбленіе: и разорю стѣну его, и будетъ въ попраніе.*

3. Отниму, говоритъ Онъ, помощь мою, лишу защиты, оставлю безъ такого промышленія, и тогда они изъ противоположнаго узнаютъ, чѣмъ пользовались прежде, когда подвергнутся разграбленію отъ всѣхъ. *И оставлю виноградъ мой, и ктому не обрѣжется, ниже покопается* (ст. 6). Опять Онъ употребляетъ переносную рѣчь. Если же кто хочетъ узнать обстоятельнѣе, то Онъ говоритъ о попеченіи посредствомъ наставленія, посредствомъ заповѣдей. Они уже не будутъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались прежде, не будутъ имѣть ни учителей, ни начальниковъ, ни пророковъ, которые бы подобно прежнему исправляли ихъ и пеклись объ нихъ. Какъ заботящіеся о виноградѣ окапываютъ его и подрѣзываютъ, такъ и исправляющіе души угрожаютъ, устрашаютъ, поучаютъ, обличаютъ; но они, говоритъ, будутъ лишены этого, бывъ отведе-

ны въ землю чуждую. *И взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ, терніе, и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя.* Онъ говоритъ или о запустѣніи города, или объ оскудѣніи ихъ самихъ и запустѣніи души каждаго изъ нихъ; а подъ облаками нѣкоторые разумѣютъ здѣсь пророковъ, которые какбы получали дождь свыше и передавали возвѣщаемое имъ народу. Но и они, говоритъ, не будутъ дѣлать обычнаго имъ. Ибо, хотя одинъ или два пророка пошли вмѣстѣ съ іудеями въ плѣнъ, но сонмъ пророковъ тогда молчалъ. *Виноградъ бо Господа Саваоѳа домъ Исраилевъ есть, и человѣкъ Іудинъ новый садъ возлюбленный: ждахъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль* (ст. 7). По употребленіи множества переносныхъ выраженій: *виноградъ*, *столпъ*, *предточиліе*, *огражденіе*, *окопаніе*, *обрѣзываніе* винограда, дабы кто-нибудь изъ тогдашнихъ людей неразумныхъ не подумалъ, что все это говорится о виноградѣ, онъ къ концу рѣчи тотчасъ объяснилъ все. *Виноградъ бо Господа Саваоѳа домъ Исраилевъ есть*: не о растеніяхъ, говоритъ, рѣчь моя, не о бездушной твари, не о камняхъ и стѣнахъ, но о народѣ нашемъ. Посему и прибавилъ: *и человѣкъ Іудинъ новый садъ возлюбленный*; потому что колѣно іудино имѣло нѣкоторое преимущество предъ прочими десятью колѣнами, и храмъ находился близко къ нему и все богослуженіе, и болѣе другихъ оно процвѣтало, и было царственнымъ и болѣе мо-

гущественнымъ. Называя его *возлюбленнымъ*, Пророкъ опять укоряетъ іудеевъ, которые оказались такими предъ Богомъ, сильно любившимъ ихъ. Таковъ законъ любящихъ—и при самыхъ обличеніяхъ не скрывать своей великой любви. Отсюда мы получаемъ и другой не малый урокъ. Какой же именно? Тотъ, когда и какія мѣста Писанія нужно принимать въ переносномъ смыслѣ, и что мы не можемъ по собственному произволу употреблять эти правила, но должны по указанію самаго Писанія толковать переносный образъ рѣчи. Я хочу сказать слѣдующее: въ настоящемъ мѣстѣ Писаніе говоритъ о виноградѣ, огражденіи, точилѣ; но оно не оставило на произволъ слушателя прилагать сказанное къ какимъ угодно предметамъ, или лицамъ, но потомъ объяснило себя, сказавъ: *виноградъ Господа Саваоѳа домъ Израилевъ есть*. Также и Іезекіиль, изображая орла великаго и великокрылаго входящимъ на Ливанъ и обрывающимъ вершину кедра, не предоставляетъ произволу слушателей объяснять эту переносную рѣчь, но самъ же говоритъ, кого онъ разумѣетъ подъ орломъ, и кого подъ кедромъ (Іез. 17, 3—12). И этотъ самый Пророкъ далѣе говоритъ о нѣкоторой сильной рѣкѣ, стремящейся на Іудею, и дабы не зависѣло отъ произвола слушателя прилагать сказанное къ какому угодно лицу, называетъ и того царя, котораго онъ назвалъ рѣкою (Иса. 8, 7). И вездѣ въ Писаніи таковъ законъ: когда оно употребляетъ переносную рѣчь, то предлагаетъ и изъясне-

ніе переносной рѣчи, дабы необузданный произволъ желающихъ объяснять его въ переносномъ смыслѣ не блуждалъ и не носился вездѣ просто и какъ случится. И удивительно ли, что такъ поступали пророки? И писатель притчей такъ же поступаетъ. Сказавъ: *елень любве, и жребя твоихъ благодатей да бесѣдуетъ тебѣ, и источникъ твоея воды да будетъ тебѣ твой*, онъ самъ объяснилъ, что сказалъ это о женѣ законной и честной, дабы отклонить отъ сношенія съ женою развратною и чужою (Прит. 5, 18. 19). Такъ точно и этотъ Пророкъ говоритъ здѣсь, кого онъ назвалъ виноградомъ. Далѣе, когда онъ сказалъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, къ концу рѣчи опять представляетъ оправданіе: *ждахъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль*. Я справедливо, говоритъ, опредѣляю наказаніе; Я ожидалъ, *да сотворитъ* судъ, т. е. правду, а они показали противное: беззаконія, неправду и вопль. *Воплемъ* онъ называетъ здѣсь любостяжаніе, несправедливую раздражительность, безразсудный гнѣвъ, несогласія, ссоры. *Горе совокупляющымъ домъ къ дому, и село къ селу приближающымъ, да ближнему отъимутъ что* (ст. 8). Сказавъ, что они производили *вопль*, т. е. предавались любостяжанію и хищенію, онъ приводитъ и частный видъ этой неправды, исполненный великой злобы; и опять начинаетъ плачемъ, показывая и великость ихъ грѣховъ, и выражая, что они страдали неисцѣльною болѣзнію.

4. Такіе поступки можно видѣть и нынѣ у людей худо пользующихся богатствомъ, которые дѣлаютъ притязаніе на сосѣднія земли не для своей безопасности, но въ обиду ближнимъ, подобно распространяющемуся огню грабя всѣхъ сосѣдей. *Еда вселитеся едини на земли? Услышашася бо въ ушесахъ Господа Саваова сія* (ст. 9). Пророкъ показываетъ, что они страдаютъ неизцѣльною болѣзнію тщетно и напрасно. Такъ какъ подобныхъ людей не столько удерживаютъ наказанія и мученія, сколько точное знаніе, что они не воспользуются похищеннымъ, то онъ угрожаетъ имъ этимъ и говоритъ, что они трудятся, мучатся и умножаютъ грѣхи, а наслажденія имѣть не будутъ. Ибо, говоритъ, недремлющее Око не смотритъ спокойно на такія дѣла. Словами: *услышашася бо*, онъ выражаетъ не то, будто эти дѣла теперь только стали извѣстны Богу, но то, что теперь приближается судъ и уже наступаетъ время воздаянія. *Аще бо будутъ домове мнози, въ запустѣніе будутъ велицыи и добри, и не будутъ живущіи въ нихъ*. Таково любостяжаніе! Доставляя предающимся ему большія богатства, оно лишаетъ ихъ и прежняго. Это выражаетъ онъ и здѣсь и говоритъ: когда вы устроите великолѣпныя жилища, когда присвоите себѣ имущества всѣхъ, тогда лишитесь и прежняго. Домы будутъ стоять безъ владѣльцевъ и громче всякой трубы вѣщать противъ тѣхъ, которые пріобрѣли ихъ грабительствомъ, и увеличивающееся разрушеніе ихъ будетъ представляться какбы нѣко-

рымъ памятникомъ этого. *Идѣже бо возорютъ десять супругъ воловъ, сотворитъ корчагъ единъ, и сѣяй артавасъ шесть, сотворитъ мѣры три* (ст. 10). Отъ города Пророкъ обращаетъ рѣчь къ запустѣнію поля, чтобы со всѣхъ сторонъ поразить слушателя. И домы, говоритъ, не будутъ имѣть жителей, и земля не будетъ оказывать своей силы. Такъ и въ началѣ за грѣхъ Адама она произрастила терніе и волчцы; и послѣ него за преступленіе Каина она приносила плоды гораздо меньшіе трудовъ его и собственной силы. И во многихъ другихъ мѣстахъ можно видѣть, что она наказывается за грѣхи людей. И удивительно ли, что нечестіе людей уменьшаетъ производительность и плодородіе земли, если она чрезъ насъ сдѣлалась тлѣнною и опять чрезъ насъ дѣлается нетлѣнною? Такъ какъ самое бытіе свое она получила для насъ и для служенія намъ, то и состоянію ея такому или другому начало и причина заключаются здѣсь же. Такъ было и при Ноѣ. Когда родъ человѣческій дошелъ до крайняго нечестія, то разстроилось все, и сѣмена, и растенія, и роды животныхъ, и земля, и море, и воздухъ, и горы, и рощи, и холмы, и города, и стѣны, и домы, и башни, и все вообще покрылось тогда страшнымъ потопомъ. А когда опять нужно было размножаться человѣческому роду, то земля получила свой порядокъ и опять пришла въ прежнее благоустройство. Тоже происходило, какъ всякой можетъ видѣть, и въ частныхъ случаяхъ въ честь людей. Такъ море отступало

и опять заступало свое мѣсто, солнце и луна удерживались и прекращали свое теченіе, огонь оказывалъ свойства воды, земля—свойства моря, а море—свойства земли, и все, сказать кратко, обращается въ пользу людямъ. Такъ какъ человѣкъ превосходнѣе всего и для него существуетъ все сотворенное, то и теперь, когда народъ іудейскій согрѣшилъ, Богъ останавливаетъ плодородіе земли и запрещаетъ ей приносить обычные плоды послѣ многихъ трудовъ и усилій людей, дабы они познали отсюда, что не искусство земледѣльческихъ рукъ, не волы и плугъ, не свойство земли и не что-нибудь другое подобное, но Господь всего этого и изливаетъ все щедрою рукою, и опять, когда хочетъ, останавливаетъ все. *Горе востающымъ заутра, и сикеръ гонящымъ, ждущымъ вечера: вино бо сожжетъ я. Съ гусльми бо и пѣвницами, и тимпаны, и свирѣльми вино піютъ, на дѣла же Господня не взираютъ, и дѣлъ руку Его не помышляютъ* (ст. II. 12). Обличивъ великое ихъ любостяжаніе, онъ указываетъ и на корень зла. Этимъ корнемъ было пьянство, которое бываетъ причиною безчисленнаго множества золъ, особенно когда предаются ему съ такою безмѣрностію.

3. Посмотри, какъ обстоятельно онъ посмѣвается надъ ними. Весь день, говоритъ, они употребляютъ на это. Не тогда, когда нужно обѣдать, они поступаютъ такъ, но всякое время дѣлаютъ временемъ пьянства, и съ самаго начала дня, когда особенно нужно имъ быть

трезвыми, они предаются великому опьяненію, и потомъ уже невольно до вечера остаются въ этой болѣзни. Ибо, если они однажды поспѣшатъ погрузиться въ бездну невоздержанія, лишатся естественнаго смысла и отдадутъ свою душу въ плѣнъ гибельной власти пьянства, то, подобно какъ корабль, не снабженный балластомъ и не имѣющій кормчаго и корабельщиковъ, носится туда и сюда, увлекаясь безпорядочнымъ стремленіемъ водъ, такъ точно и они носятся, увлекаясь въ глубину опьяненіемъ. Посему Пророкъ и говоритъ: *горе востающымъ заутра и сикеръ гонящымъ*. Они не нуждѣ удовлетворяли, и не ожидали пробужденія потребности, чтобы удовлетворить ей, но обращали въ дѣло и занятіе свое—постоянно пьянствовать. *И сикеръ гонящымъ*. Сикеромъ здѣсь называется сокъ пальмъ, который они приготовляли, перетирая и выжимая пальмовые плоды, чтобы обратить его въ вино. Онъ имѣетъ одуряющее свойство и производитъ опьяненіе; но они не обращали на это вниманія, ища во всемъ удовольствія. *Ждущымъ вечера*: *вино бо сожжетъ я*. Таково свойство пьянства: съ теченіемъ времени оно усиливается и возбуждаетъ мучительнѣйшую жажду. Далѣе Пророкъ указываетъ и на другую вину, не меньшую первой: *съ гусльми бо*, говоритъ, *и пѣвницами*, *и тимпаны*, *и свирѣльми вино піютъ*. Это осуждаетъ и другой Пророкъ, когда говоритъ: *піющіи процѣженое вино, и первыми вонями мажущіися, плещущіи ко гласу пищалей, аки*

стояща мнѣша, а не яко бѣжаща (Амос. 6, 6. 5). Подлинно, это знакъ крайняго нечестія и душевнаго развращенія,—обращать свой домъ въ зрѣлище и предаваться такимъ пѣснямъ. Что производитъ помрачающее пьянство, то производитъ и музыка, ослабляя крѣпость ума, сокрушая бодрость души и располагая къ большему сладострастію. *На дѣла же Господня не взирають, и дѣлъ руку Его не помышляютъ;* разумѣетъ или чудеса Его, или созерцаніе природы. Какъ они могутъ созерцать ее, когда обращаютъ день въ ночь, а ночью бываютъ нисколько не лучше мертвыхъ? Какъ они могутъ видѣть восходящее солнце, блистательную красоту неба, разнообразный вечерній хоръ звѣздъ и порядокъ и дѣятельность всѣхъ прочихъ тварей, когда они лишены и внѣшнихъ и внутреннихъ очей? Такимъ образомъ они немалый вредъ причиняли сами себѣ, если отходили изъ настоящей жизни безъ созерцанія чудесъ Божіихъ, бывъ погружены все время во мракѣ пьянства. *Убо плѣнени быша людіе мои, за еже не вѣдѣти имъ Господа* (ст. 13). Опять Пророкъ возвѣщаетъ будущее, какъ уже совершившееся, и опредѣляетъ наказаніе за такое нечестіе. Пьянство и само по себѣ можетъ служить вмѣсто всякаго наказанія, наполняя душу смятеніемъ, погружая умъ во мракъ, дѣлая его плѣнникомъ, подвергая людей безчисленнымъ болѣзнямъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Такъ и Павелъ зналъ, что нечестіе само по себѣ служитъ наказаніемъ, посему и

сказалъ: *и возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще* (Рим. 1, 27). Но такъ какъ безчувственность ихъ была такова, что они, получая наказаніе, не чувствовали его, находясь въ болѣзни, не сознавали, что больны, то Онъ возвѣщаетъ и внѣшнее наказаніе: *убо плѣнени быша*, говоритъ, *людіе мои, за еже не вѣдѣти имъ Господа, и множество бысть мертвыхъ глада ради и жажды водныя.* Замѣть, какъ въ самомъ наказаніи предлагается великое вразумленіе, а не вдругъ посылается тягчайшее мученіе. Богъ не вдругъ послалъ плѣнъ, но напередъ голодъ и зной, чтобы они, оставаясь дома, сдѣлались лучшими и своею неизцѣльною болѣзнію не привлекли войска иноплеменниковъ. Но такъ какъ они не послушались и не получили отсюда пользы, то наконецъ Онъ посылаетъ на нихъ крайнее наказаніе. Впрочемъ прежде этого Пророкъ возвышенно и сильно изображаетъ бѣдствіе голода и говоритъ: *и расшири адъ душу свою* (ст. 14.);—говоритъ такъ не потому, чтобы адъ имѣлъ душу, но олицетворяетъ угрозу, желая сдѣлать свои слова болѣе разительными и произвести живой страхъ въ душѣ слушателей. Посему и продолжаетъ такъ: *и разверзе уста своя, еже не престати,* — представляя адъ какъ бы какимъ-нибудь звѣремъ и этотъ образъ приближая къ нимъ самимъ; и всего ужаснѣе то, что адъ не только открылъ уста свои, но и остается открывшимъ ихъ, не насыщаясь погружающимися въ него. *И сни-*

дутъ славніи, и велицыи, и богатіи, и губители ихъ. Далѣе, дабы ты зналъ, что это происходило не по естественному порядку вещей, но было ударомъ Божіимъ и опредѣленіемъ, нисшедшимъ съ небесъ, онъ говоритъ, что туда будутъ низвергнуты люди знатные и облеченные властію, которые разстроивали все и приводили въ безпорядокъ дѣла іудеевъ.

6. *Губителями* Пророкъ справедливо называетъ ихъ, какъ людей, которые не оставляютъ нечестія въ себѣ самихъ, но передаютъ эту болѣзнь и другимъ. Ибо таково свойство заразы: начинаясь въ одномъ тѣлѣ, она распространяется и переходитъ на множество другихъ. *И веселяйся въ немъ*, т. е. наслаждающійся удовольствіями, восхищающійся, считающій себя обладателемъ постоянныхъ благъ, и тотъ падетъ и погибнетъ. *И смирится человѣкъ, и обезчестится мужъ, и очи высокоглядящіи смирятся, и вознесется Господь Саваоѳъ въ судѣ* (ст. 15). Посмотри опять на попеченіе Божіе. Онъ не производитъ совершенной погибели и не истребляетъ всего народа ихъ изъ среды живыхъ, но оставляетъ нѣкоторыхъ, чтобы они отъ наказанія погибшихъ сдѣлались лучшими. Это Онъ выражаетъ словомъ: *смирятся*, т. е. тѣ, которые сохранятся, которые останутся. *И вознесется Господь Саваоѳъ въ судѣ, и Богъ святый прославится въ правдѣ* (ст. 16). Указываетъ на два блага: на то, что они избавятся отъ надменности и сдѣлаются лучшими, и на то, что Богъ будетъ предметомъ удивленія

для всѣхъ; это означаютъ слова: *вознесется и прославится*, чрезъ самое наказаніе, чрезъ пораженіе ихъ. Что значитъ: *въ судѣ*? Чрезъ воздаяніе. *И упасутся расхищенніи яко юнцы, и пустыни плѣненныхъ агнцы поядятъ* (ст. 17). Указываетъ здѣсь на малочисленность оставшихся и на чрезвычайное запустѣніе страны. *Горе привлачающымъ грѣхи яко ужемъ долгимъ, и яко ига юнична ременемъ беззаконія своя, глаголющымъ: скоро да приближатся, яже сотворитъ, да видимъ, и да пріидетъ совѣтъ Святаго Исраилева, да разумѣемъ* (ст. 18. 19). Тогда какъ пророки постоянно угрожали и предсказывали бѣдствія, лжепророки, проповѣдуя угодное народу и разслабляя его, увѣряли, что слова тѣхъ ложны, а ихъ слова истинны. Такимъ образомъ многіе, обольщаясь словами ихъ, не вѣрили. Такъ какъ пророчества исполнялись не вдругъ послѣ того, какъ были изрекаемы; ибо пророчество въ томъ и состоитъ, что оно предсказываетъ имѣющее исполниться спустя долгое время; такъ какъ пророки постоянно говорили о голодѣ, заразахъ и войнахъ, а на самомъ дѣлѣ этого еще не было, то многіе изъ обольщенныхъ, находя въ самомъ замедленіи бѣдствій поводъ къ невѣрію, говорили: пусть исполнится сказанное; если вы говорите правду, то пусть наступятъ такія событія; покажите намъ на дѣлѣ опредѣленіе Божіе, Посему, такъ какъ они дѣлали для себя долготерпѣніе Божіе поводомъ къ невѣрію, и чрезъ то умножали грѣхи свои, какъ невѣріемъ, такъ и боль-

шею безпечностію отъ невѣрія; то Пророкъ справедливо оплакиваетъ ихъ и говоритъ: вы какбы длинною веревкою привлекаете къ себѣ гнѣвъ Божій, и увеличиваете свое нечестіе; ибо если вы не вѣрите сказанному, то теперь остается вамъ испытать это на самомъ дѣлѣ; такимъ образомъ вы сами навлекаете на себя бѣдствія, не вѣруя сказанному. Посему онъ и говоритъ: *горе привлачающымъ грѣхи своя*, т. е. воздаяніе за грѣхи. *Яко ужемъ долгимъ*, говоритъ, вы издалека привлекаете къ себѣ опредѣленное за ваши грѣхи наказаніе, и *яко ременемъ* вьючной юницы,—выражая этимъ ихъ усиліе, стараніе. Какъ если бы кто крѣпкою веревкою привлекалъ къ себѣ что-нибудь, такъ и вы своимъ невѣріемъ привлекаете на себя гнѣвъ Божій. Далѣе говоритъ и о томъ, какимъ образомъ они привлекали: *глаголющымъ*: *скоро да приближатся*, *яже сотворитъ Богъ*, *да видимъ*. Въ этомъ укоряетъ ихъ и другой Пророкъ: *увы лютѣ желающымъ дне Господня! вскую вамъ сей день Господень? сей бо есть тма*, *а не свѣтъ*, *и мгла*, *не имущи свѣта своего* (Амос. 5, 18. 20). Такъ и эти невѣрущіе говорили: когда придетъ день наказанія и мученія? *Горе глаголющымъ лукавое доброе*, *и доброе лукавое*, *полагающымъ тму свѣтъ*, *и свѣтъ тму*, *полагающымъ горькое сладкое*, *и сладкое горькое* (ст. 20). Опять онъ говоритъ о томъ же. Такъ какъ они оскорбляли пророковъ и называли ихъ обманщиками, а лжепророковъ почитали, и такимъ образомъ извра-

щали порядокъ вещей, то онъ возвѣщаетъ имъ *горе* за превратное сужденіе. *Горе*, говоритъ, *глаголющымъ лукавое доброе*, т. е. лжепророчество, *и доброе лукавое*, т. е. пророчество, *полагающымъ тму свѣтъ и свѣтъ тму, горькое сладкое, и сладкое горькое*. Хотя и тяжки, говоритъ, слова пророковъ, но нѣтъ ничего слаще ихъ, такъ какъ они словесными угрозами избавляютъ отъ испытанія бѣдствій на дѣлѣ; и хотя сладки слова лжепророковъ, но нѣтъ ничего горьче ихъ; такъ какъ они пріятными словами навлекаютъ дѣйствительныя бѣдствія.

7. Вотъ какъ мудро Пророкъ перетолковалъ ихъ сужденіе. Такъ какъ они словамъ однихъ не внимали, какъ изрекающимъ весьма горькое, а словамъ другихъ внимали, какъ весьма благосклоннымъ и заключающимъ въ себѣ великую сладость, то онъ сказалъ, что напротивъ великая сладость— у пророковъ, а великая горечь—у лжепророковъ. Въ томъ же смыслѣ нужно намъ понимать и слова его о свѣтѣ и тьмѣ. Ибо одни вели къ заблужденію, а другіе руководили къ истинѣ; одни, какъ бы связавъ руки, предавали мраку плѣна, а другіе принимали всѣ мѣры, чтобы привести къ свѣту свободы. Посему, такъ какъ слушатели имѣли объ этомъ превратныя и не надлежащія понятія, Пророкъ справедливо вразумляетъ ихъ и говоритъ: *полагающымъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму*. *Горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (ст. 21). Не малъ и этотъ недостатокъ, когда кто

считаетъ себя мудрымъ и во всемъ полагается на свои сужденія; ибо отсюда происходитъ вышесказанное, т. е. что называютъ доброе злымъ, а злое добрымъ и проч. За это и Павелъ осуждалъ языческихъ философовъ, когда говорилъ: *глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (Рим. 1. 22). И писатель притчей также говоритъ: *видѣхъ мужа, непщевавша себе мудра быти, упованіе же имать безумный паче его* (Притч. 26, 12). И въ другомъ мѣстѣ Павелъ осуждаетъ это, когда говоритъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. 12, 16); и еще: *аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. 3, 18). Не надѣйся, говоритъ, на собственную мудрость и на свои собственныя сужденія, но, смиривъ ихъ, предавай свою душу наставленію Духа. Такъ и между іудеями были такіе люди, которые презирали пророковъ, какъ пастуховъ и приставниковъ стада, и считали мудрыми самихъ себя, отъ чего и происходила гордость ихъ; посему Пророкъ справедливо оплакиваетъ ихъ и говоритъ: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни. Горе крѣпкимъ вашымъ, вино піющымъ, и вельможамъ растворяющымъ сикеръ* (ст. 22). Не удивляйся, что онъ, сказавъ недавно такъ много противъ пьянства, опять повторяетъ ту же рѣчь; такъ какъ эта рана тяжела и неудобоизлечима, то нужно было часто омывать ее. Она тяжела и неудобоизлечима потому, что многимъ не кажется грѣхомъ, тогда какъ есть тягчайшій

изъ всѣхъ грѣховъ и производитъ безчисленное множество болѣзней. Посему онъ и говоритъ: *вино піющымъ, и вельможамъ растворяющымъ сикеръ*. Двоякая опасность: отъ силы опьяненія и отъ избытка власти. Подлинно, всѣмъ людямъ нужно благоразуміе, но особенно облеченнымъ почестями и властію, чтобы увлекаясь бременемъ власти, какбы какимъ-нибудь стремленіемъ безпорядочныхъ водъ, не свергнуться въ пропасть. *Оправдающымъ нечестива даровъ ради, и, еже есть праведное праведнаго, вземлющымъ отъ него* (ст. 23). Опять двоякая вина: оправданіе виновнаго и осужденіе невиннаго. А причиною того и другаго грѣха — принятіе подарковъ. *Сего ради якоже сгоритъ трость отъ углія огненнаго, и сожжется отъ пламене разгорѣвшагося* (ст. 24). Онъ указываетъ на быстроту воздаянія, на скорость наказанія, изображая такимъ подобіемъ совершенную погибель ихъ.

8. Все это выразилъ онъ словами: *пламень, угліе, трость*, и слѣдующими: *корень ихъ, яко персть будетъ, и цвѣтъ ихъ, яко прахъ взыдетъ*. Прочное и крѣпкое разрушится, великолѣпное разсѣется, свѣтлое пройдетъ и изчезнетъ. *Не восхотѣша бо закона Господа Саваоѳа, но слово Святаго Исраилева раздражиша. Словомъ* Пророкъ называетъ законъ. *И возъярися гнѣвомъ Господь Саваоѳъ на люди своя, и наложи руку свою на нихъ, и порази ихъ: и раздражишася горы, и быша трупи ихъ, яко гной посредѣ пу-*

ти: и во всѣхъ сихъ не отвратися ярость Его, но рука Его еще высока (ст. 25). Здѣсь онъ указываетъ на жестокую войну, во время которой невозможно будетъ даже предавать тѣла погребенію, не съ тѣмъ, чтобы наказаны были мертвые, но чтобы живые примѣромъ чужихъ несчастій сколько-нибудь удержались отъ собственнаго нечестія. И смотри, какъ онъ сильно выразился. Не сказалъ, что мертвые не погребены, но брошены презрѣннѣе всякаго помета, что̀ для живыхъ кажется страшнѣе всего и ужаснѣе самой смерти. Но, что̀ хуже всего, они и послѣ этого, говоритъ, не исправились, но остаются въ томъ же состояніи. Посему, такъ какъ они не исправлялись, онъ еще угрожаетъ имъ тягчайшимъ ударомъ отъ иноплеменниковъ. *Воздвигнетъ убо*, продолжаетъ онъ, *знаменіе во языцѣхъ сущихъ далече* (ст. 26). Дабы отдаленность пути не подала имъ повода къ безпечности, онъ говоритъ, что для Бога такъ легко привести враговъ, какъ для поднявшаго знамя—вывести на сраженіе вооруженныхъ и готовыхъ воиновъ, или какъ бываетъ это съ конями приготовленными къ бою; ибо, какъ скоро подается знакъ выхода, они тотчасъ выскакиваютъ изъ-за ограды. Такимъ образомъ Пророкъ указываетъ здѣсь на два обстоятельства: на то, что враги легко придутъ по повелѣнію Божію, и на то, что они давно пришли бы, если бы великое долготерпѣніе Его не удерживало ихъ. Въ дальнѣйшихъ словахъ онъ еще болѣе показываетъ легкость этого для Бога: *и позвиж-*

детъ имъ отъ конецъ земли. Не удивляйся, что онъ, говоря о Богѣ, употребляетъ такія чувственныя выраженія; онъ приспособляетъ слова къ неразумію слушателей, желая показать всѣмъ этимъ только то, что это и для Бога легко и непремѣнно сбудется; посему и присовокупляетъ: *и се скоро легцѣ грядутъ: не взалчутъ, ни утрудятся, ни воздремлютъ, ни поспятъ* (ст. 27). Это сказано преувеличенно. Ибо возможно ли, чтобы они не алкали и не спали, будучи людьми и подлежа общимъ условіямъ жизни? Всѣмъ этимъ, какъ я сказалъ, онъ изображаетъ быстроту войска, легкость, скорость. *Ни распояшутъ поясовъ своихъ отъ чреслъ своихъ, ниже расторгнутся ремени сапоговъ ихъ: ихже стрѣлы остры суть, и луцы ихъ напряжени: копыта коней ихъ яко твердъ камень вмѣнишася, колеса колесницъ ихъ яко буря. Ярятся яко львове, и предсташа яко львичища: и иметъ, и возопіетъ, яко звѣрь, и извержетъ, и не будетъ отъемлющаго ихъ: и возопіетъ ихъ ради въ той день, яко шумъ моря волнующася: и возрятъ на землю и се тма жестока въ недоумѣніи ихъ* (ст. 28—30). Такъ Пророкъ распространилъ рѣчь и усилилъ страхъ, описавъ порознь всѣ обстоятельства, и свойство враговъ, и силу, и оружіе, и коней, и колесницы, дабы обиліемъ сказаннаго привести слушателей въ великое сокрушеніе и ясностію изображеній ближе представить имъ эти обстоятельства. Посему онъ сравниваетъ враговъ со львами, и не о-

станавливается на этомъ сравненіи, но изображаетъ и голосъ и нападеніе звѣря, и, продолжая переносную рѣчь, употребляетъ много образныхъ выраженій. Затѣмъ онъ упоминаетъ о морѣ и говоритъ, что будетъ такой шумъ, такое смятеніе, какое бываетъ тогда, когда сильно волнуется и бушуетъ море; и вообще употребляетъ всѣ мѣры усилить страхъ, чтобы они не имѣли нужды испытать эти бѣдствія на самомъ дѣлѣ. И, что̀ еще болѣе ужасно, тогда не будетъ, говоритъ, защитника ни на землѣ, ни съ неба, но они будутъ лишены и высшей помощи и здѣшнихъ пособій и преданы врагамъ. *Тьмою же* онъ называетъ здѣсь помраченіе, происшедшее въ нихъ отъ несчастія, не въ томъ смыслѣ, будто изчезнутъ лучи солнца, но въ томъ, что страждущіе, по своему расположенію, будутъ видѣть среди полудня вмѣсто свѣта мракъ, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, пораженными скорбію и уныніемъ. А дабы ты зналъ, что эта тьма происходила не отъ свойства воздуха, но отъ ихъ расположенія, онъ прибавилъ: *и се тма жестока въ недоумѣніи ихъ*.

ТОЛКОВАНІЕ НА 6 ГЛАВУ КНИГИ

ПРОРОКА ИСАІИ.

И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь (Иса. 6, 1).

1. Почему Пророкъ въ другихъ мѣстахъ означаетъ время (пророчества) жизнію царей, а здѣсь—смертію? Онъ не сказалъ: было во дни Озіи, или въ царствованіе Озіи, но: было тогда, когда *умре*. Для чего же онъ дѣлаетъ это? Не напрасно и не случайно, но здѣсь онъ внушаетъ намъ нѣчто таинственное. Что же именно? Этотъ Озія, забывшись вслѣдствіе успѣха своихъ дѣлъ и возгордившись счастіемъ, сталъ превозноситься выше своего достоинства. Бывъ царемъ, онъ подумалъ, что ему позволительно священнодѣйствовать, вторгся во храмъ, вошелъ во Святое Святыхъ, и, когда священникъ препятствовалъ и запрещалъ ему входить туда, онъ не остановился, но продолжалъ безумствовать, презирая слова священника. За такое безстыдство Богъ поразилъ его проказою на челѣ, такъ что онъ, пожелавъ чести больше надлежащей, потерялъ и ту, какую

имѣлъ; ибо не только не получилъ священства, но, сдѣлавшись нечистымъ, лишился царства, и со стыда все время проживалъ тайно въ нѣкоторомъ домѣ (2 Парал. 26). Вмѣстѣ съ нимъ и весь народъ испыталъ гнѣвъ Божій за то, что презиралъ законы Божіи и не защищалъ оскорбляемаго священства. А въ чемъ онъ испыталъ это? Въ томъ, что сократились пророчества; разгнѣванный Богъ не давалъ имъ ни о чемъ никакого отвѣта. Впрочемъ Онъ сдѣлалъ это не на всегда, но продолженіемъ жизни царя ограничилъ и продолженіе наказанія. Когда этотъ царь окончилъ жизнь, тогда и Богъ прекратилъ свой гнѣвъ, и опять отверзъ врата пророчества. Это имѣетъ въ виду Пророкъ, напоминая намъ о времени смерти царя; посему и начинаетъ пророчество такъ: *и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща*. Между тѣмъ Христосъ говоритъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже*: *Единородный Сынъ*, *сый въ лонѣ Отчи*, *той исповѣда* (Іоан. 1, 18); и еще: *не яко Отца видѣлъ есть кто*, *токмо сый отъ Бога*, *сей видѣ Отца* (Іоанн. 6, 46); и Моисею самъ Богъ сказалъ: *не бо узритъ человѣкъ лице мое*, *и живъ будетъ* (Исх. 33, 20). Какъ же Пророкъ говоритъ, что онъ видѣлъ Господа? *Видѣхъ*, говоритъ, *Господа*. Онъ говоритъ не противное словамъ Христовымъ, но весьма согласное съ ними. Христосъ говоритъ о точномъ Богопознаніи, котораго никто не имѣетъ; ибо сущаго Божества и чистаго существа Его ни-

кто не видѣлъ, кромѣ Единороднаго; а Пророкъ повѣствуетъ о видѣніи, возможномъ для него. Онъ не могъ видѣть того, чтó есть Богъ, но видѣлъ Его въ образѣ нисшедшаго на столько, на сколько могла возвыситься немощь созерцающаго. А что дѣйствительно ни онъ и никто другой не видѣлъ чистаго Божества, это очевидно изъ самаго повѣствованія. *Видѣхъ*, говоритъ, *Господа сѣдяща*; но Богъ не сидитъ; это—тѣлесное положеніе. Притомъ говоритъ не просто: *сѣдяща*, а: *на престолѣ*; но Богъ не поддерживается чѣмъ-нибудь; какъ можно сказать это о Томъ, Кто существуетъ вездѣ и наполняетъ все, *въ руцѣ* Котораго *вси концы земли* (Пс. 34, 4)? Отсюда очевидно, что это видѣніе было снисхожденіемъ Божіимъ. Тоже выражаетъ и другой Пророкъ, говоря отъ лица Божія: *Азъ видѣнія умножихъ* (Осіи 12, 10), т. е. являлся различнымъ образомъ. Но если бы являлось само чистое существо Божіе, то оно не являлось бы различнымъ образомъ; а такъ какъ по снисхожденію Богъ являлъ Себя пророкамъ то такимъ, то другимъ образомъ, принимая виды, соотвѣтственные различнымъ временамъ, посему Онъ и говоритъ: *видѣнія умножихъ и въ рукахъ пророческихъ уподобихся*, т. е. являлся не такъ, какъ есмь, но принималъ такой образъ, какой могли видѣть созерцавшіе. Такъ, ты видишь Его то сѣдящимъ, то вооруженнымъ, то имѣющимъ сѣдые волосы, то въ тихомъ вѣтрѣ, то въ огнѣ, то показывающимъ *задняя* своя, то на херуви-

махъ, то въ образѣ, подобномъ веществамъ металлическимъ свѣтло блестящимъ. Впрочемъ, почему Онъ являлся то вооруженнымъ и окровавленнымъ, то въ огнѣ, то показывающимъ *задняя*, то на небѣ, то на престолѣ, то на херувимахъ,—объ этомъ говорить теперь не время, чтобы неглавный предметъ не занялъ насъ больше главнаго. Теперь же необходимо сказать о настоящемъ видѣніи. Для чего же Богъ является здѣсь сѣдящимъ на престолѣ и притомъ окруженнымъ серафимами? Онъ приспособляется къ обычаю человѣческому, такъ какъ и рѣчь Его обращена къ людямъ; ибо Онъ намѣревается изречь опредѣленіе о дѣлахъ великихъ и о всей вселенной, равно какъ и объ Іерусалимѣ, и произноситъ двоякій приговоръ, и приносящій наказаніе городу и всему народу, и возвѣщающій благодѣяніе вселенной, великія надежды и вѣчныя почести.

2. Судьи имѣютъ обычай—дѣлать это не тайно, а возсѣдая на возвышенномъ мѣстѣ, въ присутствіи всѣхъ, при поднятыхъ покрывалахъ. Подобно имъ и Богъ повелѣваетъ предстоять предъ Нимъ серафимамъ, возсѣдаетъ на высокомъ престолѣ и такимъ образомъ произноситъ опредѣленіе. А дабы ты убѣдился, что это не догадка, а таковъ обыкновенно образъ Его дѣйствій, я постараюсь объяснить это и изъ другаго Пророка. Такъ у Даніила, когда также надлежало произнести великое опредѣленіе о бѣдствіяхъ и наказаніяхъ іудеевъ и о благахъ, уготованныхъ вселенной, также является пре-

столъ свѣтлый и славный, и предстоящее множество ангеловъ и сонмы архангеловъ, и сидящій вмѣстѣ (съ Всевышнимъ) Единородный, и открываются книги, и протекаютъ огненныя рѣки, и вообще представляется подобіе судилища (Дан. гл. 7). Все это сходно съ тѣмъ, о чемъ говорится здѣсь, или даже тотъ пророкъ (Даніилъ) еще яснѣе возвѣщаетъ, такъ какъ времена его были ближе и пророчества уже достигали самаго исполненія. Впрочемъ, оставивъ трудолюбивымъ сличать и сравнивать это и изучать взаимное отношеніе того и другаго пророчества, мы займемся, какъ я сказалъ, тщательнымъ изслѣдованіемъ предложеннаго пророчества, объясняя по возможности каждое слово. Тогда сказанное будетъ и для насъ и для васъ болѣе яснымъ. Что же говоритъ Пророкъ? *Видѣхъ Господа сѣдяща.* Сидѣніе на престолѣ всегда служитъ знакомъ суда, какъ говоритъ Давидъ: *сѣлъ еси на престолѣ, судяй правду* (Пс. 9, 4); и Даніилъ: *престоли поставишася, судище сѣде* (Дан. 7, 9. 10). А простое сидѣніе, по выраженію Пророка, служитъ знакомъ другаго. Чего же именно? Твердости, постоянства, крѣпости, неизмѣняемости, безсмертія, безконечной жизни. Посему Пророкъ и говоритъ: *царство* Сидящаго *вѣчное*, а мы *погибаемъ до конца* (Дан. 7, 26. 27); Ты, говоритъ, пребываешь, существуешь, живешь, остаешься всегда одинаковымъ. А что онъ сказалъ это не о сидѣніи на престолѣ, ясно видно изъ противоположенія; ибо онъ не сказалъ: мы стоимъ, но:

погибаемъ. Сидѣть же на престолѣ значитъ судить. Посему Пророкъ и видѣлъ Его сидящимъ на *престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*; или тѣмъ означается одно, а этимъ—другое. Престолъ Его былъ *высокъ*, т. е. великъ и чрезвычайно обширенъ; *и превознесенъ*,т. е. казался на невыразимой высотѣ и выше всего. *И исполнь домъ славы Его.* Какой, скажи мнѣ, *домъ*? Храмъ; такъ какъ оттуда началось разстройство, то справедливо и въ этомъ чудномъ видѣніи Богъ является сидящимъ тамъ. *Славою* же Пророкъ называетъ здѣсь блескъ, неприступный свѣтъ, котораго онъ не могъ выразить словомъ, и потому назвалъ его славою, и не просто славою, но славою Божіею. *И Серафими стояху окрестъ Его* (ст. 2). Кого онъ называетъ серафимами? Безплотныя силы горнихъ существъ, которыхъ добродѣтель и блаженство можно видѣть изъ самаго ихъ названія; ибо въ еврейскомъ языкѣ *Серафимъ* значитъ: *огненныя уста.* Чтоже мы разумѣемъ подъ этимъ? Чистоту существа ихъ, неусыпность, бдительность, стремительность, дѣятельность, свѣтлость. Такъ и пророкъ Давидъ, желая показать намъ безпрепятственное служеніе, скорость исполненія и великую дѣятельность горнихъ силъ, сказалъ: *творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный* (Пс. 103, 4), выражая названіемъ этихъ стихій скорость, легкость, дѣятельность. Таковы эти силы, воспѣвающія Господа чистыми устами, имѣющія постояннымъ занятіемъ своимъ, — возносить славословія и непре-

станно служить Ему. Достоинство ихъ видно изъ того самаго, что онѣ находятся близь престола Божія. Какъ у земныхъ царей отличающіеся бо́льшими достоинствами, стоятъ предъ самымъ царскимъ престоломъ; такъ точно и эти силы, по своей превосходной добродѣтели, окружаютъ горній престолъ, постоянно наслаждаясь неизреченнымъ блаженствомъ и восхищаясь блаженнымъ состояніемъ этого служенія. *Шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому: и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля славы Его* (ст. 3). Что означаютъ эти перья и что выражаютъ эти крылья? У безтѣлесныхъ силъ, конечно, нѣтъ такихъ крыльевъ; но этими чувственными изображеніями Пророкъ означаетъ нѣчто таинственное, снисходя къ слабости тогдашнихъ слушателей, впрочемъ и при этомъ снисхожденіи точно открывая намъ мысли, превосходящія всякое разумѣніе.

3. Итакъ, что же означаютъ крылья? Высоту и превосходство этихъ силъ. Такъ и Гавріилъ представляется летящимъ и нисходящимъ съ небесъ, дабы ты позналъ его быстроту и легкость. И удивительно ли, что Писаніе употребляетъ такія выраженія о служебныхъ силахъ, когда и въ рѣчи о самомъ Богѣ всѣхъ оно не чуждается такого приспособленія? Такъ Давидъ, желая изобразить или безтѣлесность Его, или быстроту явленій Его вездѣ, говоритъ: *ходяй*

на крилу вѣтреню (Пс. 103, 3). Между тѣмъ ни вѣтры не имѣютъ крыльевъ, ни Онъ самъ не ходитъ на крыльяхъ; ибо какъ это можетъ быть съ Тѣмъ, Кто присутствуетъ вездѣ? Но, какъ я выше сказалъ, онъ приспособляется къ слабости слушателей и возвышаетъ ихъ умъ такими представленіями, какія доступны для нихъ. И въ другомъ мѣстѣ, желая показать помощь Божію и происходящую отъ ней безопасность, онъ употребляетъ тѣже выраженія: *въ кровѣ крилу твоею*, говоритъ, *покрыеши мя* (Пс. 16, 8). А здѣсь посредствомъ крыльевъ Пророкъ показываетъ намъ не только возвышенность и легкость, но и нѣчто другое страшное. Онъ показываетъ, что, хотя это видѣніе было снисхожденіемъ, каково оно дѣствительно было, но самыя горнія силы и въ этой мѣрѣ не могли выносить его. Ибо закрывать ноги и закрывать хребты свойственно трепещущимъ, ужасающимся блеска, не выносящимъ молній, которыя исходили отъ престола. Посему оградою крыльевъ, какбы нѣкоторою стѣною, они закрывали свои лица; и что обыкновенно испытываемъ мы, когда разражается гроза и блестятъ молніи, отъ которыхъ мы преклоняемся на землю, тоже испытывали и они. Если же серафимы, эти великія и дивныя силы, не могли безъ страха взирать на Бога, сидящаго на престолѣ, но покрывали и лица и ноги свои, то кто выразитъ словомъ безуміе тѣхъ, которые говорятъ, что они ясно знаютъ самаго Бога, и из-

слѣдуютъ Его нетлѣнное существо (1)? *Двѣма летаху, и взываху*. Что значитъ: *летаху*, и что̀ выражается этимъ? То, что они постоянно находятся близъ Бога и не отступаютъ отъ Него, но въ этомъ и состоитъ ихъ жизнь, что они постоянно поютъ предъ Нимъ, всегда прославляютъ Создателя. Ибо онъ не сказалъ: воззвали, но: *взываху*, т. е. непрестанно дѣлаютъ это. *Другъ ко другу, и глаголаху*: *святъ*, *святъ*, *святъ*. Этимъ выражается ихъ стройное пѣніе и славословіе, совершаемое съ великимъ согласіемъ. Пѣснь ихъ заключаетъ въ себѣ не только славословіе, но и пророчество о благахъ, ожидающихъ вселенную, и точное наставленіе касательно догматовъ. Почему они не однажды сказали это слово, и потомъ замолчали, и не дважды, и потомъ остановились, но прибавили тоже въ третій разъ? Не очевидно ли, что они поступали такъ, воспѣвая пѣснь Троицѣ? Посему-то Іоаннъ относитъ эти слова къ Сыну, Лука къ Духу, а Пророкъ къ Отцу. И послѣдующія слова открываютъ намъ туже мысль. Ибо послѣ такой пѣсни они прибавляли: *исполнь вся земля славы Его*. Это было точнымъ пророчествомъ, предвозвѣщавшимъ будущее вѣдѣніе чрезъ которое вселенная исполнилась славы Божіей, такъ какъ прежде и въ то время, когда были произносимы эти слова, не только прочія части вселенной, но и самая страна іу-

---

(1) Еретики—Аномеи.

дейская была исполнена нечестія, и никто не славилъ тогда Бога. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Пророкъ, когда говоритъ: *васъ ради имя мое хулится во языцѣхъ* (Ис. 52, 5). Когда же земля исполнилась славы Его? Тогда, когда эта пѣснь принесена на землю, когда земнородные присоединились къ лику горнихъ силъ, и стали возносить общую пѣснь и совершать общее славословіе. Если же іудей безстыдно отвергаетъ это, то пусть онъ покажетъ, когда вся земля исполнилась славы Его, славы, происходящей отъ богопознанія? Но онъ не можетъ показать этого, хотя бы тысящекратно упорствовалъ въ своемъ безстыдствѣ. *И взяся наддверіе отъ гласа, имже вопіяху* (ст. 4). Видишь ли, съ какою легкостію въ пророчествѣ одни предметы соединяются съ другими? Послѣ пѣсни и наполненія земли славою Его идетъ рѣчь о прекращеніи всего іудейскаго, что и выразилъ Пророкъ поднятіемъ *наддверія*.

4. Это было знакомъ опустошенія и разрушенія храма; а когда разрушенъ храмъ, тогда прекратилось и все прочее. И дабы ты убѣдился, что ветхій Завѣтъ прекращенъ новымъ, онъ говоритъ: *взяся наддверіе отъ гласа*, т. е. тѣнь разсѣялась отъ того, что настало такое славословіе, возсіяла благодать и слава Божія распространилась по всей вселенной. *И домъ наполнися дыма.* И этимъ мнѣ кажется, означается разореніе, ожидающее его, пламень иноплеменниковъ и ужаснѣйшее сожженіе. *И рекохъ: о,*

окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу: и царя Господа Саваоѳа видѣхъ очима моима (ст. 5). Видѣніе изумило Пророка, поразило, привело въ великій страхъ, подвигло къ исповѣданію, заставило полнѣе сознать бѣдность собственнаго естества. Таковы всѣ святые: когда они удостоиваются бо́льшей чести, тогда они больше и смиряются. Такъ Авраамъ, бесѣдуя съ Богомъ, называлъ себя *землею и пепломъ* (Быт. 18, 27); такъ Павелъ, когда удостоился извѣстнаго видѣнія, тогда назвалъ себя *извергомъ* (1 Кор. 15, 8); такъ и этотъ Пророкъ называетъ себя *окаяннымъ*, сначала со стороны своей природы: *о, окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый*; а потомъ со стороны душевнаго состоянія: *и нечисты устнѣ имый.* Онъ назвалъ свои уста нечистыми, какъ я думаю, въ противоположность съ тѣми огненными устами чистыхъ силъ, съ ихъ совершеннѣйшимъ служеніемъ. Не останавливаясь на этомъ, онъ произноситъ исповѣданіе и за весь народъ, присовокупляя: *посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу.* Почему же онъ осуждаетъ здѣсь свои уста? Онъ выражаетъ свое недерзновеніе. Такъ и три отрока, находясь въ пещи, говорили почти тоже самое: *нѣсть намъ отверзти устъ* (Дан. 3, 33). И теперь, когда было время пѣснопѣнія и славословія, и когда Пророкъ видѣлъ горнія силы

дѣлавшими это, онъ справедливо обращается къ устамъ, которыя назначены особенно къ такому служенію. По этой причинѣ онъ назвалъ нечистыми свои уста, но уста народа не по этому, а потому, что іудеи были исполнены великаго нечестія. *И царя Господа Саваоѳа видѣхъ очима моима.* Потому, говоритъ, я скорблю и плачу, что, будучи недостойнымъ, я удостоился такой чести, превышающей мое достоинство, превосходящей мое естество. Впрочемъ, когда онъ говоритъ: *видѣхъ*, ты разумѣй здѣсь не точное знаніе, но возможное для него. И посмотри, какъ полезно исповѣданіе: онъ осудилъ самаго себя, и тотчасъ былъ очищенъ. Ибо далѣе онъ говоритъ: *и посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше угль горящъ, егоже клещами взятъ отъ олтаря: и прикоснуся устнамъ моимъ, и рече: се прикоснуся сіе устнамъ твоимъ, и отъиметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ* (ст. 6. 7). Нѣкоторые говорятъ, что это—прообразы будущихъ таинствъ: и этотъ олтарь, и разложенный огонь, и служебная сила, и прикосновеніе къ устамъ, и очищеніе грѣховъ; но мы обратимся къ исторіи и скажемъ, для чего это происходило. Пророкъ имѣлъ быть посланъ къ народу іудейскому—возвѣстить нѣчто страшное и невыносимое. Посему посылается серафимъ, чтобы исполнить его и страха и дерзновенія. И дабы онъ не ссылался,—подобно какъ Моисей ссылался на свою гугнивость и Іеремія на свою мо-

лодость,—на то́, что онъ имѣетъ нечистыя уста и не можетъ исполнить сказаннаго, приступаетъ серафимъ и очищаетъ грѣхи его не собственною силою,—ибо это принадлежитъ только Богу и Сыну и Святому Духу, — но повелѣніемъ Божіимъ и прикосновеніемъ угля. Потому онъ и не сказалъ: вотъ я очищу, но: *се сіе отъиметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ*, по повелѣнію Пославшаго. Но почему серафимъ взялъ уголь клещами? Безтѣлесная сила, конечно, не могла быть обожжена углями. Почему же такъ было? По великому снисхожденію. Потому и взялъ онъ это съ жертвенника, гдѣ приносились жертвы и совершались очищенія грѣховъ. Если же ты спросишь: почему уста Пророка не были обожжены, то, конечно, потому, что въ этомъ явленіи не было огня чувственнаго; а съ другой стороны, когда что дѣлаетъ Богъ, ты не изслѣдуй и не любопытствуй.

5. Впрочемъ иногда и дѣйствительный и чувственный огонь, касаясь тѣлъ, не производилъ дѣйствій огня. Если же тамъ, гдѣ были хворостъ и смола, пламень забывалъ собственную природу, то удивительно ли, что въ настоящемъ чудномъ событіи этотъ огонь очищалъ, но не жегъ? *И слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого послю и кто пойдетъ къ людемъ симъ* (ст. 8)? Видишь ли, каковъ успѣхъ видѣнія, какъ много сдѣлалъ страхъ? Нѣчто подобное было и съ Моисеемъ; этому пророку хотя не являлся

ни серафимъ, ни самъ Господь, сидящій на престолѣ, но показано было тогда другое чудное видѣніе, такое явленіе, на которое никто не могъ бы взирать. *Купина*, говорится въ Писаніи, горѣла и *не сгараше* (Исх. 3, 2). Но и послѣ этого видѣнія и послѣ многихъ увѣщаній Божіихъ Моисей уклонялся, отказывался и представлялъ множество причинъ отказа: *худогласенъ*, говорилъ онъ, *и косноязыченъ азъ есмь*: *избери могуща иного*, *егоже послеши* (Исх. 4, 10). И Іеремія ссылался на свой возрастъ (Іер. 1, 16). И Іезекіиль, по полученіи повелѣнія Божія, седмь дней оставался при рѣкѣ, уклоняясь и медля; посему Богъ и сказалъ ему въ видѣ притчи: *стража дахъ тя дому Исраилеву*; и еще: *крове ихъ отъ руки твоея взыщу* (Іезек. 3, 17. 18). А Іона не только отказывался, но и бѣжалъ (Іон. 1, 3). Что же? Неужели Исаія былъ смѣлѣе всѣхъ, и даже великаго Моисея? Кто можетъ сказать это? Почему же тотъ уклонялся, получивъ повелѣніе, а этотъ, и не получивъ прямаго повелѣнія, изъявилъ свою готовность? Ибо не сказано было: иди; но когда Богъ сказалъ: *кого послю*?—онъ тотчасъ принялъ повелѣніе. Нѣкоторые говорятъ, что, такъ какъ онъ согрѣшилъ, не обличивъ Озіи, дерзнувшаго войти во святилище, то, желая послѣдующимъ усерднымъ послушаніемъ загладить тотъ грѣхъ, онъ тотчасъ изъявилъ согласіе, чтобы умилостивить Бога; потому и уста свои назвалъ нечистыми, что не говорилъ

смѣло. Но я не могу согласиться съ тѣми, которые говорятъ такъ; потому что достовѣрнѣе ихъ Павелъ, который называетъ Исаію дерзающимъ и говоритъ: *Исаіа же дерзаетъ и глаголетъ* (Рим. 10, 20). Посему, какъ говорятъ, онъ и кончилъ жизнь свою не обыкновенною смертію, но потерпѣлъ жесточайшее мученіе отъ іудеевъ, которые не выносили смѣлой рѣчи его. Кромѣ того и Писаніе нигдѣ не говоритъ, чтобы онъ присутствовалъ при поступкѣ Озіи и присутствуя молчалъ, но говорящіе такъ выдумываютъ это сами отъ себя. Что же нужно сказать? То, что положеніе Моисея было не одинаково съ положеніемъ Исаіи. Тотъ былъ посылаемъ въ чужую и варварскую страну, къ неистовому и жестокому тиранну; а этотъ къ своимъ соотечественникамъ, которые часто слушали и были наставляемы въ теченіи долгаго времени. И потому тамъ и здѣсь нужно было не одинаковое мужество, чтобы послушаться. А нѣкоторые указываютъ еще на другую причину такой готовности его, именно: когда онъ произнесъ исповѣданіе за себя и за народъ и увидѣлъ посланнаго серафима, очистившаго уста его, то, надѣясь, что будетъ тоже и съ народомъ и что онъ пойдетъ возвѣстить ему объ этомъ, съ готовностію принялъ повелѣніе. Святые были какъ боголюбивы, такъ и человѣколюбивы больше всѣхъ людей. Такимъ образомъ, надѣясь возвѣстить какое-либо избавленіе отъ бѣдствій, онъ тотчасъ изъявилъ свое согласіе и сказалъ:

се азъ есмь, посли мя. Съ другой стороны онъ имѣлъ душу весьма рѣшительную на опасности, какъ это видно изъ всего пророчества его. Итакъ, когда онъ изъявилъ согласіе идти и уже не смѣлъ отказаться, тогда услышалъ слова прискорбныя. Богъ поступилъ съ нимъ премудро. Онъ не сказалъ съ самаго начала: иди и говори; но прежде высказалъ повелѣніе неопредѣленно и не открывалъ предмета посольства. Когда же Исаія немедленно изъявилъ согласіе, тогда Богъ и высказываетъ зло, которое постигнетъ іудеевъ. Какое же именно? *Иди*, говоритъ Онъ, *и рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете: и видяще узрите, и не увидите. Одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю я* (ст. 9. 10). Это, я думаю, не требуетъ объясненія, такъ какъ уже давно объяснили совершенно знавшіе эти слова—Іоаннъ сынъ грома и Павелъ, который точно зналъ и древнее и новое. Проповѣдуя въ Римѣ собравшимся къ нему, и потомъ ушедшимъ и не вѣрившимъ сказанному, онъ говорилъ: *добрѣ Духъ Святый глагола: слухомъ услышите, и не имате разумѣти* (Дѣян. 28, 25. 26). А сынъ грома, повѣствуя о томъ, что іудеи видѣли чудеса Христовы и не вѣрили, слышали ученіе и не принимали его,—ибо Христосъ воскресилъ Ла-

заря, а они искали убить Его; Онъ изгонялъ бѣсовъ, а они называли Его бѣснующимся; Онъ велъ ихъ къ Отцу, а они называли Его обманщикомъ, и держались превратныхъ мнѣній, — упоминаетъ объ этомъ пророчествѣ такъ: хорошо *рече Исаія пророкъ*, что вы *слухомъ услышите, и не уразумѣете, и видяще узрите, и не увидите* (Іоан. 12, 40).

6. Такъ какъ у нихъ были помрачены внутреннія очи души, то имъ не было никакой пользы отъ очей внѣшнихъ, при поврежденіи душевной силы сужденія. Посему они видя не видѣли и слыша не слышали; и причиною этого, прибавляетъ Пророкъ, было не поврежденіе внѣшнихъ чувствъ, не разстройство природы ихъ, но ослѣпленіе сердца. *Одебелѣ бо*, говоритъ, *сердце людей сихъ*. А огрубѣніе сердца бываетъ отъ грѣховъ и житейскихъ пожеланій. О такомъ огрубѣніи говорилъ и Павелъ въ словахъ: *не могохъ вамъ глаголати, яко духовнымъ*: *ибо не у можасте*, *но ниже еще можете нынѣ*, присовокупляя и причину этого въ слѣдующемъ: *идѣже бо въ васъ зависти, и рвенія, и распри, не плотстіи ли есте* (1 Кор. 3, 1—3)? Такъ и тѣ, страдая великою завистію и ненавистію и предаваясь другимъ безчисленнымъ страстямъ, дѣлали грубымъ свое душевное око и уже не могли видѣть ясно; а потому принимали другія и превратныя мнѣнія о томъ, чтó видѣли. Видя все это въ точности, Пророкъ предсказалъ и причину болѣзни. Но,

замѣть, изъ двухъ находящихся здѣсь пророчествъ, одно, касающееся Церкви и благъ, уготованныхъ вселенной, получили и изрекли серафимы въ словахъ: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь вся земля славы Его;* а другое, касающееся плѣненія и наказанія іудеевъ, было предоставлено Пророку,—для того, чтобы ты и отсюда позналъ превосходство Церкви. *И рекохъ: доколѣ Господи* (ст. 11)? Видишь ли, что мы привели не ложную и неосновательную догадку о послушаніи Пророка, оказанномъ съ великою готовностію? Услышавъ противное тому, чего онъ ожидалъ, именно объ оскудѣн и и погибели іудеевъ, онъ проситъ теперь открыть ему мѣру наказанія; ибо уже не смѣлъ просить о совершенномъ избавленіи ихъ отъ гнѣва, такъ какъ Богъ предварительно показалъ, что они грѣшатъ непростительно. Грѣхи ихъ были не случайными и происходили не отъ слабости, но отъ души, обратившей непослушаніе въ занятіе, и отъ упорнаго сердца, которое какбы нарочито и усильно противилось дѣламъ Божіимъ. На это и указываетъ Богъ въ словахъ: *да не когда узрятъ очима, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и изцѣлю ихъ*. Они, говоритъ, какбы боясь, чтобы не узнать чего-нибудь должнаго, съ великимъ стараніемъ ослѣпляли свою душу. Посему, такъ какъ и обвиненіе было весьма тяжко, и наказаніе неизбѣжно, Пророкъ желаетъ узнать то, что̀ оставалось; впрочемъ подъ видомъ желанія узнать онъ высказываетъ прось-

бу. Но такъ какъ и объ этомъ онъ не смѣлъ просить прямо, то свое желаніе узнать предлагаетъ въ видѣ вопроса и говоритъ: *доколѣ, Господи? И рече: дондеже опустѣютъ гради, отъ еже не населенымъ быти, и домы, отъ еже не быти человѣкомъ, и земля останется пуста. И посемъ продолжитъ Богъ человѣки, и умножатся оставшіися на земли. И еще на ней есть десятина, и паки будетъ въ расхищеніе, якоже теревинѳъ, и яко желудь, егда испадетъ изъ плюски своея: сѣмя свято стояніе его* (ст. 11—13). Окончивъ пророчество, онъ опять обращаетъ рѣчь къ историческимъ событіямъ, предсказывая какъ плѣненіе десяти колѣнъ, такъ ради этого плѣненія и долготерпѣніе Божіе въ отношеніи къ прочимъ двумъ колѣнамъ; далѣе предсказываетъ отведеніе въ плѣнъ и этихъ послѣднихъ за то, что они не воспользовались долготерпѣніемъ, какъ должно; а потомъ опять—благоденствіе, которое даровано будетъ остатку ихъ. Такъ, когда онъ говоритъ: *дондеже опустѣютъ гради, отъ еже не населенымъ быти*, то указываетъ на плѣненіе десяти колѣнъ; ибо, дѣйствительно, они всѣ были совершенно разстроены, взяты съ великимъ насиліемъ и всѣ отведены въ чужую страну, такъ что и города ихъ всѣ остались безъ жителей и земля лишилась людей, которые воздѣлывали бы ее, въ пользу оставшихся. Такимъ образомъ, когда онъ говоритъ: *дондеже опустѣютъ гради,*

отъ еже не населенымъ быти, и домы, отъ еже не быти человѣкомъ, то разумѣетъ и плѣнъ. А когда говоритъ: *и по семъ продолжитъ Богъ человѣки,* то указываетъ или на полное благосостояніе всѣхъ, или на благоденствіе, которое будетъ дано двумъ колѣнамъ по отведеніи десяти колѣнъ. И дѣйствительно, освободившись отъ Сеннахирима и войска иноплеменниковъ и одержавъ неожиданную побѣду, они опять размножились и долго жили, потому что никакая война не безпокоила ихъ. Ибо, когда Онъ говоритъ: *продолжитъ,* то разумѣетъ или многочисленность людей, или продолжительность лѣтъ. А дабы ты убѣдился, что это говорится о двухъ колѣнахъ, Онъ прибавляетъ: *на ней есть десятина,* называя десятиною то, что свыше десяти, остающееся послѣ десяти, чѣмъ и были двѣ колѣна. Такое же выраженіе употребляетъ и Павелъ, когда говоритъ: *болѣ пяти сотъ братіямъ,* т. е. свыше пяти сотъ (1 Кор. 15, 6). *И паки будетъ въ расхищеніе, якоже теревинѳъ,* т. е. два колѣна. *И яко желудь, егда испадетъ изъ плюски своея.* Какъ этотъ плодъ непріятенъ, когда выпадаетъ изъ скорлупы своей, такъ и они будутъ осмѣяны и ненавидимы, когда будутъ изгнаны изъ города и всѣ лишатся своей славы. *Сѣмя свято стояніе его.* Впрочемъ бѣдствія ихъ, говоритъ, будутъ не неисправимы и не безконечны, но сѣмя ихъ будетъ свято и *стояніе,* т. е. твердо, крѣпко, непо-

движно, въ ожиданіи перемѣны обстоятельствъ. Они лишатся благоденствія, но сами не подвергнутся совершенной погибели, но останутся и будутъ *стоять*, доколѣ опять не получатъ прежняго образа жизни и не возвратятся къ прежней святости.

ТОЛКОВАНІЕ НА 7 ГЛАВУ КНИГИ

ПРОРОКА ИСАІИ.

И бысть во дни Ахаза, сына Іоаѳамля, сына Озіи, царя Іудина (Иса. 7, 1).

1. Я часто говорилъ и теперь скажу, что въ древности пророчества изрекаемы были не для того, чтобы іудеи только узнавали будущее, но чтобы, узнавъ, получали отъ нихъ пользу, чтобы отъ страха угрозъ они дѣлались болѣе благоразумными и отъ обѣщанія благъ—болѣе усердными къ добродѣтели, познавая изъ того и другаго и силу Божію и попеченіе Его объ нихъ. Подлинно, по этой причинѣ были изрекаемы предсказанія, и для того, чтобы Іудеи не думали, будто событія совершаются просто и случайно, по какому-либо порядку природы или естественному теченію дѣлъ, но знали, что и то и другое происходитъ по мановенію свыше и по опредѣленію Божію; а это весьма много способствовало имъ къ богопознанію. Но такъ какъ пророчества,—какъ я и прежде говорилъ, — исполнялись не тотчасъ по изреченіи ихъ, но предсказанія тогда были изрекаемы, а самыя собы-

тія совершались спустя долгое время, и многіе изъ слышавшихъ умирали прежде и не могли судить о послѣдствіяхъ предсказаній, то, смотри, что̀ дѣлаетъ и устрояетъ Богъ. Онъ соединяетъ одно пророчество съ другими пророчествами, ближайшее съ отдаленнѣйшими, и такимъ образомъ чрезъ имѣющее исполниться при современникахъ предсказаніе весьма сильно подтверждаетъ истину и того, что должно совершиться спустя долгое время. Въ Евангеліяхъ же пользу такого рода Онъ устрояетъ другимъ образомъ: соединяетъ съ пророчествами чудеса и подтверждаетъ одни другими. Такъ, напримѣръ, ко Христу нѣкогда подошелъ прокаженный и былъ очищенъ, а послѣ него слуга сотника былъ изцѣленъ отъ тяжкой болѣзни, и знаменія эти были велики; но Онъ не ограничился этими знаменіями, а присовокупилъ и пророчество. Такъ какъ сотникъ оказалъ дивную и великую вѣру, за которую слуга и былъ изцѣленъ отъ болѣзни, то Христосъ присовокупилъ: *мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ: сынове же царствія изгнани будутъ во тму кромѣшнюю* (Матѳ. 8, 11). Въ этихъ словахъ Онъ предсказывалъ и образованіе Церкви изъ язычниковъ, и отверженіе іудеевъ, что̀ теперь исполнилось на самомъ дѣлѣ и для всѣхъ видно яснѣе солнца; но тогда было не видно и не вѣроятно для невѣрующихъ. Для того предварительно и совершено было тогда знаменіе, чтобы внушить великую вѣру въ то, что̀ имѣло совер-

шиться послѣ, равно какъ и самое пророчество, исполнившееся нынѣ на самомъ дѣлѣ, служитъ твердымъ подтвержденіемъ бывшему тогда знаменію. Ибо скажетъ ли невѣрующій, что прокаженный не очистился? Но пусть онъ посмотритъ на истину пророчества, и оно удостовѣритъ его въ дѣйствительности знаменія. Сказали ли бы тогдашніе іудеи, что предсказанія Его не истинны? Но пусть они посмотрятъ на очистившагося прокаженнаго и послѣ бывшаго съ нимъ не сомнѣваются и касательно будущаго. Такимъ образомъ для тѣхъ знаменіе служило величайшимъ залогомъ истинности пророчества, а для нынѣшнихъ пророчество—дѣйствительности знаменія. Видишь ли, какъ одно подтверждается другимъ? Тоже можно видѣть и въ ветхомъ Завѣтѣ. Такъ, когда Іеровоамъ тяжко неистовствовалъ и поставилъ золотыхъ тельцовъ, то пришедшій пророкъ и предсказалъ будущее и тогда же совершилъ знаменіе. Дабы никто не сомнѣвался въ томъ, что̀ должно было случиться чрезъ триста лѣтъ, онъ разрушилъ жертвенникъ, пролилъ тукъ и изсушилъ руку царя, посредствомъ совершившагося предъ глазами ясно подтвердивъ то, что̀ имѣло совершиться спустя много времени (3 Цар. гл. 13). И такихъ событій много можно видѣть и въ ветхомъ и въ новомъ Завѣтѣ, по дѣйствію Бога, различно устрояющаго наше спасеніе. Такъ точно было и здѣсь, и притомъ съ великою поразительностію; не только дано было знаменіе, но и пророчество соединено съ знаменіемъ. Впро-

чемъ, чтобы сказанное было болѣе яснымъ, разсмотримъ обстоятельно самое сказаніе. *И бысть во дни Ахаза, сына Іоаѳамля, сына Озіи, царя Іудина, взыде Расинъ царь Арамль, и Факей, сынъ Ромеліевъ, царь Израилевъ на Іерусалимъ, воевати на него, и не возмогоша разорити его. И возвѣстися въ дому Давидовѣ, глаголя: совѣщася Арамъ со Ефремомъ* (ст. 1. 2). Это—исторія, повѣствованіе о событіяхъ. Но кто имѣетъ умъ и острое зрѣніе, тотъ и отсюда можетъ получить великую пользу, познавъ великую премудрость Божію и попеченіе Его объ іудеяхъ. Ибо Онъ и не остановилъ войны въ самомъ началѣ, и по наступленіи ея не допустилъ овладѣть городомъ, но, дозволивъ сдѣлать угрозу на словахъ, остановилъ ея исполненіе, возбуждая и избавляя іудеевъ отъ безпечности, и показывая свою силу, по которой Онъ можетъ и при самыхъ крайнихъ бѣдствіяхъ сохранять невредимыми подвергшихся имъ такъ, какъ будто эти бѣдствія и не начинались. Это, какъ можно видѣть, Онъ часто дѣлаетъ, напр. въ пещи вавилонской, во рвѣ львиномъ и въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ. Такъ и эти пришли, осадили городъ, коснулись стѣнъ, привели въ трепетъ сердца жителей, но больше не могли сдѣлать ничего.

2. Отсюда можно видѣть нечестіе десяти колѣнъ, которыя не только начали междуусобную войну и подняли оружіе на своихъ братьевъ, но и соединились съ чужеземцами и иноплe-

менниками и, бывъ обязаны даже не имѣть съ ними простаго общенія, призвали ихъ къ себѣ на помощь, вооружились вмѣстѣ съ ними и возстали противъ своего города. Ибо они побудили иноплеменника Расина идти противъ ихъ столичнаго города. И обстоятельства войны были неравны. У тѣхъ было безчисленное войско, и города, и племена, и народы; а здѣсь ничего такого, но былъ одинъ только столичный городъ, такъ что сила Божія открылась со всею ясностію. Ибо, тогда какъ здѣсь никто не бралъ оружія, не выходилъ и не противоборствовалъ, злые замыслы тѣхъ разрушились. *И не возмогоша*, говоритъ Пророкъ, *разорити его*. Что же препятствовало этому? Не что иное, какъ рука Божія, которая невидимо отражала ихъ. Впрочемъ, какъ я сказалъ, Богъ хотя не допустилъ пораженія іудеевъ, но отъ страха не тотчасъ избавилъ ихъ. *И возвѣстися*, говоритъ, *въ дому Давидовѣ, глаголя: совѣщася Арамъ со Ефремомъ*, *и ужасеся душа его и душа людей его*. Когда Богъ намѣревается совершить что-нибудь необыкновенное, то Онъ не вдругъ совершаетъ чудо, но сначала попускаетъ тѣмъ, къ которымъ это относится, чувствовать бѣдствія, чтобы по избавленіи отъ бѣдствій они не оказались неблагодарными. Такъ какъ многіе изъ людей, частію по гордости, частію по безпечности, забываютъ бѣдствія по избавленіи отъ бѣдствій, или, не забывая, приписываютъ успѣхи самимъ себѣ; то Богъ попускаетъ имъ сначала испытать скорби, а потомъ избав-

ляетъ отъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Такъ точно Онъ поступилъ и здѣсь. Онъ попустилъ, чтобы сердца ихъ пришли въ трепетъ, попустилъ быть великой скорби, а потомъ и послалъ избавленіе. Тоже Онъ сдѣлалъ и съ великимъ Давидомъ. Намѣреваясь вывести его на борьбу и воздвигнуть руками его славный трофей, Богъ сдѣлалъ это не въ началѣ войны, но оставилъ израильтянъ мучиться отъ страха въ теченіи сорока дней, и когда они уже отчаялись въ своемъ спасеніи, когда иноплеменникъ произнесъ безчисленное множество укоризнъ и не смотря на то никто не осмѣливался выдти и противустать врагу, тогда, тогда только, когда они признали свое пораженіе и слабость ихъ сдѣлалась явною, Онъ вывелъ на борьбу этого отрока и совершилъ дивную побѣду. Ибо, если и послѣ этого, послѣ такого обнаруженія ихъ слабости, спасенный царь, побуждаемый ненавистію и завистію, строилъ козни Давиду и, предавшись страсти, оказался неблагодарнымъ къ благодѣтелю, то чего не сдѣлалъ бы онъ, если бы Господь не доказалъ такимъ очевиднымъ образомъ трусости какъ его, такъ и всего войска? Тоже самое, какъ можно видѣть, Богъ дѣлалъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Точно такъ дѣлается и здѣсь. Намѣреваясь освободить іудеевъ отъ войны и избавить ихъ отъ скорбей, Онъ попускаетъ имъ сначала чувствовать бѣдствія. *И ужасеся*, говоритъ Пророкъ, *душа его и душа людей его*, *якоже въ дубравѣ древо вѣтромъ восколеблется*.

Пророчеству свойственно — обнаруживать сокровенныя чувствованія людей. Такъ и здѣсь онъ выражаетъ состояніе души каждаго изъ нихъ и для ясности приводитъ сравненіе, чтобы показать силу скорби. И поколебалась, говоритъ, душа ихъ, смирился духъ; они отчаявались въ своемъ спасеніи, думали, что находятся въ крайности, не ожидали ничего добраго, и каждый изъ нихъ сокрушался собственными помыслами. Что же Богъ? Онъ предсказываетъ избавленіе и потомъ совершаетъ его, чтобы они опять не приписали освобожденія города комунибудь другому; Онъ посылаетъ Пророка возвѣстить будущее. *И рече Господь ко Исаіи: изыди во срѣтеніе Ахазу, ты, и оставшійся Іасувъ сынъ твой, къ купѣли горняго пути села бѣлилнича, и речеши ему: блюди еже молчати, и не бойся, ниже душа твоя да изнеможетъ отъ двою древу главень дымящихся сихъ: егда бо гнѣвъ ярости моея будетъ, паки изцѣлю* (ст. 3. 4). Что значитъ: *изыди во срѣтеніе?* Отъ страха и скорби царь не былъ спокоенъ и не могъ оставаться дома, но, какъ обыкновенно бываетъ съ осажденными, часто выходилъ, обозрѣвалъ стѣны, подходилъ къ воротамъ, распоряжался и наблюдалъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла непріятелей. Посему Богъ и говоритъ: *изыди во срѣтеніе.* А что значитъ: *ты, и оставшійся Іасувъ сынъ твой? Іасувъ* на Еврейскомъ языкѣ значитъ: *обращеніе* и *дѣятельность.* Посему и Іессей, посылая Давида къ братьямъ его, го-

ворилъ: *и Іасувъ ихъ возмешь* (καὶ τὸ Ἰασοὺβ αὐτῶν λήψῃ) (¹), т. е. скажешь мнѣ объ ихъ обращеніи и о томъ, чтó они дѣлаютъ (1 Цар. 17, 18).

3. И такъ здѣсь, мнѣ кажется, Пророку повелѣвается взять съ собою народъ, дабы по окончаніи событій царь не могъ оставаться не благодарнымъ, какбы не слышавшій ничего такого отъ Пророка. Смыслъ приведенныхъ словъ слѣдующій: выди на встрѣчу ты и находящіеся съ тобою, оставшіеся отъ народа. Не удивляйся, что Богъ называетъ народъ сыномъ его; ибо и далѣе Пророкъ говоритъ: *се азъ и дѣти яже ми даде Богъ* (Исаі. 8, 18). Подлинно, святые были вмѣсто отцевъ и даже превосходили всѣхъ плотскихъ отцевъ своею любовію и попеченіемъ объ этомъ народѣ. *Оставшимися* Онъ называетъ ихъ потому, что многіе были уведены врагами. *Горняго пути села бѣлилнича.* И здѣсь мнѣ представляется немалое недоумѣніе, какъ тѣ, которые были заключены и осаждены и не смѣли выдти вонъ, явились за воротами города; ибо этотъ путь видѣнъ нынѣ внѣ стѣнъ его. Чѣмъ же разрѣшить это недоумѣніе? Тѣмъ, что въ древности онъ былъ огражденъ еще другою стѣною; ибо у этого города было двѣ стѣны, какъ любознательные легко могутъ видѣть изъ другаго пророка. И такъ Пророкъ вышедши ободряетъ упадшій духъ ихъ и внушаетъ надежду въ будущемъ. Успокойся, говоритъ онъ, и не бойся; и назы-

(¹) Въ Славянскомъ: *и єликихъ аще требуютъ, увѣси.*

ваетъ царей древесными головнями, выражая какъ силу ихъ, такъ и непрочность; потому онъ и присовокупляетъ: *дымящихся*, т. е. находящихся близко къ тому, чтобы погаснуть. Потомъ, желая показать, что нападеніе враговъ произошло не отъ силы ихъ, а по Божію попущенію, говоритъ: *егда бо гнѣвъ ярости моея будетъ, паки изцѣлю. Сынъ же Арамль, и сынъ Ромеліевъ, яко совѣщаста совѣтъ лукавый на тя, глаголюще: взыдемъ во Іудею, и собесѣдовавше съ ними отвратимъ я къ намъ, и воцаримъ въ ней сына Тавеилева. Сія же глаголетъ Господь Саваоѳъ: не пребудетъ совѣтъ сей, ниже сбудется: но глава Араму Дамаскъ, и глава Дамаску Расинъ: но еще шестьдесятъ и пять лѣтъ, оскудѣетъ царство Ефремово отъ людей: глава же Ефремова Соморонъ, и глава Соморону сынъ Ромеліевъ: и аще не увѣрите, ниже имате разумѣти* (ст. 5—9). Опять Пророкъ представляетъ величайшее подтвержденіе пророчества. Такъ какъ слушатели были поражены страхомъ, и бѣдствія были предъ глазами, а отрадное было только въ надеждѣ и даже превосходило всякое ожиданіе, и притомъ они были не очень довѣрчивы, то смотри, чтó онъ дѣлаетъ. Онъ даетъ величайшее знаменіе того, что предсказанное сбудется, обнаруживая замыслы противниковъ. Ибо онъ открываетъ, съ какимъ намѣреніемъ они осадили городъ, о чемъ совѣщались между собою, на какихъ условіяхъ приступили, и показываетъ, что или это

событіе есть предательство, — *собесѣдовавше*, говоритъ, *съ ними, отвратимъ я къ намъ*,— или враги обезумѣли отъ великой гордости, думая, что имъ не нужно ни браться за оружіе, ни вступать въ борьбу и сраженіе для того, чтобы взять городъ. Для насъ достаточно, говорили они, только явиться и поговорить, и возвратиться, взявъ всѣхъ въ плѣнъ. Потомъ, какъ обыкновенно бываетъ съ гордыми, они, надмеваясь такою надеждою, совѣщаются объ избраніи царя, какъ будто городъ уже взятъ и нужно поставить кого-нибудь царемъ въ столицѣ. Таковы, говоритъ Пророкъ, замыслы ихъ; но воля Божія ниспровергаетъ все это. Посему онъ продолжаетъ: *сія же глаголетъ Господь*, и не останавливается на этомъ, а прибавляетъ: *Саваоѳъ*; ибо когда онъ намѣревается возвѣстить что-нибудь великое, то напоминаетъ о силѣ Божіей, вышнемъ царствѣ, о чудномъ и дивномъ владычествѣ Его. Что же говоритъ Богъ? *Не пребудетъ совѣтъ сей, ниже сбудется: но глава Араму Дамаскъ*. Начальство его, говоритъ, власть его ограничится Дамаскомъ, и не будетъ простираться далѣе. *И глава Дамаску Расинъ*. Начальникомъ и правителемъ Дамаска, говоритъ, будетъ Расинъ;—т. е. онъ останется при своемъ и не увеличитъ своего могущества. *Но еще шестьдесятъ и пять лѣтъ, оскудѣетъ царство Ефремово отъ людей*.

4. Это величайшій признакъ истины, когда пророки предсказываютъ и время событій, предоставляя желающимъ изслѣдовать съ точно-

стію значеніе пророчества. Теперь, говоритъ Пророкъ, они отступятъ отъ города, но по истеченіи шестидесяти пяти лѣтъ погибнетъ весь народъ; враги возмутъ его и уведутъ всѣхъ; а теперь, прежде того плѣна, они не получатъ ничего больше того, чѣмъ владѣютъ. Дабы царь, слыша, что израильтяне погибнутъ чрезъ шестьдесятъ пять лѣтъ, не сказалъ въ самомъ себѣ: чтоже?—если они теперь возмутъ насъ, а тогда погубятъ, какая намъ польза?—Пророкъ говоритъ: не бойся и за настоящее; тогда они возмутъ совершенно, а теперь не получатъ ничего больше того, чѣмъ владѣютъ. *Глава же Ефремова*, т. е. десяти колѣнъ, будетъ *Самарія*;—ибо тамъ была столица ихъ;—и далѣе не распространится; *и глава Самаріи* — царь израильскій. Что́ говорилъ онъ о Дамаскѣ, тоже выражаетъ и здѣсь, т. е. что они не будутъ имѣть ничего больше того, чѣмъ владѣютъ теперь. Далѣе, такъ какъ онъ сказалъ о дѣлахъ, превышающихъ разумъ человѣческій и превосходящихъ обыкновенныя соображенія, и сказанное было пророчествомъ, то справедливо присовокупилъ: *аще не увѣрите, ниже имате разумѣти.* Не спрашивай, говоритъ, какъ и какимъ образомъ это будетъ; Богъ совершитъ это; а тебѣ нужна только вѣра, и ты уразумѣешь силу Совершающаго; ты получилъ полное удостовѣреніе въ истинѣ сказаннаго. Такъ и Давидъ говорилъ: *вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ* (Пс. 115, 1). И Павелъ, повторяя это изреченіе, приложилъ его къ высшимъ предме-

тамъ, сказавъ: *имуще же той же духъ вѣры, по писанному: вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ: и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ* (2 Кор. 4, 13). Ибо, если ветхозавѣтное, которое такъ отстоитъ отъ новозавѣтнаго, какъ земля отъ неба, имѣло нужду въ вѣрѣ, то тѣмъ болѣе—познаніе догматовъ столь высокихъ, которые и на умъ никогда никому не приходили. Это выражаетъ и самъ Апостолъ, когда говоритъ: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (1 Кор. 2, 9). *И приложи Господь глаголати ко Ахазу, рекій: проси себѣ знаменія отъ Господа Бога твоего во глубину или въ высоту. И рече Ахазъ: не имамъ просити, ниже искушу Господа. И рече Исаіа: слышите убо доме Давидовъ: еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ, и како даете Господеви трудъ? Сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменіе: се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ сына, и нарекутъ* (καλέσουσι) (¹) *имя ему Еммануилъ* (ст. 10—14). Велико снисхожденіе Божіе, и велика неблагодарность царя. Выслушавъ Пророка, онъ долженъ былъ нисколько не сомнѣваться въ сказанномъ; а если усумнился, то принять знаменіе и увѣровать, какъ поступали многіе изъ мужей іудейскихъ. Ибо человѣколюбивый Богъ, снисходя къ чувственнымъ, пресмыкающимся долу и привязан-

---

(¹) Въ славянскомъ: *наречеши*. Ср. Мате. 1, 23.

нымъ къ землѣ іудеямъ, не отказывался часто давать имъ и знаменія, какъ напр. сдѣлалъ при Гедеонѣ. Посему и здѣсь, такъ какъ Ахазъ былъ весьма невѣжественъ и грубъ, то смотри, какое Богъ опять оказываетъ снисхожденіе. Онъ самъ привлекаетъ его и предлагаетъ ему просить знаменія, хотя и то было не малымъ знаменіемъ, что открыты его тайныя мысли, обнаружено все его душевное расположеніе и обличено все притворство. Такъ какъ Пророкъ сказалъ: *проси себѣ знаменія*, а царь, притворяясь вполнѣ вѣрующимъ, отвѣчалъ: *не имамъ просити, ниже искушу Господа;* то смотри, съ какою силою Пророкъ поражаетъ его, справедливо употребляя при обнаруженіи его притворства тягчайшее обличеніе. Не удостоивая царя отвѣта, онъ обращается къ народу и говоритъ: *слышите доме Давидовъ: еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ, и како даете Господеви трудъ?* Эти слова неясны; посему нужно обстоятельно объяснить ихъ. Въ нихъ Пророкъ говоритъ слѣдующее: развѣ мои эти слова?—развѣ мое опредѣленіе? Если не вѣрить людямъ напрасно и безъ причины есть тяжкій грѣхъ, достойный осужденія, то тѣмъ болѣе—Богу. Итакъ *даяти трудъ* значитъ не что иное, какъ—*не вѣрить*. Развѣ малая вина, говоритъ, развѣ ничтожный грѣхъ—не вѣрить людямъ? Но если это—тяжкій грѣхъ, то тѣмъ болѣе—не вѣрить Богу.

5. Онъ говорилъ это для того, чтобы всѣ знали, что Пророкъ не былъ обманутъ и судилъ

не по сказаннымъ словамъ, но произносилъ опредѣленіе по мыслямъ въ душѣ Ахаза. Такъ поступалъ часто и Христосъ, по сказанію евангелій. Прежде, нежели показывать какое-либо знаменіе, Онъ обличалъ злобу іудеевъ, скрывавшуюся въ душѣ ихъ, и въ этомъ самомъ показывалъ не малое знаменіе; какъ напр. Онъ поступилъ при изцѣленіи разслабленнаго. Когда Онъ сказалъ ему: *дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои;* а они подумали въ самихъ себѣ: *сей хулитъ*; тогда Онъ, прежде, нежели изцѣлить разслабленнаго, сказалъ: *вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ*, представивъ величайшее доказательство Божества своего въ томъ, что Онъ знаетъ сокровенныя помышленія (Мат. 9, 2—4). *Яко Ты единъ токмо*, говоритъ Писаніе, *вѣси сердца* (3 Цар. 8, 39). И Давидъ также говоритъ: *испытаяй сердца и утробы, Боже* (Пс. 7, 10). Вѣдѣніе этого Богъ часто сообщалъ и пророкамъ, дабы слушатели знали, что сказанное ими было не человѣческое, но всѣ изреченія ихъ нисходили свыше, съ небесъ. Посему и этотъ громогласный пророкъ Исаія, бесѣдовавъ съ царемъ весьма кротко, возвѣстивъ избавленіе отъ бѣдствій, повелѣвъ не бояться за настоящее и представивъ ему доказательства этого открытіемъ намѣренія враговъ, обличеніемъ предательства, предсказаніемъ совершеннаго и всецѣлаго плѣненія Израиля и назначеніемъ времени, не ограничился этимъ, но простирается далѣе и не ожидаетъ, чтобы царь самъ просилъ знаменія,

но предлагаетъ ему, тогда какъ этотъ не хотѣлъ по крайнему невѣрію, и притомъ не просто, но предоставляетъ выборъ на его волю; ибо не говоритъ: такое и такое знаменіе, но: какого хочешь. Господь богатъ, всемогуща сила Его, неизреченна власть; захочешь ли знаменія съ неба,—нѣтъ никакого препятствія; захочешь ли съ земли,—и этому ничто не препятствуетъ; ибо таковъ смыслъ словъ: *во глубину, или въ высоту*. Но когда царь не убѣдился и этимъ; то Пророкъ и тогда не замолчалъ, но, прибавивъ обличеніе для исправленія слушателя и для доказательства того, что онъ не обманутъ и не обольщенъ словами, открываетъ таинственное пророчество, которое послужитъ ко спасенію вселенной и исправленію всего, и говоритъ, что это знаменіе дается уже не Ахазу, но всему народу іудейскому. Ибо сначала Пророкъ обращалъ рѣчь къ нему, но когда онъ показалъ себя недостойнымъ, то обращается къ цѣлому народу. *Сего ради*, говоритъ, *дастъ Господь* не тебѣ, но *вамъ знаменіе. Вамъ*,—кому? Находящимся въ домѣ Давидовомъ; ибо оттуда произошло это знаменіе. Какое же знаменіе? *Се дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ сына*, *и нарекутъ имя ему Еммануилъ*. Надобно помнить, какъ я выше сказалъ, что знаменіе дается уже не Ахазу. А что это не догадка, можно видѣть изъ того, что самъ Пророкъ, сказавъ въ обличеніе и укоризну: *еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ*, присовокупилъ: *сего ради дастъ Господь вамъ знаменіе. Се*

дѣва во чревѣ зачнетъ. Если бы это была не дѣва, то не было бы и знаменія. Знаменіе должно выходить изъ общаго порядка вещей, превосходить естественный ходъ дѣлъ, быть дивнымъ и необыкновеннымъ, такъ, чтобы каждый изъ видящихъ и слышащихъ замѣчалъ въ немъ нѣчто особенное. Потому оно и называется знаменіемъ, что заключаетъ въ себѣ нѣчто знаменательное; а знаменательнымъ оно не было бы, если бы не выходило изъ общаго порядка вещей. Такъ и здѣсь, если бы шла рѣчь о женѣ, раждающей по закону природы, то для чего Пророкъ назвалъ бы знаменіемъ то, что бываетъ ежедневно? Притомъ и въ самомъ началѣ пророчества онъ не сказалъ просто: *се дѣва* (παρθένος), но: ἡ παρθένος, прибавленіемъ члена указывая намъ на нѣкоторую особенную, единственную Дѣву. А что такое прибавленіе выражаетъ именно это, можно видѣть и изъ евангелій. Когда іудеи послали къ Іоанну спросить: *ты кто еси*, то не говорили: ты ли *Христосъ* (Χριστὸς), но: ты ли ὁ Χριστός; и не говорили: ты ли *Пророкъ* (προφήτης), но: ты ли ὁ προφήτης (Іоан. 1, 19. 25)? Каждое изъ этихъ выраженій означало нѣчто особенное. Посему и въ началѣ Евангелія Іоаннъ не сказалъ: *въ началѣ бѣ слово* (λόγος), но: *въ началѣ бѣ* ὁ λόγος, *и Слово* (ὁ λογος) *бѣ къ Богу* (Іоан. 1, 1). Такъ точно и здѣсь Пророкъ не сказалъ: παρθένος но: ἡ παρθένος, и съ свойственнымъ пророку достоинствомъ присовокупилъ: *се.* Онъ какбы видѣлъ и представлялъ себѣ эти событія, имѣя великую увѣрен-

ность въ сказанномъ. Ибо пророки яснѣе нашихъ глазъ видѣли невидимое. Чувство можетъ и обмануться; а благодать Духа сообщала непогрѣшимую увѣренность.

6. Но почему, скажешь, онъ не прибавилъ, что рожденіе будетъ отъ Духа Святаго? Сказанное было пророчествомъ, и потому, какъ я часто говорилъ, нужно было возвѣщать прикровенно, по причинѣ неблагодарности слушателей, дабы они, узнавъ все ясно, не сожгли всѣхъ книгъ. Ибо, если они не щадили пророковъ; то тѣмъ болѣе не пощадили бы ихъ писаній. А что сказанное мною не догадка, можно видѣть изъ того, что другой царь, при Іереміи, взявъ самыя книги, разрѣзалъ ихъ и бросилъ въ огонь (Іер. 36, 23). Видишь ли невыносимое безуміе? Видишь ли безразсудный гнѣвъ? Онъ не удовольствовался тѣмъ, чтобы изгладить письмена, но сжегъ и книги, желая удовлетворить своей безумной страсти. Впрочемъ, хотя этотъ дивный Пророкъ сказалъ прикровенно, но выразилъ все. Ибо дѣва, оставаясь дѣвою, какъ иначе могла бы зачать, если не отъ Духа Святаго? Превзойти законъ природы не могъ никто другой, кромѣ Творца природы. Такимъ образомъ сказавъ, что родитъ дѣва, онъ выразилъ все. Возвѣстивъ о рожденіи, Пророкъ называетъ и имя Рожденнаго, не то, которое дано Ему, но которое приличествуетъ Ему по дѣламъ. И Іерусалимъ онъ называетъ *градомъ правды*, хотя никогда онъ не назывался городомъ правды, но удостоился такого имени по дѣламъ, по при-

чинѣ значительной перемѣны къ лучшему и защищенія справедливости; ибо, какъ *блудницею* Пророкъ называетъ его не потому, чтобы этотъ городъ когда—нибудь имѣлъ такое названіе, но приписываетъ ему это имя за нечестіе, такъ послѣ называетъ его городомъ правды за добродѣтель (Иса. 1, 21. 26). Тоже самое нужно сказать и о Христѣ, т. е. что Пророкъ приписалъ Ему имя по дѣламъ. Ибо тогда особенно Богъ былъ съ нами, когда Онъ явился на землѣ, обращался съ людьми и показалъ великое о насъ попеченіе. Не ангелъ и не архангелъ былъ съ нами, но самъ Господь низшелъ и принялъ на Себя исправить все, бесѣдовалъ съ блудницами, возлежалъ съ мытарями, входилъ въ домы грѣшниковъ, подавалъ надежду на спасеніе разбойникамъ, привлекалъ волхвовъ, обозрѣвалъ и исправлялъ все, соединилъ съ Собою и самую природу. Все это предсказываетъ Пророкъ, возвѣщая какъ о рожденіи, такъ и о неизреченныхъ и безпредѣльныхъ плодахъ этого рожденія. Ибо когда Богъ съ людьми, то уже не должно ничего бояться и трепетать, но о всемъ надѣяться и радоваться; чтó дѣйствительно и исполнилось. Древнія и тяжкія бѣдствія разсѣяны, осужденіе всего рода человѣческаго уничтожено, силы грѣха сокрушены, власть діавола прекращена, рай, бывшій недоступнымъ для всѣхъ, отверзся во первыхъ для человѣкоубійцы и разбойника, своды небесные раскрылись, человѣкъ соединился съ ангелами, наше естество вознеслось на престолъ

царскій, темница ада сдѣлалась праздною, смерть по имени осталась, но въ существѣ дѣла уничтожилась, сонмы мучениковъ и жены сокрушали опоры ада. Провидя все это, Пророкъ радовался и восхищался, и однимъ словомъ изобразилъ намъ это, предвозвѣстивъ намъ Еммануила. *Масло и медъ снѣсть, прежде, неже разумѣти Ему изволити злая или избрати благое: зане прежде, неже разумѣти Отрочати благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое* (ст. 15. 16). Такъ какъ рожденный отрокъ былъ ни простымъ человѣкомъ, ни только Богомъ, но Богомъ въ человѣкѣ, то Пророкъ справедливо разнообразитъ свою рѣчь, высказывая то одно, то другое, излагая дивное и не допуская, чтобы не вѣрили домостроительству Божію, по необычайности чуда. Когда онъ сказалъ, что родитъ дѣва, — а это было выше природы, — и что рожденный будетъ названъ Еммануиломъ, — а это также было выше разумѣнія,—то, дабы кто-нибудь, слыша объ Еммануилѣ, не впалъ въ ересь Маркіона и въ болѣзнь Валентина касательно домостроительства, онъ отдѣльно прибавляетъ и яснѣйшее доказательство домостроительства, указывая на пищу. Ибо что онъ говоритъ? *Масло и медъ снѣсть.* А это свойственно не Божеству, но нашей природѣ. Посему Онъ не просто вселился въ человѣка, созданнаго Имъ, но зачался, былъ носимъ во чревѣ въ теченіи девяти мѣсяцевъ, переносилъ и рожденіе, и пелены, и пищу приличную пер-

вому возрасту, дабы всѣмъ этимъ заградить уста тѣмъ, которые дерзаютъ отвергать домостроительство (воплощенія Божія). Такимъ образомъ Пророкъ, издалека провидя это, говоритъ не только о зачатіи и дивномъ рожденіи, но и о пищѣ перваго возраста, которою Христосъ питался въ пеленахъ и которая нисколько не отличалась отъ пищи прочихъ людей и не имѣла въ сравненіи съ этою ничего особеннаго. Ибо у Него не все было отличное отъ насъ, и не все общее съ нами. То, что Онъ родился отъ женщины, есть общее съ нами; а что Онъ родился отъ Дѣвы, это—выше насъ. То, что Онъ принималъ пищу по обыкновенному закону природы и одинаковому для прочихъ людей, есть общее съ нами; а что этотъ храмъ былъ недоступенъ для грѣха, и не испыталъ грѣха, это необыкновенно и дивно и свойственно только Ему одному. Посему Пророкъ и сказалъ о томъ и другомъ. Не послѣ испытанія зла, говоритъ, Онъ отсталъ отъ зла, но еще прежде и отъ самаго начала являлъ всякую добродѣтель. Объ этомъ и самъ Христосъ говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ?* И еще: *грядетъ сего міра князь и во Мнѣ не имать ничесоже* (Іоан. 8, 46. 14, 30).

7. И этотъ самый Пророкъ далѣе говоритъ: *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Ис. 53, 9). Тоже говоритъ онъ и здѣсь, т. е. прежде, нежели этотъ отрокъ будетъ въ состояніи узнавать или отличать злое, съ самаго неопытнаго возраста, съ самаго рож-

денія Онъ станетъ являть добродѣтель и не будетъ имѣть ничего общаго съ порокомъ. *Зане прежде неже разумѣти Отрочати благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое.* Опять тѣми же словами Пророкъ выражаетъ ту же мысль и останавливается на этомъ предметѣ. Такъ какъ сказанное имъ было весьма высоко, то повтореніемъ изреченія онъ удостовѣряетъ въ его истинѣ. Ибо тоже, что онъ выше сказалъ въ словахъ: *прежде, неже разумѣти ему изволити злая, или избрати благое*, онъ и далѣе выражаетъ въ словахъ: *прежде неже разумѣти Отрочати*, и прибавляетъ опять тѣ же выраженія: *благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое.* Это было особенно свойственно Ему одному. Посему и Павелъ часто повторяетъ тоже; и Іоаннъ, увидѣвши Его, воскликнулъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). А кто взялъ на Себя грѣхи другихъ, тотъ самъ тѣмъ болѣе безгрѣшенъ. И Павелъ, какъ я выше сказалъ, часто повторяетъ тоже. Такъ какъ Христу надлежало умереть, то, дабы кто изъ невѣрующихъ не подумалъ, что Онъ былъ наказанъ за собственные грѣхи, Апостолъ часто поставляетъ на видъ безгрѣшность Его, желая показать, что смерть Его есть искупленіе за наши грѣхи. Такъ онъ говоритъ: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ: еже бо умре, грѣху умре* (Рим. 6, 9. 10). И этой смерти, говоритъ, Онъ подвергся не какъ виновный, не за собственный грѣхъ,

но за общій грѣхъ всѣхъ. Если же Онъ и прежде не подлежалъ смерти за какой-нибудь свой грѣхъ, то совершенно очевидно, что Онъ уже не умретъ. *И оставится земля, ея же ты боишися, отъ лица двухъ царей.* Что часто дѣлаетъ Пророкъ, тоже дѣлаетъ и здѣсь: послѣ пророчества онъ обращается къ историческимъ событіямъ. Такъ поступилъ онъ и въ сказаніи о серафимахъ, какъ мы ясно показали; такъ же поступилъ и здѣсь. Сказавъ о благахъ, уготованныхъ вселенной, онъ теперь обращаетъ рѣчь къ царю. Посему и продолжаетъ: *и оставится земля.* Что значитъ: *оставится*? Будетъ неприкосновенною, будетъ свободною, не испытаетъ непріятнаго, не подвергнется бѣдствіямъ войны. *И оставится земля, ея же ты боишися*, за которую страшишься, за которую трепещешь, *отъ лица двухъ царей*, т. е. *дамаскаго и израильскаго.* Далѣе, чтобы царь отъ предсказанія о благахъ не сдѣлался безпечнымъ и вслѣдствіе мира не сдѣлался нерадивымъ, Пророкъ опять возбуждаетъ его душу и говоритъ: *но наведетъ Господь на тя, и на люди твоя, и на домъ отца твоего дни, иже еще не пришли, отъ дне, въ онь же отъя Ефрема отъ Іуды, царя Ассирійска* (ст. 17). Этими словами онъ возвѣщаетъ нашествіе иноплеменниковъ, которые разрушили городъ до основанія и, взявъ жителей, отвели ихъ въ плѣнъ; возвѣщаетъ не для того, чтобы это случилось, но чтобы они, вразумившись страхомъ, отклонили отъ себя угрожавшее бѣд-

ствіе. Но такъ какъ они, ни отъ благъ, которыми пользовались не по достоинству, не сдѣлались лучшими, — а что дѣствительно они пользовались ими не по достоинству, видно изъ душевнаго расположенія царя и крайняго его невѣрія,—ни отъ страшныхъ угрозъ не исправлялись, но упорно противились и тому и другому полезному врачевству; то Пророкъ наконецъ употребляетъ жесточайшее сѣченіе, чтобы истребить гнилую рану и отсѣчь неизцѣльно больные члены. Чтоже значитъ: *отъ дне, въ онь же отъя Ефрема отъ Іуды, царя Ассирійска?* Иноплеменники сдѣлали нападеніе, чтобы увести всѣхъ ихъ; но потомъ, оставивъ Іуду и два колѣна, обратились противъ Израиля. Такимъ образомъ слова его означаютъ слѣдующее: съ того дня, когда десять колѣнъ привлекутъ къ себѣ войско иноплеменниковъ, отвлекши его отъ васъ, по своимъ крайне великимъ грѣхамъ, и, привлекши ихъ къ себѣ, будутъ уведены, съ того дня нужно будетъ и вамъ бояться и страшиться. Ибо, простираясь далѣе, они нападутъ и на васъ, если вы не исправитесь. *Отъ дне* того, говоритъ, *наведетъ* ихъ Господь. Ибо не въ тоже время, когда уведены израильтяне, взяты были и эти, но спустя немного времени.

8. Такимъ образомъ, по смыслу словъ Пророка, Богъ тогда же навелъ бы эти дни, но Онъ медлилъ и долготерпѣлъ, хотя грѣхи ихъ требовали тогда же достойнаго наказанія, какъ Онъ и часто дѣлаетъ, т. е. медлитъ и отстрочиваетъ при наступленіи назначеннаго дня. Это слу-

жить съ одной стороны величайшимъ свидѣтельствомъ Его человѣколюбія, а съ другой яснѣйшимъ доказательствомъ неблагодарности тѣхъ, которые не хотятъ надлежащимъ образомъ пользоваться Его человѣколюбіемъ. Такъ и здѣсь Пророкъ говоритъ, что уже тогда угрожали бѣдствія, уже тогда постановлено опредѣленіе, уже тогда былъ гнѣвъ Божій, и представляетъ близость наказанія для того, чтобы возбудить въ слушателяхъ раскаяніе, сдѣлать ихъ лучшими, и по взятіи десяти колѣнъ привести остальныя два въ уныніе, дабы они не сдѣлались болѣе безпечными, видя, что тѣ уведены, а они избѣгли этого. *И будетъ въ той день: позвиждетъ Господь мухамъ, яже владѣютъ частію рѣки Египетскія* (ст. 18). Видишь ли, какъ не напрасно я говорилъ, что онъ хочетъ усилить въ нихъ страхъ, произнося угрозу съ того же дня? Это доказываютъ послѣдующія слова, которыми онъ увеличиваетъ страхъ, представляя имъ войска, которыя были для нихъ весьма страшны, объясняя легкость нашествія враговъ, что̀ крайне могло тронуть ихъ, и указывая на множество войска, что̀ особенно поражало ихъ душу. Все это онъ выразилъ послѣдующими словами. Посмотри. *И будетъ*, говоритъ, *въ той день: позвиждетъ Господь мухамъ.* Мухами здѣсь онъ назвалъ египтянъ по ихъ наглости и безстыдству, потому, что они, бывъ часто прогоняемы, постоянно вновь нападали и не давали ни малаго отдыха, но причиняли іудеямъ множество безпо-

койствъ, безпрестанно возобновляя ихъ несчастія, какъ мухи растравляютъ раны. Ихъ, говоритъ, приведетъ Богъ. Впрочемъ не сказалъ: приведетъ, а *позвиждетъ*, выражая легкость ихъ нашествія и непобѣдимость силы Божіей, для которой достаточно одного мановенія, и все совершается. Справедливо Пророкъ угрожаетъ имъ напередъ такими врагами, которыхъ нападеніе они уже испытали. *И пчелѣ, яже есть во странѣ ассирійстѣй.* Въ сирскомъ и еврейскомъ текстѣ, какъ говорятъ, сказано: не *пчелѣ*, но *осамъ* (σφῆκας). Такъ какъ этихъ враговъ они еще не очень испытали, то сравненіемъ съ такимъ насѣкомымъ Пророкъ внушаетъ имъ великій страхъ, выражая названіемъ этого насѣкомаго ихъ силу, стремительность, мстительность, тяжесть ударовъ, скорость прибытія, трудность остеречься отъ нихъ. *И пріидутъ вси и почіютъ въ дебрехъ страны, и въ пещерахъ каменныхъ, и въ вертепахъ, и во всякой разсѣлинѣ и во всякомъ древѣ* (ст. 19). Сказавъ, какъ тѣ народы страшны и какъ войско ихъ быстро, онъ говоритъ теперь и объ ихъ множествѣ. Не сказалъ: ополчатся, но: *почіютъ*, какбы прибывъ не въ непріятельскую страну, но какбы наслаждаясь въ собственной, и какбы приготовившись не на утомленіе и труды, но какбы выступая на явную побѣду и собирая готовую добычу. Посему онъ и говоритъ: *пріидутъ и почіютъ*, что́ свойственно тѣмъ, которые побѣдили, воздвигли трофей и послѣ многихъ подвиговъ и убійствъ отдыха-

ютъ. Они будутъ отдыхать не только на поляхъ, но, по безчисленному множеству ихъ, страна недостаточна будетъ для помѣщенія тѣлъ ихъ, и потому тѣлами иноплеменниковъ покроютъ пропасти, и скалы, и горы, и лѣса, и все. Если бы даже они были не такъ сильны и не такъ быстры, то многочисленности ихъ достаточно было бы для пораженія іудеевъ; но когда соединяется и то и другое, и такая многочисленность и такая сила, и,—что всего тяжелѣе,—когда гнѣвъ Божій предводительствуетъ ими; тогда какая остается надежда на спасеніе? Впрочемъ выраженіе: *во всякой разсѣлинѣ и во всякомъ древѣ*, сказано преувеличенно. Ибо, конечно, не на деревьяхъ они будутъ отдыхать, но здѣсь, какъ я сказалъ, Пророкъ выражается преувеличенно, и вмѣстѣ продолжаетъ сравненіе съ осами. *Въ день оный обрѣетъ Господь бритвою наятою* (ст. 20). Внушивъ сильный страхъ войсками непріятелей, Пророкъ еще болѣе усиливаетъ его, обращаясь къ небу и показывая, что не какіе-нибудь иноплеменники, египтяне и персы, но Богъ ведетъ войну противъ іудеевъ. *Бритвою* здѣсь онъ называетъ невыносимый гнѣвъ Божій, противъ котораго никто не можетъ устоять, который легко настигаетъ и истребляетъ. Какъ волосы на тѣлѣ не могутъ устоять противъ острія бритвы, но тотчасъ уступаютъ и падаютъ; такъ точно, говоритъ онъ, и дѣла іудейскія не могутъ устоять противъ гнѣва Божія.

9. Такимъ образомъ *бритва наятая* озна-

чаетъ сильный, полный гнѣвъ Божій, окончательное опредѣленіе Его. А выраженіе: *объ ону страну рѣки царя ассирійска*, значитъ: по ту сторону Евфрата; потому что Іудея и вся Палестина отъ Персіи лежала по другую сторону этой рѣки. Все это, говоритъ Пророкъ, Господь совершенно *отъиметъ*, *и главу*, *и власы ногъ*, *и браду*. Онъ сравниваетъ всю страну съ тѣломъ и такими выраженіями обнимаетъ всю ихъ страну, какъ и въ началѣ онъ говорилъ: *всякая глава въ болѣзнь*, *и всякое сердце въ печаль*: *отъ ногъ даже до главы нѣсть въ немъ цѣлости* (Исаі. 1, 5, 6), разумѣя не одного человѣка, но сравнивая всю страну съ однимъ тѣломъ. Тоже онъ говоритъ и здѣсь, т. е. что вся земля подвергнется тяжкому наказанію. Одно онъ выразилъ *бритвою*, а другое подобіемъ тѣла, объясняя, что угрожающее опредѣленіе Божіе, тяжелѣе всякой бритвы, истребитъ и людей и произведенія земли, и оставитъ ее обнаженною и пустынною. Далѣе онъ изображаетъ это запустѣніе другимъ сравненіемъ, и дѣлаетъ это для того, чтобы въ нихъ страхъ остался живымъ, и скорбь не ослабѣла отъ продолжительности рѣчи. Людямъ не внимательнымъ кажется, что слѣдующія слова содержатъ обѣщаніе нѣкоторыхъ благъ; но обстоятельно вникающіе знаютъ, что въ нихъ изображается великое запустѣніе. Ибо что онъ говоритъ? *И будетъ въ той день, кормити будетъ человѣкъ юницу отъ воловъ и двѣ овцѣ*: *и будетъ отъ множества творенія*

млечнаго, масло и медъ снѣсть всякъ оставшійся на земли (ст. 21. 22). Здѣсь, какъ я выше сказалъ, изображается великое запустѣніе. Ибо земля, производящая пшеницу и ячмень, бывъ лишена людей, представитъ обильное пастбище для овецъ, и столь обильное, что по избытку корма даже двѣ овцы и одна телка будутъ въ состояніи доставить владѣльцу ихъ источники молока. Такимъ образомъ избытокъ корма для животныхъ служитъ величайшимъ доказательствомъ недостатка людей. Тоже означаетъ и медъ; ибо пчелы обыкновенно любятъ обитать въ пустыняхъ, гдѣ онѣ находятъ обильное пастбище и гдѣ никто не безпокоитъ ихъ. А дабы ты убѣдился, что здѣсь изображается великое запустѣніе, можешь видѣть это изъ дальнѣйшихъ словъ. *И будетъ въ той день, всяко мѣсто, идѣже аще будетъ тысяща лозъ винограда по тысящи сикль, въ лядину будетъ и въ терніе: со стрѣлою и лукомъ внидутъ тамо, яко лядиною и терніемъ будетъ вся земля* (ст. 23. 24). И это служитъ знакомъ великаго бѣдствія, что не только горы и лѣса, но и пахатная и тщательно обработываемая земля приноситъ терніе. Пророкъ не напрасно означилъ цѣну винограда, но чтобы показать и свойство земли и великое прилежаніе земледѣльцевъ. Между тѣмъ и эту землю, говоритъ, столь плодородную и обработанную руками земледѣльцевъ, Богъ обратитъ въ такую пустыню, что она будетъ производить терніе вмѣсто винограда и внушать такой страхъ

проходящимъ, что никто не посмѣетъ вступать на нее обнаженнымъ и безоружнымъ. Это говоритъ онъ, желая показать и пустынность мѣста, и множество живущихъ тамъ звѣрей. Потрясши такимъ образомъ душу слушателей и произведши въ нихъ сильный страхъ, Пророкъ опять нѣсколько смягчаетъ рѣчь, прибавляя и пріятное, и перемѣну къ лучшему, чтобы они и изъ того и изъ другаго познали силу Божію. Но на страшномъ онъ останавливается долго, а пріятное, сказавъ, тотчасъ оставляетъ. Почему? Потому, что они тогда особенно нуждались во врачевствѣ угрозы; поэтому, изложивъ ее пространно, онъ потомъ, желая дать имъ нѣкоторый отдыхъ и такимъ образомъ опять призвать къ добродѣтели, прибавляетъ и пріятное: *и всяка*, говоритъ, *гора оремая возъорется* (ст. 25). Какъ во время гнѣва Божія и плодородная земля сдѣлается пустынею, такъ на оборотъ, по умилостивленіи Его, и грубая покажетъ свойства земли тучной, принявъ плугъ и сѣмена. А когда это совершится, тогда будетъ и все, слѣдующее отсюда, миръ и безопасность, увѣренность и безбоязненность, какъ было прежде. *Не найдетъ*, говоритъ, *тамо страхъ: будетъ отъ лядины и отъ тернія въ паству овцамъ и въ попраніе волу*. Этимъ онъ опять указываетъ на благополучіе, какъ и далѣе онъ говоритъ: *блажени сѣющіи при всякой водѣ, идѣже волъ и оселъ попираетъ* (Иса. 32, 20). Ибо, какъ тогда, когда онъ желаетъ изобразить запустѣніе, онъ предста-

вляетъ въ рѣчи своей *сириновъ* и *онокентавровъ* (Исаі. 13, 21. 22); такъ тогда, когда желаетъ изобразить миръ и безопасность, всегда представляетъ животныхъ кроткихъ, ручныхъ и содѣйствующихъ намъ въ земледѣліи, выражая чрезъ нихъ то, что отъ нихъ происходитъ,— воздѣлываніе земли и прочее ихъ служеніе.

ТОЛКОВАНІЕ НА 8 ГЛАВУ КНИГИ

ПРОРОКА ИСАІИ.

И рече Господь ко мнѣ: пріими себѣ свитокъ новъ великъ, и напиши въ немъ писаломъ человѣческимъ, еже скоро плѣненіе сотворити корыстей, приспѣ бо: и свидѣтели Мнѣ сотвори вѣрны человѣки: Урію іереа и Захарію сына Варахіина. И приступихъ ко пророчицѣ, и во чревѣ зачатъ, и роди сына, и рече Господь мнѣ: нарцы имя ему: скоро плѣни, нагло расхити. Зане прежде неже разумѣти отрочати назвати отца или матерь, пріиметъ силу Дамаскову и корысти Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ (Ис. 8, 1—4).

1. Эти два повелѣнія буквально, по видимому, различны и не имѣютъ между собою ничего общаго; но кто тщательно вникнетъ въ силу мыслей, тотъ увидитъ, что они весьма сродны и имѣютъ одну цѣль. Впрочемъ напередъ нужно сказать, для чего пророчества введены въ человѣческую жизнь. Итакъ нужно сказать: для чего введены они? Богъ обыкновенно отсрочиваетъ и медлитъ наказывать грѣшниковъ, между тѣмъ какъ бываетъ скоръ и быстръ на благодѣянія добродѣтельнымъ. Отъ этого люди болѣе безпечные падаютъ, т. е. отъ того, что наказаніе слѣдуетъ не тотчасъ за преступленіями. Посему Богъ, чтобы показать свое долготерпѣніе и чтобы люди не сдѣлались отъ этого болѣе безпечными, употребляетъ врачество пророчества, научая грѣшниковъ не самыми наказаніями, но до времени только предсказаніемъ о нихъ, что, если они, выслушавъ угрозы, сдѣлаются лучшими, то отклонятъ отъ себя дѣйствительное наказаніе; а если останутся безчувственными, то Онъ подвергнетъ ихъ и наказанію. Діаволъ же, видя это и понимая, сколь великая происходитъ отсюда польза, посылалъ лжепророковъ, которые говорили противъ пророковъ, угрожавшихъ голодомъ, язвами, войнами, нашествіемъ иноплеменниковъ, и возвѣщали благопріятное. Какъ Богъ страшными словами хотѣлъ отклонить наказаніе на самомъ дѣлѣ, такъ діаволъ производилъ противное: благопріятными словами разслабляя и дѣлая людей болѣе безпечными, онъ дѣлалъ необходимымъ на-

казаніе на самомъ дѣлѣ. Потомъ, когда вѣровавшіе лжепророкамъ и нисколько не радѣвшіе о добродѣтели, но остававшіеся при своихъ грѣхахъ, навлекали на себя наказаніе, и конецъ дѣла показывалъ истинность пророковъ и обличалъ лживость лжепророковъ, діаволъ опять употреблялъ другое средство для погибели предающихся ему. Онъ убѣждалъ людей легко обольщаемыхъ, что случившіяся бѣдствія произошли отъ гнѣва бѣсовъ, которыхъ они пренебрегали и презирали. Посему Богъ, для уничтоженія такого обмана, предвозвѣщаетъ людямъ за много лѣтъ прежде то, что случится впослѣдствіи, особенно же имѣющія быть бѣдствія, дабы обольщающіе ихъ не могли приписать случившагося гнѣву бѣсовъ. А что я говорю это не по догадкамъ, послушай Исаію, который говоритъ: *вѣмъ, яко жестокъ еси, и жила желѣзна выя твоя, и чело твое мѣдяно. И возвѣстихъ ти, яже древле, да не когда речеши, яко идоли мнѣ сія сотвориша, и не рицы, и изваянная и сліянная заповѣдаша мнѣ. Не вѣдѣлъ еси, ниже разумѣлъ еси, яже имутъ быти* (Исаі. 48, 4 — 8). Такъ какъ они,—какъ я сказалъ и какъ можно видѣть изъ приведеннаго свидѣтельства, — приписывали бѣдствія бѣсамъ, то пророчество предварительно разрушаетъ этотъ обманъ, предсказывая объ нихъ за много лѣтъ. Но такъ какъ и послѣ того неблагодарные могли сказать: вы не предсказывали, мы прежде не слыхали, вы теперь выдумали это послѣ событій, вы не зна-

ли будущаго, откуда видно, что объэтомъ уже было сказано?,—то смотри, какъ ясно и не опровержимо Богъ обличаетъ ихъ, заграждая безстыдныя уста. Онъ не только позволяетъ Пророку сказать, но повелѣваетъ и написать сказанное на свиткѣ, и не просто написать, дабы тѣ не могли сказать, будто Пророкъ выдумалъ это послѣ событій, но призвать и свидѣтелей письменъ и мужей достовѣрныхъ какъ по званію своему, такъ и по образу жизни. *И свидѣтели*, говоритъ, *Мнѣ сотвори, вѣрны человѣки, Урію іерея и Захарію*, дабы, когда это исполнится и станутъ говорить, что объ этомъ не было сказано за много лѣтъ, представленный свитокъ и присутствующіе свидѣтели заградили уста безстыдныхъ. Посему онъ и говоритъ: *пріими свитокъ новъ,* чтобы онъ по ветхости не погибъ, но чтобы оставался на долгое время и своими письменами обличалъ ихъ. *И напиши писаломъ человѣческимъ*, т. е. тростію, то, чтó имѣетъ случиться. Что же имѣло случиться? Война, побѣда иноплеменниковъ, взятіе въ плѣнъ, расхищеніе добычи. Все это, говоритъ, ты напиши. *Еже скоро плѣненіе сотворити корыстей, приспѣ бо̀*. Что значитъ: *приспѣ бо?* Это слово выражаетъ двѣ слѣдующія мысли: ту, что важность грѣховъ ихъ тогда уже требовала наказанія и наказаніе уже было при дверяхъ, но Богъ медлилъ, желая своимъ долготерпѣніемъ исправить ихъ и отклонить наказаніе; и ту, что для Него легко и удобно употребить только мановеніе и все привести въ ис-

полненіе. Такъ какъ рѣчь шла объ иноплеменникахъ, имѣвшихъ сдѣлать нападеніе, то онъ говоритъ: не думайте, что отдаленность пути и многочисленность войска могутъ сколько-нибудь замедлить дѣло, какъ это обыкновенно бываетъ у людей.

2. Находящійся вдали стоитъ предъ Богомъ. Посему для Бога легко и удобно въ одинъ мигъ и въ одно мгновеніе времени тотчасъ привести и представить враговъ съ крайнихъ предѣловъ земли. *И свидѣтели Мнѣ сотвори вѣрны человѣки, Урію іерея и Захарію, сына Варахіина.* Свидѣтелей чего? Времени, такъ что, если письмена будутъ подвергаться порицанію, то живые люди, присутствовавшіе тогда, когда это было писано, и ясно знавшіе время, когда это было сказано, могли бы заградить уста безстыднымъ противникамъ. Такого же содержанія и дальнѣйшія слова, производящія яснѣйшее обличеніе. Какъ и какимъ образомъ? Выслушаемъ самыя слова. *И приступихъ*, говоритъ Пророкъ, *ко пророчицѣ*. Такъ онъ называлъ свою жену, можетъ быть, потому, что и она была удостоена пророческаго Духа. Ибо благодатные дары простирались не на мужей только, но нисходили и на женскій полъ. Въ дѣлахъ духовныхъ бываетъ не такъ, какъ въ житейскихъ нуждахъ, въ которыхъ роды занятій раздѣлены, и одни изъ нихъ принадлежатъ мужчинамъ, а другіе женщинамъ, такъ что не могутъ перемѣняться между собою; но, въ дѣлахъ духовныхъ—равные подвиги и общіе вѣн-

цы. Это дѣйствительно можно видѣть и въ ветхомъ и въ новомъ Завѣтѣ и во всей человѣческой жизни. Итакъ, совокупившись съ женою по закону брака, Пророкъ сдѣлалъ ее беременною, и когда родился младенецъ, нарекъ ему имя новое и необыкновенное, содержащее въ себѣ исторію будущихъ событій. Ибо что сказалъ Господь? *Нарцы имя ему: скоро плѣни, нагло расхити*, дабы, если не повѣрятъ письменамъ, заключающимся въ свиткѣ, то названіе младенца, содержащее въ себѣ исторію будущихъ событій, данное прежде ихъ исполненія и часто повторяемое во всякое время, заградило уста самымъ безстыднымъ противникамъ. Ибо въ томъ, что Пророкъ не выдумалъ это послѣ исполненія событій, но предвидѣлъ ихъ прежде, могли убѣдиться даже самые наблагодарные противники, видя младенца, получившаго еще прежде исполненія событій такое названіе, которое предвозвѣщало будущія бѣдствія. Посему онъ и объясняетъ силу пророчества и съ точностію опредѣляетъ время въ слѣдующихъ словахъ: *зане прежде, неже разумѣти отрочати назвати отца или матерь, пріиметъ силу Дамаскову и корысти Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ.* Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: во время его незрѣлаго возраста, когда онъ еще будетъ не въ состояніи говорить, совершатся дѣла побѣды и трофеевъ, не въ томъ смыслѣ, будто самъ младенецъ могъ вступить въ бой и поразить непріятелей, но въ томъ, что въ теченіи этого возраста, т. е., времени пре-

жде, нежели младенецъ станетъ говорить, все будетъ предано врагамъ. *И приложи Господь глаголати ко мнѣ еще глаголя: понеже не восхотѣша людіе сіи воды Силоамли, текущія тихо, но восхотѣша имѣти Рассона и сына Ромеліева царя надъ вами: сего ради и возводитъ Господь на вы воду рѣки силну и многу, царя Ассирійска* (ст. 5—7). Какъ обыкновенно Богъ не только предсказываетъ наказанія, но излагаетъ и причины ихъ, чтобы и этимъ вразумить слушателей, такъ Онъ поступаетъ и здѣсь. Сказавъ о разграбленіи земли иноплеменниками и о добычѣ и предсказавъ о нашествіи враговъ, онъ приводитъ и причину войны. Какая же эта причина? Неблагодарность жителей города. Такъ какъ они, говоритъ, имѣя царя привѣтливаго, кроткаго и тихаго, отложились отъ него и пожелали притѣснителей и рѣшились перейдти подъ чуждую власть, не соблюдая собственнаго благополучія, то Я исполню ихъ желаніе съ великимъ избыткомъ, приведши къ нимъ человѣка грубаго и жестокаго. Онъ употребляетъ переносныя выраженія, для означенія какъ нрава туземнаго царя, такъ и силы иноплеменника, и дѣлаетъ это для того, какъ я всегда говорилъ, чтобы придать словамъ своимъ больше выразительности. Посему Онъ и говоритъ: *понеже не восхотѣша воды Силоамли,* разумѣя не воду, но такъ какъ этотъ источникъ течетъ медленно и тихо, то Онъ сравниваетъ съ тихимъ теченіемъ воды тихій и кроткій нравъ тогдаш-

няго царя, и называетъ его Силоамомъ по его незлобію и кротости. А это служитъ величайшимъ обвиненіемъ для подчиненныхъ, что они, находясь подъ игомъ не тяжкимъ, домогались новостей и хотѣли предаться царямъ чуждымъ. Такъ какъ они, говоритъ, не хотятъ царя кроткаго и тихаго, но желаютъ Расина и сына Ромеліева, то Я наведу на нихъ царя вавилонскаго; и стремительное нападеніе войска его называетъ водою рѣки *многою и сильною*.

3. Потомъ, объясняя переносное выраженіе, Пророкъ говоритъ: *царя Ассирійска*. Видишь ли, какъ несомнѣннымъ оказывается сдѣланное нами прежде замѣчаніе, что при переносныхъ выраженіяхъ Писаніе обыкновенно объясняетъ само себя? Такъ точно поступаетъ и здѣсь. Сказавъ о рѣкѣ, онъ не остановился на этомъ переносномъ выраженіи, но сказалъ, о какой рѣкѣ онъ говоритъ, именно: *царя Ассирійска и славу его. И взыдетъ на всяку дебрь вашу, и обыдетъ всяку стѣну вашу, и отъиметъ отъ іудеи человѣка, иже возможетъ главу воздвигнути, или могущаго что совершити: и будетъ полкъ его, во еже наполнити ширину страны твоея* (ст. 7. 8). Желая показать, что не человѣческою силою, но Божіимъ гнѣвомъ совершится сказанное, Пророкъ описываетъ царя ассирійскаго не врагомъ, нападающимъ войною, но идущимъ какъбы на готовую добычу. Онъ не остановится, говоритъ, и не будетъ ополчаться, но множествомъ людей покроетъ лице земли и займетъ ее

легко. Впрочемъ и въ этомъ гнѣвѣ много человѣколюбія Ибо Пророкъ не угрожаетъ разрушеніемъ города, но предсказываетъ нѣкоторый плѣнъ и отведеніе, желая наказаніемъ отведенныхъ сдѣлать оставшихся болѣе благоразумными. *И отъиметъ*, говоритъ, *отъ іудеи человѣка*, *иже возможетъ главу воздвигнути*, т. е. людей, имѣющихъ власть, руководящихъ и управляющихъ всѣмъ, развращающихъ народъ, Онъ сдѣлаетъ плѣнниками и рабами, такъ что низшіе тогда нѣсколько отдохнутъ, и какъ отъ страшной участи отведенныхъ, такъ и отъ безопасности собственной свободы, сдѣлаются лучшими. Посему и говоритъ: *могущаго что совершити*, т. е. сильнаго, имѣющаго возможность дѣйствовать, могущаго сдѣлать что-нибудь. И еще прежде отведенія, говоритъ, иноплеменникъ самымъ видомъ своимъ достаточно поразитъ васъ, наполнивъ всю землю тѣлами непріятелей. Посему и прибавляетъ: *и будетъ полкъ его, во еже наполнити ширину страны твоея. Съ нами Богъ. Разумѣйте языцы, и покаряйтеся, услышите даже до послѣднихъ земли, могущіи покаряйтеся: аще бо паки возможете, паки побѣждени будете. И иже аще совѣтъ совѣщаете, разоритъ Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудетъ въ васъ, яко съ нами Богъ* (ст. 9. 10). Здѣсь, мнѣ, кажется, Пророкъ предсказываетъ побѣду Езекіи, этотъ славный трофей, и причину побѣды. Хотя у враговъ, говоритъ, и оружіе, и безчисленное войско, и воинская опытность,

но съ нами! помощь сильнѣйшая всего, т. е. Богъ. И дѣйствительно, иноплеменникъ пришелъ, какъ Пророкъ угрожалъ прежде, и, взявъ многіе города, удалился; но когда онъ послѣ того сдѣлалъ нападеніе, то испыталъ противное. Это и предсказываетъ Пророкъ, возвѣщая и Виновника побѣды и обращая рѣчь къ самимъ иноплеменникамъ. Не надѣйтесь, говоритъ, на свою прежнюю побѣду; при настоящемъ нападеніи намъ присуща великая помощь; узнайте же это, и отступите; вы покушаетесь на невозможное. Далѣе указываетъ на Виновника этой побѣды и показывая, что слава о такихъ дѣлахъ разспространится до крайнихъ предѣловъ земли, говоритъ: *услышите даже до послѣднихъ земли.* И подлинно, не было никого, кто не слыхалъ бы о тогдашнихъ событіяхъ во Іерусалимѣ. *Услышите даже до послѣднихъ земли, могущіи покаряйтеся.* Этотъ иноплеменникъ весьма славился тогда своимъ могуществомъ. Впрочемъ *могущими* онъ называетъ здѣсь не только крѣпкихъ тѣлесною силою, но и отличающихся обиліемъ богатства и великолѣпіемъ славы. *Аще бо паки возможете и паки подъждени будете. И иже аще совѣтъ совѣщаете, разоритъ Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудетъ въ васъ, яко съ нами Богъ.* Такъ какъ замыслы ихъ были порочны, и они надѣялись разрушить городъ до основанія, и такимъ образомъ возвратиться домой; то Пророкъ обнаруживаетъ замыслы ихъ и говоритъ, что все

это ограничится только словами. Далѣе, такъ какъ онъ возвѣщалъ о дѣлахъ, превышающихъ природу человѣческую, то, желая сдѣлать слова свои достовѣрными, онъ часто обращается къ достоинству Совершающаго ихъ и говоритъ: *яко съ нами Богъ*; Онъ самъ разрушитъ всѣ эти козни; Ему слава......

БЕСѢДА 1-я

НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ:

И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ **(Исаі. 6, 1) (1).**

1. Вижу, что вы съ великимъ усердіемъ стараетесь прилагать къ дѣлу сказанное вамъ прежде. Посему и я безъ лѣности бросаю сѣмена ученія, питая отъ того добрыя надежды. Такъ и земледѣлецъ, хотя съ трудомъ бросаетъ сѣмена, но когда видитъ землю плодоносною и жатву обильною, то забываетъ о прежнихъ трудахъ и ободряется къ дальнѣйшему обработыванію и сохраненію плодовъ ожидаемою пользою. Но сколько плодоноснѣе и полезнѣе того это земледѣліе? То, производя изобиліе чувственныхъ плодовъ, доставляетъ пищу тѣламъ; а это, сѣя словесное ученіе и умножая дары Духа, собираетъ богатство душевное, пищу не истребляемую, не истлѣвающую, не уничтожаю-

---

(1) Въ заглавіи этой бесѣды прибавляется: *похвала тѣмъ, которые пришли въ церковь, и о благочиніи при славословіяхъ.* Oper. S. Chrysost. ed. Mont. Par. 1835. Tom. 6, pag. 110.

щуюся, не портящуюся отъ времени, но сохраняемую неизреченнымъ Промысломъ и заключающую въ себѣ духовное наслажденіе. Это — плодъ моихъ трудовъ; это — богатство, соблюдаемое для вашей любви. Видя его умножающимся въ васъ, я постоянно радуюсь, какъ не напрасно бросающій сѣмена, какъ не безъ пользы понесшій труды, какъ сѣющій на землю плодоносную, тучную, способную къ принесенію плодовъ. Изъ чего же я заключаю о такой пользѣ? Откуда вижу, что слова мои прилагаются къ дѣлу? Изъ самаго настоящаго собранія, изъ того, что вы съ усердіемъ посѣщаете мать всѣхъ — церковь, изъ этого всенощнаго и непрерывнаго стоянія, изъ того, что вы, подражая ликамъ ангельскимъ, приносите непрестанное славословіе Создателю. О дарованія Христовы! На небѣ славословятъ ангельскія воинства; на землѣ люди, въ церквахъ составляя лики, подражаютъ такому ихъ славословію; на небѣ серафимы взываютъ трисвятую пѣснь; на землѣ собраніе людей возноситъ туже пѣснь; составляется общее торжество небесныхъ и земныхъ существъ, одна благодарность, одинъ восторгъ, одно радостное ликованіе. Это устроено неизреченнымъ снисхожденіемъ Господа; это составлено Духомъ Святымъ; эти стройные звуки согласованы благоволеніемъ Отца; они получили стройность свою свыше и сотрясаемые Троицею, какбы нѣкоторымъ смычкомъ, производятъ усладительную и блаженную мелодію, ангельскую пѣснь, непрестанную гар-

монію. Вотъ—слѣдствіе здѣшняго усердія; вотъ—плодъ нашего собранія! Потому я и радуюсь такому преспѣянію, радуюсь, видя радость въ душахъ вашихъ, радость духовную, веселіе по Богѣ. Ибо ничто такъ не дѣлаетъ нашей жизни радостною, какъ веселіе въ церкви. Въ церкви сохраняется радость радующихся, въ церкви утѣшеніе для унывающихъ, въ церкви веселіе для скорбящихъ, въ церкви успокоеніе для изнуренныхъ, въ церкви отдохновеніе для утружденныхъ. *Пріидите ко Мнѣ*, сказалъ Господь, *вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28). Что можетъ быть вожделѣннѣе этого воззванія? Что пріятнѣе этого приглашенія? На пиръ зоветъ тебя зовущій тебя въ церкви Господь, приглашаетъ къ отдохновенію вмѣсто трудовъ, возвращаетъ къ успокоенію послѣ скорбей, облегчая бремя грѣховъ, врачуя уныніе наслажденіемъ и печаль радостію. О неизреченное попеченіе, небесное призваніе! Поспѣшимъ же, возлюбленные, какъ показать ревностное усердіе, такъ и съ надлежащимъ благочиніемъ и съ должнымъ расположеніемъ исполнять его. Объ этомъ я хочу теперь сказать вамъ слово, по видимому тяжкое, но по истинѣ не тяжкое и полезное. Такъ поступаютъ и чадолюбивые отцы; они предлагаютъ дѣтямъ не только тò, чтò доставляетъ радость на краткое время, но и тò, чтò причиняетъ скорбь, и внушаютъ имъ не только тò, чтò тотчасъ оказываетъ пользу, но и тò, чтò кажется тяжкимъ, но бываетъ спасительнымъ

по исполненіи, и этому послѣднему научають съ особеннымъ усердіемъ и настойчиво требуютъ отъ нихъ соблюденія. Мы предлагаемъ такое слово для того, чтобы намъ не трудиться здѣсь напрасно, чтобы, принявъ на себя бремя бдѣнія, намъ не подвизаться безъ пользы, чтобы звуки, разсѣевающіеся въ воздухѣ, не гласили болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ. Ибо и купецъ, производя отдаленную торговлю и подвергаясь сильному теченію вѣтровъ и буйству волнъ, не сталъ бы напрасно и безъ пользы переносить такія трудности; но для того онъ и разсѣкаетъ моря, и рѣшается на опасности, и переходитъ съ мѣста на мѣсто, и цѣлыя ночи проводитъ безъ сна, чтобы получить себѣ прибыль отъ своей торговли. А если бы этого не было, но вмѣсто прибыли у него истрачивался бы и капиталъ, то онъ не могъ бы ни сходить съ своего мѣста, ни подвергать себя такимъ разнообразнымъ опасностямъ.

2. Зная это, будемъ приходить сюда съ надлежащимъ благоговѣніемъ, чтобы вмѣсто отпущенія грѣховъ не умножить ихъ и съ тѣмъ не возвратиться домой. Чего же мы желаемъ и требуемъ? Того, чтобы, вознося божественныя пѣснопѣнія, вы были проникнуты великимъ страхомъ и украшены благоговѣніемъ, и такимъ образомъ возносили ихъ. Ибо изъ присутствующихъ здѣсь есть люди, которыхъ, я думаю, не знаетъ и ваша любовь, которые, не почитая Бога и считая изреченія Духа обыкновенными, издаютъ нестройные звуки и ведутъ себя ни-

сколько не лучше бѣснующихся, колеблясь и двигаясь всѣмъ тѣломъ и показывая нравы, чуждые духовному бдѣнію. Жалкій и несчастный! Тебѣ должно съ изумленіемъ и трепетомъ возносить ангельское славословіе, со страхомъ совершать исповѣданіе предъ Создателемъ и чрезъ это испрашивать прощеніе грѣховъ; а ты переносишь сюда обычаи шутовъ и плясуновъ, безобразно протягивая руки, припрыгивая ногами и кривляясь всѣмъ тѣломъ. Какъ ты не боишься и не трепещешь, дерзко слушая такія изреченія? Развѣ ты не знаешь, что здѣсь невидимо присутствуетъ самъ Господь, измѣряя движеніе каждаго и испытывая совѣсть? Развѣ ты не знаешь, что ангелы предстоятъ этой страшной трапезѣ и окружаютъ ее со страхомъ? Но ты не разумѣешь этого; потому что слышанное и видѣнное тобою на зрѣлищахъ помрачило твой умъ, и посему совершаемое тамъ ты вносишь въ церковные обряды, обнаруживая безсмысленными криками безпорядочность своей души. Какъ же ты испросишь прощеніе своихъ грѣховъ? Какъ преклонишь на милость Господа, принося моленіе столь небрежно? Ты говоришь: *помилуй мя, Боже;* а самъ обнаруживаешь нравъ, противный помилованію. Взываешь: *спаси мя,* а самъ принимаешь видъ чуждый спасенія. Помогутъ ли сколько-нибудь молитвѣ руки, часто поднимаемыя кверху, и движимыя безпорядочно, и сильный крикъ, производимый напряженнымъ дуновеніемъ воздуха, но не имѣющій смысла? Не свойственны ли та-

кія дѣйствія безпутнымъ женщинамъ, встрѣчающимся на перекресткахъ, или кричащимъ на зрѣлищахъ? Какъ же ты осмѣливаешься къ ангельскому славословію примѣшивать бѣсовскія шутки? Какъ ты не стыдишься того изреченія, которое здѣсь произносишь: *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11)? Это ли значитъ: *работать со страхомъ*, чтобы дѣйствовать необузданно и съ напряженіемъ и самому не знать, о чемъ говоришь безпорядочными звуками голоса? Это—знакъ презрѣнія, а не страха, дерзости, а не смиренія; это свойственно болѣе произносящимъ шутки, нежели славословящимъ. Что же значитъ: *работать Господеви со страхомъ?* Значитъ: исполняя всякую заповѣдь, совершать это со страхомъ и трепетомъ, возносить молитвы съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ умомъ. И не только *работать со страхомъ*, но и *радоваться съ трепетомъ* повелѣваетъ Духъ Святый чрезъ Пророка. Такъ какъ исполненіе заповѣди обыкновенно доставляетъ радость упражняющемуся въ добродѣтели, то и ей, говоритъ онъ, надобно предаваться со страхомъ и трепетомъ, чтобы намъ, забывшись отъ безстрашія, не погубить трудовъ и не оскорбить Бога. Но какъ возможно, скажешь, радоваться съ трепетомъ? Эти два чувства не могутъ быть вмѣстѣ въ одно и тоже время, будучи весьма различны между собою. Радость есть удовлетвореніе желаній, наслажденіе пріятнымъ, забвеніе непріятнаго; а

страхъ есть прискорбное чувствованіе ожидаемыхъ бѣдствій, происходящее въ отчаявающейся совѣсти. Какъ же можно *радоваться со страхомъ* и не просто со страхомъ, но и *съ трепетомъ*, который есть усиленный страхъ и знакъ великаго безпокойства? Какъ, скажешь, это можетъ быть? Этому научаютъ тебя серафимы, которые самымъ дѣломъ исполняютъ такое служеніе. Они наслаждаются неизреченною славою Создателя и созерцаютъ непостижимую красоту,—не говорю, какова она по самому существу своему; ибо она непостижима, незрима, невообразима, и нелѣпо было бы такъ думать о ней—но сколько они могутъ, сколько они въ состояніи просвѣщаться этими лучами. Они постоянно служатъ вокругъ царскаго престола, пребываютъ въ постоянной радости, въ вѣчномъ веселіи, въ непрестанномъ удовольствіи, восхищаясь, ликуя, неумолчно славословя. Ибо стоять предъ лицемъ этой славы и просвѣщаться происходящимъ отъ ней свѣтомъ, это—ихъ радость, веселіе, восхищеніе, слава. Можетъ быть, и вы нѣсколько почувствовали удовольствіе и въ васъ пробудилось желаніе этой славы.

3. Если вы захотите послушаться увѣщаній и совершать настоящее славословіе съ благоговѣніемъ, то и вы не лишитесь этой радости; потому что одинъ и тотъ же Господь, прославляемый на небесахъ и на землѣ. *Исполнь*, говоритъ Пророкъ, *небо и земля славы Его* (Исаіи 6, 3). Какъ же серафимы, наслаждаясь такою радостію, соединяютъ се со страхомъ?

Послушай, что говоритъ Пророкъ: *видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ.* Почему онъ не сказалъ только: *высоцѣ*, но прибавилъ: *и превознесеннѣ?* Развѣ не достаточно было слова: *на высоцѣ*—для того, чтобы объяснить все и показать свойство превосходнаго достоинства? Для чего же онъ прибавилъ: *и превознесеннѣ?* Для того, чтобы показать непостижимость сѣдалища. Такъ какъ у насъ слово: *высокій* внушаетъ мысль о сравненіи чего-нибудь съ предметами дольними и низкими; напр. горы называются высокими по отношенію къ равнинамъ и долинамъ земли, и небо называется высокимъ, потому что превышаетъ все земное; а слово: *превознесенный* и возвышенный относится только къ одному непостижимому Существу, котораго невозможно ни постигнуть, ни изъяснить; то онъ и сказалъ: *видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ.* И что еще видѣлъ ты, Пророкъ? Что созерцалъ ты вокругъ Его? *И серафими*, говоритъ, *стояху окрестъ Его* (ст. 2). Что дѣлали они, и что говорили? Какое имѣли они дерзновеніе? Они не имѣли, говоритъ, никакого дерзновенія, но были исполнены страха и изумленія и самымъ видомъ своимъ показывали неизреченный трепетъ. Ибо *двѣма крылами покрываху лица своя*, какъ для огражденія себя отъ свѣта, исходящаго отъ престола, потому что они не могли снести невыносимой славы его, такъ и для выраженія своего благоговѣнія, которое они имѣли къ Господу.

Такою радуются они радостію, такимъ восхищаются веселіемъ, и однако закрываютъ не только лица, но и ноги свои. Почему же они дѣлаютъ это? Лица они справедливо закрываютъ по причинѣ страшнаго зрѣлища, потому что они не могутъ взирать на непостижимую славу; но почему закрываютъ ноги? Я желалъ бы предоставить вамъ, чтобы вы сами потрудились рѣшить это и остановились надъ изслѣдованіемъ предметовъ духовныхъ; но чтобы, оставивъ вашъ умъ занятымъ такимъ изслѣдованіемъ, не произвести въ васъ невнимательности къ увѣщанію, я считаю необходимымъ самому объяснить это. Почему же они закрываютъ ноги? Они стараются выразить свое безпредѣльное благоговѣніе къ Создателю, желая показать великое смущеніе и видомъ своимъ, и голосомъ, и взоромъ, и самымъ положеніемъ. Но такъ какъ они и такимъ образомъ не достигаютъ желаемаго и должнаго, то, закрываясь со всѣхъ сторонъ, остальное прикрываютъ. Поняли ли вы сказанное, или нужно опять повторить это? Впрочемъ, для большей ясности, постараюсь раскрыть это примѣрами, случающимися у насъ. Кто предстоитъ земному царю, тотъ всѣми мѣрами старается выразить предъ нимъ свое великое уваженіе, чтобы снискать себѣ отъ него большее благоволеніе. Для того онъ и видомъ головы, и голосомъ, и сложеніемъ рукъ, и постановкою ногъ, и положеніемъ всего тѣла старается показать такое уваженіе. Тоже происходитъ и съ тѣми безплотными силами. Питая

великое благоговѣніе къ Создателю и стараясь во всемъ выразить его, но не достигая желаемаго, не соотвѣтствующее ихъ желанію они закрываютъ покровомъ. Посему и говорится, что они закрываютъ лица и ноги свои. Можетъ быть представлена и другая таинственная причина этого; но такъ говорится не потому, чтобы они дѣйствительно имѣли ноги и лица,—ибо они безтѣлесны, подобно Божеству, — но дабы показать, что они со всѣмъ смиреніемъ, со страхомъ и благоговѣніемъ служатъ Господу. Такъ должно предстоять и намъ, принося Ему славословіе со страхомъ и трепетомъ и какбы созерцая Его самаго очами ума. Подлинно, здѣсь присутствуетъ самъ Онъ, необъемлемый никакимъ мѣстомъ, и замѣчаетъ слова всѣхъ. Посему будемъ возсылать Ему хвалу съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, чтобы сдѣлать ее пріятною и возносить на небо, какъ благовонный ѳиміамъ. *Сердце сокрушенно и смиренно*, говоритъ Писаніе, *Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19). Но, скажешь, Пророкъ заповѣдуетъ совершать славословіе съ восклицаніемъ: *воскликните*, говоритъ, *Господеви вся земля* (Пс. 65, 1). И мы запрещаемъ не такое восклицаніе, а безсмысленный вопль, не голосъ хвалы, а голосъ безчинства, усиленные крики другъ предъ другомъ, напрасное и тщетное поднятіе рукъ на воздухъ, топаніе ногами, безобразные и непристойные обычаи, которые свойственны занимающимся шутками на зрѣлищахъ и ристалищахъ. Оттуда приносятся къ намъ эти вред-

ныя привычки, оттуда эти неблагоговѣйные и грубые крики, оттуда непристойныя движенія рукъ, ссоры, состязанія, безпорядочные нравы.

4. Подлинно, ничто такъ не производитъ невнимательности къ изреченіямъ Божіимъ, какъ восхищеніе тамошними представленіями. Поеему я часто внушалъ, чтобы никто изъ приходящихъ сюда, слушающихъ божественное ученіе и причащающихся страшной и таинственной жертвы, не ходилъ на тѣ зрѣлища и не смѣшивалъ божественныхъ таинствъ съ бѣсовскими. Но нѣкоторые такъ обезумѣли, что, уже имѣя почтенный видъ и доживъ до старческой сѣдины, бѣгутъ туда, не обращая вниманія на наши слова и не стыдясь собственнаго вида. И когда мы поставляемъ имъ это на видъ и убѣждаемъ постыдиться сѣдины и почтеннаго вида, то какой пустой и смѣшной отвѣтъ даютъ они? Тамъ, говорятъ они, мы видимъ подобіе будущей побѣды и вѣнцовъ и получаемъ отсюда великую пользу. Что говоришь ты, человѣкъ? Это—старая и обманчивая рѣчь. Отъ чего ты получаешь тамъ пользу? Отъ безчисленныхъ ли ссоръ и напрасныхъ и безполезныхъ проклятій, обращающихся во вредъ говорящимъ, или отъ обидъ, злословій и насмѣшекъ, которыми осыпаютъ другъ друга зрители этихъ представленій? Но, конечно, не отъ нихъ. Или извлекаешь пользу изъ непристойныхъ криковъ, безсмысленнаго вопля, поднимающейся пыли и людей толкающихся, тѣснящихся и лицемѣрящихъ предъ женщинами? Но здѣсь всѣ пророки и учители пред-

ставляютъ самого Владыку ангеловъ сѣдящимъ на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, раздѣляющимъ награды и вѣнцы достойнымъ и назначающимъ геенну и огонь недостойнымъ; и самъ Господь подтверждаетъ это. Какъ же ты презираешь то, чѣмъ потрясается совѣсть, обличаются дѣла, внушается страхъ суда и неизбѣжность наказанія, и между тѣмъ для безразсуднаго оправданія своихъ зрѣлищъ указываешь на пользу отъ того, отъ чего ты терпишь неисправимый вредъ? Нѣтъ, прошу и умоляю, не будемъ представлять оправданій во грѣхахъ; это — предлогъ и обольщеніе, причиняющее вредъ намъ самимъ. Впрочемъ довольно объ этомъ; время уже обратиться къ прежнему увѣщанію и, изложивъ его кратко, положить приличный конецъ слову. Подлинно, здѣсь не только безчинство, но господствуетъ еще нѣкоторое другое тяжкое зло. Какое же именно? Пришедши сюда для того, чтобы бесѣдовать съ Богомъ и возносить Ему славословіе, а потомъ оставивъ Его, каждый обращается къ близъ-стоящему и начинаетъ разговаривать о дѣлахъ, происходящихъ дома, на торжищахъ, въ народѣ, на зрѣлищахъ, въ войскѣ, какъ устроено то и какъ опущено это, чтó излишне въ распоряженіяхъ и чего не достаетъ въ нихъ, и вообще разговариваютъ здѣсь о всѣхъ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ. Заслуживаетъ ли это прощенія? Бесѣдующій и съ земнымъ царемъ говоритъ только о томъ, о чемъ тотъ хотѣлъ бы слышать и о чемъ онъ самъ предлагаетъ вопро-

сы; если же осмѣлится упомянуть о чемъ-нибудь другомъ противъ его желанія, то подвергается тяжкому наказанію; а ты, бесѣдуя съ Царемъ царствующихъ, которому съ трепетомъ служатъ ангелы, оставивъ бесѣду съ Нимъ, разговариваешь о грязи, о пыли, о паутинѣ? Ибо таковы настоящія дѣла. Какъ ты перенесешь наказаніе за такое пренебреженіе? Кто избавитъ тебя отъ этого наказанія? Но, скажешь, дѣла и управленіе находятся въ худомъ положеніи; объ нихъ мы и говоримъ много и безпокоимся много. Какая же причина? Неблагоразуміе, скажешь, правителей? Нѣтъ, не ихъ неблагоразуміе, а наше нечестіе, наша грѣховная дѣятельность. Она низвратила дѣла, она привлекла всѣ бѣдствія, она вооружила враговъ, она доставила намъ пораженіе. Не отъ чего-нибудь другаго постигъ насъ рядъ бѣдствій, какъ только отъ этой причины. Хотя бы правителемъ нашимъ былъ Авраамъ, хотя бы Моисей, хотя бы Давидъ, хотя бы мудрѣйшій Соломонъ, хотя бы праведнѣйшій изъ всѣхъ людей; но если мы живемъ худо, то онъ безразлично относится къ этой причинѣ золъ. Какъ и какимъ образомъ? Если бы онъ былъ изъ числа людей беззаконнѣйшихъ и поступающихъ безразсудно и безчинно, то наше собственное безразсудство и безчинство произвели такого правителя, наши грѣхи навлекли на насъ такой ударъ. Ибо получать правителей по сердцу своему значитъ не что иное, какъ то, что мы, согрѣшивъ напередъ, получаемъ такого и предстоятеля, будетъ ли онъ изъ лицъ

церковныхъ, или изъ мірскаго званія. А съ другой стороны, хотя бы онъ былъ весьма праведенъ, и такъ праведенъ, что равнялся бы съ добродѣтелію Моисея, праведность его одного не можетъ покрыть безмѣрныхъ грѣховъ подчиненныхъ. Это можно ясно видѣть въ примѣрѣ самого Моисея, который много страдалъ за израильтянъ и усердно молилъ за нихъ Бога, чтобы они наслѣдовали обѣтованную землю; но такъ какъ они собственными грѣхами сдѣлали себя недостойными этого обѣтованія, то молитва его не могла измѣнить праведнаго опредѣленія Божія, по которому весь народъ погибъ въ пустынѣ. Между тѣмъ кто праведнѣе Моисея? Или кто имѣетъ болѣе дерзновенія предъ Богомъ? Хотя и говорится въ Писаніи, что *много можетъ молитва праведнаго* (Іак. 5, 16), но *поспѣшествуема*, т. е. вспомоществуемая раскаяніемъ и исправленіемъ тѣхъ, за кого она возносится. А у кого образъ жизни нераскаянный и неисправимый, тѣмъ какъ можетъ она принести помощь, когда они сами препятствуютъ этому своими дѣлами?

5. Но чтò мы говоримъ о томъ, что такъ бываетъ при грѣхахъ цѣлаго народа, когда грѣхъ не многихъ подчиненныхъ и часто даже одного превышаетъ заслуги справедливыхъ правителей? Это можно видѣть также на народѣ израильскомъ, который, подъ предводительствомъ Моисея вступивъ въ землю иноплеменниковъ и начавъ съ ними войну, подвергся всеобщему пораженію и истребленію за нѣкоторыхъ, прель-

ставшихся женами ихъ. А примѣръ того, какъ это случилось по поводу одного, видимъ на Ахарѣ, который, утаивъ красивую одежду изъ посвященнаго Богу, навлекъ гнѣвъ Божій на народъ. Впрочемъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ присутствующихъ не знаютъ этого событія; посему нужно кратко сказать о немъ, чтобы напомнить знающимъ и научить незнающихъ. Этотъ Ахаръ былъ однимъ изъ мужей, перешедшихъ чрезъ Іорданъ вмѣстѣ съ Іисусомъ Навиномъ, съ тѣмъ Іисусомъ, который по опредѣленію Божію былъ избранъ въ преемника Моисею и былъ подобіемъ и прообразомъ истиннаго Спасителя нашего Іисуса Христа. Ибо, какъ онъ провелъ народъ израильскій чрезъ Іорданъ изъ пустыни въ землю обѣтованную, такъ и Спаситель нашъ провелъ насъ чрезъ святое и спасительное крещеніе изъ пустыни невѣдѣнія и идолослуженія въ горній Іерусалимъ, къ матери первородныхъ, гдѣ уготованы обители истиннаго покоя, гдѣ безмятежная и мирная жизнь. Такимъ образомъ, проведши народъ силою Повелѣвшаго, онъ двинулся къ Іерихону и, совершая эту дивную осаду, когда стѣны уже готовы были пасть, что̀ говорилъ онъ къ народу? *И будетъ градъ сей проклятъ, и вся, елика суть въ немъ, Господу силъ: токмо Раавъ блудницу снабдите ю: но вы соблюдитеся отъ клятвы, да не когда помысливше вы возмете отъ клятвы и потребите ны* (Іис. Нав. 6, 16. 17). Все, находящееся въ городѣ, говоритъ, посвящается Богу;—ибо это

значитъ: *проклятъ;*—и потому никто пусть не похищаетъ себѣ изъ назначеннаго Господу Богу и не губитъ насъ на землѣ. Опасна была такая заповѣдь; велика строгость повелѣвшаго Бога и предписавшаго Іисуса. Ибо, какъ могъ быть не нарушенъ этотъ законъ въ такомъ множествѣ народа, когда многія обстоятельства располагали къ тому? Непостоянство и корыстолюбіе народа, или то, что не всѣ слышали о предписанной заповѣди, или драгоцѣнность добычи, служащей какбы приманкою и прельщающей корыстолюбцевъ, легко могли побудить къ нарушенію закона. И однако такой законъ былъ данъ, и нарушеніе его угрожало опасностію. Что же потомъ? Стѣны пали, и все, что было въ городѣ, досталось въ руки осаждавшихъ. Но, тогда какъ весь народъ соблюдалъ эту заповѣдь, преступленіе одного навлекло гнѣвъ Божій на весь народъ. *И прегрѣшиша*, говоритъ Писаніе, *сыны исраилевы прегрѣшеніемъ великимъ, и взяша отъ клятвы: взя бо Ахаръ, сынъ Харміи, отъ клятвы, и разгнѣвася Господь яростію на сыны исраилевы* (Іис. Нав. 7, 1). Согрѣшившій былъ одинъ; какъ же согрѣшили сыны израильскіе и разгнѣвался Господь на сыновъ израилевыхъ? Видишь ли, какъ грѣхъ одного навлекъ наказаніе на весь народъ, какъ возстановилъ Бога противъ всего множества ихъ? И такъ, когда преступленіе было совершено и никто не зналъ о немъ, кромѣ одного Бога, знающаго сокровенное, то наказаніе должно было послѣдовать, а совершившій престу-

пленіе, хотя скрывался, но совѣстію сожигался, какъ огнемъ. Наконецъ наступило время мщенія и обнаруженія грѣха. *И посла*, говоритъ Писаніе, *Іисусъ мужы отъ Іерихона въ Гай, и идоша отъ людей тамо яко три тысящы мужей, и побѣгоша отъ лица мужей Гайскихъ, и убиша отъ нихъ мужи Гайстіи яко тридесять шесть мужей, и отгнаша ихъ и сокрушиша ихъ, и ужасеся сердце людей, и бысть яко вода* (Іис. Нав. 7, 2. 4. 5).

6. Посмотри на послѣдствіе одного грѣха, посмотри на неизцѣльную рану. Согрѣшилъ одинъ, а смерть и ужасъ поражаютъ весь народъ. Что же это, благій Господи? Ты одинъ праведенъ и праведны суды твои; Ты воздаешь каждому по собственнымъ дѣламъ его; Ты сказалъ, человѣколюбецъ, что каждый умретъ за свой грѣхъ, и другой вмѣсто одного не будетъ наказанъ. Что же значитъ это праведное опредѣленіе? Всѣ дѣла твои, Господи, добры и весьма добры и устрояются намъ на пользу. Грѣхъ, отвѣчаетъ Онъ, есть нѣкоторая зараза; посему пусть онъ будетъ преданъ позору чрезъ наказаніе всѣхъ, чтобы не заразилъ всѣхъ, чтобы они, узнавъ, какой вредъ произвело одно преступленіе, избѣгли вѣчнаго наказанія за грѣхи бо́льшіе. Итакъ Іисусъ, увидѣвъ непонятное бѣгство, разорвалъ одежды свои, палъ на землю и произнесъ тѣ скорбныя слова, которыя излагаетъ божественное Писаніе. Что же говоритъ ему Господь? *Востани, вскую ты палъ еси на ли-*

це твое? Согрѣшиша людіе, и преступиша завѣтъ Мой: сего ради не могутъ сынове Исраилевы стати предъ лицемъ враговъ своихъ, аще не изметe клятвы отъ себе самихъ (Іис. Нав. 7, 10. 12). Это объявлено народу; преступникъ указывается Богомъ и сознается. *И отвѣща*, говоритъ Писаніе, *Ахаръ Іисусу, и рече: по истинѣ азъ согрѣшихъ предъ Господемъ Богомъ Исраилевымъ: сице и сице сотворихъ. Видѣхъ въ плѣнѣ ризу красну и добру, и двѣсти дидрахмъ сребра, и сосудъ единъ златъ, пятдесятъ дидрахмъ вѣсъ его: и помысливъ на ня взяхъ, и се сія сокровенно суть въ земли въ кущи моей* (ст. 20). Такъ онъ открылъ все, когда увидѣлъ, что неложенъ Указавшій это и силенъ обличившій Свидѣтель; потому, посмотри, какой позорной и страшной онъ преданъ смерти. *И взя*, говоритъ Писаніе, *Іисусъ Ахара, и возведе его въ дебрь Ахоръ, и сыны его, и дщери его, и тельцы его, и ослята его, и вся овцы его, и кущу его, и вся имѣнія его: и побиша его каменіемъ весь Исраиль* (ст. 24. 25). Таково наказаніе за преступленіе; таковъ неумолимый судъ Божій. Зная это, будемъ считать наступленіе скорбей послѣдствіемъ нашихъ грѣховъ, и, ежедневно разсматривая свои проступки, будемъ обвинять въ томъ не другихъ, но самихъ себя. Ибо не столько невнимательность правителей, сколько наши проступки навлекаютъ на насъ бѣдствія. Итакъ каждый, приходящій сюда, пусть помышляетъ о

собственныхъ грѣхахъ, а не обвиняетъ другихъ, и такимъ образомъ съ надлежащимъ благочиніемъ пусть возноситъ настоящее славословіе. А требуемое отъ насъ благочиніе состоитъ въ томъ, чтобы, во-первыхъ, приступать къ Богу съ сердцемъ сокрушеннымъ, потомъ выражать такое расположеніе сердца и внѣшнимъ видомъ, скромнымъ стояніемъ, благопристойнымъ положеніемъ рукъ, тихимъ и умѣреннымъ голосомъ. Это легко и возможно для всякаго желающаго. Какъ же это можетъ быть исполнено всѣми? Поставимъ для себя закономъ и скажемъ: предписана общеполезная заповѣдь, и всѣ мы должны участвовать въ этой пользѣ. Посему прекратимъ безпорядочные вопли и исправимъ положеніе рукъ, слагая ихъ при возношеніи къ Богу, а не поднимая непристойными движеніями. Ибо этого не любитъ и отвращается Богъ, а человѣка сокрушеннаго Онъ любитъ и пріемлетъ. *На кого воззрю*, говоритъ Онъ, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ* (Исаі. 66, 2)? Богъ не хочетъ, чтобы мы бесѣдовали съ Нимъ и вмѣстѣ разговаривали между собою, чтобы, оставивъ бесѣду съ Нимъ, вели разговоры о предметахъ настоящихъ и грязію оскверняли жемчужины. Онъ считаетъ это обидою для Себя, а не славословіемъ. Если же кто станетъ нарушать эту заповѣдь, то мы будемъ заграждать ему уста, преслѣдовать его, какъ врага нашего спасенія, и выгонять его вонъ изъ ограды святой церкви. Поступая такимъ образомъ, мы легко загладимъ прежніе

грѣхи свои, и самъ Господь будетъ ликовать среди насъ со святыми ангелами и раздавать каждому вѣнцы за благочиніе. Онъ человѣколюбивъ и щедръ и радуется нашему спасенію; посему, услаждаясь нашими добрыми дѣлами, Онъ обѣщалъ царство небесное и участіе въ жизни вѣчной и уготовалъ всѣ блага, желая, чтобы мы наслѣдовали ихъ; чего да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу и Святому Духу подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 2-я

НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ:

И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ **(Исаі. 6, 1). (1).**

1. Радуюсь, видя васъ собравшимися слушать божественныя изреченія, и считаю это величайшимъ свидѣтельствомъ вашего преспѣянія

---

(1) Въ заглавіи этой бесѣды прибавляется: *и о томъ, что не должно оставлять безъ вниманія ни времясчисленія, ни одной буквы въ божественныхъ Писаніяхъ.* Oper. S. Chrysost. edit. Montf. Tom. 6, pag. 122.

по Богѣ. Какъ алчба служитъ знакомъ здоровья тѣлеснаго; такъ любовь къ духовнымъ изреченіямъ служитъ знакомъ здоровья душевнаго. Поэтому радуюсь; но вмѣстѣ и боюсь, что я не буду въ состояніи доставить вамъ ничего достойнаго вашей жажды. Такъ и любящая мать скорбитъ, когда, имѣя груднаго младенца, не можетъ доставить ему обильныхъ источниковъ молока; но, хотя она имѣетъ его мало, однако даетъ грудь, а младенецъ тянетъ и сосетъ ее, и, согрѣвая устами охладѣвшіе сосцы, старается извлечь себѣ пищи больше, нежели есть въ нихъ. Мать чувствуетъ боль отъ терзанія сосцевъ, но не отталкиваетъ младенца; потому что она—мать и готова лучше перенести все, нежели огорчить дитя свое. Если же матери имѣютъ такую любовь къ своимъ дѣтямъ, то тѣмъ болѣе намъ нужно имѣть такія чувствованія къ вашей любви. Отношенія духовнаго рожденія пламеннѣе естественныхъ. И такъ, хотя наша трапеза очень скудна, но мы не скроемъ и ея, но вынесемъ все, что́ есть у насъ, и предложимъ вамъ. Хотя это мало и скудно, но мы предлагаемъ вамъ. Ибо и тотъ, которому ввѣренъ былъ талантъ, не за то былъ осужденъ, что не представилъ пяти талантовъ, но за то, что и одинъ, полученный имъ, зарылъ въ землю, за это онъ и былъ наказанъ. И Богъ и люди требуютъ не малаго или многаго, но того, чтобы приношеніе было никакъ не меньше настоящей силы. Вы слышали прежде, когда мы удостоились бесѣдовать съ вашей лю-

бовію, какъ мы читали тотъ псаломъ, который, извергая грѣшника изъ священной ограды, призывалъ ангеловъ и горнія силы славословить Бога всѣхъ. Хотите ли и сегодня слышать самую ангельскую пѣснь, ставъ тамъ гдѣ-нибудь близко? Я думаю, хотите. Если негодные люди, составляя хоры на площади и среди глубокой тьмы и безвременно по ночамъ воспѣвая блудныя пѣсни и соблазнительныя стихотворенія, поднимаютъ и привлекаютъ къ себѣ весь нашъ городъ, то, когда небесные сонмы, горніе лики воспѣваютъ Царя вселенной, неужели мы не соберемся слушать ихъ божественнаго и блаженнаго пѣснопѣнія? Иначе какое можетъ быть намъ прощеніе? Но какъ можно, скажешь, слушать ихъ? Вошедши на самое небо, если не тѣломъ, то умомъ, если не видимымъ присутствіемъ, то мыслію. Наше тѣло земляно и тяжело и обыкновенно остается внизу; но душа свободна отъ такаго стѣсненія и легко возлетаетъ въ высочайшія и возвышеннѣйшія области; она, захочетъ ли достигнуть самыхъ крайнихъ предѣловъ вселенной, или взойти на небо, не встрѣчаетъ никакого препятствія; столь легкія крылья мыслей далъ ей Богъ! И не только легкія крылья Онъ далъ ей, но надѣлилъ ее и очами, которые смотрятъ гораздо острѣе очей тѣлесныхъ. Зрѣніе тѣлесное, когда устремляется сквозь пустой воздухъ, проникаетъ на большое разстояніе; но когда встрѣчаетъ малое тѣло, тогда, подобно потоку, задержанному въ своемъ теченіи, обращается назадъ. А зрѣніе души, хотя бы встрѣ-

чало стѣны, крѣпости, громады горъ и самыя тѣла небесныя, легко проникаетъ все. Впрочемъ, при всей своей быстротѣ и остротѣ зрѣнія, душа сама по себѣ не въ состояніи постигать предметовъ небесныхъ, но имѣетъ нужду въ руководителѣ. Сдѣлаемъ же то, что дѣлаютъ желающіе посмотрѣть на царскіе чертоги. Что же они дѣлаютъ? Они, отыскавъ того, кому ввѣрены ключи отъ тамошнихъ дверей, приступаютъ къ нему, бесѣдуютъ съ нимъ, упрашиваютъ его, а часто даютъ и серебра, чтобы расположить его къ себѣ. Приступимъ же и мы къ кому-нибудь изъ тѣхъ, которые приставлены къ дверямъ небеснымъ, будемъ бесѣдовать съ нимъ, будемъ просить его, покажемъ вмѣсто серебра добрую волю и искреннее расположеніе. Если онъ приметъ это вознагражденіе, то, взявъ насъ за руку, проведетъ вездѣ, покажетъ не царскіе чертоги, но самаго Царя сѣдящаго, окруженнаго воинствами и военачальниками, тьмами ангеловъ и тысящами архангеловъ; все онъ покажетъ намъ подробно, сколько намъ возможно видѣть. Кто же это? Кому ввѣрено такое служеніе, при помощи котораго мы хотимъ теперь войдти? Исаія, громогласнѣйшій изъ пророковъ. И такъ необходимо вступить въ бесѣду съ нимъ. Слѣдуйте же тихими шагами, въ совершенномъ молчаніи. Никто не входи сюда съ житейскими заботами, никто—съ разсѣянностію и смущеніемъ, но оставимъ все это за первыми дверями, и такимъ образомъ всѣ войдемъ сюда. Мы входимъ въ царскіе чер-

тоги небесные, вступаемъ въ свѣтлыя области; внутри исполнены они великой тишины и неизреченныхъ тайнъ.

2. Но слушайте внимательно; при чтеніи Писаній открывается небо. *И бысть*, говоритъ Пророкъ, *въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. 6, 1). Видишь ли услужливость благосклоннаго раба? Онъ тотчасъ привелъ насъ предъ царскій престолъ, не проводя напередъ длинными обходами, но какъ только отворилъ двери, уже и показалъ прямо сѣдящаго Царя. *И серафими*, говоритъ, *стояху окрестъ Его, шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому: и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ* (ст. 2. 3). По истинѣ, святъ Тотъ, Кто удостоилъ наше естество столь многихъ и столь великихъ таинствъ, Кто сдѣлалъ насъ участниками въ предметахъ столь непостижимыхъ. Страхъ и трепетъ объемлетъ меня при этой пѣсни. И удивительно ли, что чувствую это я — бренный и происшедшій изъ земли, если и самыя горнія силы постоянно объемлетъ величайшій ужасъ? Потому онѣ и отвращаютъ лица свои и употребляютъ крылья вмѣсто ограды, не вынося исходящихъ оттуда лучей. Но, скажешь, явленіе было снисходительное; какъ же они не выносили его? Мнѣ ли ты говоришь это? Скажи тѣмъ, которые изслѣду-

ютъ непостижимое и блаженное Естество, которые дерзаютъ на то, на что дерзать не должно. Серафимы не смѣли смотрѣть даже на снисходительное явленіе Божіе; какъ же человѣкъ дерзнулъ сказать, или лучше, какъ человѣкъ дерзнулъ подумать, что онъ можетъ точно и ясно познать то чистое Естество, которое недоступно созерцанію даже херувимовъ? Трепещи небо, ужасайся земля; эта дерзость больше дерзости іудеевъ. Какъ нечестиво поступали тогда тѣ, такъ нечестиво поступаютъ теперь и эти. Они одинаково покланяются твари; но что выдумали теперь эти, того никто изъ тогдашнихъ людей не смѣлъ ни сказать, ни слушать. Что говоришь ты? Явленіе было снисхожденіемъ? Да, но снисхожденіемъ Божіимъ. Если Даніилъ, имѣвшій великое дерзновеніе предъ Богомъ, не могъ смотрѣть на ангела, нисшедшаго къ нему, но палъ и лежалъ преклоненнымъ, такъ какъ связи зрѣнія его ослабѣли отъ этой славы; то удивительно ли, что ужасались серафимы, не вынося созерцанія той славы? Не столько разстоянія между Даніиломъ и ангеломъ, сколько между Богомъ и этими силами. Впрочемъ, чтобы и намъ, останавливаясь слишкомъ долго на этихъ чудесахъ, не навести ужаса на ваши души, обратимся къ началу разсказа и будемъ назидать ихъ менѣе высокими предметами. *И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь*. Прежде всего нужно узнать, для чего Пророкъ означаетъ намъ время; ибо не безъ причины и не напрасно онъ дѣлаетъ это. Уста про-

роковъ суть уста Божіи; а эти уста не говорятъ ничего напрасно. Не будемъ же и мы слушать безъ вниманія. Если тѣ, которые выкапываютъ металлы, не пренебрегаютъ и малыми частицами, но, когда нападаютъ на золотую жилу, тщательно осматриваютъ ея вѣтви; то не гораздо ли болѣе мы должны дѣлать это съ Писаніями? Въ металлическихъ рудахъ бываетъ весьма трудно найти желаемое; потому что металлы—земля, и золото есть не что иное, какъ земля; и потому сходство природы искомыхъ веществъ обманываетъ зрѣніе; и однако при всемъ томъ золотопромышленники не оставляютъ дѣла, но употребляютъ всѣ усилія и всматриваясь узнаютъ, что дѣйствительно земля, и что дѣйствительно золото. А съ Писаніемъ не бываетъ такъ. Здѣсь предлагается не смѣшанное съ землею золото, но чистое золото. *Словеса Господня*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *словеса чиста, сребро ражжено, искушено земли* (Пс. 11, 7). Писанія—не металлы, требующіе обработки; но онѣ доставляютъ готовое сокровище тѣмъ, которые ищутъ богатства, заключающагося въ нихъ. Ибо достаточно — только приникнуть къ нимъ, чтобы отойти, исполнившись всякой пользы; достаточно—только открыть ихъ, чтобы тотчасъ увидѣть блескъ этихъ дорогихъ камней. Не напрасно я сказалъ это и не безъ причины распространился объ этомъ, но потому, что есть коварные люди, которые, взявъ въ руки божественныя книги и увидѣвъ счетъ времени или перечисленіе именъ, тотчасъ

оставляютъ ихъ и укоряющимъ ихъ говорятъ: здѣсь одни только имена, и нѣтъ ничего полезнаго. Что говоришь ты? Богъ вѣщаетъ, а ты смѣешь говорить, что въ сказанномъ нѣтъ ничего полезнаго? Если ты увидишь одну только простую надпись, то, скажи мнѣ, не остановишься ли ты на ней со вниманіемъ и не станешь ли изслѣдовать заключающагося въ ней богатства? Но что я говорю о временахъ, именахъ и надписяхъ? Посмотри, какую силу имѣетъ прибавленіе одной только буквы, и перестань пренебрегать цѣлыми именами. Патріархъ нашъ Авраамъ,—ибо онъ больше принадлежитъ намъ, нежели іудеямъ,—сперва назывался Аврамомъ, что въ переводѣ значитъ: странникъ; а потомъ, бывъ переименовамъ въ Авраама, сталъ отцемъ всѣхъ народовъ; прибавленіе одной буквы доставило праведнику такое преимущество. Какъ цари своимъ намѣстникамъ даютъ золотыя таблицы въ знакъ власти; такъ и Богъ тогда придалъ праведнику эту букву въ знакъ чести.

3. Впрочемъ объ именахъ я скажу въ другое время; а теперь нужно сказать о томъ, какъ полезно знать времена событій, и какъ вредно не знать ихъ. И во-первыхъ докажу это житейскими дѣлами. Договоры и записи о бракахъ, о долгахъ и о другихъ обязательствахъ, не имѣютъ никакой силы, если въ нихъ не будетъ написано вверху времени консульства. Оно даетъ имъ силу; оно предотвращаетъ споры; оно избавляетъ отъ судилищъ и дѣлаетъ враговъ друзьями. Посему тѣ, которые пишутъ ихъ, въ

заглавіи бумагъ выставляютъ консульство, какъ свѣчу на свѣтильникѣ, чтобы оно было видно всѣмъ подчиненнымъ. Если ты уничтожишь это, то отнимешь свѣтъ, и исполнишь все мрака и великаго смятенія. Потому всякое дѣло объ отдачѣ и полученіи, и съ друзьями, и со врагами, и съ рабами, и съ попечителями, и съ управителями, требуетъ этого удостовѣренія, и всегда мы прописываемъ внизу и мѣсяцы, и годы, и дни. Если же въ дѣлахъ житейскихъ эта замѣтка имѣетъ такую силу, то въ дѣлахъ духовныхъ она гораздо важнѣе и полезнѣе. Въ пророчествахъ она показываетъ, что они—пророчества. Пророчество есть не что иное, какъ предсказаніе будущихъ событій. Посему кто не знаетъ времени, къ которому относится сказанное или случившееся, тотъ какъ можетъ доказать спорящему достоинство пророчества? Отсюда у насъ борьба и побѣды надъ язычниками, когда мы доказываемъ, что наше ученіе древнѣе того, которое у нихъ. Отсюда у насъ доказательства истины и противъ іудеевъ,—противъ жалкихъ и несчастныхъ іудеевъ, которые по незнанію времени впали въ величайшее заблужденіе. Ибо, если бы они слушали слова Патріарха: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему* (Быт. 49, 10), и если бы внимательно изслѣдовали времена Его пришествія; то не отпали бы отъ Христа и не предались бы антихристу, какъ и самъ Христосъ внушилъ имъ это, сказавъ: *Азъ пріидохъ во*

имя Отца моего, и не пріемлете Мене: аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріемлете (Іоан. 5, 43). Видишь ли, какое произошло паденіе отъ незнанія временъ? Не пренебрегай же такою пользою. Какъ на поляхъ межи и столбы не позволяютъ смѣшивать пашни; такъ времена и годы не позволяютъ смѣшивать одни событія съ другими, но, отдѣляя ихъ другъ отъ друга и располагая въ надлежащемъ порядкѣ, избавляютъ насъ отъ великой запутанности. И такъ нужно сказать вамъ, кто былъ этотъ Озія, когда онъ царствовалъ, надъ кѣмъ царствовалъ, сколько времени продолжалось его царствованіе и какъ онъ кончилъ жизнь; или лучше, нужно уже замолчать. Ибо необходимо было бы пуститься въ безпредѣльное море историческихъ повѣствованій. Но для того, чтобы плыть по этому морю, нужно отправляться въ путь пловцамъ не съ утомленными, а съ свѣжими силами. Для того вездѣ на морѣ и существуютъ пристани и острова, чтобы отдохнулъ и кормчій и гребецъ, одинъ отложивъ весло, другой оставивъ руль. Для того вездѣ на дорогахъ и устроены гостинницы и постоялые дворы, чтобы и вьючныя животныя и путники отдохнули отъ трудовъ. Для того и слову ученія положено время молчанія, чтобы намъ и себя не изнурить, и васъ не утомить продолжительностію рѣчи. Эти времена зналъ и Соломонъ, который говоритъ: *время молчати, и время глаголати* (Еккл. 3, 7). Итакъ пусть будетъ для насъ время молчанія, чтобы для учителя было время глагола-

нія (¹). Наши слова подобны вину, недавно почерпнутому изъ точила; а его слова подобны вину старому и долгостоявшему, которое доставляетъ нуждающимся великую и пользу и крѣпость; такъ что сегодня повторилось извѣстное евангельское событіе: послѣ худшаго вина приносится лучшее (Іоан. 2, 10). И какъ то вино произошло не изъ винограда, но произвела его сила Христова; такъ и его рѣчь изливаетъ не человѣческій умъ, а благодать Духа. Если же потоки ея обильны и духовны, то будемъ принимать ихъ тщательно и хранить бережливо, чтобы, постоянно орошаясь ими, мы могли приносить зрѣлые плоды дарующему ихъ Богу, которому подобаетъ всякая слава и честь съ единороднымъ Его Сыномъ и Всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 3-я

НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ:

И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ (Исаі. 6, 1) (²).

(¹) Т. е. для епископа Флавіана, который говорилъ поученія иногда прежде, а иногда послѣ св. Златоустаго въ антіохійской церкви.

(²) Въ заглавіи этой бесѣды прибавляется: на вторую книгу Паралипоменонъ, въ которой говорится: *вознесеся сердце Озіи* (2 Пар. 26, 16); также о смиренномудріи, и о томъ, что добродѣтельный не долженъ быть самонадѣяннымъ, и о томъ, сколь великое зло—гордость. Oper. S. Chrys. Ed. Montf. Tom. 6. pag. 129.

1. Благословенъ Богъ: и въ нашъ вѣкъ явились мученики и мы удостоились видѣть людей, закалаемыхъ за Христа,—людей, проливающихъ святую кровь, которая орошаетъ всю Церковь, проливающихъ кровь, страшную для бѣсовъ, вожделѣнную для ангеловъ, спасительную для насъ. Мы удостоились видѣть людей, ратующихъ за благочестіе, побѣждающихъ, увѣнчаваемыхъ; и удостоились не только видѣть, но и принять самыя тѣла этихъ подвижниковъ; и мы теперь имѣемъ у себя этихъ вѣнценосцевъ! Впрочемъ рѣчь о мученикахъ теперь мы предоставляемъ ревнителю мучениковъ, нашему общему учителю; а сами будемъ говорить вамъ теперь объ Озіѣ, чтобы уплатить нашъ старый долгъ и удовлетворить вашему давнему томительному желанію—слышать объ этомъ. Я хорошо знаю, что каждый изъ васъ томится желаніемъ слышать о тѣхъ событіяхъ; и если мы продлили ваше томленіе, то не желая увеличить вашу скорбь, но стараясь усилить желаніе, дабы наше угощеніе показалось вамъ пріятнѣйшимъ. Когда богатые предлагаютъ угощеніе и принимаютъ сытыхъ гостей, то они могутъ возбудить въ нихъ аппетитъ драгоцѣнностію приготовленнаго; а трапеза бѣдныхъ ни отъ чего такъ не оказывается блистательною, какъ если приступающіе къ ней будутъ голодными. Кто же былъ Озія, чей онъ потомокъ, чей царь, сколько времени царствовалъ, что сдѣлалъ хорошаго, въ чемъ погрѣшилъ и какъ окончилъ жизнь? Обо всемъ этомъ мы скажемъ вамъ те-

перь, или лучше, сколько можно сказать, чтобы множествомъ сказаннаго не обременить вашей памяти, какъ бываетъ съ огнемъ свѣтильника. Ибо если въ него будешь подливать масла къ свѣтильнѣ по немногу, то доставишь достаточную пищу огню, а если нальешь вдругъ, то погасишь и бывшій огонь. И такъ, Озія былъ потомокъ Давида и царь іудейскій; царствовалъ онъ пятьдесятъ два года, и сначала былъ добродѣтельнымъ, а потомъ впалъ въ грѣхъ. Возмечтавъ о себѣ выше собственнаго достоинства, онъ хотѣлъ присвоить власть священства. Таково зло—гордость; она въ каждомъ производитъ то, что онъ не знаетъ самаго себя, и послѣ многихъ трудовъ уничтожаетъ все сокровище добродѣтели. Прочіе грѣхи обыкновенно происходятъ отъ нашей безпечности; а она зарождается въ насъ, когда мы занимаемся добрыми дѣлами. Ибо обыкновенно ничто такъ не производитъ гордости, какъ сознаніе своихъ добрыхъ дѣлъ, если мы будемъ невнимательны. Посему и Христосъ, зная, что эта страсть приходитъ къ намъ послѣ добрыхъ дѣлъ, говорилъ ученикамъ: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключимы есмы* (Лук. 17, 10). Когда будетъ приступать къ вамъ этотъ звѣрь, тогда этими словами, говоритъ, заприте отъ него двери. Не сказалъ: когда исполните все, тогда вы ничего не стóите; но сами вы *глаголите, яко неключими есмы*; говори, не бойся, не по твоему суду произношу Я приговоръ. Если ты самъ назовешь себя непотребнымъ, то Я увѣн-

чаю тебя, какъ благопотребнаго. Такъ и въ другомъ мѣстѣ Богъ говоритъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26). Въ судилищахъ внѣшнихъ послѣ обвиненія и признанія въ преступленіяхъ назначается смерть; а въ судилищѣ божественномъ послѣ признанія—вѣнецъ. Посему и Соломонъ говорилъ: *не оправдай себе предъ Богомъ* (Сир. 7, 5). Ничего такого не слушалъ Озія, но вошелъ въ храмъ, хотѣлъ кадить, и священника, который останавливалъ его, не послушалъ. Что же Богъ? Онъ поразилъ Озію проказою на челѣ, дабы наказать безстыдное лицо его и научить его, что это было судилище божественное и что не противъ людей возставалъ онъ. Вотъ что извѣстно объ Озіѣ. Теперь прослѣдимъ это сказаніе сначала. Я для того предварительно и разсказалъ вамъ кратко все случившееся, чтобы вы, слушая сказаніе Писанія объ этомъ, въ точности слѣдили за нимъ. Будьте же внимательны. *И сотвори*, говоритъ Писаніе, *Озіа правое предъ Господемъ* (2 Парал. 26, 4). Этимъ оно засвидѣтельствовало о великой его добродѣтели. Ибо онъ не только *творилъ правое*, но и *предъ Господемъ*, а не на показъ людямъ, какъ тѣ, которые у іудеевъ трубили о своей милостынѣ, искажали во время постовъ свои лица, совершали молитвы на перекресткахъ. Что можетъ быть несчастнѣе такихъ людей, когда они труды переносятъ, а всякаго воздаянія лишаютъ себя?

2. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Одному ты бу-

дешь отдавать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, а другаго призываешь во свидѣтели дѣлъ? Одного имѣешь судьею, а другаго дѣлаешь зрителемъ? Не видишь ли, какъ возницы,—когда весь городъ сидитъ вверху на конскихъ ристалищахъ,—проѣзжая все пространство поприща, стараются ниспровергнуть колесницы соперниковъ тамъ, гдѣ видятъ сидящаго царя, и одинъ глазъ его считаютъ важнѣйшимъ столь многихъ глазъ? А ты видишь самаго Царя ангеловъ наблюдающимъ за твоимъ теченіемъ и, оставивъ Его, стараешься привлечь взоры подобныхъ тебѣ рабовъ? Не потому ли и отходишь ты послѣ тысячи состязаній безъ вѣнца, послѣ многихъ подвиговъ приходишь къ Распорядителю подвиговъ безъ наградъ? Но Озія былъ не таковъ, а *творилъ правое предъ Господемъ*. Какъ же онъ послѣ такой праведной жизни поколебался и палъ? Этому и я удивляюсь и недоумѣваю; или лучше, при этомъ нѣтъ мѣста недоумѣнію; потому что онъ былъ человѣкъ, существо удобопреклонное къ грѣху и скорое на пороки. И не только это бѣдственно, но и то, что мы должны проходить путемъ тѣснымъ и узкимъ, подъ угрожающими съ обѣихъ сторонъ утесами. Если же и удобопреклонность воли и трудность пути содѣйствуютъ одному и тому же, то не удивляйся паденіямъ. Какъ на зрѣлищахъ тѣ, которые стараются восходить и нисходить по натянутому снизу вверхъ канату, если немного засмотрятся, то, потерявъ равновѣсіе, падаютъ на подмостки и погибаютъ; такъ и идущіе этимъ путемъ, если

немного будутъ нерадивы, низвергаются въ пропасть. Подлинно, этотъ путь гораздо болѣе того каната и узокъ, и крутъ, и опасенъ, и гораздо болѣе высокъ; ибо онъ оканчивается вверху у самаго неба, и тогда шествіе становится для насъ особенно опаснымъ, когда мы бываемъ вверху, при самой вершинѣ; стоящіе на высотѣ чувствуютъ великій страхъ и для нихъ остается только одно средство спасенія—не обращать взоровъ внизъ, не смотрѣть на землю; иначе дѣлается сильное головокруженіе. Посему Пророкъ часто и взываетъ къ намъ: *въ конецъ, да не растлиши* (Псал. 56, 1), возбуждая нашу душу, предающуюся нерадѣнію, предохраняя и удерживая ее, готовую упасть. Въ началѣ намъ нужно не большое вразумленіе. Почему? Потому, что каждый человѣкъ, даже лѣнивѣйшій изъ всѣхъ, приступая къ дѣлу, показываетъ сначала великое стараніе и, съ живымъ усердіемъ и свѣжими силами, легко принимается за предположенное; но когда мы пройдемъ большую часть пути, когда усердіе наше охладѣетъ, силы наши ослабѣютъ и мы готовы будемъ пасть; тогда благовременно является къ намъ Пророкъ, предлагаетъ намъ свое изреченіе, какбы трость, и говоритъ: *въ конецъ, да не растлиши*. И діаволъ тогда нападаетъ на насъ сильнѣе. Какъ плавающіе по морю разбойники не тогда нападаютъ на корабли, когда видятъ ихъ выходящими изъ пристани;—какая имъ польза потопить пустое судно?—но когда корабли возвращаются съ полнымъ грузомъ, тогда они и

употребляютъ всѣ свои хитрости; такъ и злой бѣсъ, когда видитъ людей, собравшихъ многое, постъ, молитвы, милостыню, цѣломудріе, и всѣ прочія добродѣтели, когда видитъ нашъ корабль наполненнымъ драгоцѣнными камнями благочестія, тогда и нападаетъ, со всѣхъ сторонъ подкапываясь подъ сокровище, чтобы потопить судно въ самомъ устьѣ пристани и отпустить насъ въ ту пристань ни съ чѣмъ. Посему Пророкъ увѣщеваетъ всѣхъ и говоритъ: *въ конецъ, да не растлиши.* Послѣ такого паденія уже трудно снова встать. Ибо, *егда* человѣкъ *приходитъ во глубину золъ, нерадитъ* (Притч. 18, 3). Падшаго въ началѣ мы всѣ прощаемъ по его неопытности; но тотъ, кто упалъ послѣ многихъ переходовъ, не легко удостоится прощенія или оправданія; такое паденіе его приписывается нерадѣнію. И не только это бѣдственно, но и то, что многіе соблазняются такими паденіями, и по этому также грѣхъ становится непростительнымъ. Зная это, будемъ слушать Пророка и не станемъ растлѣвать жизнь свою *въ конецъ.* Посему и Іезекіиль говоритъ: *егда совратится праведникъ отъ правдъ своихъ и сотворитъ согрѣшеніе, не помянутся правды его, и во грѣсѣхъ своихъ умретъ* (Іезек. 3, 20). И онъ боялся за конецъ. И не только этимъ, но и противнымъ тому онъ доказываетъ важность конца. И *беззаконникъ,* говоритъ онъ, *аще обратится и сотворитъ правду, не помянутся согрѣшенія его, но въ правдѣ своей живъ будетъ* (Іезек. 18, 21. 22).

Видишь, какъ и здѣсь показываетъ онъ великую заботливость о концѣ. Чтобы и праведникъ, надѣясь на свою праведность и предавшись безпечности, не погибъ, Пророкъ устрашаетъ его концемъ; чтобы и грѣшникъ, отчаявшись послѣ паденій, не остался навсегда въ своемъ падшемъ состояніи, онъ возстановляетъ его указаніемъ на конецъ. Ты, говоритъ, много согрѣшилъ, но не теряй надежды; есть выходъ, если ты покажешь конецъ, противоположный началу. Ты, говоритъ онъ праведнику, сдѣлалъ много добраго, но не полагайся на это; случается и падать, если до конца не сохранишь одинаковаго усердія. Видишь ли, какъ онъ истребляетъ и нерадѣніе въ одномъ, и отчаяніе въ другомъ?

3. Ничего такого не слушалъ Озія; и потому, слишкомъ положившись на себя, палъ паденіемъ тяжкимъ и неисправимымъ. Не всякое паденіе производитъ въ насъ одинаковую рану, но одни изъ грѣховъ заслуживаютъ только порицанія, а другіе навлекаютъ тягчайшее наказаніе. Такъ Павелъ, укоряя тѣхъ, которые на общихъ вечеряхъ не ожидали братій, говоритъ: *сіе же завѣщавая не хвалю* (1 Кор. 11, 17). Видишь: этотъ грѣхъ подлежитъ только порицанію, и укоризна служитъ для него наказаніемъ. Но не такъ поступаетъ онъ, когда говоритъ о блудѣ, а какъ? *Аще*, говоритъ, *кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 17). Здѣсь уже не укоризна или порицаніе, а тягчайшее наказаніе. Также и Соло-

монъ зналъ различіе между грѣхами; онъ, сравнивая воровство съ прелюбодѣяніемъ, говоритъ такъ: *не дивно, аще кто ятъ будетъ крадый: крадетъ бо, да насытитъ душу свою алчущую. Прелюбодѣй же за скудость ума погибель души своей содѣваетъ* (Притч. 6, 30. 32). И то и другое, говоритъ, есть грѣхъ; но одинъ грѣхъ меньше, другой больше; тотъ находитъ предлогъ въ бѣдности, а этотъ не имѣетъ никакого оправданія. И этотъ, скажешь, вынуждается естественною потребностію? Но не допускаетъ этого данная человѣку жена; она лишаетъ его оправданія. Для того и учрежденъ бракъ и законное его употребленіе, чтобы мужъ не могъ говорить ничего подобнаго. Для того и дана ему помощница жена, чтобы обуздывать бѣснующуюся природу, чтобы укрощать волны похоти. Посему, какъ кормчій, допустившій кораблекрушеніе въ пристани, не можетъ имѣть никакого оправданія; такъ и человѣкъ, достигшій безопасности чрезъ бракъ, и оскорбляющій чужіе браки, или похотливо взирающій на какую-нибудь жену, не можетъ имѣть никакого оправданія ни предъ людьми, ни предъ Богомъ, хотя бы онъ тысячу разъ ссылался на естественность удовольствія. Впрочемъ какое можетъ быть удовольствіе тамъ, гдѣ—страхъ, безпокойство, опасность и ожиданіе столь многихъ бѣдствій, гдѣ предстоятъ судилища, слѣдствія, гнѣвъ судьи, мечь, палачъ, пропасть и казнь? Такой человѣкъ трепещетъ и боится всего: тѣней, стѣнъ и самыхъ камней, какъ будто они издаютъ

голосъ; онъ подозрѣваетъ и опасается всѣхъ:— слугъ, сосѣдей, друзей, враговъ, знающихъ все и незнающихъ ничего. Но, если угодно, пусть не будетъ ничего такого, пусть никто не знаетъ о дерзкихъ дѣлахъ его, кромѣ его одного и оскорбляемой имъ женщины; какъ онъ перенесетъ обличенія совѣсти, имѣя всегда при себѣ этого сильнаго обличителя? Ибо какъ отъ самаго себя никто убѣжать не можетъ, такъ и отъ приговора этого суда. Этотъ судъ не подкупается деньгами, не увлекается лестію; потому, что онъ есть судъ божественный, впѣдренный Богомъ въ наши души. Подлинно, *прелюбодѣй за скудость ума погибель души своей содѣваетъ* (Притч. 6, 32). Правда, и воръ не освобождается отъ наказанія и получаетъ воздаяніе, но меньшее. Сравненія показываютъ не противоположность сравниваемыхъ предметовъ, но оставляя каждый изъ нихъ на своемъ мѣстѣ, представляютъ, который изъ нихъ меньше и который больше. Можетъ быть, вы не поняли сказаннаго; посему необходимо сказать яснѣе. Хорошее дѣло — бракъ, но лучше его—дѣвство; однако потому, что дѣвство лучше, бракъ не есть худое дѣло; онъ ниже дѣвства, но самъ по себѣ—хорошее дѣло. Такъ и здѣсь: худое дѣло—воровство, но меньше прелюбодѣянія, хотя и само по себѣ худо. Видишь ли различіе между грѣхами? Посмотримъ же, какой грѣхъ допустилъ Озія. *Вознесеся*, говоритъ Писаніе, *сердце его* (2 Парал. 26, 16). Тяжкая рана; ибо это—гордость, гордость, которая есть

источникъ всѣхъ золъ. А чтобы тебѣ скорѣе понять, какъ зла эта болѣзнь, выслушай слѣдующее: прочіе грѣхи ограничиваются нашимъ естествомъ, а гордость увлекла и низвергла съ неба силу безтѣлесную; ибо діавола, который прежде не былъ діаволомъ, она сдѣлала діаволомъ. Мы привели бы во свидѣтели Исаію, который говоритъ о немъ такъ: *на небо взыду, и буду подобенъ вышнему* (Ис. 14, 13. 14); но не любящіе иносказательныхъ выраженій не примутъ нашего свидѣтельства; если же мы вмѣстѣ съ нимъ представимъ обличителемъ Павла, то уже никто не станетъ противорѣчить. Что же говоритъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею? То, что недавно принявшаго проповѣдь не должно возводить въ высокое званіе епископства: *не новокрещену*, говоритъ, *да не разгордѣвся въ судъ впадетъ и въ сѣть діавола* (1 Тим. 3, 6),—чтобы онъ, говоритъ, согрѣшивъ такъ же, какъ и діаволъ, не подвергся одному и тому же съ нимъ.

4. И не отсюда только это очевидно, но и изъ того, что̀ посовѣтовалъ злой бѣсъ первому изъ всѣхъ людей. Какъ добрые имѣютъ обычай — совѣтовать ближнимъ то, чрезъ что сами сдѣлались добрыми; такъ и злые имѣютъ обычай— внушать ближнимъ то, чрезъ что сами сдѣлались злыми. Это — одинъ изъ видовъ злобы, и даже утѣшеніемъ для себя злые считаютъ погибель другихъ. Что же діаволъ посовѣтовалъ Адаму? Допустить мысль, которая превышала собственную его природу,—сдѣлаться рав-

нымъ Богу. Если это, говоритъ діаволъ, низвергло меня съ неба, то тѣмъ болѣе тоже самое извергнетъ его изъ рая. Посему и Соломонъ говоритъ: *Богъ гордымъ противится* (Притч. 3, 34. 1 Петр. 5, 5). Не сказалъ: Богъ гордыхъ оставляетъ, предоставляетъ самимъ себѣ, лишаетъ своей помощи, но говоритъ: *противится*, впрочемъ не въ томъ смыслѣ, будто Богу нужно ополчаться и бороться противъ гордаго. Что можетъ быть слабѣе гордаго? Какъ лишившійся зрѣнія беззащитенъ отъ всякой обиды, такъ и гордый, который не знаетъ Господа,—ибо *начало гордыни*, говоритъ Премудрый, *отступленіе отъ Господа* (Сирах. 10, 14),—лишившись этого свѣта, легко преодолѣвается и людьми. Если бы даже онъ былъ силенъ, и тогда Богу не нужно было бы ополчаться противъ него; Тому, для котораго было достаточно одного хотѣнія, чтобы произвесть все, гораздо легче уничтожить все. Для чего же сказано: *противится*? Для того, чтобы показать сильное отвращеніе Его къ гордому. И такъ, что гордость есть тяжкая рана, видно какъ отсюда, такъ и съ другихъ сторонъ. Если хотите, то съ другой стороны мы раскроемъ и причину, отъ которой она происходитъ. Писаніе, начиная обличать кого-либо, обыкновенно не только высказываетъ грѣхъ его, но показываетъ намъ и причину грѣха; оно дѣлаетъ это для того, чтобы предостеречь здоровыхъ отъ впаденія въ тѣ же грѣхи. Такъ и врачи, приходя къ больнымъ, еще прежде бо-

лѣзней изслѣдываютъ причины ихъ, чтобы уничтожить зло въ самомъ источникѣ; ибо кто, оставляя корень, подрѣзываетъ одни вѣтви, тотъ не дѣлаетъ ничего иного, какъ только трудится напрасно. Гдѣ же Писаніе указываетъ и на грѣхъ и на причину грѣха? Такъ, оно обличаетъ жившихъ предъ потопомъ за непристойныя связи, и послушай, какую представляетъ причину: *видѣвше*, говоритъ, *сынове Божіи дщери человѣчи, яко добры суть, пояша себѣ жены отъ нихъ* (Быт. 6, 2). Что же? Не красота ли причиною грѣха? Нѣтъ; она—дѣло премудрости Божіей; а дѣло Божіе никогда не можетъ быть причиною грѣха. Или зрѣніе? Нѣтъ; и оно—дѣло природы. Что же? Взглядъ порочный; потому что онъ происходитъ отъ развращенной воли. Посему и одинъ премудрый, увѣщевая, говоритъ: *не назирай чуждыя доброты* (Сирах. 9, 8). Не сказалъ: не смотри,—ибо это случается и само собою,—но: *не назирай*, говоритъ, запрещая намѣренный взглядъ, пытливое зрѣніе, продолжительно - порочное разсматриваніе, происходящее отъ развращенной и похотливой души. Но какой, скажешь, отсюда можетъ быть вредъ? *Отъ сея*, говоритъ онъ, *похоть яко огнь разгарается* (Сир. 9, 9). Какъ огонь, касаясь сѣна или соломы, не медлитъ, но какъ скоро коснулся этого вещества, тотчасъ обращается въ яркій пламень; такъ и огонь похоти, находящейся въ насъ, когда посредствомъ взгляда очей коснется благовидной и блестящей красоты, тотчасъ воспламеняетъ душу. Посему

не смотри на временное удовольствіе, доставляемое зрѣніемъ, но взирай на непрестанное мученіе, происходящее отъ похоти. Удовольствіе, нанесши рану, обыкновенно прекращается; а рана не прекращается, но часто остается и губитъ. Какъ олень, смертельно раненный стрѣлою, хотя бы убѣжалъ отъ рукъ охотниковъ, не получаетъ отъ этого уже никакой пользы; такъ и душа, пораженная стрѣлою похоти отъ непристойнаго и любопытнаго взгляда, хотя бы бросившая стрѣлу и ушла, растлѣвается и погибаетъ, видя вездѣ этого врага, ее преслѣдующаго. Впрочемъ я говорилъ о томъ,—не нужно позволять слову дѣлать длинныя отступленія,— о томъ, что Писаніе обыкновенно показываетъ и грѣхи и причины ихъ. Такъ и здѣсь, послушай, что говоритъ оно объ Озіѣ. Оно сообщаетъ намъ не только то, что *вознесеся сердце его*, но прибавило и то, отъ чего оно *вознесеся*. Отъ чего же оно превознеслось? *Егда укрѣпися*, говоритъ, *вознесеся сердце его* (2 Пар. 26, 16). Онъ не вынесъ величія власти, но какъ отъ пресыщенія бываетъ воспаленіе, а отъ воспаленія происходитъ горячка, и потомъ нерѣдко отсюда приключается смерть; такъ и здѣсь отъ великаго изобилія счастливыхъ обстоятельствъ произошла гордость. Ибо что̀ въ тѣлахъ воспаленіе, то въ душахъ гордость. Потомъ отъ гордости явилось въ немъ и желаніе того, что не принадлежало ему.

5. Объ этомъ мы распространяемся не напрасно, но для того, чтобы вы никогда не за-

видовали и не приписывали блаженства людямъ, облеченнымъ властію, зная, какъ опасно ихъ положеніе, и чтобы никогда не считали несчастными живущихъ въ бѣдности и угнетѣніи, зная, что это доставляетъ бóльшую безопасность. Посему и Пророкъ восклицалъ: *благо мнѣ, Господи, яко смирилъ мя еси* (Пс. 118, 71). Посмотри, какое зло произошло отъ высокаго положенія. *Вознесеся*, говоритъ Писаніе, *сердце его на пагубу* (2 Пар. 26, 16). Что значитъ: *на пагубу?* Изъ порочныхъ помысловъ одни совершенно не входятъ въ нашу душу, если мы оградимъ себя великою предосторожностію; другіе заращдаются внутри и, если мы будемъ безпечны, разрастаются; если же противъ нихъ будутъ приняты мѣры, то скоро заглушаются и пропадаютъ; а иные и раждаются, и размножаются, и обращаются въ порочныя дѣйствія, и разстроиваютъ все здоровье нашей души, если мы предадимся великой безпечности. Такимъ образомъ слова: *вознесеся сердце его*, означаютъ, что гордость его не осталась внутри и не истребилась, но вышла наружу и, обратившись въ порочное дѣйствіе, погубила всѣ его добродѣтели. Блаженное дѣло— совершенно не допускать порочнаго помысла, какъ и Пророкъ говорилъ: *Господи, не вознесеся сердце мое* (Пс. 130, 1); не сказалъ: оно вознеслось, но я обуздалъ его, а даже и не начинало возноситься, т. е. я постоянно соблюдалъ душу недоступною для порока. Это — блаженное дѣло; близко къ нему и то, чтобы вошедшіе

помыслы тотчасъ прогонять и не позволять имъ оставаться долго, дабы не образовалась въ насъ нива для пороковъ. Если же и до такой степени мы будемъ безпечными, то есть средство избавленія и отъ этой безпечности, по человѣколюбію Божію, и много врачебныхъ средствъ противъ такихъ ранъ приготовлено неизреченною и великою Его благостію. Впрочемъ окончимъ слово, чтобы не случилось теперь того, чего мы боялись въ началѣ, чтобы обиліе предметовъ не обременило вашей памяти. По этому же необходимо кратко перечислить сказанное. Такъ поступаютъ матери: когда онѣ положатъ за пазуху дѣтямъ плодовъ, или сластей, или чего-нибудь подобнаго, то, дабы по разсѣянности дѣтей что-нибудь изъ даннаго имъ не выпало, крѣпко стягиваютъ одежду ихъ поясомъ, чтобы со всѣхъ сторонъ сдѣлать преграду. Сдѣлаемъ тоже и мы; широко распустившееся слово стянемъ и отдадимъ на сохраненіе памяти. Вы слышали, что не должно дѣлать ничего на показъ, сколь великое зло—безпечность, какъ она легко низвергаетъ и ведущаго безукоризненную жизнь. Вы узнали, какая намъ нужна заботливость, особенно при концѣ жизни, и что не должно ни отчаяваться впадшему въ грѣхъ, если онъ исправляется, ни полагаться на себя добродѣтельному, если онъ предается безпечности. Говорили мы вамъ о различіи грѣховъ и о томъ, что не должно засматриваться на красоту тѣлесную, и показали, какое происходитъ отъ этого зло. Вы помните сказанное вамъ о

гордости, равно какъ и о порочныхъ помыслахъ. Будемъ же сохранять это, возвратившись домой; или лучше, сохраняя это, послушаемъ и совершеннѣйшаго наставленія отличнаго учителя [1]. Наши слова, каковы бы они ни были, носятъ на себѣ признаки молодости; а его слова, каковы бы они ни были, украшаются старческою мудростію. Наши слова подобны потоку, несущемуся стремительно; а его слова подобны источнику, изливающему рѣки съ великимъ спокойствіемъ, и уподобляющемуся болѣе теченію елея, нежели воды. Примемъ же эти потоки, чтобы образовался въ насъ *источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14), который да сподобимся всѣ мы получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со святымъ и благимъ Духомъ, честь, слава и держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 4-я

НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ:

И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ (Исаі. 6, 1) [2].

---

[1] т. е. Епископа Флавіана.

[2] Въ заглавіи этой бесѣды прибавляется: *и похвала городу Антіохіи, и вдохновенное опроверженіе запрещающихъ бракъ*. Op. S. Chrys. edit. Montf. Paris. Tom. 6. pag. 139.

1. Прекрасное у насъ сегодня зрѣлище и блистательное собраніе. Какая же причина этому? Сегоднишняя жатва—плодъ вчерашняго посѣва. Вчера мы насаждали, а сегодня собираемъ плоды. Мы воздѣлываемъ не бездушную землю, чтобы ей медлить плодами, но разумныя души. Здѣсь не природа медлительная, но благодать поспѣшествующая. Благоустроенный у насъ народъ, послушные люди. Вчера они призваны, а сегодня получаютъ вѣнцы. Сегоднишнее послушаніе—плодъ вчерашняго увѣщанія. Потому и мы охотно бросаемъ сѣмена, что видимъ чистую ниву, не терніе заглушающее, не дорогу утаптываемую, не камень безплодный, но глубокую и тучную почву, которая, принимая сѣмена, тотчасъ приноситъ намъ и колосъ. Я постоянно говорю и не перестану говорить: хвала нашему городу не за то, что онъ имѣетъ сенатъ, можетъ перечислять консуловъ, имѣетъ много статуй, обширную торговлю и выгодное мѣстоположеніе, но за то, что въ немъ живетъ народъ, любящій слушать, храмы Божіи наполнены, церковь болѣе и болѣе находитъ себѣ отрады въ словѣ, которое льется каждый день и никогда не насыщаетъ жажды слушателей. Городъ дѣлается достойнымъ удивленія не по зданіямъ, а по своимъ жителямъ. Не говори мнѣ, что городъ римлянъ великъ по своей огромности, а покажи мнѣ тамъ народъ, любящій слушать. И Содомъ имѣлъ башни, а шатеръ былъ жилищемъ Авраама; но приходившіе ангелы миновали Содомъ и зашли къ шатру; потому

что они искали не великолѣпія домовъ, но ходили и искали добродѣтели и красоты души. И еще: пустыня имѣла Іоанна, а городъ— Ирода; и пустыня была превосходнѣе города. Почему? Потому, что пророчество — не въ зданіяхъ. Говорю это для того, чтобы мы никогда не превозносили города, въ которомъ развращены нравы. Для чего говоришь ты мнѣ о зданіяхъ и столбахъ? Они разрушаются съ настоящею жизнію. Войди въ церковь, и здѣсь посмотри на превосходство города. Войди, посмотри на бѣдныхъ, остающихся здѣсь съ полуночи до разсвѣта, посмотри на всенощныя священныя бдѣнія, соединяющія день съ ночью, на этихъ людей, не боящихся ни насилія сна и днемъ и ночью, ни нуждъ бѣдности. Это—великій городъ и столица вселенной. Сколько епископовъ, сколько учителей приходятъ сюда и, получивъ назиданіе отъ народа, уходятъ, чтобы правила, здѣсь вкоренившіяся, пересадить въ другія мѣста? Если ты будешь говорить мнѣ о внѣшнихъ достоинствахъ и обиліи богатства, то станешь хвалить дерево по листьямъ, а не по плодамъ. Говорю это, желая не льстить вашей любви, но возвѣстить о вашей добродѣтели. Блаженъ я вами; блаженны вы сами собою. *Блаженъ*, говоритъ Писаніе, *повѣдаяй во ушы послушающихъ* (Сирах. 25, 12); потому я и сталъ блаженнымъ. *Блаженни алчущіи и жаждущіи правды* (Матѳ. 5, 6). Видите ли, какъ стали блаженны вы сами собою? Блаженъ мужъ, любящій духовныя изреченія. Это отличаетъ

насъ отъ безсловесныхъ животныхъ. Насъ отличаютъ отъ нихъ не свойства тѣлесныя, не пища, не питіе, не жилище, не жизнь: все это у насъ общее съ безсловесными; но чѣмъ отличается человѣкъ отъ безсловесныхъ? Словомъ. Потому человѣкъ и называется животнымъ словеснымъ (λογικὸς). Какъ питается тѣло, такъ питается и душа: тѣло хлѣбомъ, а душа словомъ. Если бы ты увидѣлъ человѣка, ядущаго камень, то сказалъ ли бы ты, что это—человѣкъ? Такъ точно, если ты увидишь кого-нибудь питающимся не словомъ, а предметами чуждыми слова, то скажешь: онъ пересталъ даже быть человѣкомъ; потому что благородство человѣка доказывается тѣмъ, чѣмъ онъ воспитывается. Итакъ, когда наше зрѣлище полно, когда волновавшееся море успокоилось и бушевавшія волны улеглись, теперь выдвинемъ корабль, распустивъ вмѣсто паруса языкъ, вмѣсто вѣтра призвавъ благодать Духа, вмѣсто руля и кормила употребивъ правителемъ крестъ. Въ морѣ соленыя воды, а здѣсь живая вода; тамъ безсловесныя животныя, а здѣсь разумныя души; тамъ плывущіе стремятся съ моря на землю, а здѣсь плывущіе—съ земли на небо; тамъ корабли, а здѣсь духовныя рѣчи; тамъ корабельныя доски, а здѣсь словесныя сочетанія; тамъ парусъ, а здѣсь языкъ; тамъ вѣяніе вѣтра, а здѣсь наитіе Духа; тамъ кормчій—человѣкъ, а здѣсь кормчій—Христосъ. Посему этотъ корабль, хотя колеблется волнами, но не потопляется. Онъ могъ бы плыть въ спокойствіи, но не допускаетъ этого Кормчій, что-

бы ты видѣлъ и терпѣніе плывущихъ и вполнѣ познать мудрость Кормчаго.

2. Пусть услышатъ язычники, пусть услышатъ іудеи о нашихъ дѣлахъ и превосходствѣ Церкви. Сколько враговъ возставало противъ Церкви, и однако она никогда не была побѣждена? Сколько властителей? Сколько военачальниковъ? Сколько царей? Августъ, Тиверій, Кайй, Клавдій, Неронъ, люди образованные, сильные, столько возставали противъ ней, еще младенчествовавшей, и однако не искоренили ея; но возстававшіе уже не воспоминаются и преданы забвенію, а та, противъ которой возставали, превозносится выше неба. Ты не смотри на то, что Церковь находится на землѣ, но на то, что она жительствуетъ на небѣ. Откуда это видно? Показываютъ самыя дѣла. Была война противъ одиннадцати учениковъ; вся вселенная воевала противъ нихъ; но тѣ, противъ кого воевали, побѣдили, а воевавшіе побѣждены; овцы преодолѣли волковъ. Видишь ли пастыря, посылающаго овецъ посреди волковъ, чтобы онѣ и въ бѣгствѣ не искали спасенія? Какой пастырь дѣлаетъ это? А Христосъ сдѣлалъ это, дабы показать тебѣ, что не по естественному порядку вещей, а сверхъестественно и выше обыкновеннаго порядка вещей совершаются эти дѣла. Церковь утверждена больше неба. Язычникъ, можетъ быть, обвинитъ меня въ надменности; но пусть онъ подождетъ доказательства, и познаетъ силу истины, что легче погаснуть солнцу, чѣмъ уничтожиться Церкви. Кто, скажешь, возвѣщаетъ объ

этомъ? Тотъ, Кто основалъ ее. *Небо и земля мимоидутъ,* говоритъ Онъ, *словеса же моя не мимоидутъ* (Мѳ. 24, 35). Это Онъ не только сказалъ, но и исполнилъ. Почему же Онъ основалъ Церковь тверже неба? Потому, что Церковь драгоцѣннѣе неба. Для чего небо? Для Церкви, а не Церковь для неба. Небо для человѣка, а не человѣкъ для неба. Это видно и изъ того, чтó Онъ самъ сдѣлалъ. Христосъ принялъ не небесное тѣло. Впрочемъ, чтобы, распространяя рѣчь, намъ сегодня опять не остаться у васъ въ долгу,—вы знаете, сколько вчера мы обѣщали вамъ,—мы готовы заплатить долгъ. Я отложилъ рѣчь ради отсутствовавшихъ. Но такъ какъ отсутствовавшіе исполнили свою обязанность и своимъ присутствіемъ доставили намъ полную трапезу, то теперь и мы предложимъ яства, яства не устарѣвшія; ибо, хотя бы они были и вчерашними, они не дѣлаются устарѣвшими. Почему? Потому, что они — не мясо, которое можетъ испортиться, а мысли, постоянно цвѣтущія. Мясо портится, потому что оно тѣло; а мысли, оставаясь, дѣлаются болѣе благовонными. О чемъ же мы говорили вчера? Вчера и мы наслаждались трапезою, и отсутствовавшіе не потерпѣли потери. *И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ.* Кто говоритъ это? Исаія, созерцатель серафимовъ, бывшій въ бракѣ, и однако не погасившій въ себѣ благодати. Вы внимали Пророку и слышали сегодня отъ Пророка: *изыди ты и*

Іасувъ, сынъ твой (Исаі. 7, 3). Не нужно оставлять безъ вниманія и этого. *Изыди ты и сынъ твой.* Итакъ Пророкъ имѣлъ сына. Если же онъ имѣлъ сына, то имѣлъ и жену, дабы ты зналъ, что бракъ—не зло, а прелюбодѣяніе—зло. Между тѣмъ, когда мы бесѣдуемъ со многими и говоримъ: почему ты не хорошо живешь, почему не ведешь строгой жизни? — то отвѣчаютъ: какъ я могу, если не оставлю жены, если не оставлю дѣтей, если не оставлю дѣлъ? Почему же? Развѣ бракъ служитъ препятствіемъ? Жена дана тебѣ помощницею, а не вредительницею. Развѣ не имѣлъ жены Пророкъ? И однако бракъ не былъ препятствіемъ для Духа; онъ и жилъ съ женою и былъ Пророкомъ. Развѣ не имѣлъ жены Моисей? И однако онъ и разсѣкалъ камни, и измѣнялъ воздухъ, и бесѣдовалъ съ Богомъ, и умилостивлялъ божественный гнѣвъ. Развѣ не имѣлъ жены Авраамъ? И однако онъ сталъ отцемъ народовъ и Церкви; онъ имѣлъ сына Исаака, который также былъ для него поводомъ къ добрымъ дѣламъ. Не принесъ ли онъ въ жертву сына, плодъ брака? Не былъ ли онъ и отцемъ и боголюбцемъ? Не оказался ли священникомъ, принесшимъ въ жертву собственную утробу, — священникомъ и отцемъ? Не показалъ ли въ себѣ природу побѣждаемую и благочестіе побѣждающее, естественную привязанность покаряемую и благочестивыя дѣйствія покаряющія, отца устраняемаго и боголюбца увѣнчаваемаго? Не видишь ли ты его всецѣло и любящимъ сына и любящимъ

Бога? И попрепятствовалъ ли ему бракъ? А что мать Маккавеевъ? Не была ли она женою? Не присоединила ли семерыхъ сыновей къ лику святыхъ? Не видѣла ли ихъ мучениками? Не стояла ли она при этомъ, какъ непоколебимая гора? Не стояла ли она, перенося мученичество съ каждымъ изъ нихъ и, какъ мать мучениковъ, не вытерпѣла ли седмикратное мученичество? Ибо, когда они были подвергаемы пыткамъ, она сама принимала ударъ. Не безъ боли она принимала это, потому что была мать, и терзаніе природы оказывало свою силу; и однако она не была побѣждена. Было море и волны, и однако, какъ бушующее море укрощается, такъ и возмущаемая природа была покаряема страхомъ Божіимъ. Какъ она намастила ихъ? Какъ воспитала ихъ? Какъ представила Богу семь храмовъ, статуй золотыхъ, или лучше, драгоцѣннѣйшихъ золота?

3. А что дѣйствительно золото не такъ драгоцѣнно, какъ душа мучениковъ, послушай. Явился тираннъ, но, бывъ побѣжденъ одною женщиною, удалился. Онъ поражалъ оружіемъ, а она побѣждала твердостію духа; онъ разжигалъ пещь, а она пламенѣла добродѣтелію духа; онъ двигалъ войско, а она устремлялась къ ангеламъ; видѣла тиранна внизу и помышляла о Царствующемъ горѣ; видѣла пытки на землѣ и исчисляла награды на небѣ; видѣла настоящее мученіе и представляла будущее безсмертіе (2 Макк. гл. 7). Посему и Павелъ говорилъ: *не смотряющымъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. 4, 18). Былъ ли для ней какимъ-ни-

будь препятствіемъ бракъ? А Петръ, основаніе Церкви, чрезвычайный ревнитель Христа, не учившійся краснорѣчію и побѣждавшій риторовъ, неученый и заграждавшій уста философовъ, расторгавшій языческую мудрость, какъ паутину, прошедшій вселенную, бросавшій сѣти въ море и уловившій вселенную, не имѣлъ ли и онъ жены? Да, имѣлъ; а что дѣйствительно имѣлъ, послушай Евангелиста. Что же говоритъ онъ? Іисусъ приходилъ къ *тещѣ Петра*, которая *лежаше огнемъ жегома* (Марк. 1, 30). Гдѣ теща, тамъ и жена; гдѣ жена, тамъ и бракъ. А Филиппъ? Не имѣлъ ли онъ четырехъ дочерей (Дѣян. 21, 9)? Гдѣ четыре дочери, тамъ и жена и бракъ. А Христосъ? Хотя Онъ родился отъ Дѣвы, но приходилъ на бракъ и принесъ даръ. *Вина не имутъ*, сказали Ему, и Онъ обратилъ воду въ вино (Іоан. 2, 3), почтивъ своею дѣвственностію бракъ и своимъ даромъ одобривъ дѣло, чтобы ты не отвращался брака, а ненавидѣлъ прелюбодѣяніе. Я, хотя и съ опасностію, но обѣщаю тебѣ спасеніе, если ты и будешь имѣть жену. Будь внимателенъ къ самому себѣ. Жена, если она добрая, бываетъ твоею помощницею. А что, если она не добрая? Сдѣлай ее доброю. Развѣ у другихъ не были жены и добрыя и злыя, чтобы ты не имѣлъ предлога къ оправданію? Какова была жена Іова? Напротивъ Сарра была доброю. Укажу тебѣ на жену худую и злую. Не повредила мужу жена Іова. Она была худа и зла и совѣтовала ему богохульствовать. Что же? Поколебала ли она эту крѣ-

пость? Сокрушила ли этотъ адамантъ? Преодолѣла ли эту скалу? Поразила ли она этого воина? Ниспровергла ли этотъ корабль? Исторгла ли это дерево? Нисколько. Она нападала, а крѣпость дѣлалась болѣе твердою; она воздвигала волны, а корабль не утопалъ, но плылъ спокойно; плоды дерева были обрываемы, а само дерево не колебалось; листья падали, а корень оставался твердымъ. Говорю это для того, чтобы никто не ссылался на злобу жены. Худа она? Исправь ее. Она, скажешь, лишила меня рая. Но она возвела тебя и на небо. Природа одна и таже, но душевное настроеніе различно. Худа жена Іова? Но хороша Сусанна. Безстыдна египтянка? Но скромна Сарра. Ты видишь ту? Посмотри и на эту. И изъ мужей одни злы, а другіе добры. Добръ Іосифъ; но дурны старшіе его братья. Видишь ли вездѣ зло и добро, происходящія не отъ природы, а получающія отличительныя свойства свои отъ душевнаго настроенія? Не представляй мнѣ предлоговъ къ своему оправданію. Впрочемъ поспѣшимъ заплатить долгъ. *И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь*. Я намѣреваюсь сказать о томъ, для чего Пророкъ означаетъ время событія. Вчера мы спрашивали, почему, — тогда какъ всѣ пророки и даже этотъ самый Пророкъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ о времени жизни царей,—здѣсь этотъ обычай нарушенъ, и не говоритъ онъ: во дни Озіи, но: въ лѣто смерти Озіи? Сегодня я хочу рѣшить это. Хотя теперь большой жаръ, но еще больше роса слова; хо-

тя утомляется изнемогающее тѣло, но радуется бодрствующая душа. Не говори мнѣ о жарѣ и потѣ. Если ты потѣешь тѣломъ, то омываешь свою душу. Три отрока были въ пещи, и не потерпѣли никакого вреда, но пещь была для нихъ росою. Когда ты думаешь о потѣ, то думай и о наградѣ и воздаяніи. Водолазъ осмѣливается бросаться въ глубину водъ не для чего инаго, какъ для жемчужинъ, которыя бываютъ причиною войны. Впрочемъ, я порицаю не вещество, а развращеніе души. А ты для того, чтобы получить сокровище неоскудѣвающее и возрастить виноградъ въ душѣ своей, не хочешь переносить жара и пота? Не видишь ли, какъ сидящіе на зрѣлищѣ потѣютъ и на обнаженную голову принимаютъ лучи солнца, чтобы сдѣлаться плѣнниками смерти, рабами блудницы? Они трудятся для своей погибели, а ты не хочешь трудиться для своего спасенія? Ты—ратоборецъ и воинъ. Итакъ кто этотъ Озія, и для чего Пророкъ сказалъ объ его смерти? Этотъ Озія былъ царь, мужъ праведный и украшавшійся многими добрыми дѣлами; но потомъ впалъ въ гордость, въ гордость, мать пороковъ, въ надменность, исполненную смятеній, въ высокомѣріе, погубившее діавола. Подлинно, нѣтъ ничего хуже гордости; посему вчера мы и вели всю рѣчь объ этомъ, истребляя гордость и научая смиренномудрію.

4. Сказать ли тебѣ, сколь великое благо—смиренномудріе, и сколь великое зло—гордость? Грѣшникъ побѣдилъ праведнаго, мытарь—фари-

сея, слова оказались выше дѣлъ. Какъ слова? Мытарь говорилъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику;* а фарисей говорилъ: *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы,* но что? *Пощуся двакраты въ субботу, десятину даю всего, елико притяжу* (Лук. 18, 11—13). Фарисей выставлялъ праведныя дѣла; мытарь произносилъ слова смиренія,—и слова оказались выше дѣлъ, и такое сокровище развѣялось, и такая бѣдность обратилась въ богатство! Пришли два корабля съ грузомъ; оба подошли къ пристани, но мытарь вступилъ въ пристань благополучно, а фарисей потерпѣлъ кораблекрушеніе, чтобы ты зналъ, сколь великое зло—гордость. Ты праведенъ? Не унижай брата своего. Ты украшаешься добрыми дѣлами? Не поноси ближняго и удержись отъ похвалы себѣ. Сколько высокъ ты, столько смиряй себя. Слушай внимательно слова мои, возлюбленный. Праведникъ долженъ бояться гордости больше, нежели грѣшникъ; — это я и вчера говорилъ и сегодня повторяю для тѣхъ, которые вчера не были;—потому что грѣшникъ по необходимости думаетъ о себѣ смиренно, а праведникъ можетъ гордиться своими добрыми дѣлами. Какъ между мореплавателями имѣющіе пустой корабль не боятся шайки разбойниковъ; потому что они не нападаютъ на пустой корабль; а имѣющіе корабль, наполненный грузомъ, боятся разбойниковъ; потому что разбойникъ обыкновенно является тамъ, гдѣ золото, гдѣ серебро, гдѣ драгоцѣнные камни: такъ и діаволъ не ско-

ро нападаетъ на грѣшника, но на праведника, гдѣ много богатства. Гордость часто происходитъ отъ навѣтовъ діавола; посему нужно бодрствовать. Сколько высокъ ты, столько смиряй себя. Когда восходишь на высоту, тогда тебѣ нужно остерегаться, чтобы не упасть. Посему и Господь нашъ говоритъ: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. 17, 10). Что ты много думаешь о себѣ, человѣкъ, сродный землѣ, единосущный съ пепломъ, и по природѣ, и по мыслямъ, и по произволенію въ дѣлахъ? Сегодня ты богатъ, завтра бѣденъ; сегодня здоровъ, завтра болѣнъ; сегодня веселъ, завтра печаленъ; сегодня въ славѣ, завтра въ безчестіи; сегодня молодъ, завтра старъ. Прочно ли что-нибудь человѣческое, и не течетъ ли оно подобно рѣчнымъ потокамъ? Оно лишь только явилось, и уже оставляетъ насъ быстрѣе тѣни. Что же превозносишься ты, человѣкъ, дымъ, суета? *Человѣкъ суетѣ уподобися: дніе его, яко сѣнь преходятъ* (Пс. 143, 4). *Изсше трава и цвѣтъ отпаде* (Исаі. 40, 7). Говорю это не для того, чтобы унизить существо человѣка, но чтобы обуздать гордость. Великое созданіе—человѣкъ, и почтенное существо — мужъ милосердый. Но этотъ Озія, бывъ царемъ, облеченнымъ въ діадиму, сталъ превозноситься потому, что былъ праведнымъ, и возгордившись больше собственнаго достоинства, вошелъ во святилище. И что говорилъ еще? *Вниде въ церковь Господню* и говорилъ: хочу *покадити ѳиміамомъ* (2 Пар.

26, 16). Бывъ царемъ, онъ похищаетъ преимущество священства; хочу, говоритъ, *покадити ѳиміамомъ;* потому что я—праведенъ. Но остановись въ своихъ предѣлахъ; иные предѣлы царской власти, и иные предѣлы священства; послѣднее больше первой. Ибо не видимыми вещами отличается царь; не по камнямъ, прикрѣпленнымъ къ нему, и золоту, которымъ онъ облеченъ, должно судить о царѣ. Онъ получилъ власть распоряжаться дѣлами земными; а власть священства достигаетъ горѣ. *Елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси* (Матѳ. 18, 18). Царю ввѣрено здѣшнее, а мнѣ—небесное; когда я говорю: мнѣ; то разумѣю священника. Посему, когда ты увидишь недостойнаго священника, не порицай священства; потому что не предметъ нужно осуждать, но того, кто худо пользуется хорошимъ предметомъ. И Іуда сдѣлался предателемъ; но это—позоръ не апостольству, а его душевному настроенію; не вина священства, а зло душевнаго настроенія.

5. Итакъ осуждай не священство, а священника, худо пользующагося хорошимъ предметомъ. Посему, когда кто-нибудь, бесѣдуя съ тобою, скажетъ: видѣлъ ли ты такого-то христіанина?—отвѣчай: я говорю съ тобою не о лицахъ, а о предметахъ. Сколь многіе врачи дѣлались палачами и давали ядъ вмѣсто лѣкарства? Но я осуждаю не искусство, а того, кто худо пользуется искусствомъ. Сколь многіе кормчіе затопляли корабли? Но худо не искусство мореплаванія, а ихъ душевное настроеніе. Если ты уви-

дишь дурнаго христіанина, то осуждай не ученіе и священство, а того, кто худо пользуется хорошимъ предметомъ. Царю ввѣрены тѣла, а священнику — души; царь прощаетъ недоимки денежныя, а священникъ—недоимки грѣховныя; тотъ заставляетъ, этотъ убѣждаетъ; тотъ дѣйствуетъ повелѣніемъ, этотъ — совѣтомъ; тотъ имѣетъ оружіе чувственное, этотъ—оружіе духовное; тотъ ведетъ войну съ варварами, а я веду войну съ бѣсами. Послѣдняя власть больше; посему царь и преклоняетъ голову подъ руки священника, и всегда въ Ветхомъ Завѣтѣ священники помазывали царей. Но царь Озія, вышедши изъ своихъ предѣловъ и преступивъ мѣру царской власти, рѣшился присвоить себѣ лишнее и съ дерзостію вошелъ во святилище, желая кадить ѳиміамомъ. Что же священникъ? Непозволительно тебѣ, Озія, сказалъ онъ, кадить ѳиміамомъ. Посмотри на дерзновеніе, на нерабольпный образъ мыслей, на языкъ, касающійся неба, на свободу, ничѣмъ нестѣсняющуюся, на тѣло человѣка и умъ ангела, на ходящаго по землѣ и обитающаго на небѣ. Онъ видѣлъ царя, и не смотрѣлъ на порфиру; видѣлъ царя, и не смотрѣлъ на діадиму. Не говори мнѣ о царской власти тамъ, гдѣ беззаконіе. *Нѣсть твое*, царь, *да кадиши ѳиміамомъ*, во Святомъ Святыхъ; ты преступаешь предѣлы, присвояешь не данное тебѣ; посему ты потеряешь и то, что получилъ. *Нѣсть твое кадити, но священникомъ*; это не твое, а мое. Похитилъ ли я твою порфиру? Не похищай же ты моего

священства. *Нѣсть твое, да кадиши ѳиміамомъ, но токмо священникомъ, сыномъ Ааронимъ* (2 Пар. 26, 18). Это происходило спустя много времени послѣ смерти Аарона. Почему же онъ не сказалъ только: *священникомъ*, но упомянулъ и о праотцѣ? Въ то время случилось нѣчто подобное. Даѳанъ, Авиронъ и Корей возстали противъ Аарона; но разверзлась земля и поглотила ихъ; сошелъ огонь съ неба и попалилъ ихъ (Числ. гл. 16. Пс. 105, 17. 18). Посему священникъ, желая напомнить царю изъ тогдашней исторіи, что и прежде нападали на священство, но оно не было унижено, и возставало множество людей, но Богъ отмстилъ за него, сказалъ: *нѣсть твое, да кадиши ѳиміамомъ, но токмо священникомъ, сыномъ Ааронимъ*. Не сказалъ: вспомни, что потерпѣли тогда сдѣлавшіе это; не сказалъ: подумай, что возставшіе были сожжены; но назвалъ Аарона, за котораго было отмщено, и привелъ царю на память это событіе, какбы такъ сказавъ: не дерзай на дѣла Даѳана, чтобы тебѣ не потерпѣть того же, что было при Ааронѣ. Но царь Озія не послушался, а надмеваясь гордостію, вошелъ во святилище, открылъ Святое Святыхъ и хотѣлъ кадить ѳиміамомъ. Чтоже Богъ? Когда такимъ образомъ священникъ былъ презрѣнъ и достоинство священства попрано, и уже священникъ не могъ сдѣлать ничего —ибо дѣло священника только обличать и показывать дерзновеніе, а не употреблять оружіе, не браться за щиты, не потрясать копьемъ, не натягивать

лукъ, не бросать стрѣлу, но только обличать и показывать дерзновеніе;—когда священникъ обличалъ, а царь не слушался, но взялся за оружіе, щиты и копья, и воспользовался своею властію, тогда священникъ сказалъ къ Богу: я сдѣлалъ свое дѣло, больше не могу сдѣлать ничего; помоги попираемому священству; законы нарушаются, правила низпровергаются. Что же Человѣколюбецъ? Онъ наказалъ дерзкаго. *И* тотчасъ *проказа взыде на чело его* (2 Пар. 26. 19). Гдѣ безстыдство, тамъ и наказаніе. Но видишь ли человѣколюбіе въ самомъ наказаніи Божіемъ? Онъ не послалъ молніи, не потрясъ земли, не подвигъ неба, но *взыде проказа*, не на другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, а на *челѣ*, чтобы лице носило слѣды наказанія, какъ письмена, начертанныя на столбѣ; ибо это сдѣлано было не только для него, но и для тѣхъ, которые будутъ послѣ него. Имѣя силу послать другое достойное наказаніе, Онъ не послалъ, но какбы начерталъ на какомъ-нибудь высокомъ мѣстѣ законъ, который говорилъ: не дѣлайте этого, чтобы не потерпѣть того же. Вышелъ одушевленный законъ, и чело издавало голосъ громче трубы. Письмена были начертаны на челѣ, письмена, которыя не могли быть изглажены; потому что они были написаны не чернилами, чтобы можно было изгладить ихъ, но были естественною проказою, которая сдѣлала царя нечистымъ, чтобы другихъ сдѣлать чистыми. И какъ осужденныхъ на казнь, когда дадутъ имъ веревку, выводятъ съ веревкою въ устахъ,

такъ и этотъ ходилъ, имѣя вмѣсто веревки проказу на челѣ, за то, что поругался надъ священствомъ. Говорю это, осуждая не царей, но безумствующихъ отъ гордости и гнѣва, дабы вы знали, что священство больше царской власти.

6. Такъ всегда, когда согрѣшитъ душа, Богъ наказываетъ тѣло. Такъ Онъ поступилъ и съ Каиномъ. Согрѣшила душа его, допустившая убійство, а тѣло подверглось разслабленію; и весьма справедливо. Почему? *Стеня и трясыйся*, сказалъ Богъ, *будеши на земли* (Быт. 4, 12). И ходилъ Каинъ, возвѣщая объ этомъ всѣмъ, разсказывая молча, научая безъ словъ. Языкъ молчалъ, а члены взывали и говорили всѣмъ, почему онъ стенаетъ, почему трясется: я убилъ брата, я совершилъ убійство. Моисей послѣ говорилъ письменно, а этотъ ходилъ и самымъ дѣломъ говорилъ всѣмъ: *не убій*. Видишь ли уста, которыя молчали, и дѣло, которое взывало? Видишь ли одушевленный законъ, носимый вездѣ? Видишь ли столбъ, переходившій съ одного мѣста на другое? Видишь ли мщеніе за мщеніе? Видишь ли наказаніе, послужившее къ назиданію? Видишь ли душу согрѣшившую и плоть наказываемую? И весьма справедливо. Такъ было и съ Захаріею: душа его согрѣшила, а языкъ былъ связанъ. Ибо Захарія, родившій гласъ (вопіющаго въ пустынѣ), дѣйствительно былъ наказанъ, когда у него орудіе слова сдѣлалось неспособнымъ къ употребленію. И Озія, когда согрѣшилъ, былъ пораженъ проказою на челѣ, чтобы онъ вразумился. Та-

кимъ образомъ царь вышелъ, сдѣлавшись примѣромъ для всѣхъ, и храмъ очистился; онъ былъ изгнанъ, хотя никто не изгонялъ его, и, желая присвоить себѣ священство, потерялъ и то́, что́ имѣлъ. И вышелъ онъ изъ храма. Въ древности былъ законъ—всякаго прокаженнаго изгонять изъ города; а нынѣ уже нѣтъ. Почему? Потому, что тогда Богъ обращался съ людьми, какъ съ дѣтьми; тогда была проказа тѣлесная, а теперь наблюдается проказа душевная. Итакъ вышелъ царь въ проказѣ, а они не изгнали его изъ города, боясь его порфиры и царской власти, и опять онъ занялъ свое мѣсто вопреки закону. Что же Богъ? Прогнѣвавшись на іудеевъ, Онъ прекратилъ пророчество. Все это я сказалъ по поводу изреченія Пророка, чтобы уплатить долгъ. Но возвратимся къ предмету. Царь вышелъ изъ храма прокаженнымъ. По обычаю должно было бы изгнать его и изъ города, какъ нечистаго; но народъ дозволилъ ему оставаться внутри города, и не осмѣлился сдѣлать ничего должнаго, ни малаго, ни великаго. И потому, такъ какъ они оставили царя въ городѣ, Богъ отвратился отъ нихъ и прекратилъ благодать пророчества; и весьма справедливо. За то, что они нарушили законъ Его и боялись изгнать нечистаго, Онъ прекратилъ даръ пророчества. *И глаголъ бѣ честенъ въ тыя дни, не бѣ видѣніе посылаемо* (1 Цар. 3, 1); т. е. Богъ не говорилъ съ ними чрезъ пророковъ; ибо не было имъ вдохновенія отъ Духа, которымъ они говорили; потому что между ни-

ми былъ нечистый, а благодать Духа не дѣйствовала между нечистыми. Посему она и не была присуща, не являлась пророкамъ, но молчала и скрывалась. Чтобы это было для васъ понятнымъ, объясню примѣромъ. Какъ человѣкъ, питающій къ кому-нибудь любовь и жестоко обиженный имъ въ чемъ-нибудь, говоритъ ему: я больше не покажусь тебѣ, не стану говорить съ тобою; такъ поступилъ тогда и Богъ. Когда не изгнавшіе Озіи прогнѣвали Его, то Онъ сказалъ: Я больше не стану говорить пророкамъ вашимъ, не буду низпосылать благодати Духа. Посмотри на наказаніе, исполненное милосердія. Онъ не послалъ молніи и не потрясъ города въ самомъ основаніи; но что? Вы, говоритъ, не хотите отмстить за Меня? И Я не буду бесѣдовать съ вами. Не могъ ли Я изгнать его? Но Я хотѣлъ предоставить остальное вамъ. Вы не хотите? И Я не буду бесѣдовать съ вами и не стану вдохновлять пророковъ. И благодать Духа не дѣйствовала, было молчаніе, вражда между Богомъ и людьми. Когда же потомъ царь умеръ, то уничтожилась и причина нечистоты. Такимъ образомъ Пророкъ долго не пророчествовалъ, но, между тѣмъ какъ онъ не пророчествовалъ, гнѣвъ Божій прекратился, и пророчество возвратилось. По этой необходимости Пророкъ означаетъ время и говоритъ: *и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ.* Когда онъ умеръ, тогда я увидѣлъ Господа; ибо прежде я не видѣлъ Бога, гнѣвавша-

гося на насъ. Пришла смерть нечистаго и прекратила этотъ гнѣвъ. Посему онъ, вездѣ упоминая о жизни царей, здѣсь сказалъ о смерти Озіи. *И бысть въ лѣто*, говоритъ, *въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ.* Но здѣсь опять можно видѣть человѣколюбіе Божіе. Умеръ нечистый, и примирился Богъ съ людьми. Почему это произошло, тогда какъ съ ихъ стороны не было никакихъ добрыхъ дѣлъ, но только умеръ царь? Потому, что Богъ человѣколюбивъ и не бываетъ строгъ къ такимъ людямъ. Человѣколюбивый и благій Богъ требовалъ только одного, чтобы удалился нечистый. Итакъ, зная это, отгонимъ гордость, возлюбимъ смиренномудріе и будемъ воздавать обычную славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 5-я

НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ:

И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ (Исаі. 6, 1) (1).

(1) Въ заглавіи этой бесѣды прибавляется: *и доказательство на то, что справедливо быль пораженъ проказою Озія, недостойно кадившій оиміамомъ, что позволительно не царямъ, а священникамъ.* Oper. S. Chrys. Ed. Mont. Tom. 6, pag. 131.

1. Сегодня мы окончимъ бесѣды объ Озіи и завершимъ рѣчь, чтобы и намъ не подвергнуться осмѣянію, подобно тому человѣку, упоминаемому въ Евангеліи, который рѣшился построить башню и не могъ, чтобы кто-нибудь изъ проходящихъ и объ насъ не сказалъ: *сей человѣкъ начатъ здати и не може совершити* (Лук. 14, 30). Но чтобы сказанное было для васъ болѣе яснымъ, нужно повторить немногое изъ прежде сказаннаго, дабы наша бесѣда не вышла на духовное зрѣлище безъ головы, но дабы, принявъ свой видъ, была узнана зрителями. Это будетъ для слышавшихъ тоже самое напоминаніемъ, а для не слышавшихъ наставленіемъ. Итакъ прежде мы говорили о томъ, какъ благочестивъ былъ Озія, какъ онъ сдѣлался нечестивымъ, отъ чего и до какой степени онъ впалъ въ гордость; а сегодня нужно сказать, какъ онъ вошелъ во святилище, какъ рѣшился кадить ѳиміамомъ, какъ священникъ не дозволялъ, какъ тотъ не послушался, какъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій, какъ окончилъ жизнь въ проказѣ, и почему Пророкъ, оставивъ дни жизни его, упомянулъ о смерти, сказавъ такъ: *въ лѣто, въ неже умре Озіа царь*. Для того мы и разсказали все событіе съ начала. Слушайте же со вниманіемъ. *И бысть*, говоритъ Писаніе, *егда укрѣпися Озіа царь, вознесеся сердце его на пагубу, и обидѣ Господа Бога своего*. Какимъ образомъ обидѣлъ? *Вниде въ церковь Господню покадити надъ алтаремъ ѳиміамовъ* (2 Пар. 26, 16). О дер-

зость! О безстыдство! Осмѣлился вступить въ самое сокровенное святилище, вторгся во Святое Святыхъ, которое было мѣстомъ, недоступнымъ ни для кого, кромѣ первосвященника, рѣшился осквернить его. Такова душа, зараженная гордостію. Однажды оставивъ попеченіе о своемъ спасеніи, она никогда не перестаетъ безумствовать, но, предавъ бразды своего спасенія безумнымъ пожеланіямъ, носится вездѣ. Какъ необузданный конь, сбросивъ узду съ своихъ устъ и свергнувъ всадника съ своего хребта, несется быстрѣе всякаго вѣтра и бываетъ неприступнымъ для встрѣчающихся, которые всѣ разбѣгаются и никто не осмѣливается удержать его; такъ и душа, отвергнувъ обуздывающій ее страхъ Божій и отбросивъ управляющій ею разумъ, бѣгаетъ по странамъ нечестія до тѣхъ поръ, пока, стремясь въ бездну погибели, свергнетъ въ пропасть собственное спасеніе. Посему нужно постоянно удерживать ее и, какбы нѣкоторою уздою, благочестивыми помыслами обуздывать безумныя ея стремленія; чего Озія не сдѣлалъ, но рѣшился на преступленіе противъ власти самой высшей изъ всѣхъ. Ибо священство важнѣе самой царской власти и есть высшая власть. Не говори мнѣ о багряницѣ, о діадимѣ и золотыхъ одеждахъ; все это— тѣнь и маловажнѣе весеннихъ цвѣтовъ. *Всяка слава человѣча*, говоритъ Пророкъ, *яко цвѣтъ травный*, хотя бы ты указалъ на самую славу царскую (Исаі. 40, 6). Не говори же мнѣ объ этомъ; но если хочешь видѣть различіе между

священникомъ и царемъ, изслѣдуй мѣру власти, данной каждому изъ нихъ, и увидишь, что священникъ сидитъ гораздо выше царя. Хотя царскій престолъ кажется намъ важнымъ по прикрѣпленнымъ къ нему камнямъ и облекающему его золоту; но царь получилъ власть распоряжаться дѣлами земными и больше этой власти не имѣетъ ничего; а престолъ священства утвержденъ на небесахъ, и священнику ввѣрено устроять тамошнія дѣла. Кто говоритъ это? Самъ Царь небесъ. *Елика аще свяжете на земли*, говоритъ Онъ, *будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Мат. 18, 18). Чтò можетъ сравниться съ такою честію? Небо получаетъ начало суда съ земли. Судія сидитъ на землѣ, и Владыка слѣдуетъ за рабомъ; и чтó послѣдній присуждаетъ внизу, тó Онъ утверждаетъ горѣ. Священникъ стоитъ посредникомъ между Богомъ и родомъ человѣческимъ, низводя на насъ оттуда благодѣянія и вознося туда наши прошенія, примиряя со всѣмъ родомъ нашимъ разгнѣваннаго Бога, и насъ, разгнѣвавшихъ Его, избавляя отъ рукъ Его. Посему Богъ преклоняетъ и самую царскую главу подъ руки священника, научая насъ, что послѣдній по власти больше перваго; ибо низшій благословляется отъ высшаго. Впрочемъ о священствѣ и о томъ, какъ велико это достоинство, мы скажемъ въ другое время; а теперь посмотримъ, какъ велико было беззаконіе Озіи царя, или лучше, тиранна. Онъ вошелъ въ храмъ Госпо-

день; за нимъ вошелъ и священникъ Азарія. Напрасно ли я говорилъ, что священникъ больше царя? Намѣреваясь изгнать его, не какъ царя, но какъ бѣглеца и неблагодарнаго слугу, священникъ вошелъ съ рѣшительностію, подобно какъ смѣлый песъ нападаетъ на нечистаго звѣря, чтобы выгнать его изъ дома господина.

2. Видишь ли душу священника, исполненную великаго дерзновенія и высокихъ мыслей? Онъ не посмотрѣлъ на величіе власти, не подумалъ, какъ опасно останавливать душу, одержимую страстію, не внялъ словамъ Соломона: *царево прещеніе подобно рыканію львову* (Прит. 19, 12); но взирая на истиннаго Царя небесъ, представляя то судилище и тѣ воздаянія и оградивъ себя этими мыслями, такимъ образомъ обратился къ тиранну. Онъ зналъ, вѣрно зналъ, что угроза царя подобна гнѣву льва для тѣхъ, которыхъ взоры устремлены къ землѣ; а для человѣка, который имѣетъ въ виду небо и готовъ лучше положить душу свою внутри святилища, нежели спокойно взирать на оскорбленіе священныхъ законовъ, онъ маловажнѣе всякаго пса. Подлинно, нѣтъ ничего безсильнѣе преступающаго божественные законы, равно какъ нѣтъ ничего сильнѣе защищающаго божественные законы. *Яко всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34), хотя бы онъ имѣлъ на головѣ безчисленное множество вѣнцовъ; а творящій правду царственнѣе самого царя, хотя бы онъ былъ послѣднимъ изъ всѣхъ. Такъ размышляя въ самомъ себѣ,

этотъ доблестный мужъ приступилъ къ царю. Войдемъ же и мы вмѣстѣ съ нимъ, если угодно, дабы слышать, что́ онъ говоритъ царю. Это возможно; и не мало пользы—видѣть, какъ царь обличается священникомъ. Что же говоритъ священникъ? *Нѣсть твое, Озіе, да кадиши ѳиміамомъ Господеви* (2 Пар. 26, 18). Не назвалъ его царемъ, не назвалъ именемъ власти; потому что предварительно тотъ самъ себя лишилъ чести. Видишь ли дерзновеніе священника? Теперь посмотри и на кротость его. Намъ нужно не только дерзновеніе, когда мы намѣреваемся обличать, но еще больше кротость, нежели дерзновеніе; потому что грѣшники никого изъ людей такъ не отвращаются и не ненавидятъ, какъ того, кто намѣревается обличать ихъ; они стараются найдти предлогъ—уклониться и избѣжать обличенія; посему нужно удерживать ихъ кротостію и снисходительностію. Обличитель несносенъ для грѣшниковъ не только тогда, когда они слышатъ его голосъ, но и тогда, когда только видятъ его. *Тяжекъ есть намъ*, говорятъ они, *и къ видѣнію* (Прем. 2, 15); посему нужно оказывать къ нимъ великую кротость. Для того и пророческое слово представило намъ какъ грѣшника, такъ и того, кто намѣревается исправить его. Такъ умные врачи, намѣреваясь отсѣчь загнившіеся члены, или вынуть камни, образовавшіеся въ проходахъ, или исправить другой какой-нибудь естественный недостатокъ, дѣлаютъ это, не отводя больнаго въ уголъ, но полагая его среди площади, и, составивъ зрѣ-

лище изъ проходящихъ, такимъ образомъ производятъ отсѣченіе. Они дѣлаютъ это не для того, чтобы выставить на позоръ человѣческія бѣдствія, но чтобы каждый имѣлъ великое попеченіе о собственномъ здоровьѣ. Такъ поступаетъ и Писаніе. Когда оно беретъ кого-нибудь изъ грѣшниковъ, то громогласно выставляетъ его на видъ не среди площади, а среди всей земли, и, составивъ зрѣлище изъ вселенной, такимъ образомъ прилагаетъ врачевство, научая насъ заботиться о собственномъ спасеніи. Посмотримъ же, какъ священникъ началъ тогда исправлять царя. Онъ не сказалъ: «о нечестивый и пренечестивый, ты все низвратилъ и ниспровергнулъ, ты дошелъ до крайней степени нечестія;» и не распространился въ продолжительныхъ обличеніяхъ, но какъ отсѣкающіе дѣлаютъ это быстро, чтобы скоростію сѣченія уменьшить чувство боли, такъ и онъ краткостію обличенія умѣрилъ пламенный гнѣвъ царя. Подлинно, что́—отсѣченіе для больныхъ, то обличеніе для грѣшниковъ. Кротость онъ показалъ намъ между прочимъ и краткостію рѣчи. А если хочешь видѣть и сѣченіе въ словахъ его, и то, гдѣ онъ скрылъ желѣзо, послушай. *Нѣсть твое*, говоритъ онъ, *да кадиши ѳиміамомъ Господеви, но токмо священникомъ сыномъ Ааронимъ освященнымъ*. Этимъ онъ нанесъ ударъ; а какъ, я скажу. Почему онъ не сказалъ просто: *священникомъ*, но упомянулъ притомъ и объ Ааронѣ? Ааронъ былъ первымъ первосвященникомъ, въ его времена была сдѣлана такая же дер-

зость. Даѳанъ, Корей и Авиронъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими возстали противъ него и хотѣли сами священнодѣйствовать; но однихъ изъ нихъ поглотила разступившаяся земля, другихъ сожегъ нисшедшій съ неба огонь (Числ. 16. Пс. 105, 17. 18). Итакъ, желая напомнить царю объ этомъ событіи, священникъ напомнилъ ему объ Ааронѣ, который былъ оскорбленъ тогда, чтобы обратить мысли его на несчастіе оскорбившихъ. Впрочемъ отъ этого не было никакого успѣха, не по винѣ священника, но по дерзости царя. Слѣдовало бы похвалить священника и выразить благодарность за совѣтъ; а онъ, говоритъ Писаніе, *прогнѣвася* и сдѣлалъ рану свою болѣе тяжкою (2 Пар. 26, 19). Ибо не столь великое зло—грѣхъ, какъ безстыдство послѣ грѣха. Но Давидъ поступилъ не такъ, а какъ? Бывъ обличенъ Наѳаномъ за Вирсавію, онъ сказалъ: *согрѣшихъ ко Господу* (2 Цар. 12, 13).

3. Видишь ли сердце сокрушенное? Видишь ли душу смиренную? Видишь ли, какъ и самыя паденія святыхъ славны? Какъ прекрасныя тѣла и въ болѣзни своей показываютъ намъ много слѣдовъ благообразія; такъ и души святыхъ въ самыхъ паденіяхъ носятъ знаки своей добродѣтели. Притомъ Давидъ былъ обличаемъ Пророкомъ среди царскаго дворца, въ присутствіи многихъ; а этотъ получилъ обличеніе внутри святилища безъ свидѣтелей, и однако не перенесъ обличенія. Что же? Остался безъ изцѣленія? Нѣтъ, по человѣколюбію Божію; но какъ

о бѣсноватомъ, когда ученики не могли изгнать изъ него бѣса, Христосъ сказалъ: *приведите Ми его сьмо* (Мат. 17, 16); такъ и здѣсь, когда священникъ не могъ отгнать болѣзнь, худшую всякаго бѣса, т. е. грѣхъ, то наконецъ самъ Богъ принимается за больнаго. И что Онъ дѣлаетъ? Поражаетъ его проказою на челѣ. *И бысть*, говоритъ Писаніе, *егда разъярися онъ на жерцы, проказа взыде на чело его* (2 Пар. 26, 19), и онъ вышелъ, подобно какъ отводимые на смерть имѣютъ на устахъ веревку, знакъ осужденія, такъ и онъ, имѣя знакъ безчестія на челѣ; но не палачи влекли его, а самая проказа вмѣсто палачей толкала его въ голову. Онъ вошелъ, чтобы присвоить священство, но потерялъ и царство; вошелъ, чтобы сдѣлаться болѣе почтеннымъ, но сдѣлался презрѣннѣйшимъ; ибо, какъ нечистый, онъ сталъ ниже всякаго простолюдина. Таково зло—не оставаться въ предѣлахъ, назначенныхъ намъ Богомъ, какъ въ отношеніи къ чести, такъ и въ отношеніи къ знанію. Не видишь ли ты, какъ это море бываетъ непреодолимо во время бури, какими оно поднимается волнами? Но поднявшись до великой высоты и стремясь съ великою яростію, когда оно достигнетъ предѣла, назначеннаго ему Богомъ, то обративъ волны въ пѣну, принимаетъ опять свой прежній видъ. Между тѣмъ что можетъ быть слабѣе песка? Впрочемъ не песокъ полагаетъ ему препятствіе, а страхъ предъ Тѣмъ, Кто назначилъ ему предѣлы. Если же тебя не вразумляетъ этотъ примѣръ, то

пусть научитъ тебя событіе съ Озіею, теперь изложенное нами. Но такъ какъ мы уже видѣли гнѣвъ Божій и достойное воздаяніе, то теперь покажемъ и человѣколюбіе и великое снисхожденіе Его. Ибо нужно говорить не только о гнѣвѣ, но и о благости Божіей, чтобы не привести слушателей ни въ отчаяніе, ни въ безпечность. Такъ и Павелъ поступаетъ, употребляя въ увѣщаніи и то и другое: *виждь убо благость и непощадѣніе Божіе* (Рим. 11, 22), говоритъ онъ, чтобы и страхомъ и благими надеждами возстановить падшаго. Видишь ли строгость Божію? Посмотри и на благость Его. Какъ же можемъ мы увидѣть эту благость? Если узнаемъ, чего достоинъ былъ Озія. Чего же онъ былъ достоинъ? Какъ только онъ вошелъ въ священный притворъ съ такимъ безстыдствомъ, то сталъ достоинъ тысячи молній и крайняго наказанія и мученія. Ибо, если прежде дерзнувшіе на тоже, сообщники Даѳана, Корея и Авирона, подверглись такому наказанію, то гораздо больше долженъ былъ подвергнуться такому же наказанію онъ, не вразумившійся и ихъ несчастіемъ. Но Богъ не сдѣлалъ этого, а напередъ чрезъ священника предложилъ ему увѣщаніе, исполненное великой снисходительности; и какъ Христосъ заповѣдалъ дѣлать людямъ, когда они согрѣшаютъ другъ противъ друга, такъ Богъ поступилъ и съ этимъ человѣкомъ. *Аще*, говоритъ Онъ, *согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ* (Мат. 18, 15). Такъ обличилъ

Богъ и этого царя. Христосъ продолжаетъ: *аще ли тебе не послушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (ст. 16. 17). Но Богъ, по своему человѣколюбію превышая собственные законы, и тогда не поразилъ его, не отвергъ его, ослушавшагося и вознегодовавшаго, но опять обратился къ нему и научилъ такимъ способомъ, который служилъ болѣе къ исправленію, нежели къ наказанію. Онъ не послалъ молніи свыше, не сжегъ безстыдной головы, а только вразумилъ проказою. Такъ было съ Озіею; но я прибавлю еще одно только и окончу слово. Что же именно? То, о чемъ мы спрашивали выше, въ началѣ: почему, тогда какъ во внѣшнихъ дѣлахъ и въ пророчествахъ всѣ обыкновенно означаютъ время жизни царей, здѣсь Пророкъ, опустивъ это, упомянулъ о времени смерти Озіи и сказалъ такъ: *и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь?* Тогда какъ можно было означить время царствовавшаго тогда государя, какъ было въ обыкновеніи у всѣхъ пророковъ, онъ не сдѣлалъ этого. Почему же не сдѣлалъ? Былъ древній законъ—изгонять прокаженнаго изъ города, чтобы и живущіе въ городѣ сдѣлались лучшими, и самъ онъ не былъ предметомъ шутокъ и посмѣянія для желающихъ оскорблять его, но чтобы, оставаясь внѣ города, онъ имѣлъ уединеніе завѣсою несчастія. Тому же долженъ былъ подвергнуться и этотъ царь послѣ проказы; но онъ не подвергся, такъ какъ жители города боялись его по причинѣ власти его, а жилъ тайно въ своемъ домѣ. Это

прогнѣвало Бога и прекратило пророчества, какъ случилось и при Иліи: *глаголъ Господень бѣ честенъ въ тыя дни, не бѣ видѣніе посылаемо* (1 Цар. 3, 1). Но ты посмотри и здѣсь на человѣколюбіе Божіе. Онъ не разрушилъ города и не погубилъ жителей, но какъ друзья поступаютъ съ равными имъ, оставаясь въ молчаніи, когда имѣютъ право укорять ихъ въ чемъ-нибудь; такъ и Богъ поступилъ съ народомъ, который достоинъ былъ бóльшаго наказанія и мученія. Я, говоритъ Онъ, изгналъ его изъ святилища, а вы не изгнали его изъ города; Я, связавъ его проказою, сдѣлалъ его частнымъ человѣкомъ, а вы и тогда не ободрились, но осужденнаго Мною не рѣшились выгнать изъ города. Какой царь могъ бы спокойно перенесть это, и не разрушилъ бы города до основанія, видя, что тотъ, кому повелѣно переселиться за предѣлы, остается въ городѣ? Но Богъ не сдѣлалъ этого; потому что Онъ—Богъ, а не человѣкъ. Когда же царь умеръ, то съ его жизнію Богъ прекратилъ и гнѣвъ свой на нихъ, отверзъ двери пророчества, и оно опять возвратилось къ нимъ. Но ты изъ этого способа примиренія усматривай человѣколюбіе Божіе. Ибо, если станешь изслѣдовать дѣло по справедливости, то и тогда Онъ могъ бы не примириться съ ними. Почему? Потому, что не ихъ заслугою было изгнаніе Озіи. Не они взявъ изгнали его, но смерть, наступившая по закону природы, извергла его тогда изъ города. Но Богъ не взыскателенъ къ намъ до такой степени, а же-

лаетъ только одного, какъ бы примириться съ нами. За все это будемъ благодарить Его и прославлять неизреченное Его человѣколюбіе, котораго да окажемся достойными всѣ мы, благодатію и щедротами Единороднаго Сына Его, Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 6-я

НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ:

И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ (Исаі. 6, 1) ([1]).

1. Едва мы переплыли море бесѣды объ Озіи, едва переплыли не по длиннотѣ пути, но по любознательности васъ, плывущихъ вмѣстѣ съ нами. Такъ и кормчій, имѣя спутниковъ любознательныхъ и желающихъ видѣть чужіе города, совершаетъ путь не въ одинъ день, хотя бы разстояніе было только на одинъ день, но принужденъ бываетъ употреблять на это больше времени, подплывая къ каждой пристани, позволяя заходить въ каждый городъ, чтобы сколько-

---

([1]) Иначе эта бесѣда надписывается: *о серафимахъ*. Oper. S. Chrys. Edit. Mont. Tom. 6, pag. 158.

нибудь удовлетворить желанію плывущихъ вмѣстѣ съ нимъ. Тоже сдѣлали и мы, плавая не около острововъ, показывая не берега, пристани и города, но добродѣтели мужей праведныхъ и безпечность грѣшниковъ, безстыдство царя и дерзновеніе священника, гнѣвъ Божій и человѣколюбіе Его, изъ которыхъ то и другое послужило къ исправленію. Но такъ какъ наконецъ мы дошли до царскаго города, то уже не будемъ медлить, а устроивъ себя, какъ намѣревающіеся войдти въ городъ, такимъ образомъ взойдемъ въ горнюю столицу, Іерусалимъ, матерь всѣхъ насъ, городъ свободный, гдѣ серафимы, гдѣ херувимы, гдѣ тысячи архангеловъ, гдѣ тысячи тысячъ ангеловъ, гдѣ престолъ Царскій. Пусть же не присутствуетъ здѣсь никто изъ непосвященныхъ и нечестивыхъ,— потому что мы намѣреваемся приступить къ таинственнымъ повѣствованіямъ,—никто изъ нечистыхъ и недостойныхъ слушать объ этомъ; или лучше, пусть присутствуетъ всякій, и непосвященный и нечестивый, только пусть оставитъ внѣ всякую нечистоту и порочность и такимъ образомъ входитъ сюда. Такъ и того человѣка, который имѣлъ нечистыя одежды, отецъ жениха выгналъ изъ брачнаго дома и священнаго чертога не за то, что онъ имѣлъ нечистыя одежды, но за то, что вошелъ, имѣя ихъ; ибо не сказалъ ему: почему ты не имѣешь одежды брачной, но: *како, не имый одѣянія брачна, вшелъ еси сѣмо* (Мат. 22, 12)? Ты стоялъ, говоритъ, на распутіяхъ, прося мило-

стыни, и я не постыдился твоей бѣдности и не отвратился отъ твоего презрѣннаго состоянія, но, избавивъ тебя отъ всякаго униженія, ввелъ въ священный чертогъ, удостоилъ царской вечери и оказалъ высшую честь тебѣ, достойному крайняго наказанія; а ты и отъ благодѣяній не сдѣлался лучшимъ, но остался при обычномъ порокѣ, обезчестивъ бракъ, оскорбивъ и жениха; отойди же теперь и понеси должное наказаніе за такую безчувственность. Такъ и каждый изъ насъ пусть смотритъ, чтобы не услышать такихъ же словъ, и, оставивъ всякіе помыслы, недостойные духовнаго ученія, пусть такимъ образомъ участвуетъ въ священной трапезѣ. *И бысть*, говоритъ Пророкъ, *въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ.* Какъ онъ видѣлъ, я не знаю; о томъ, что онъ видѣлъ, онъ сказалъ; а какъ видѣлъ, о томъ умолчалъ; я принимаю сказанное, но не любопытствую знать умолчанное; разумѣю открытое, но не изслѣдую сокрытаго; ибо для того оно и сокрыто. Объясненіе Писаній есть золотая ткань, основа ея—золото, нить ея—золото; не примѣшиваю тканей паутинныхъ; знаю слабость моихъ мыслей. *Не прелагай*, говоритъ Премудрый, *предѣлъ вѣчныхъ*, *яже положиша отцы твои* (Притч. 22, 28). Переставлять предѣлы не безопасно; и какъ мы переставимъ то, что́ назначилъ намъ Богъ? Ты хочешь знать, какъ Пророкъ видѣлъ Бога? Будь и самъ пророкомъ. Но какъ, скажешь, это возможно для

меня, имѣющаго жену и заботящагося о воспитаніи дѣтей? Возможно, если захочешь, возлюбленный. И этотъ Пророкъ имѣлъ жену и былъ отцемъ двоихъ дѣтей, но ничто такое не было для него препятствіемъ. Подлинно, бракъ не служитъ препятствіемъ для шествія къ небу. Если бы онъ былъ препятствіемъ и жена была бы причиною нашихъ бѣдствій, то Богъ, въ началѣ творивъ ее, не назвалъ бы ея помощницею. Я хотѣлъ сказать, что значитъ *сѣдѣніе* Божіе. Богъ не сидитъ; потому что это—положеніе тѣла, а Божество безтѣлесно.

2. Я хотѣлъ сказать, что значитъ *престолъ* Божій. Богъ не объемлется престоломъ; потому что Божество неограниченно. Но боюсь, чтобы, распространяясь въ бесѣдѣ объ этомъ, мнѣ не замедлить уплатою долга. Я вижу, что всѣ хотятъ слышать о серафимахъ, и не сегодня только, но еще съ перваго дня; посему мое слово, проходя, какбы чрезъ толпу людей, чрезъ множество мыслей, встрѣчающихся ему съ великимъ стремленіемъ, спѣшитъ къ этому повѣствованію. *И серафими стояху окрестъ Его*, говоритъ Пророкъ (Исаіи 6, 2). Вотъ серафимы, которыхъ давно всѣ вы желали видѣть. Посмотрите же, насытьте ваше желаніе, но безъ смятенія и безъ поспѣшности, какъ бываетъ при царскихъ выходахъ. Тамъ это бываетъ по необходимости; копьеносцы не ожидаютъ, пока зрители насмотрятся, но прежде, нежели они хорошо разсмотрятъ все, заставляютъ удалиться; а здѣсь не такъ; но слово представляетъ

намъ зрѣлище до тѣхъ поръ, пока вы не разсмотрите всего, сколько можно разсмотрѣть. *И серафими стояху окрестъ Его.* Прежде достоинства естества ихъ Пророкъ показалъ намъ достоинство ихъ по близости ихъ мѣстопребыванія. Онъ не сказалъ прежде, каковы серафимы, но сказалъ, гдѣ они стояли. Послѣднее показываетъ достоинство ихъ больше перваго. Почему? Потому, что величіе этихъ силъ не столько доказывается тѣмъ, что они — серафимы, сколько тѣмъ, что они стоятъ близъ Царскаго престола. И мы тѣхъ изъ копьеносцевъ считаемъ знаменитѣйшими, которыхъ видимъ идущими близъ самой царской колесницы. Такъ и изъ безтѣлесныхъ силъ тѣ—свѣтлѣе, которыя находятся близъ самаго престола. Посему и Пророкъ, не говоря о достоинствѣ естества ихъ, напередъ говоритъ намъ о преимуществѣ ихъ по мѣстопребыванію, зная, что въ этомъ—высшее ихъ украшеніе, и что въ этомъ — красота тѣхъ существъ. Подлинно, въ томъ слава, и честь, и всякая безопасность, чтобы являться около этого престола. Тоже можно видѣть и касательно ангеловъ. Христосъ, желая показать величіе ихъ, не сказалъ, что они ангелы, и потомъ замолчалъ, но сказалъ: *яко ангели ихъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Мат. 18, 10). Какъ тамъ высшимъ знакомъ достоинства ангельскаго служитъ то, что они видятъ лице Отца небеснаго; такъ и здѣсь высшимъ знакомъ достоинства серафимовъ служитъ то, что они стоятъ вокругъ престола, а онъ

находится посреди ихъ. Но это великое достоинство и тебѣ можно получить, если захочешь. Господь находится посреди не только серафимовъ, но и насъ самихъ, если мы захочемъ. *Идѣже бо еста два или тріе,* говоритъ Онъ, *собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мат. 18, 20); и еще сказано: *близь Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ* (Псал. 33, 19). Посему и Павелъ взываетъ: *горняя мудрствуйте, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* (Кол. 3, 1. 2). Видишь ли, какъ онъ поставилъ насъ вмѣстѣ съ серафимами, приведши близко къ Царскому престолу? Далѣе Пророкъ говоритъ: *шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому.* Что показываютъ намъ эти шесть крыльевъ? Высоту, возвышенность, легкость и быстроту этихъ существъ. Посему и Гавріилъ нисходитъ съ крыльями, не потому, чтобы были крылья у этой безтѣлесной силы, но въ знакъ того, что онъ сошелъ съ высочайшихъ областей, оставивъ горнія обители: А что значитъ число крыльевъ? Здѣсь нѣтъ нужды въ нашемъ толкованіи; потому что самъ пророкъ объяснилъ рѣчь свою, показавъ намъ ихъ употребленіе. *Двѣма убо,* говоритъ онъ, *покрываху лица своя,* и справедливо; ими, какбы нѣкоторою двойною оградою, они заграждали свои взоры, потому что не переносили блеска, исходящаго отъ этой славы. *Двѣма же покрываху ноги своя,* можетъ быть, по причинѣ тойже поразительности. Такъ имы

обыкновенно, бывъ объяты какимъ-нибудь ужасомъ, со всѣхъ сторонъ закрываемъ свое тѣло. Что я говорю о тѣлѣ, когда и самая душа, почувствовавъ тоже при чрезвычайныхъ явленіяхъ и сосредоточивъ свою дѣятельность, убѣгаетъ въ глубину, со всѣхъ сторонъ ограждая себя тѣломъ, какбы нѣкоторымъ покровомъ? Впрочемъ, слыша объ изумленіи и ужасѣ, да не подумаетъ кто-нибудь, что они находятся въ нѣкоторомъ непріятномъ страхѣ; съ этимъ изумленіемъ соединено и нѣкоторое безмѣрное удовольствіе. *И двѣма летаху*. И это служитъ знакомъ того, что они постоянно стремятся къ высокому и никогда не смотрятъ внизъ. *И взываху другъ ко другу, и глаголаху*: ***святъ, святъ, святъ*** (ст. 3). И воззваніе ихъ также служитъ для насъ величайшимъ знакомъ ихъ удивленія; ибо они не просто воспѣваютъ, но весьма громко, и не только громко, но и постоянно дѣлаютъ это. Тѣла свѣтлыя, хотя бы они были даже чрезвычайно свѣтлыми, обыкновенно поражаютъ насъ только тогда, когда мы въ первый разъ обращаемъ на нихъ взоры; а когда мы посмотримъ на нихъ дольше, то отъ привычки перестаемъ удивляться, такъ какъ глаза наши присматриваются къ этимъ тѣламъ. Посему видя и царское изображеніе, лишь только выставленное и свѣтло блистающее красками, мы удивляемся; но чрезъ одинъ или два дня уже не удивляемся. Что я говорю о царскомъ изображеніи, когда мы испытываемъ тоже самое и въ отношеніи къ солнечнымъ лучамъ,

свѣтлѣе которыхъ нѣтъ никакого тѣла? Такимъ образомъ привычка уничтожаетъ удивленіе ко всѣмъ тѣламъ; но въ отношеніи къ славѣ Божіей бываетъ не такъ, а совершенно напротивъ. Чѣмъ болѣе тѣ силы созерцаютъ эту славу, тѣмъ болѣе они изумляются и больше удивляются; посему онѣ съ того самаго времени, какъ начали существовать, донынѣ созерцая эту славу, никогда не переставали восклицать съ изумленіемъ; но что испытываемъ мы въ теченіи короткаго времени, когда молнія проносится предъ нашими глазами, то онѣ испытываютъ постоянно, и непрестанно съ нѣкоторымъ удовольствіемъ чувствуютъ удивленіе. Притомъ они не только взываютъ, но дѣлаютъ это взаимно другъ къ другу, что служитъ знакомъ сильнѣйшаго изумленія. Такъ и мы, когда гремитъ громъ или трясется земля, не только вскакиваемъ и восклицаемъ, но и сбѣгаемся въ домахъ другъ къ другу. Тоже дѣлаютъ и серафимы; потому они и взываютъ другъ къ другу: *святъ*, *святъ*, *святъ*.

3. Узнали ли вы это воззваніе? Наше ли оно, или серафимское? И наше и серафимское; потому что Христосъ разрушилъ средостѣніе ограды, примирилъ небесное и земное, и *сотворилъ обоя едино* (Ефес. 2, 14). Прежде эта пѣснь была воспѣваема только на небесахъ; но когда Владыка благоволилъ сойдти на землю, то принесъ къ намъ и это пѣснопѣніе. Посему великій первосвященникъ, представъ предъ святою трапезою, совершая словесное служеніе, прино-

ся безкровную жертву, не просто призываетъ насъ къ этому славословію, но напередъ указываетъ на херувимовъ и упоминаетъ о серафимахъ, и такимъ образомъ повелѣваетъ всѣмъ возносить это страшное воззваніе, чтобы напоминаніемъ о существахъ, поющихъ вмѣстѣ съ нами, возвысить умъ нашъ отъ земли, и какбы такъ взываетъ къ каждому изъ насъ: ты поешь вмѣстѣ съ серафимами; стань же вмѣстѣ съ серафимами, распростирай крылья вмѣстѣ съ ними, летай вмѣстѣ съ ними около Царскаго престола. И удивительно ли, что ты становишься вмѣстѣ съ серафимами, когда къ тому, чего не смѣютъ касаться серафимы, тебѣ Богъ дозволилъ приступать безопасно? *И посланъ бысть ко мнѣ*, говоритъ Пророкъ, *единъ отъ Серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше угль горящъ, егоже клещами взятъ отъ олтаря* (Исаі. 6, 6). Тотъ олтарь есть образъ и подобіе этого олтаря, тотъ огонь—этого духовнаго огня. Но серафимъ не смѣлъ коснуться его рукою, а коснулся клещами; ты же принимаешь рукою. И такъ, если посмотришь на достоинство предложенныхъ даровъ, то они гораздо выше прикосновенія серафимовъ; а если представишь человѣколюбіе твоего Владыки, то благодать предложеннаго не стыдится низойдти до нашего уничиженнаго состоянія. Посему, представляя это и помышляя о величіи дара, человѣкъ, возстань когда-нибудь, отступи отъ земли, взойди на небо. Но, скажешь, тѣло влечетъ и притягиваетъ внизъ? А вотъ наступаютъ дни поста, которые придаютъ лег-

кія крылья душѣ и бремя плоти дѣлаютъ легкимъ, хотя бы они нашли тѣло тяжелѣйшимъ всякаго свинца. Впрочемъ рѣчь о постѣ пусть будетъ послѣ, а теперь станемъ говорить о таинствахъ, для которыхъ и установлены посты. Какъ на Олимпійскихъ играхъ цѣль борьбы—вѣнецъ; такъ и цѣль поста—чистое пріобщеніе; а если мы въ продолженіи такихъ дней не исполнимъ этого, то, тщетно и напрасно изнуривъ себя, безъ вѣнцовъ и наградъ сойдемъ съ поприща поста. Для того Отцы и распространили поприще поста и дали намъ время покаянія, чтобы мы очистили и омыли себя, и такимъ образомъ приступали къ таинству. Потому и я уже теперь громкимъ голосомъ взываю, свидѣтельствую, прошу и умоляю — не съ нечистотою, не съ порочною совѣстію приступать къ этой священной трапезѣ; потому что иначе это не будетъ приступленіемъ и пріобщеніемъ, хотя бы мы тысячу разъ прикасались къ святому Тѣлу, но осужденіемъ, мученіемъ и увеличеніемъ наказанія. И такъ никакой грѣшникъ пусть не приступаетъ, или лучше, я не скажу: никакой грѣшникъ, потому что въ такомъ случаѣ я себя прежде всѣхъ отлучаю отъ божественной трапезы: но пусть не приступаетъ никто, оставаясь грѣшникомъ. Для того я уже теперь напередъ и говорю это, чтобы, когда наступитъ царское пиршество и настанетъ священная вечеря, никто не могъ сказать: я пришелъ не приготовленнымъ и нагимъ; нужно было прежде сказать объ этомъ; если бы я услышалъ объ этомъ преж-

де, то конечно перемѣнился бы, конечно очистился бы, и такимъ образомъ приступилъ бы. Посему, чтобы никто не могъ ссылаться на такой предлогъ, я уже теперь напередъ свидѣтельствую и убѣждаю показать великое раскаяніе. Знаю, что всѣ мы виновны, и никто не можетъ похвалиться, что онъ имѣетъ чистое сердце. Но не то тяжело, что мы не имѣемъ чистаго сердца, но что, не имѣя чистаго сердца, не прибѣгаемъ къ Тому, Кто можетъ сдѣлать его чистымъ. Онъ можетъ, если захочетъ, или лучше, Онъ гораздо больше насъ хочетъ, чтобы мы были чистыми, но ожидаетъ хотя малаго повода отъ насъ, чтобы надежнѣе увѣнчать насъ. Кто былъ грѣшнѣе мытаря? Но только за то, что сказалъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*, онъ вышелъ оправданнымъ больше фарисея (Лук. 18, 13). Какую силу могли имѣть эти слова? Но не слова очистили его, а то расположеніе, съ какимъ онъ сказалъ эти слова, или лучше, не одно только расположеніе, но еще прежде того человѣколюбіе Божіе.

4. Какое великое дѣло, скажи мнѣ, какой трудъ, какой подвигъ для грѣшника убѣдить себя, что онъ грѣшникъ, и сказать это предъ Богомъ? Видишь ли, какъ не напрасно я говорилъ, что Богъ хочетъ получить хотя малый поводъ отъ насъ, и потомъ уже самъ дѣлаетъ все для нашего спасенія? Покаемся же, будемъ скорбѣть, будемъ плакать. Когда кто-нибудь лишится дочери, то часто проводитъ большую часть своей жизни въ слезахъ и рыданіяхъ; а

мы погубили душу, и не плачемъ? — лишились спасенія, и не сокрушаемся? Что я говорю о душѣ и спасеніи? Мы раздражили Владыку столь кроткаго и благаго, и не скрываемся въ землю? Подлинно, попеченіемъ своимъ объ насъ Онъ превосходитъ всякое благорасположеніе не только попечительнаго владыки, но и любвеобильнаго отца и чадолюбивой матери. *Еда забудетъ*, говоритъ Пророкъ, *жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе*, *глаголетъ Господь* (Исаі. 49, 15). Это изреченіе вѣрно и безъ доказательства; потому что оно—Божіе; однако мы представимъ теперь и доказательство отъ дѣлъ. Нѣкогда Ревекка велѣла сыну своему притворнымъ образомъ предвосхитить благословеніе, одѣла его хорошо со всѣхъ сторонъ и дала ему видъ брата; но увидѣвъ, что онъ и при этомъ не ободряется, и желая уничтожить въ сынѣ всякій страхъ, сказала: *на мнѣ клятва твоя*, *чадо* (Быт. 27, 13); слова — истинно свойственныя матери, пламенѣющей любовію къ сыну. Но Христосъ не сказалъ только, но и сдѣлалъ это, не обѣщалъ только, но и показалъ на дѣлѣ, какъ Павелъ ясно говоритъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя*, *бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13). И Его мы раздражаемъ? Не несноснѣе ли это, скажи мнѣ, самой геенны, неумирающаго червя и неугасимаго огня? Итакъ, когда ты намѣреваешься приступить къ священной трапезѣ, то имѣй въ

умѣ, что тамъ присутствуетъ и Царь всего; потому что Онъ дѣйствительно присутствуетъ, зная мысли каждаго, и видитъ, кто приступаетъ съ надлежащею святостію и кто съ порочною совѣстію, съ нечистыми и скверными помыслами, съ беззаконными дѣлами. Если Онъ найдетъ кого-нибудь такимъ, то сначала предаетъ его суду совѣсти; потомъ, если тотъ вразумится собственными размышленіями и сдѣлается лучшимъ, Онъ опять принимаетъ его; если же остается неисправимымъ, то впадаетъ наконецъ въ Его руки, какъ неблагодарный и непризнательный. А каково—это, послушай Павла, который говоритъ: *страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. 10, 31). Знаю, что эти слова непріятны; но что мнѣ дѣлать? Если не стану прилагать горькихъ лѣкарствъ, то не истребятся раны; а когда прилагаю горькое, то вы не переносите боли. Тѣсно мнѣ со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ необходимо уже удержать руку; сказаннаго достаточно для исправленія внимательныхъ. А чтобы оно принесло пользу не только однимъ вамъ, но и другимъ чрезъ васъ, теперь еще повторимъ это кратко. Мы говорили о серафимахъ; показали, какъ велико достоинство—стоять близь Царскаго престола; также и то, что и люди могутъ пріобрѣсть это достоинство; говорили объ ихъ крыльяхъ, о неприступной силѣ Божіей и о снисхожденіи Его къ намъ; еще говорили о причинѣ ихъ возглашенія и постояннаго удивленія и о томъ, какъ при непрестанномъ созерцаніи не-

престанно и славословіе серафимовъ; напомнили вамъ, въ какой мы включены хоръ и съ кѣмъ вмѣстѣ воспѣваемъ общаго Владыку; прибавили нѣсколько словъ о покаяніи, и наконецъ показали, сколь великое зло — приступать къ таинствамъ съ порочною совѣстію, и какъ не возможно избѣжать наказанія тому, кто остается неисправимымъ. Этому пусть научится и жена отъ мужа, и сынъ отъ отца, и слуга отъ господина, и сосѣдъ отъ сосѣда, и другъ отъ друга, и даже съ врагами будемъ бесѣдовать объ этомъ; потому что мы должны будемъ отдать отчетъ и за ихъ спасеніе. Если намъ заповѣдано даже подъяремныхъ животныхъ ихъ упадшихъ поднимать и заблудившихся спасать и возвращать (Исход. 23, 5), то тѣмъ болѣе должно заблуждающуюся душу ихъ обращать и падшую возстановлять. Если такимъ образомъ мы будемъ устроять дѣла свои и нашихъ ближнихъ, то будемъ въ состояніи стать съ дерзновеніемъ предъ судилищемъ Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, честь, держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАІИ:

Азъ Господь Богъ, устроивый свѣтъ и сотворивый тму, твóряй миръ и зиждяй злая (Исаі. 45, 7).

1. Немного словъ, но сладкій въ нихъ источникъ меда, меда, который не производитъ пресыщенія. Медъ вещественный доставляетъ удовольствіе только языку и портится; а медъ ученія проникаетъ въ совѣсть, доставляя постоянную радость и руководя насъ къ безсмертію. Тотъ собирается съ растеній, а этотъ составляется изъ божественныхъ Писаній. Этимъ сегодня насытилъ васъ говорившій прекрасно, получившій въ награду послушаніе и показавшій силу любви и благородство вѣры (1). А теперь и мы опять предложимъ вамъ обычную трапезу съ великимъ усердіемъ; ибо мы весьма радуемся, что, тогда какъ на конскомъ ристалищѣ происходятъ блистательныя упражненія, сюда стеклось такое множество, презрѣвъ тамошнее

---

(1) Разумѣется епископъ Флавіанъ, или какой-либо другой проповѣдникъ, говорившій прежде святителя Златоустаго.

препровожденіе времени. Посему и мы ставимъ чашу, наполненную съ великимъ изобиліемъ, чашу, производящую не опьяненіе, но доставляющую цѣломудріе. Таково вино Писаній, таковы яства этой трапезы; они не утучняютъ плоти. Впрочемъ, мы говоримъ это, не унижая естества плоти, но предпочитая ей благородство души, не отвергая употребленія, но обуздывая неумѣренность. Ибо, когда мы любомудрствуемъ, то надобно любомудрствовать такъ, чтобы не подать повода устамъ еретиковъ. Это тѣло, хотя ниже души, но оно не противно душѣ; и душа, хотя проста, но она служитъ потребностямъ тѣла. Превосходный Художникъ Богъ составилъ эту вселенную не изъ одного, двухъ или трехъ веществъ, но вложилъ въ нее различныя и разнообразныя сущности, показывая въ разнообразіи тварей обиліе своей премудрости. Онъ создалъ не небо только, но и землю; не землю только, но и солнце; не солнце только, но и луну; не луну только, но и звѣзды; не звѣзды только, но и воздухъ; не воздухъ только, но и облака; не облака только, а и эѳиръ; не эѳиръ только, но и озера, источники, рѣки, горы, рощи, холмы, луга, сады, сѣмена, растенія, разные роды травъ, различные виды, различныя силы и различныя сущности, которыя каждый можетъ видѣть вездѣ, обозрѣвая міръ; и когда онъ пробѣжитъ мыслію составъ вселенной, то скажетъ вмѣстѣ съ Пророкомъ: *яко возвеличишася дѣла твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Пс. 103, 24). Такъ,

если ты хочешь видѣть зрѣлище, то, оставивъ тамошнее сатанинское, приходи на это духовное; если хочешь слушать лиру, то, оставивъ тамошнее пѣніе и напрягши силу своего ума, приходи слушать это, пробуждающее твои мысли, укрѣпляющее твой умъ. Посмотри, какъ различные звуки и отдѣльныя струны со всѣхъ сторонъ возносятъ одно и совершенно согласное пѣніе превосходному Художнику — Богу; всѣ онѣ, какъ одинъ звукъ, состоящій изъ различныхъ звуковъ, издаютъ одно стройное пѣніе — славословіе Создателю; и эти струны звучатъ и отдѣльно сами по себѣ, звучатъ и всѣ вмѣстѣ. А чтобы тебѣ узнать, какъ звучатъ онѣ отдѣльно сами по себѣ, ударь мыслію въ струну неба, и ты услышишь, какъ она издаетъ великіе звуки и возсылаетъ славу Богу. Это уразумѣлъ Пророкъ и сказалъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь* (Пс. 18, 2). Отъ этой струны перейди къ струнѣ дня и ночи, и ты увидишь, какъ и онѣ издаютъ звуки пріятнѣе всякой лиры и гуслей, особенно тогда, когда будетъ ударять въ эти струны кто-нибудь умѣющій. Но какъ, скажешь, онѣ издаютъ звукъ? Небо не имѣетъ ни устъ, ни языка, ни нёба во рту, ни зубовъ, ни губъ; какъ же оно издаетъ звуки? Какъ говоритъ и день? Здѣсь нѣтъ органовъ, произносящихъ звуки, но теченіе солнца и луны, день и ночь, смѣна времени. Дабы кто-нибудь изъ людей, болѣе грубыхъ, слыша это, не усумнился и не смутился, послушай, какъ Пророкъ

самъ старается объяснить сказанное. Сказавъ, что *небеса повѣдаютъ славу Божію*, и что *день дни отрыгаетъ глаголъ*, *и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ* (Пс. 18, 4), онъ не остановился на этомъ, но прибавилъ: *не суть рѣчи*, *ниже словеса*, *ихже не слышатся гласи ихъ* (ст. 3, 4). Смыслъ словъ его слѣдующій: день и ночь и небо не только имѣютъ голосъ, но и такой голосъ, который звучнѣе, яснѣе и сильнѣе голоса человѣческаго. Какъ и какимъ образомъ? Послушай самыя слова его: *не суть рѣчи*, *ниже словеса*, *ихже не слышатся гласи ихъ*. Что же это такое? Одобреніе этому голосу, похвала этому звуку. Мой голосъ понятенъ для говорящаго на одномъ со мною языкѣ, а для говорящаго на другомъ языкѣ—нѣтъ; напр: когда я говорю на греческомъ языкѣ, тогда, кто знаетъ этотъ языкъ, пойметъ меня; а скиѳъ, ѳракіянинъ, мавръ, индіецъ — нѣтъ; потому что различіе языка не позволяетъ для него быть понятною моей рѣчи.

2. Также, когда говоритъ скиѳъ или ѳракіянинъ, я не могу понимать его, а другой—языка другаго. У неба же, дня и ночи—не то, но голосъ ихъ таковъ, что онъ слышенъ, понятенъ и ясенъ для всякаго языка, всякаго нарѣчія, всякаго народа. Посему Пророкъ сказавъ, что *небеса повѣдаютъ славу Божію*, *и день дни отрыгаетъ глаголъ*, прибавилъ: *не суть рѣчи*, *ниже словеса*, *ихже не слышатся гласи ихъ*. Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: такое имѣютъ нарѣчіе, такой имѣютъ голосъ

день, ночь, небо и всѣ твари, что всѣмъ *рѣчамъ*, т. е. всѣмъ языкамъ, всѣмъ народамъ понятенъ голосъ ихъ. Нѣтъ *рѣчи*, говоритъ, т. е. нѣтъ народа, нѣтъ языка, на которомъ бы не былъ понятенъ голосъ неба; но и скиѳъ, и ѳракіянинъ, и мавръ, и индіецъ, и савроматъ, и всякое нарѣчіе, всякой языкъ, всякой народъ, можетъ понимать этотъ голосъ. Какъ и какимъ образомъ? Теперь выслушай это, чтобы тебѣ узнать, какъ небо говоритъ молча. Когда ты увидишь его красоту, величіе, положеніе, постоянство, блескъ, и размысливъ о всемъ этомъ въ самомъ себѣ, прославишь Создателя, восхвалишь Творца, тогда небо издало голосъ и вознесло хвалу Богу посредствомъ твоего языка. Таковъ смыслъ словъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію*. Какъ и какимъ образомъ? Располагая зрителя красотою своего блеска—удивляться Создателю. Ибо, когда ты, увидѣвъ такое созданіе, скажешь: слава Тебѣ, Боже! — какое великое тѣло Ты создалъ и поставилъ въ срединѣ!—тогда небеса воздали эту славу, пользуясь твоимъ языкомъ и возбуждая удивленіе посредствомъ зрѣнія. Такъ они молча возносятъ славу Богу и этотъ голосъ слышатъ всѣ. Не посредствомъ слуха можно познавать это, а посредствомъ зрѣнія и созерцанія; зрѣніе же у всѣхъ одно, хотя языки бываютъ различные и варварскіе; посему и скиѳы, и ѳракіяне, и мавры, и индійцы слышатъ этотъ голосъ, т. е., взирая на такое чудо, поражаясь красотою, блескомъ, величіемъ и всѣмъ прочимъ, что̀ есть

на небѣ, и здравомыслящіе возносятъ славу Создателю. Тоже надобно сказать и о днѣ и о ночи. Какъ небо, возбуждая въ зрителѣ удивленіе своею красотою, положеніемъ, величіемъ, блескомъ, постоянствомъ, пользою, дѣятельностію и всѣмъ прочимъ, располагаетъ его прославлять Создателя; такъ и ночь и день. Ибо, когда ты замѣтишь стройный порядокъ этихъ временъ, какъ день, исполнивъ свою мѣру, не усиливается изгнать ночь изъ собственныхъ ея предѣловъ, не показываетъ никакого любостяжанія и, хотя онъ свѣтлѣе ея, не старается занять все время, но отступаетъ; равнымъ образомъ и ночь, совершивъ свое теченіе, уступаетъ мѣсто дню, и это совершается въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, безъ всякаго смѣшенія и смятенія, и послѣдняя не прогнала перваго и первый не отнялъ ничего у послѣдней, хотя одинъ свѣтлѣе, а другая темнѣе; тогда опять, удивляясь стройному порядку, не воздашь ли ты славы Богу? Какъ сестра съ братомъ, любящіе другъ друга, раздѣляя отцовское наслѣдство мѣрою и вѣсомъ, ни малѣйшей части не отнимаютъ другъ отъ друга; такъ точно ночь и день, раздѣливъ между собою все время, соблюдаютъ такое равенство, не отнимая другъ отъ друга ни малѣйшей части, какъ вы знаете по самому опыту. Пусть выслушаютъ это любостяжатели и лишающіе братьевъ наслѣдства; пусть они постыдятся стройнаго порядка временъ, согласія ночи и дня, и исцѣлятся отъ своей болѣзни. Такимъ образомъ *день дни отрыгаетъ*

глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ, не издавая голоса, но своимъ порядкомъ, стройностію, равенствомъ и безпрепятственною соразмѣрностію громче трубы возвѣщая Создателя не въ одномъ какомъ-нибудь углу вселенной, но вездѣ, гдѣ только солнце освѣщаетъ землю. Ибо эти звуки раздаются по всей вселенной, такъ какъ вездѣ небо, вездѣ день, вездѣ ночь; и наставленіе свое простираютъ они по землѣ и по морю. Посему Пророкъ не сказалъ просто: небеса возвѣщаютъ славу Божію, но: *повѣдаютъ*, т. е. научаютъ и другихъ, имѣютъ учениками своими родъ человѣческій и распростерты на виду, какъ величайшее училище, вмѣсто книгъ и буквъ предлагая и простымъ и мудрымъ и всѣмъ созерцать красоту ихъ природы, преподавая заключающееся въ нихъ самихъ, какбы въ книгѣ, ученіе о премудрости и силѣ Божіей. Такъ и люди не только словами, но и молча прославляютъ Бога чрезъ другихъ; посему и Христосъ говорилъ: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мат. 5, 16). Какъ кто-нибудь, видя свѣтлую жизнь другаго, хотя бы самъ живущій и молчалъ, воздаетъ славу Богу; такъ точно и взирая на красоту неба прославляютъ Творца. Посему Пророкъ и сказалъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію*, — чрезъ зрителей;—*день дни отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ*. Какой *разумъ*? Разумѣніе о Творцѣ. Какъ день выводитъ

человѣка на дѣла, такъ послѣдующая ночь доставляетъ ему отдыхъ отъ множества трудовъ, избавляетъ отъ заботъ и, успокоивая утомленныя вѣжди и сжимая рѣсницы, приготовляетъ его опять встрѣтить солнечные лучи съ свѣжими силами. Такъ и ночь доставляетъ человѣку не малую, но весьма великую пользу. Если бы она не доставляла человѣку отдыха отъ множества трудовъ, преемствуя дню, то не доставлялъ бы ему никакой пользы и день, который выводитъ его на дѣла; потому что при изнеможеніи естества его отъ постояннаго труда, это животное заболѣло бы и погибло бы и не было бы ему никакой пользы отъ солнечныхъ лучей. Посему, дѣлая день полезнымъ для человѣка, она своимъ служеніемъ особенно и руководитъ пользующагося ея теченіемъ къ познанію Бога. Такимъ образомъ, когда кто размыслитъ, какая польза отъ дня и какая—отъ ночи, какъ они смѣняютъ другъ друга, какбы въ хороводѣ, и поперемѣнно сохраняютъ родъ нашъ; тогда, хотя бы онъ былъ тупѣйшимъ изъ всѣхъ людей, можетъ собственнымъ размышленіемъ познать премудрость превосходнаго Художника — Бога, которую Онъ явилъ посредствомъ дня и ночи, назначивъ намъ первый для дѣятельности, а послѣднюю для отдыха отъ трудовъ.

3. О всемъ этомъ мы стали говорить съ самаго начала; но такъ какъ, можетъ быть, нѣчто изъ читаннаго намъ сегодня смущаетъ многихъ изъ невнимательныхъ и неопытныхъ въ Писаніяхъ, то теперь съ великою поспѣшностію

обратимся и къ этому. Читано было о кровоточивой женѣ, которая прикосновенiемъ (къ одеждѣ Христовой) остановила потоки крови и силою вѣры похитила такое сокровище. Подлинно, дѣйствiе ея было похищенiемъ, но похищенiемъ похвальнымъ, и похитившая послѣ обличенія была одобрена; самъ Іисусъ, у котораго было похищено, похвалилъ эту жену (Мат. 9, 20—22). Также читано было о страданiяхъ Павла, о ранахъ, темницахъ, преданiяхъ на судъ, кораблекрушенiяхъ, узахъ, цѣпяхъ, разнообразныхъ и постоянныхъ козняхъ противъ него, ежедневныхъ смертельныхъ опасностяхъ, голодѣ, жаждѣ, наготѣ, заговорахъ на него ежедневныхъ. Но что я дѣлаю? Нужно бѣжать съ великою поспѣшностiю, чтобы опять Павелъ не задержалъ и не отклонилъ меня отъ предмета. Вы знаете, какъ часто меня, идущаго и обратившагося въ другую сторону, онъ удерживалъ среди рѣчи, и удерживалъ такъ, что я принужденъ былъ оканчивать на немъ свою бесѣду. Посему, чтобы и сегодня не случилось съ нами того же, съ великою поспѣшностiю набросимъ какбы узду на увлекаемое туда слово, и такимъ образомъ отвлечемъ его и приведемъ къ пророческому изреченiю. Какое же это изреченiе? *Азъ Господь устроивый свѣтъ и сотворивый тму, творяй миръ и зиждяй злая.* Видите, какъ не напрасно и не безъ причины мы обратились къ этому мѣсту и, оставивъ все другое, стремились придти сюда. Эти слова могутъ произвести великое смущенiе въ

человѣкѣ невнимательномъ. Пробудитесь же, напрягайте слухъ и, оставивъ всѣ житейскія заботы, внимайте словамъ моимъ. Сегодня я хочу вознаградить васъ за ваше присутствіе здѣсь, и отпустить, насытивъ духовною пищею, такъ чтобы отсутствовавшіе на самомъ дѣлѣ узнали, какую понесли они потерю; а узнаютъ они тогда, когда вы, со вниманіемъ принявъ сказанное, будете въ состояніи передать и имъ. *Азъ Господь Богъ устроивый свѣтъ и сотворивый тму, творяй миръ и зиждяй злая.* Я часто повторяю одно и тоже, чтобы напечатлѣть это въ вашемъ умѣ и потомъ предложить разрѣшеніе. Не одинъ этотъ Пророкъ говоритъ такъ, но и другой, выражаясь согласно съ нимъ, сказалъ: *или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори* (Амос. 3, 6)? Что же значатъ эти слова? На всѣ подобныя мѣста нужно предложить одно разрѣшеніе. Какое же разрѣшеніе? Мы получимъ его, если вникнемъ въ силу этихъ изреченій. Но слушайте со вниманіемъ; мы не напрасно и не безъ причины напоминаемъ вамъ объ этомъ, но потому, что наконецъ приближаемся къ глубокимъ мыслямъ. Изъ всѣхъ предметовъ одни — добро, другіе — зло, а третьи — нѣчто среднее; изъ нихъ нѣкоторые многимъ кажутся зломъ, а на самомъ дѣлѣ не таковы, но только такъ называются и считаются. Впрочемъ, чтобы яснѣе представить то, о чемъ я говорю, объяснимъ сказанное примѣрами. Бѣдность для многихъ кажется зломъ, но на самомъ дѣлѣ она не такова, а напротивъ, если кто вни-

мателенъ и любомудръ, она служитъ даже къ истребленію зла. Богатство для многихъ кажется добромъ, но на самомъ дѣлѣ оно не прямо добро, если кто не будетъ пользоваться имъ, какъ должно. Если бы богатство было прямо добромъ, то и владѣющіе имъ должны бы быть добрыми; но если не всѣ богатые добродѣтельны, а только тѣ, которые хорошо пользуются богатствомъ, то очевидно, что богатство само по себѣ есть не прямо добро, но нѣкоторое средство къ добродѣтели и занимаетъ среднее мѣсто. Посмотри: въ тѣлѣ бываютъ свойства, по которымъ и называются тѣ, кто имѣетъ ихъ; напримѣръ, бѣлизна есть не сущность, но свойство и случайная принадлежность сущности; и кому она принадлежитъ, того мы называемъ бѣлымъ. Также болѣзнь есть нѣкоторое свойство и случайная принадлежность; и кому принадлежитъ она, того мы называемъ больнымъ. Посему, если бы и богатство было добродѣтелію, то владѣющій богатствомъ долженъ бы быть и называться добродѣтельнымъ; если же богатый не всегда бываетъ добродѣтельнымъ, то и богатство не есть добродѣтель или прямо добро, а бываетъ такимъ по душевному настроенію того, кто пользуется имъ. Также, если бы бѣдность была зломъ, то всѣ бѣдные должны бы быть злыми; если же многіе изъ бѣдныхъ достигли небесъ, то слѣдовательно бѣдность— не зло.

4. А что̀, если многіе богохульствуютъ отъ бѣдности? Не отъ бѣдности, но отъ собствен-

наго безумія и малодушія они дѣлаютъ это. Доказательствомъ тому служитъ блаженный Іовъ, который, находясь въ крайней бѣдности, бывъ низверженъ въ самую пропасть бѣдности, не только не богохульствовалъ, но продолжалъ благословлять Бога и говорилъ: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. 1, 21). И для богатства, скажешь, многіе дѣлаются хищниками и любостяжателями? Но не отъ богатства, а отъ собственнаго безумія; и свидѣтелемъ этому служитъ тотъ же мужъ, который при такомъ богатствѣ не только не похищалъ чужаго, но и свое раздавалъ, и сдѣлалъ у себя пристанище для странниковъ: *дверь моя*, говорилъ онъ, *всякому приходящему отверзста бѣ* (Іов. 31, 32). И Авраамъ, имѣя такое богатство, не жалѣлъ ничего для проходящихъ; и ни этого, ни того богатство не сдѣлало корыстолюбцемъ, равно какъ и бѣдность не сдѣлала ни Іова, ни Лазаря богохульникомъ; но оба они, не имѣя даже необходимаго пропитанія, прославились такъ, что одинъ получилъ свидѣтельство отъ Бога, вѣрно знающаго сокровенное; а другой отошелъ отсюда въ сопровожденіи ангеловъ, сдѣлался сожителемъ Праотца и удостоился такихъ же благъ, какъ и этотъ. Слѣдовательно, къ предметамъ среднимъ принадлежатъ бѣдность и богатство, здоровье и болѣзнь, жизнь и смерть, слава и честь, рабство и свобода и тому подобное. Нѣтъ нужды перечислять все, чтобы слиш-

комъ не распространить бесѣды, но, подавъ вамъ поводъ къ собственному размышленію, перейдти къ нужнѣйшему. *Даждь премудрому вину,* говоритъ Писаніе, *и премудрѣйшій будетъ* (Притч. 9, 9). И такъ всѣ эти предметы суть средніе, такъ что пользующіеся могутъ употреблять ихъ и на добро и на зло. А что они дѣйствительно средніе, какъ напр. богатство, это доказалъ Авраамъ, который пользовался имъ по надлежащему; доказалъ и жившій при Лазарѣ богачъ, который расточалъ свое имѣніе на погибель своей головы. Такимъ образомъ богатство прямо не есть ни добро, ни зло. Если бы оно было прямо добромъ, а не чѣмъ-либо среднимъ, то жившій при Лазарѣ богачъ не былъ бы такъ наказанъ; если бы оно было зломъ, то Авраамъ не прославился бы такъ, бывши богатымъ. Также если бы болѣзнь была зломъ, то слѣдовало бы и имѣющему ее быть злымъ; слѣдовало бы поэтому быть злымъ и Тимоѳею, который страдалъ тяжкою болѣзнію: *мало вина пріемли,* говорилъ ему Апостолъ, *стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (I Тим. 5, 23). Если же онъ не только не былъ отъ этого злымъ, но и сдѣлалъ болѣзнь свою средствомъ къ увеличенію своей награды, мужественно переносивъ ее, то очевидно, что болѣзнь—не зло. И другой Пророкъ постоянно былъ болѣнъ глазами, и однако отъ этого не былъ злымъ, но и пророчествовалъ, и предвидѣлъ будущее, и болѣзнь не служила ни малѣйшимъ препятствіемъ къ добродѣтели.

И здоровье не есть прямо добро, если кто употребляетъ его не по надлежащему, а на худыя дѣла, или на безполезное бездѣйствіе; ибо и это не безъ вины. Посему и Павелъ говорилъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10). Все это—среднее, и смотря по людямъ пользующимся бываетъ иногда тѣмъ, а иногда другимъ. Но для чего говорить о здоровьѣ и болѣзни, богатствѣ и бѣдности? Даже то самое, что для многихъ представляется главою благъ и верхомъ золъ, именно, жизнь и смерть, и онѣ не прямо таковы; но также принадлежатъ къ предметамъ среднимъ, которые могутъ быть и тѣмъ и другимъ по душевному настроенію пользующихся ими. Напримѣръ, жизнь—добро, когда пользующійся ею употребляетъ ее по надлежащему, а когда онъ употребляетъ ее на грѣхи и беззаконія, то она уже не добро, но лучше такому умереть. И наоборотъ то, чего по мнѣнію многихъ нужно избѣгать, можетъ доставить безчисленныя блага, когда будетъ къ тому надлежащая причина. Это доказываютъ мученики, которые за смерть сдѣлались блаженнѣе всѣхъ. Посему и Павелъ желалъ не просто жить со Христомъ, но потому, что это было для него *плодомъ дѣла. Что изволю*, говорилъ онъ, *не вѣмъ: обдержимъ же есмь отъ обою, желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти, много паче лучше: а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Фил. 1, 22—24). Потому и Пророкъ говоритъ: *честна предъ Гос-*

подемъ смерть преподобныхъ Его, не просто смерть, но такая смерть (Псал. 115, 6); и въ другомъ мѣстѣ: *смерть грѣшниковъ люта* (Пс. 33, 22). Видишь ли, что и это есть нѣчто среднее, не прямо добро и не прямо зло, а смотря по настроенію испытывающихъ это. Посему и премудрый Соломонъ, считая полезнымъ среднее между тѣмъ и другимъ, любомудрствуя объ нихъ и показывая, что не прямо первая есть добро, а послѣдняя зло, но и эта бываетъ добромъ въ надлежащее время, хотя она и кажется тяжкою, когда бываетъ не въ надлежащее время, говоритъ: *время плакати, и время смѣятися: время раждатися, и время умирати* (Екк. 3, 2—4). И радоваться не всегда полезно, но иногда бываетъ вредно; и скорбѣть не всегда полезно, а бываетъ иногда смертоносно и гибельно. Доказывая это самое, опять Павелъ говоритъ: *печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ: а сего міра печаль смерть содѣловаетъ* (2 Кор. 7, 10).

5. Видишь ли, что и это принадлежитъ къ предметамъ среднимъ? Посему и противоположное этому принадлежитъ къ предметамъ среднимъ, т. е. радость. Потому Апостолъ и заповѣдалъ не просто радоваться, но радоваться *о Господѣ* (Фил. 4, 4). Впрочемъ уже довольно мы объяснили предметы средніе, если только слушатели были внимательны; теперь нужно перейдти не къ среднимъ, но къ добрымъ, которые не могутъ быть злыми, и къ злымъ, кото-

рые не могутъ быть добрыми. Всѣ вышесказанные предметы могутъ быть и тѣмъ и другимъ, какъ напр. богатство бываетъ иногда зломъ, когда служитъ къ любостяжанію, а иногда добромъ, когда употребляется на милостыню, и все прочее такимъ же образомъ. Но есть предметы, которые никогда не могутъ быть зломъ, а противоположные имъ всегда бываютъ зломъ, и никогда не могутъ быть добромъ; таковы: нечестіе, богохульство, развратъ, жестокость, безчеловѣчіе, чревоугодіе, и тому подобное. Я говорю не то, будто человѣкъ злой никогда не можетъ сдѣлаться добрымъ, и добрый никогда не можетъ сдѣлаться злымъ,—но то, что самые эти предметы не таковы; они всегда остаются одинаковыми, одни добрыми, другіе злыми; а человѣкъ, когда избираетъ первые, то бываетъ добрымъ, а когда—противоположные имъ, то—злымъ. Итакъ предметы троякаго рода: одни—добро и не могутъ быть зломъ, какъ напр. цѣломудріе, милостыня и тому подобное; другіе—зло и никогда не могутъ быть добромъ, какъ напр. развратъ, безчеловѣчіе, жестокость; третьи бываютъ иногда тѣмъ, иногда другимъ, смотря по настроенію пользующихся ими. Богатство иногда служитъ къ любостяжанію, иногда употребляется на милостыню; но это зависитъ отъ настроенія пользующихся имъ. Бѣдность бываетъ поводомъ иногда къ богохульству, иногда къ словословію и любомудрію. Посему,—ибо надобно теперь приступить къ разрѣшенію,—такъ какъ многіе изъ безразсудныхъ

называютъ зломъ не только дѣйствительное зло, которое никогда не можетъ быть добромъ, но и нѣкоторые изъ среднихъ предметовъ, напр. бѣдность, плѣнъ, рабство, которые составляютъ, какъ мы показали, не зло, а нѣчто среднее; такъ какъ многіе, какъ я выше сказалъ, называютъ это зломъ, тогда какъ оно не есть зло; то Пророкъ и говоритъ объ этихъ предметахъ, которые многими считаются и называются зломъ, но на самомъ дѣлѣ не зло,—о плѣнѣ, о рабствѣ, о голодѣ и тому подобномъ. А что они дѣйствительно не зло, но еще служатъ къ истребленію зла, мы напередъ представимъ голодъ, который для всѣхъ кажется страшнымъ и ужаснымъ. Узнай же, какъ онъ не есть зло, и научись любомудрствовать. Когда еврейскій народъ дошелъ до крайней степени нечестія; тогда Илія, по истинѣ великій и достойный небесъ, желая истребить болѣзнь нерадѣнія и излечить ее, сказалъ: *живъ Господь, Ему же предстою предъ Нимъ, аще будетъ дождь, точію отъ устъ словесе моего* (3 Цар. 17, 1); и тотъ, кто имѣлъ одну только милоть, заключилъ небо; такое онъ имѣлъ дерзновеніе предъ Богомъ! Видишь ли, что бѣдность не зло? Иначе бѣднѣйшій изъ всѣхъ людей, живя на землѣ, не имѣлъ бы дерзновенія—показывать такую силу однимъ только словомъ. Сказавъ это, онъ навелъ голодъ, какъ превосходнаго учителя и истребителя бывшихъ золъ; и подобно какъ бываетъ съ тѣломъ, подвергшимся сильной горячкѣ, самыя жилы земли высохли, источники и растенія оскудѣли, и

нѣдра земли сдѣлались безплодными. Тогда народъ получилъ немалую пользу: былъ удержанъ отъ стремленія къ нечестію, былъ обузданъ и сталъ болѣе послушнымъ и покорнымъ Пророку. Ибо тѣ, которые прибѣгали къ идоламъ и дѣтей своихъ закалали въ жертву бѣсамъ, при избіеніи столь многихъ жрецовъ Вааловыхъ не негодовали и не роптали, но переносили бывшее въ молчаніи и страхѣ, сдѣлавшись лучшими отъ голода.

6. Видишь ли, что голодъ не только не есть зло, но еще истребляетъ зло, изцѣляя болѣзни подобно лекарству? Если хочешь видѣть, что и самый плѣнъ не есть зло, то представь, каковы были іудеи прежде плѣна, и какими были во время плѣна, и узнаешь, что ни свобода не есть прямо добро, ни плѣнъ—зло; ибо, когда они пользовались свободою и имѣли собственное отечество, то дѣлали такія дѣла, что пророки каждый день обличали ихъ за преступленіе законовъ, за поклоненіе идоламъ, за нарушеніе заповѣдей Божіихъ; а когда они были отведены въ чужую землю и жили въ странѣ иноплеменниковъ, тогда такъ смирились, сдѣлались лучшими и соблюдали законъ, какъ можно видѣть изъ псалма, который необходимо теперь привести, чтобы вы узнали плоды плѣна. Какой же этотъ псаломъ? *На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона. На вербіихъ посредѣ его обѣсихомъ органы наша. Яко тамо вопросиша ны плѣншіи насъ о слове-*

съхъ пѣсней, и ведшіи насъ о пѣніи: воспойте намъ отъ пѣсней Сіонскихъ. Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей (Псал. 136, 1—4)? Видишь ли, какъ плѣнъ смирилъ ихъ? До него они не слушались и пророковъ, внушавшихъ не преступать закона; а послѣ него, не смотря на требованіе иноплеменниковъ, на побужденіе и принужденіе властителей — преступить законъ, они не соглашались, но говорили: *не воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей*, когда законъ не позволяетъ этого. Посмотри и на трехъ отроковъ: они не только не потерпѣли никакого вреда отъ плѣна, но еще сдѣлались отъ него болѣе славными, равно какъ и Даніилъ. А Іосифъ какое потерпѣлъ зло, сдѣлавшись странникомъ, рабомъ и узникомъ? Не по этому ли только онъ возвысился и прославился? А та иноплеменная жена, жившая въ богатствѣ, великолѣпіи и свободѣ, какую получила отъ этого пользу? Не была ли она несчастнѣе всѣхъ потому, что не хотѣла пользоваться этимъ, какъ должно? Итакъ мы ясно показали, что́ добро, что́ — зло, и что́ — среднее между ними; также объяснили, что Пророкъ говоритъ о предметахъ среднихъ, которые—не дѣйствительное зло, а только кажутся такими для многихъ, о плѣнѣ, рабствѣ, ссылкѣ. А для чего это сказано, нужно показать. Человѣколюбивый Богъ, скорый на милость и медленный на наказаніе и мученіе, не желая предавать іудеевъ наказаніямъ, посылалъ къ нимъ пророковъ, чтобы устрашать ихъ словами и не

наказывать самымъ дѣломъ, какъ Онъ поступилъ и съ ниневитянами. Тамъ Онъ угрожалъ тогда истребить городъ не для того, чтобы истребить его, но чтобы не истребить его, какъ дѣйствительно и случилось. Тоже Онъ дѣлалъ тогда и съ іудеями, посылалъ пророковъ и угрожалъ нашествіемъ иноплеменниковъ, войнами, плѣномъ, рабствомъ, ссылкою, жизнію въ чужой землѣ. Какъ чадолюбивый отецъ, имѣющій упрямаго и нерадиваго сына, желая вразумить его, ищетъ ремней, грозитъ веревками и говоритъ: свяжу, высѣку, убью; и бываетъ страшнымъ на словахъ, чтобы такимъ образомъ обуздать пороки юноши; такъ точно и Богъ часто угрожалъ, желая страхомъ сдѣлать іудеевъ лучшими. Діаволъ, видя это и желая воспрепятствовать исправленію, происходившему отъ такой угрозы, посылалъ лжепророковъ, и тогда какъ пророки угрожали плѣномъ, рабствомъ, голодомъ, тѣ предсказывали противное, миръ, плодородіе, наслажденіе безчисленными благами. Посему, осуждая ихъ, пророки говорили: *миръ, миръ: и гдѣ есть миръ* (Іерем. 6, 14)? Кто занимается священнымъ Писаніемъ, тотъ знаетъ, какъ происходило все, что было у пророковъ съ лжепророками, ослаблявшими усердіе народа. Когда такимъ образомъ они разслабляли и развращали народъ, то Богъ говорилъ чрезъ пророковъ: *Азъ Богъ, творяй миръ и зиждяй злая* (Исаі. 45, 7). Какое же зло? То, о которомъ выше сказано: плѣнъ, рабство, и тому подобное, а не прелюбодѣяніе, распутство, любостяжа-

ніе и что-нибудь подобное. Посему и другой Пророкъ, когда говоритъ: *или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори*, разумѣетъ такое же зло, голодъ, болѣзни, посылаемыя отъ Бога раны (Амос. 3, 6). Такъ и Христосъ, когда говоритъ: *довлѣетъ дневи злоба его*, разумѣетъ труды, утомленіе, изнуреніе (Мат. 6, 34).

7. Итакъ Пророкъ говоритъ слѣдующее: пусть не развращаютъ васъ лжепророки; Богъ можетъ даровать вамъ миръ и отдать васъ въ плѣнъ. Это и значитъ: *творяй миръ и зиждяй злая*. Но дабы ты убѣдился, что это справедливо, разсмотримъ обстоятельно самыя выраженія. Сказавъ выше: *Азъ устроивый свѣтъ и сотворивый тму*, Онъ потомъ прибавилъ: *творяй миръ и зиждяй злая*. И выше Онъ представилъ два противоположные предмета, и за тѣмъ—два противоположные предмета, дабы ты зналъ, что Онъ говоритъ не о прелюбодѣяніи, но о несчастіяхъ. Ибо что противоположно миру? Очевидно — плѣнъ, а не распутство, не прелюбодѣяніе, не любостяжаніе. Какъ выше онъ представилъ два противоположные предмета, такъ точно и здѣсь; а миру противоположны не прелюбодѣяніе, не блудъ, не распутство и прочіе пороки, а плѣнъ и рабство. Но на людей какое впечатлѣніе производятъ стихіи, такое же и обстоятельства. Напримѣръ: Богъ сотворилъ какъ свѣтъ, такъ и тьму; и однако для многихъ свѣтъ кажется пріятнымъ, а тьма непріятною, и они порицаютъ ночь, какъ нѣчто

дурное; такъ точно поступаютъ они и съ обстоятельствами. Между тѣмъ не должно порицать ни ночи, ни тьмы, ни рабства одного, ни плѣна. Ибо, скажи мнѣ, что худаго заключаетъ въ себѣ тьма? Не доставляетъ ли она отдыха отъ трудовъ, успокоенія отъ заботъ, утоленія печали, возстановленія силъ? Если бы не было тьмы и ночи, то наслаждались ли бы мы когда-нибудь свѣтомъ? Не растроилось ли бы и погибло это животное — человѣкъ? И какъ тьма для неразумныхъ кажется зломъ, и однако не есть зло, но доставляетъ намъ пользу и днемъ, дѣлая насъ болѣе способными послѣ отдыха къ дневнымъ трудамъ; такъ не есть зло и плѣнъ, о которомъ Пророкъ говоритъ въ словахъ: *творяй миръ и зиждяй злая*, но онъ весьма полезенъ для тѣхъ, кто пользуется имъ, какъ должно; онъ дѣлаетъ ихъ болѣе благоразумными и послушными, истребляя гордость. Добродѣтель не подвергается рабству и ничто не можетъ преодолѣть ея, ни рабство, ни плѣнъ, ни бѣдность, ни болѣзнь, ни самая смерть, которая сильнѣе всего. Доказательствомъ служатъ всѣ тѣ, которые перенесли все это и сдѣлались отъ того еще болѣе славными. Какой вредъ потерпѣлъ Іосифъ отъ рабства,—ничто не препятствуетъ опять указать на тогоже мужа, — какой отъ заключенія, какой отъ узъ, какой отъ клеветы, какой отъ козней, какой отъ жизни въ чужой землѣ? Какой вредъ потерпѣлъ Іовъ отъ истребленія воловъ и стадъ, отъ насильственной и преждевременной смерти дѣтей, отъ пораженія тѣла, отъ

источниковъ червей, отъ невыносимой скорби, отъ сидѣнія на гноищѣ, отъ навѣтовъ жены, отъ укоризнъ друзей, отъ порицанія рабовъ? Какой вредъ потерпѣлъ Лазарь отъ того, что лежалъ при воротахъ, былъ облизываемъ языками собакъ, отъ постояннаго голода, отъ презрѣнія богача, отъ ранъ, отъ невыносимой боли, отъ недостатка покровителей, отъ презрѣнія со стороны тѣхъ, которые могли бы подать ему помощь? Или какой вредъ потерпѣлъ Павелъ отъ множества темницъ, истязаній, смертей, потопленій и прочихъ искушеній, которыхъ невозможно исчислить словомъ? Размышляя обо всемъ этомъ, будемъ избѣгать порока и слѣдовать добродѣтели; будемъ молиться, чтобы намъ не впасть въ искушеніе; а если когда впадемъ, то не будемъ падать духомъ и унывать; потому что это—оружіе добродѣтели для тѣхъ, которые пользуются имъ, какъ должно, и мы будемъ въ состояніи чрезъ все прославиться, если будемъ внимательны, и достигнуть вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА
НА СЛОВА ПРОРОКА ІЕРЕМІИ:

Господи, нѣсть человѣку путь его, ниже мужъ пойдетъ, и исправитъ шествіе свое (Іер. 10, 23).

1. Какъ на вещественномъ и проходимомъ пути одни мѣста бываютъ ровны и удобны, а другія трудны и неудобны, такъ и въ божественныхъ Писаніяхъ одни мѣста сами по себѣ удобопонятны для всѣхъ, а другія требуютъ большаго изслѣдованія и труда. Когда мы идемъ по пути ровному и удобному, тогда намъ не нужна великая осторожность, а когда идемъ по пути наклонному, узкому, простирающемуся до самой вершины горы и съ обѣихъ сторонъ ограниченному пропастями, тогда намъ нужна душа бодрая и осторожная; потому что трудность мѣстности не позволяетъ быть безпечнымъ; ибо здѣсь, если кто хотя и немного засмотрится и только одна нога поскользнется, все тѣло падаетъ въ пропасть; и если онъ посмотритъ внизъ въ пропасть, то испытываетъ головокруженіе и низвергается. Такъ и въ божественныхъ Писаніяхъ одни мѣста легки и удобны для разумѣнія

и могутъ быть проходимы безъ труда, а другія трудны, не удобны и не такъ легко могутъ быть проходимы. Посему всѣмъ должно бодрствовать и быть внимательными, когда мы проходимъ такія мѣста, чтобы намъ не подвергнуться крайней опасности. Для того и мы иногда упражняемъ васъ мѣстами легкими, а иногда ведемъ къ труднѣйшимъ, чтобы и дать вамъ отдыхъ отъ труда и истребить безпечность. Какъ занимающіеся постоянно легкими дѣлами становятся лѣнивыми; такъ принуждаемые постоянно къ дѣламъ тяжелымъ, изнуряются отъ труда; посему нужно разнообразить виды ученія и сообщать иногда то, иногда другое, чтобы умъ нашъ не разслабѣлъ чрезмѣрно, а съ другой стороны отъ излишняго напряженія не разсторгся и не отказался отъ труда. Потому мы, недавно бесѣдовавъ съ вами о Павлѣ и Петрѣ и бывшемъ между ними преніи въ Антіохіи, и показавъ вамъ, что кажущееся несогласіе ихъ было полезнѣе всякаго мира, вели васъ по пути наклонному и трудному; но когда замѣтили вашу усталость, то въ слѣдующій день перешли къ другому, легчайшему предмету, говорили въ похвалу блаженнаго Евстаѳія, а послѣ него воздавали хвалу славному мученику Роману, при чемъ было у насъ блистательное зрѣлище, великое рукоплесканіе и много восклицаній. Какъ человѣкъ утомленный, пришедши на лугъ, радуется и восторгается, не видя здѣсь никакого труда и изнуренія, но наслаждаясь отдыхомъ, пріятностію и великимъ душевнымъ спокойствіемъ; такъ и

вы у меня были тогда въ подобномъ состояніи; ибо послѣ трудовъ и затрудненій при слушаніи о томъ предметѣ перешедши къ похваламъ мученикамъ, какбы на лугъ, вы съ великимъ спокойствіемъ исполнились радости. Тогда не было ни возраженій, ни опроверженій, ни нападеній, ни отступленій, но безъ всякаго препятствія рѣчь текла сама собою легко, непринужденно и свободно. Потому она и была блистательна и торжественна и удостоилась многихъ похвалъ. Ибо, когда умъ слушателей легко слѣдуетъ за бесѣдою, тогда онъ, исполняясь великаго удовольствія, скорѣе располагается къ похвалѣ говорящему. Посему, такъ какъ мы дали вамъ достаточно отдохнуть въ эти дни, не предлагая вашей любви ничего труднаго и тяжелаго, то сегодня опять обратимъ васъ къ прежнему упражненію, поведемъ васъ къ мѣстамъ Писаній труднѣйшимъ и требующимъ великаго вниманія, не для того, чтобы утомить васъ трудомъ, но чтобы упражненіемъ сдѣлать васъ способными проходить и эти мѣста съ безопасностію. И какъ тогда сначала представлялось нѣкоторое несогласіе и прѣніе между апостолами, а когда мы поднялись выше этихъ скалъ, то вверху увидѣли плоды Духа: любовь, радость, миръ (Гал. 5, 22), и трудъ нашъ не былъ напрасенъ и излишенъ, но окончился радостію; такъ и сегодня по молитвамъ вашимъ я надѣюсь, что, если съ усердіемъ и великимъ терпѣніемъ мы совершимъ предстоящій намъ путь и будемъ въ состояніи достигнуть самой вершины, то найдемъ

тамъ все ровнымъ, легкимъ и удобнымъ. Что же предстоитъ намъ теперь? Читанное сегодня изъ Пророка: *Господи, нѣсть человѣку путь его, ниже мужъ пойдетъ, и исправитъ шествіе свое.* Вотъ предметъ для изслѣдованія; вы же, какъ тогда показали усердіе, такъ и теперь будьте внимательны; этотъ предметъ не меньше того, но требуетъ еще бóльшаго вниманія. Почему? Потому, что кажущееся несогласіе между Павломъ и Петромъ, которое впрочемъ не есть несогласіе, было извѣстно немногимъ, и посему отъ незнанія о немъ не могло произойдти великаго вреда; а это изреченіе повторяется вездѣ, въ домахъ, на площадяхъ, въ селахъ, въ городахъ, на сушѣ, на морѣ, на островахъ, и куда ни пойдешь, вездѣ услышишь многихъ, которые говорятъ: написано: *нѣсть человѣку путь его;* и не только это повторяютъ изреченіе, но прибавляютъ къ нему и другія подобныя, именно: *ни хотящаго, ни текущаго* (Римл. 9, 16); и кромѣ того еще: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи* (Пс. 126, 1). Это дѣлаютъ они для того, чтобы прикрыть божественными Писаніями собственное нерадѣніе и чтобы такими словами лишить насъ спасенія и надежды. Ибо этимъ они хотятъ доказать не что иное, какъ то, что нѣтъ ничего въ нашей власти. Все наше погибаетъ; напрасно обѣщаніе царства, напрасна угроза геенною, напрасны законы, наказанія, воздаянія, совѣты.

2. Ибо для чего увѣщавать того, кто ни въ

чемъ не властенъ? Для чего обѣщать тому, кто лишенъ всякой власти? Какъ совершившій добрыя дѣла не достоинъ похвалы, такъ и согрѣшившій не подлежитъ наказанію и мученію, если дѣла не зависятъ отъ насъ. Но когда люди будутъ имѣть такое убѣжденіе, то послѣ этого уже никто не станетъ ни держаться добродѣтели, ни удаляться отъ порока. Ибо если теперь, когда мы каждый день возвѣщаемъ о геенне, бесѣдуемъ о царствѣ, представляемъ невыносимыя мученія и превышающія умъ человѣческій награды, совѣтуемъ, увѣщаваемъ, употребляемъ всѣ способы убѣжденія,—едва только нѣкоторые рѣшаются на подвиги добродѣтели, едва отстаютъ отъ грѣховныхъ удовольствій; то, когда отсѣчешь и этотъ священный якорь, не потонетъ ли весь корабль, не погибнутъ ли всѣ, совершенно погрузившись въ волнахъ, не будетъ ли ежедневно множества кораблекрушеній? Ни о чемъ, подлинно ни о чемъ такъ не старается діаволъ, какъ убѣдить душу человѣческую въ томъ, что она ни за грѣхи не подлежитъ наказанію, ни за добрыя дѣла не достойна похвалъ и вѣнцовъ, дабы и у ревностныхъ ослабить руки и охладить усердіе, и въ безпечныхъ усилить малодушіе и увеличить нерадѣніе. Посему нужно внимательно слушать то, что говорится; будетъ пропасть и бездна съ обѣихъ сторонъ, если мы станемъ читать это изреченіе безъ вниманія. Что же намъ сказать? Неужели Пророкъ сказалъ неправду? Но это не безопасно; Пророкъ не говоритъ неправды;

потому что онъ изрекаетъ глаголы Божіи. Итакъ Пророкъ не сказалъ неправды, и слѣдовательно дѣло не въ нашей власти? И дѣла наши— въ нашей власти, и Пророкъ не сказалъ неправды; мы докажемъ и то и другое, если будете внимательны. Я для того и показалъ пропасть съ обѣихъ сторонъ, чтобы мы со вниманіемъ проходили предстоящій намъ путь. Мы изслѣдуемъ не только это изреченіе: *нѣсть человѣку путь его*, но и весь ходъ рѣчи,—о комъ оно сказано, кѣмъ, кому, для чего, когда и какъ. Ибо не достаточно сказать о чемъ-нибудь, что оно написано въ Писаніяхъ, и не должно прямо, выхватывая слова и отрывая члены отъ тѣла богодухновенныхъ Писаній, брать ихъ отдѣльно и безъ взаимной ихъ связи и произвольно и безотчетно искажать ихъ. Такимъ образомъ вошли въ нашу жизнь многія неправыя мнѣнія, по дѣйствію діавола, который научаетъ людей безпечныхъ превратно толковать заключающееся въ Писаніяхъ и, прибавляя или убавляя, помрачать истину. Посему не достаточно сказать о чемъ-нибудь, что оно написано въ Писаніи, но должно читать въ цѣлой связи рѣчи; потому что, если мы будемъ разрывать совокупность и связь изреченій между собою, то произойдутъ многія дурныя мнѣнія. Напр. въ Писаніи сказано: *нѣсть Богъ* (Пс. 13, 1); еще: *отврати лице свое, да не видитъ до конца* (Пс. 10, 32); и еще: *Богъ не взыщетъ* (Пс. 10, 34). Что же, скажи мнѣ, развѣ нѣтъ Бога? Развѣ Онъ не видитъ земныхъ дѣлъ? Кто

дерзнетъ сказать это, или выслушать? Между тѣмъ это написано въ Писаніи; но узнай, какъ написано. *Рече безуменъ*, говоритъ оно, *въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ.* Это — мысль и сужденіе не Писанія, но ума безумца; Писаніе высказало не свое мнѣніе, а передало мнѣніе другаго. И еще: *чесо ради*, говоритъ оно, *прогнѣва нечестивый Бога? Рече бо въ сердцѣ своемъ: не взыщетъ: отврати лице свое, да не видитъ до конца.* И здѣсь опять оно излагаетъ мысль и сужденіе человѣка нечестиваго и развращеннаго. Такъ и врачи имѣютъ обыкновеніе, бесѣдуя съ здоровыми, говорить о проступкахъ людей больныхъ и безумныхъ, чтобы сдѣлать первыхъ болѣе осторожными. Такъ какъ здоровье души есть благочестіе, а болѣзнь и крайній недугъ ея—невѣдѣніе о Богѣ, то Писаніе излагаетъ слово нечестивыхъ для того, чтобы мы не просто слушали, но и сами воздерживались. Оно говоритъ о томъ, чтѐ сказалъ безумный, чтобы ты сдѣлался благоразумнымъ и не допускалъ такихъ словъ; говоритъ о томъ, чтѐ сказалъ нечестивый, чтобы ты убѣгалъ нечестія. Притомъ не только должно не разрывать связи рѣчи, но и приводить изреченія Писаній въ цѣлости и ничего не прибавлять къ нимъ. Многіе повторяютъ и нѣкоторыя другія мѣста изъ Писаній, превратно толкуя ихъ. Написано, говорятъ: если ты разжигаешься, то женись. Но нигдѣ этого не написано такимъ образомъ; а какъ именно сказано, посмотри. *Глаголю же безбрачнымъ*

и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ. Аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися (1 Кор. 7, 8. 9). Развѣ не тоже самое, говорятъ, заключается въ словахъ: если ты разжигаешься, то женись? Если бы даже тоже самое значили слова: если ты разжигаешься, то женись,—и тогда не слѣдовало бы, отрывая ихъ, искажать цѣлое изреченіе Писанія и передавать мысли Писанія собственными словами; но здѣсь мы найдемъ и великое различіе. Когда ты просто говоришь: если разжигаешься, то женись; тогда даешь позволеніе всѣмъ рѣшившимся пребывать въ дѣвствѣ, въ случаѣ пробужденія похоти, нарушать завѣтъ съ Богомъ, перебѣгать въ брачное состояніе и забывать прежній обѣтъ.

3. Но когда ты узнаешь, кому говоритъ это Павелъ, именно, не всѣмъ вообще, но тѣмъ, которые еще не дали обѣтовъ, тогда ты можешь уничтожить такое вредное и гибельное позволеніе. *Глаголю,* говоритъ Апостолъ, *безбрачнымъ и вдовицамъ*, не давшимъ обѣтъ вдовства, но еще не рѣшившимся ни на то, ни на другое, а находящимся въ нѣкоторомъ среднемъ состояніи между тѣмъ и другимъ намѣреніемъ. Напримѣръ: если какая-нибудь жена лишилась мужа и еще не разсудила въ самой себѣ и не рѣшила, остаться ли ей во вдовствѣ, или вступить во второй бракъ,—такой, говоритъ онъ, я внушаю, что лучше оставаться такъ; если же она не можетъ переносить этого бремени, то

пусть вступаетъ въ бракъ; но тѣ, которыя уже опредѣлили себя и записались въ званіе вдовицъ и заключили завѣтъ съ Богомъ, уже не властны, говоритъ, вступать во второй бракъ. Посему и въ посланіи къ Тимоѳею онъ пишетъ о нихъ такъ: *юныхъ же вдовицъ отрицайся: егда бо разсвирѣпѣютъ противу Христа, посягати хотятъ, имущыя грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася* (1 Тим. 5, 11. 12). Видишь ли, какъ здѣсь онъ укоряетъ и наказываетъ ихъ и признаетъ достойными суда и осужденія за то, что онѣ нарушали завѣтъ съ Богомъ и измѣняли обѣту? Такимъ образомъ отсюда видно, что приведенное изреченіе относится не къ давшимъ обѣтъ. Посему должно не просто произносить его, но знать и тѣ лица, къ которымъ обращаются Писанія. Подобнымъ образомъ повторяютъ другое изреченіе, не искажая состава его, но прибавляя къ нему еще нѣчто не написанное. Ибо такова злоба діавола, что онъ или прибавленіемъ, или убавленіемъ, или извращеніемъ, или перетолкованіемъ вводитъ пагубныя мнѣнія. Какое же это изреченіе? *Мое сребро*, говоритъ Богъ, *и мое злато*, и, кому хочу, дамъ его (Агг. 2, 9). Здѣсь одно сказано, а другое не сказано въ Писаніи, но прибавлено отвнѣ. Слова: *мое сребро и мое злато*, сказалъ Пророкъ; а словъ: и, кому хочу, дамъ его,—у него нѣтъ, но они повторяются по невѣжеству многихъ. Какой же и отъ этого происходитъ вредъ? Многіе злодѣи, обманщики, развратники и такіе люди, которые не-

достойны даже видѣть это солнце, ни жить, ни дышать, наслаждаются великимъ благоденствіемъ, извращая все, расхищая домы вдовицъ, грабя сиротъ, обижая низшихъ. Посему діаволъ, желая убѣдить людей, что всякое богатство происходитъ свыше и дается отъ Бога, дабы чрезъ это произнести великую хулу на Господа, взялъ изъ Писанія изреченіе: *мое сребро и мое злато*, и прибавилъ къ нему другое, котораго нѣтъ въ Писаніи: и кому хочу, дамъ его. Не такъ говоритъ пророкъ Аггей. Когда іудеи возвратились изъ земли иноплеменниковъ и хотѣли возстановить храмъ и привести его въ прежнее благолѣпіе, но затруднялись, потому что были окружены врагами, находились въ великой бѣдности и не видѣли ни откуда никакой помощи; тогда Пророкъ, желая возбудить въ нихъ добрыя надежды и убѣдить, чтобы они не сомнѣвались въ окончаніи, говоритъ отъ лица Божія: *мое сребро и мое злато, и будетъ слава дому сего послѣдняя паче первыя* (Агг. 2, 9). Но, скажешь, какъ это относится къ предмету? Отсюда слѣдуетъ, что не должно приводить изреченія Писаній просто, не должно расторгать послѣдовательность и разрывать связь рѣчи и, выхватывая изреченія отдѣльно и безъ связи съ послѣдующими или предъидущими, безразсудно перетолковывать и извращать ихъ. Подлинно не безразсудно ли—въ судилищѣ, разсуждая о предметахъ житейскихъ, представлять всѣ основанія, указывать и на мѣсто, и на время, и на лица, и на причины, и на мно-

гое другое, а, когда у насъ идетъ дѣло о жизни вѣчной, приводить мѣста изъ Писаній просто и какъ случится? И царскій законъ никто не станетъ читать просто и какъ случится, но, если не скажетъ времени, не укажетъ на законодателя, не произнесетъ его въ подлинникѣ и въ цѣлости, то осуждается и подвергается крайнему наказанію; а мы, читая не человѣческій законъ, но принесенный свыше съ небесъ, будемъ позволять такую безпечность, чтобы разрывать его члены и части? Достойно ли это какого-нибудь оправданія и прощенія? Можетъ быть, я чрезмѣрно распространилъ рѣчь, но не напрасно, а для того, чтобы отклонить васъ отъ дурной привычки. Не будемъ же тяготиться, пока не дойдемъ до конца; мы созданы не для того, чтобы ѣсть, пить и одѣваться, а чтобы избѣгать порока и держаться добродѣтели, руководясь божественнымъ любомудріемъ. А что дѣйствительно мы созданы не для того, чтобы ѣсть и пить, но для другихъ, гораздо высшихъ и лучшихъ цѣлей, послушай самаго Бога, который представляетъ и причину, почему Онъ создалъ человѣка. Ибо, создавая его, Онъ сказалъ такъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26).

4. Но мы уподобляемся Богу не тогда, когда ѣдимъ, пьемъ и одѣваемся,—потому что Богъ не ѣстъ, ни пьетъ, ни одѣвается,—а тогда, когдо дѣлаемъ правду, показываемъ человѣколюбіе, бываемъ добрыми и кроткими, оказываемъ милосердіе къ ближнимъ, упражняемся во всякой

добродѣтели. Ѣсть и пить—это у насъ общее съ безсловесными животными и этимъ мы нисколько не лучше ихъ. Въ чемъ же наше преимущество? Въ томъ, что мы созданы по образу и по подобію Божію. Итакъ не будемъ тяготиться, бесѣдуя о добродѣтели, но, предложивъ пророческое изреченіе, тщательно изслѣдуемъ его и посмотримъ, кто высказалъ его, о комъ, когда, кому, въ какихъ обстоятельствахъ, и вообще разберемъ все, что можетъ послужить къ его объясненію. Высказалъ это пророкъ Іеремія, но не о себѣ, а молясь о другихъ, объ іудеяхъ неблагодарныхъ, безчувственныхъ, неисправимыхъ, достойныхъ осужденія и крайняго наказанія, о которыхъ Богъ говорилъ ему: *не молись о людехъ сихъ, яко не услышу тя* (Іер. 7, 16). Нѣкоторые утверждаютъ, что это сказано о Навуходоносорѣ. Когда этотъ иноплеменникъ вознамѣрился напасть на іудеевъ, уничтожить ихъ городъ, взять ихъ и отвести въ плѣнъ, тогда Пророкъ, желая убѣдить всѣхъ, что онъ овладѣетъ городомъ не собственною силою и могуществомъ, но за ихъ грѣхи, по попущенію Бога, который управляетъ войною и ведетъ его въ свой городъ, сказалъ: *вѣмъ, Господи, яко нѣсть человѣку путь его, ниже мужъ пойдетъ, и исправитъ шествіе свое.* Смыслъ словъ его слѣдующій: этотъ путь, по которому идетъ теперь непріятель, чтобы напасть на насъ, не отъ него, и не отъ него зависитъ эта война и побѣда, но, если бы Ты не предалъ насъ въ руки его, то

онъ не одолѣлъ бы насъ, не побѣдилъ бы. Посему, говоритъ, прошу и умоляю,—когда уже угодно Тебѣ,—совершить наказаніе не безъ мѣры: *накажи насъ, обаче въ судѣ, а не въ ярости* (Іер. 10, 24). Но такъ какъ нѣкоторые не соглашаются на это и утверждаютъ, что здѣсь говорится не объ иноплеменникѣ, а вообще о природѣ человѣческой, то необходимо отвѣчать и имъ. Что же сказать имъ? То, что Пророкъ молился за людей грѣшныхъ, за которыхъ молиться было часто запрещаемо; посему онъ напередъ заставляетъ плакать самый городъ. Такъ какъ Богъ часто говорилъ: *не молись о нихъ*, то онъ напередъ представляетъ городъ испрашивающимъ помилованія, чтобы отсюда получить нѣкоторый предлогъ и справедливый поводъ къ молитвѣ за нихъ предъ Богомъ, обращаетъ рѣчь къ городу и говоритъ: *горе въ сокрушеніи твоемъ, болѣзненна язва твоя;* потомъ и тотъ говоритъ: *воистину, сія болѣзнь моя есть, жилище мое погибе, кожи моя растерзашася, сыновъ моихъ и овецъ моихъ нѣсть, пастыри мои обуяша и Господа не взыскаша, гласъ слышанія грядетъ, и трусъ велій отъ земли сѣверныя, да положитъ грады Іудины въ запустѣніе и во обитаніе струфомъ* (Іерем. 10, 19—22). Далѣе, когда тотъ оплакалъ собственное несчастіе, онъ говоритъ: *Господи, нѣсть человѣку путь его*. Что же? Среди плача, скажешь, онъ ввелъ пагубное мнѣніе во вселенную, отнимая у насъ свободу и утверждая, что

дѣла не зависятъ отъ насъ? Нѣтъ; и среди плача онъ утверждаетъ противное. Ибо сказавъ: *нѣсть человѣку путь его,* онъ не замолчалъ, но прибавилъ: *ниже мужъ пойдетъ, и исправитъ шествіе свое.* Смыслъ словъ его слѣдующій: не все зависитъ отъ насъ, но иное—отъ насъ, а иное отъ Бога. Избирать лучшее, желать, стараться, предпринимать всякой трудъ,—это зависитъ отъ нашей воли; а доводить свои желанія до конца, не допускать паденій и достигать успѣха въ дѣлахъ, — это зависитъ отъ вышней благодати. Богъ раздѣлилъ съ нами добродѣтель, не все предоставилъ намъ, чтобы мы не возгордились, и не все взялъ на Себя, чтобы мы не впали въ безпечность, но, оставивъ немногое нашимъ трудамъ, большую часть совершаетъ Самъ. А что дѣйствительно, если бы все зависѣло отъ насъ, тогда многіе возгордились бы и предались бы высокомѣрію, послушаемъ, что̀ говорилъ фарисей, въ какую впалъ онъ гордость, какъ превозносился и ставилъ себя выше всей вселенной (Лук. 18). Посему Богъ сдѣлалъ, что не все зависитъ отъ насъ, но предоставилъ нѣчто и намъ, чтобы имѣть благовидный поводъ справедливо увѣнчать насъ. Тоже Онъ объяснилъ и тою притчею, въ которой говоритъ, что господинъ, нашедши людей въ одиннадцатый часъ, послалъ ихъ работать въ виноградникѣ (Матѳ. 20). Что могли они сдѣлать въ одиннадцатомъ часу? Но для Бога достаточно было и этого краткаго времени, чтобы дать имъ полную награду. А чтобы ты убѣ-

дился, что Пророкъ говоритъ истину и не отнимаетъ у насъ свободы, но любомудрствуетъ здѣсь объ окончаніи дѣлъ, выслушай дальнѣйшія слова его. Сказавъ: *нѣсть человѣку путь его*, онъ тотчасъ прибавляетъ: *накажи насъ Господи, обаче въ судѣ, а не въ ярости.* Если бы совершенно ничто не зависѣло отъ насъ, то напрасно онъ говорилъ бы: *накажи насъ, Господи, обаче въ судѣ.*

5. Подлинно, что можетъ быть несправедливѣе того, чтобы наказывались тѣ, которые не властны въ дѣлахъ своихъ, и подвергались осужденію люди, которыхъ путь и жизнь находится не въ ихъ власти? Такимъ образомъ, когда онъ является молящимъ Бога о томъ, чтобы наказаніе ихъ не было слишкомъ жестоко, то выражаетъ не что иное, какъ то, что они достойны осужденія и наказанія; а это показываетъ не что иное, какъ свободу ихъ воли. Ибо, если бы они не были властны въ дѣлахъ своихъ, то не нужно было бы и просить, чтобы они подверглись болѣе легкому наказанію, и даже совершенно наказывать ихъ; или лучше, не нужна была бы и просьба; потому что Богъ не имѣетъ нужды въ чьей-нибудь просьбѣ о томъ, чтобы Онъ не наказывалъ невинныхъ. Но что я говорю: Богъ, когда не дѣлаетъ этого и человѣкъ благоразумный? Итакъ, когда Пророкъ является просящимъ за іудеевъ, то очевидно, что онъ проситъ за грѣшниковъ; а грѣхъ бываетъ тогда, когда мы, имѣя власть не преступать закона, преступаемъ его. Изъ всего этого

видно, что наши добрыя дѣла зависятъ и отъ насъ и отъ Бога. Таково и слѣдующее изреченіе: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Римл. 9, 16). Для чего же, скажешь, мнѣ и стремиться, для чего хотѣть, если не все зависитъ отъ меня? Для того, чтобы хотѣніемъ и стремленіемъ привлечь помощь и благословеніе Божіе, дабы Онъ оказалъ содѣйствіе, простеръ свою руку и довелъ до конца. А если ты оставишь это и перестанешь хотѣть и стремиться, то и Богъ не простретъ своей руки, но отступитъ и Онъ. Откуда это извѣстно? Послушай, что̀ говоритъ Онъ Іерусалиму: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте? Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѳ. 23, 37. 38). Видишь ли, какъ и Богъ отступилъ за то, что они не хотѣли? Посему намъ нужно и хотѣть и стремиться, чтобы пріобрѣсть благоволеніе Божіе. Это и Пророкъ говоритъ, т. е. что успѣшное окончаніе дѣлъ зависитъ не отъ насъ, а отъ помощи Божіей, но избраніе зависитъ отъ насъ и отъ нашей воли. Итакъ, скажешь, если окончаніе дѣла зависитъ отъ помощи Божіей, то я, не окончивъ дѣла, не долженъ подлежать никакому обвиненію; ибо, когда я сдѣлаю все съ своей стороны, и покажу хотѣніе, и изберу, и приступлю къ дѣлу, но Тотъ, отъ Кого зависитъ окончаніе, не поможетъ мнѣ и не простретъ своей руки, то я свободенъ отъ всякаго осужденія. Нѣтъ, не такъ; быть не можетъ, чтобы Богъ оставилъ насъ, когда мы хотимъ, избира-

емъ и рѣшаемся. Ибо, если Онъ внушаетъ и совѣтуетъ не желающимъ, чтобы они пожелали и захотѣли, то тѣмъ больше Онъ не оставляетъ рѣшающихся. *Воззрите на древнія роды*, говоритъ Премудрый, *и видите, кто вѣрова Господеви, и постыдѣся? Или кто пребысть въ страсѣ Его, и оставися* (Сирах. 2, 10)? Также и Павелъ говоритъ: *упованіе же не посрамитъ* (Римл. 5, 5), т. е. упованіе на Бога. Невозможно, чтобы не достигъ конца тотъ, кто надѣется на Бога всею душею и исполняетъ все съ своей стороны. И еще: *вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13). Потому и предлагаетъ одинъ мудрый мужъ такія увѣщанія: *чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое и потерпи, и не скоръ буди во время наведенія: прилѣпися ему и не отступи* (Сир. 2, 1—3). И въ другомъ мѣстѣ предлагается увѣщаніе: *претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (Мѳ. 10, 22). Все это—правила, законы и неизмѣнныя опредѣленія; въ душѣ нашей должно быть твердо внѣдрено, что невозможно, чтобы кто-нибудь прилагающій стараніе, пекущійся о своемъ спасеніи и исполняющій все съ своей стороны, былъ когда-нибудь оставленъ Богомъ. Не слышишь ли, что говоритъ Господь Петру? *Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ, яко*

пшеницу: *Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. 22, 31. 32). Когда Онъ видитъ, что бремя превышаетъ наши силы, тогда простираетъ свою руку и облегчаетъ искушеніе; но когда видитъ, что мы, по собственной безпечности и лѣности, теряемъ собственное спасеніе и не хотимъ спастися, тогда Онъ отступаетъ и оставляетъ насъ: потому что Онъ не употребляетъ насилія и не принуждаетъ, и какъ поступалъ въ ученіи, такъ поступаетъ и здѣсь. Какъ тамъ нежелающихъ слушать и отходящихъ Онъ не принуждалъ и не заставлялъ, а внимательнымъ разрѣшалъ неясное и притчи дѣлалъ понятными; такъ точно и въ дѣлахъ: людей безпечныхъ и нежелающихъ Онъ не принуждаетъ и не заставляетъ, а добровольно рѣшающихся привлекаетъ съ великою силою. Посему и Петръ говоритъ: *по истинѣ разумѣваю, яко во всякомъ языцѣ бояйся Бога и дѣлаяй правду, пріятенъ Ему есть* (Дѣян. 10, 34. 35). И Пророкъ внушаетъ тоже самое, когда говоритъ: *аще хощете и послушаете Мене, благая земли снѣсте*: *аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястъ* (Иса. 1, 19. 20). Итакъ, зная это, зная, что отъ насъ зависитъ хотѣть и стремиться, и что хотѣніемъ и стремленіемъ мы привлекаемъ къ себѣ Бога на помощь, а при помощи Его достигнемъ до конца дѣлъ, возстанемъ, возлюбленные, и покажемъ всю ревность ко спасенію нашей души, чтобы, потрудившись здѣсь малое время, въ нескончаемой и безсмертной жизни

достигнуть намъ вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТОЛКОВАНІЕ
НА КНИГУ ПРОРОКА ДАНІИЛА.

ГЛАВА I.

И рече царь ко Асфанезу, старѣйшинѣ евнуховъ своихъ, ввести отъ сыновъ плѣна Исраилева, и отъ племене царска, и отъ князей (φορθομμίν, ст. 3). ***Форѳомминъ*** означаетъ или народъ, или званіе, но больше народъ, можетъ быть—иноплеменный. Это попускается для того, чтобы чрезъ сравненіе открылась сила Божія; и какъ бывало во многихъ другихъ случаяхъ, такъ было и съ мудростію. Чтобы кто-нибудь не приписалъ случившагося персидской мудрости, для опроверженія этого и другіе учатся вмѣстѣ съ ними (еврейскими юношами). Неразумные судятъ о дѣлахъ преимущественно по сравненію; посему и Богъ часто употребляетъ сравненіе и, когда говоритъ о Себѣ самомъ, не гнушается сличать и сравнивать Себя съ языческими богами; и пророки говорятъ: ***нѣсть подобенъ тебѣ въ бозѣхъ, Господи*** (Пс. 85, 8). ***Юноши, на нихже нѣсть порока, и добры зра-***

комъ, и смыслены во всякой премудрости (ст. 4). И красота служитъ препятствіемъ цѣломудрію и любомудрію. Для чего же онъ требуетъ такихъ, которые бы и стройностію членовъ и благовидностію лица превосходили всѣхъ другихъ? Выслушаемъ. Если царь, и царь варварскій, требуетъ такихъ людей, то не гораздо ли болѣе Богъ любитъ красоту душевную? Если предъ тѣмъ предстоять недостойны были имѣвшіе недостатокъ на тѣлѣ:—*на нихъ же*, говорится, *нѣсть порока;* — то гораздо болѣе недостойны предстоять предъ Богомъ имѣющіе порокъ въ душѣ. Справедливо царь требуетъ и крѣпкихъ, способныхъ для домашняго служенія, какъ говоритъ Пророкъ, или онъ указываетъ также и на силу душевную; это означаютъ слова: *еже предстояти въ дому предъ царемъ.* А для чего онъ требуетъ *и добрыхъ зракомъ?* Тѣ качества, т. е. мудрость и благоразуміе, служатъ въ пользу, а для чего это? Какъ варваръ и человѣкъ житейскій, царь требуетъ этого по великому своему честолюбію; а человѣку любомудрому нужно искать только душевныхъ качествъ. Ибо, какъ мы ищемъ красивыхъ одеждъ не для пользы, такъ и онъ требуетъ красивыхъ лицъ, какбы игрушекъ. Для чего же Богъ создалъ красоту? Послушай другаго, который говоритъ: *отъ величества бо красоты созданій сравнительно рододѣлатель ихъ познается* (Премуд. 13, 5). И въ нашемъ тѣлѣ многое очевидно существуетъ не только для пользы, но и для красоты. Такъ, цвѣта и крас-

ки существуютъ для этого, а не для одной пользы; ибо можно быть и чернымъ, и нисколько не терять въ отношеніи къ пользѣ. И волосы у насъ для этого же, какъ и Павелъ говоритъ: *мужъ убо, аще власы раститъ, безчестіе ему есть* (1 Кор. 11, 14). И шея прямая и имѣющая соразмѣрную величину, и все прочее дано намъ для благообразія, такъ что, если отнимешь что-нибудь малое отъ цѣлаго, испортишь красоту, а польза останется. Посему и для красоты особенно Создатель устроилъ у насъ это животное (тѣло), и не только это, но и всѣ прочія. Впрочемъ однимъ Онъ далъ красоты больше, другимъ меньше; а многимъ уже послѣ рожденія сообщаетъ пріятность, которой они прежде не имѣли. И въ самомъ положеніи членовъ ты можешь усматривать красоту; напр. въ томъ, что глаза находятся на верху, подобно радугѣ, и имѣютъ гладкую круглоту, разнообразіе, правильность, чистоту, бѣлизну. Но, скажешь, красота бывала соблазномъ? Не по собственной своей природѣ, а по нерадѣнію соблазняющихся. *Не назирай*, говоритъ Премудрый, *чуждыя доброты* (Сирах. 9, 8). Не сказалъ просто: *не назирай доброты*, но прибавилъ: *чуждыя;* слѣд. онъ одобряетъ наслажденіе собственною красотою. Почему Іосифу красота не послужила во вредъ, не сдѣлала его изнѣженнымъ, не исполнила гордости и тщеславія? *Еленъ любве*, говоритъ Премудрый, *и жребя твоихъ благодатей да бесѣдуетъ тебѣ* (Притч. 5, 19). И красота служитъ сою-

зомъ брака; потому что люди весьма склонны къ (красивымъ) тѣламъ. Такъ какъ жизнь наша трудна и тяжела, то Богъ далъ намъ нѣкоторое утѣшеніе. Отъ этого у насъ воспламеняется любовь, которая связываетъ все. Ибо Господь предусмотрѣлъ и употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы союзъ брака оставался нерасторжимымъ. Но, скажешь, красота и въ началѣ была соблазномъ: *видѣвше*, говорится въ Писаніи, *сынове Божіи дщери человѣчи, яко добры суть, пояша себѣ* (Быт. 6, 2). Не она была соблазномъ, а испорченность тѣхъ людей. Богъ создалъ ихъ красивыми не для того, чтобы дочери были безстыдными, но чтобы каждый любилъ свою жену. *И смыслены*, говоритъ, *во всякой премудрости*, т. е. ревностныхъ, способныхъ ко всякой мудрости. *И научити я книгамъ и языку Халдейску*. Моисей, бывъ частнымъ человѣкомъ, воспитанъ былъ, какъ царь; а они, происшедши отъ царскаго рода, воспитывались на ряду съ рабами властителя. Хорошо предъустрояется то, чтобы они научились наукамъ и языку халдейскому, дабы, когда Даніилъ станетъ бесѣдовать съ царемъ о великихъ предметахъ, никто не былъ посредникомъ и не переиначилъ сказаннаго. А для чего было прочее? Для того, чтобы ты позналъ любомудріе Даніила и съ самаго начала видѣлъ, какъ онъ выше чрева. Другой сказалъ бы: я плѣнникъ, не имѣю ни откуда необходимой пищи, Богъ конечно проститъ меня. Не такъ поступалъ онъ; потому что не для награ-

ды какой-нибудь и не по страху только, но и по любви онъ служилъ Богу, съ великимъ усердіемъ и не мало времени. Три года они занимались любомудріемъ и три года постились. Видишь ли благоразуміе Даніила? Когда нужно было воздержаться, то онъ былъ весьма точенъ, предусмотрителенъ и не просто обрекающимъ себя на это, но съ просьбами и моленіями; а когда не было никакого вреда, то онъ не отказывался изучать языкъ и мудрость иноплеменниковъ. Ибо не учиться предосудительно, а худо пользоваться ученіемъ. Притомъ такимъ образомъ онъ могъ лучше узнать мудрость, у него находившуюся, опять чрезъ сравненіе,—узнать, что нѣтъ другой такой мудрости, какова еврейская, и сдѣлаться болѣе сильнымъ. А если бы это было преступно, то онъ и здѣсь воздержался бы и воспротивился бы. Видишь ли, что добродѣтели его происходили оттуда же, откуда пороки у чревоугодниковъ, предпочитающихъ чеснокъ маннѣ? Потому Даніилъ и явился мудрымъ. *И бысть въ нихъ отъ сыновъ Іудиныхъ Даніилъ, и Ананіа, и Азаріа, и Мисаилъ. И возложи имъ имена старѣйшина евнуховъ: Даніилу Валтасаръ, и Ананіи Седрахъ, и Мисаилу Мисахъ, Азаріи же Авденаго* (ст. 6. 7). Даніилу, говорится, онъ далъ имя Валтасара. И богъ ихъ такъ же назывался, или лучше, такъ назывался сынъ царя. Посему не дерзко ли онъ поступилъ, назвавъ плѣнника такимъ именемъ? Конечно, онъ поступилъ бы дерзко, если бы въ значеніи одного и того же имени

не было великаго различія, какъ было съ Іосифомъ, которому поклонился отецъ его. И что великаго въ томъ, что онъ названъ былъ такимъ именемъ? Не видимъ ли мы, что и нынѣ многіе изъ частныхъ людей называются именами царей? Но, скажешь, не въ царскомъ домѣ. А для чего дѣлается перемѣна именъ? Посмотри, какъ устрояются всѣ эти дѣла. Царь не видитъ сна, пока не прошли три года. Видишь ли, что здѣсь устрояетъ Богъ? Для чего же? Для того, чтобы Даніилъ имѣлъ больше дерзновенія. Но, скажешь, онъ больше прославился бы и яснѣе открылся бы, если бы тотъ увидѣлъ сонъ прежде трехъ лѣтъ. Но тогда не вышелъ бы указъ противъ нихъ, а съ другой стороны Даніилу не повѣрили бы. Посему евнухъ въ малыхъ и незначительныхъ предметахъ получаетъ опытъ благоволенія Божія къ нимъ, чтобы, когда спросятъ его о предметахъ важнѣйшихъ, онъ по недовѣрію не отказался и чтобы они хорошо научились и имѣли бо́льшее дерзновеніе. Не видишь ли, какъ тоже случилось и съ Давидомъ, какъ царь, судя о дѣлахъ по возрасту, не повѣрилъ ему, когда онъ обѣщалъ побѣдить иноплеменника? Замѣть наконецъ, что Даніилъ изучалъ основанія ихъ жизни. Моисей и Даніилъ въ точности знали мудрость иноплеменниковъ. Чтобы не показалось, будто они предпочитали свое чужому по невѣдѣнію, для этого Богъ попускаетъ имъ участвовать и въ мудрости тѣхъ, дабы ты, увидѣвъ, или лучше, услышавъ слова Моисея: *премудрость наша предъ всѣми язы-*

ки (Втор. 4, 6), не думалъ, будто такой отзывъ происходилъ отъ любви или пристрастія, но приписывалъ его здравому сужденію. Ибо нельзя сказать, что онъ по ненависти къ учителямъ удалялся отъ ихъ ученія. Оба они пользовались великою честію, и однако предпочитали свое. Такъ и Павелъ съ удивленіемъ говорилъ о Моисеѣ: *не изволи имѣти временную грѣха сладость, болшее богатство вмѣнивъ Египетскихъ сокровищъ поношеніе Христово* (Евр. 11, 25). *И положи Даніилъ на сердцы своемъ, еже не осквернитися отъ трапезы царевы, и отъ вина питія его: и моли старѣйшину евнуховъ, яко да не осквернится. И вдаде Богъ Даніила въ милость и въ щедроты предъ старѣйшиною евнуховъ* (ст. 8. 9). Посмотри, какъ онъ начинаетъ съ добрыхъ дѣлъ. Такъ уже съ этого времени онъ показалъ, что онъ былъ великъ и чуденъ; посему его и называютъ высшимъ именемъ. Въ чемъ можно было, въ томъ онъ соблюдалъ законъ. Кто другой, скажи мнѣ, сталъ бы считать заразою царскую трапезу? Видишь, какъ онъ съ самаго начала показалъ любомудріе. *И моли*, говорится, *старѣйшину евнуховъ, яко да не осквернится*. Видишь, какъ онъ былъ нечестолюбивъ. Онъ не сказалъ: отдамъ лучше душу свою; но просилъ не открывать, если возможно. Для чего, говоритъ, мнѣ искать чести? Но не такъ поступили Іосифъ и Моисей. Чтоже? Осудимъ ли мы ихъ? Да не будетъ; они не знали, чтобы это нѣкогда было; ибо еще не было закона, за-

прещающаго такія яства. Посмотри, какъ онъ и обличаетъ и любомудрствуетъ, показывая любомудріе и въ маломъ. Тоже и апостолы говорили: *сія подобаше сотворити, и онѣхъ не оставляти* (Лук. 11, 42). Онъ поступалъ такъ не потому, чтобы яства были идоложертвенными, но потому, что были запрещены закономъ. Убѣдилъ ли же онъ? Смотри, какъ Писаніе тотчасъ разрѣшило твое недоумѣніе. *И вдаде*, говоритъ оно, *Богъ Даніила въ милость и въ щедроты предъ старѣйшиною евнуховъ.* Тоже было и съ Іосифомъ; и тамъ Іосифъ пользовался милостію, *и обрѣте благодать предъ архимагиромъ* (Быт. 39, 1—4). Между тѣмъ оба они были рабами и въ домахъ иноплеменниковъ. Подлинно, слова Даніила могли возбудить гнѣвъ царя. Что́ говоришь ты? Трапезу властелина ты называешь мерзкою? А самъ ты кажешься ли намъ болѣе чистымъ? Развѣ ты не знаешь, что вы для того изучаете языкъ и науки халдейскія, чтобы поступить въ наше званіе? Почему же евнухъ оказалъ ему уваженіе? Онъ былъ не важнымъ отрокомъ, плѣнникомъ. Хотя бы даже онъ былъ и важнымъ, но опасность не позволяла оказать ему уваженіе. Посему Писаніе, сказавъ, что *вдаде его въ милость*, передаетъ и слова евнуха, равно какъ и страхъ его. Какимъ же образомъ? Это было бы невозможно, какъ запрещенное, если бы не устроила всего высшая благодать. *И рече Даніилъ къ Амелсару, егоже престави старѣйшина евнуховъ къ Даніилу, и Ананіи, и Аза-*

ріи, и Мисаилу: искуси отроки твоя до десяти дней, и да дадятъ намъ отъ сѣменъ земныхъ, да ядимъ, и воду да піемъ. И да явятся предъ тобою лица наша, и лица отроковъ, ядущихъ отъ трапезы царевы, и якоже узриши, сотвори со отроки твоими. И послуша ихъ, и искуси я до десяти дней. По скончаніи же десятихъ дней, явишася лица ихъ блага, и крѣпка плотію паче отроковъ, ядущихъ отъ трапезы царевы (ст. 11—15). Великое дерзновеніе, величайшая рѣшимость, великое благоразуміе, великая вѣра. *Искуси отроки твоя до десяти дней.* А чтобы ты не подумалъ, что благолѣпіе лица зависѣло отъ свойства сѣмянъ, посмотри на воду, которая не питательна. И не только здоровыми оказались они, но еще здоровѣе пользовавшихся царскою трапезою; а всякому извѣстно, что мясо и вино обыкновенно питательны больше всего. Замѣть, какъ съ самаго начала это благополучіе произошло и отъ воли отроковъ и отъ благодати Божіей. Воля—въ томъ, что они не хотѣли, а благодать — въ томъ, что могли. *И да явятся*, говоритъ, *предъ тобою.* Тебѣ мы предоставляемъ судить. Легка и удобна эта милость; удостовѣрься на дѣлѣ; хотя самъ я хорошо знаю, но прежде окончанія не объявляю, для тебя. Смотри, какъ онъ тотчасъ научилъ и служителей и показалъ, что онъ любимъ Богомъ. Притомъ не сказалъ просто: *сотвори съ нами*, но: *сотвори со отроки твоими*, и въ началѣ сказалъ такъ: *искуси отро-*

ки твоя. Они не отказывались воздавать честь людямъ, гдѣ это нисколько не вредило благочестію. И Павелъ дѣлалъ тоже самое. Начиная защитительную рѣчь, онъ прежде всего въ похвалу судіи говорилъ такъ: *многъ миръ улучающе тобою* (Дѣян. 24, 2), и пользовался общественными дѣлами. Также Наѳанъ пророчествуя оказывалъ честь Давиду, Іаковъ Фараону, Авраамъ сожителямъ. И этотъ самый Пророкъ говоритъ: *царю, во вѣки живи* (Дан. 6, 21). Видишь слово, исполненное лести; но я назвалъ бы это не лестію, а благоразуміемъ и мудростію. Такъ и Павелъ говоритъ: *въ премудрости ходите ко внѣшнимъ, время искупующе* (Колосс. 4, 5). Такъ училъ и Христосъ: *воздадите яже кесарева, кесареви, и яже Божія, Богови* (Лук. 20, 25). Чтоже? Сѣмена не были нечистыми? Нисколько, равно какъ и вода. Такъ они продолжали поступать три года. *И по скончаніи тѣхъ дней, въ няже рече царь привести я, введе я старѣйшина евнуховъ предъ Навуходоносора. И бесѣдова съ ними царь: и необрѣтошася отъ всѣхъ ихъ подобни Даніилу, и Ананіи, и Азаріи, и Мисаилу: и сташа предъ царемъ. И во всякомъ глаголѣ премудрости и умѣнія, о нихже вопрошаше отъ нихъ царь, обрѣте я десятерицею паче всѣхъ обаятелей и волхвовъ, сущихъ во всемъ царствѣ его* (ст. 18—20). *И по скончаніи дней тѣхъ*, говоритъ, *явишася лица ихъ блага*, и преуспѣли они и въ красотѣ и въ здоровьѣ. Посмотри на дѣла сверхъ-

естественныя; посмотри, какъ Творецъ являетъ свою дѣятельность. Какъ ваятелемъ оказывается не только тотъ, кто можетъ растопить мѣдь и дать ей форму, но не меньше его и тотъ, кто можетъ исправить уже сдѣланную статую; такъ очевидно это и въ Богѣ и этихъ отрокахъ. Ибо показать тѣла здоровыми послѣ такой пищи, это было не меньшимъ доказательствомъ творческой силы, какъ и создать человѣка изъ земли. Откуда у нихъ здоровый видъ? Откуда свѣтлый цвѣтъ? Откуда сила? Вы знаете, что питіе воды и ядепіе сѣмянъ ослабляетъ силы. Они же не хотѣли питаться даже хлѣбомъ; а не малое различіе между пшеницею приготовленною и не приготовленною; ибо сила происходитъ не только отъ яденія, но и отъ свapeнія подаваемаго; а сѣменамъ вариться не свойственно. Замѣть, что эти явленія получили свое начало не отъ честолюбія просившихъ, но имѣли основаніемъ настоятельную нужду. Ибо не просто, безъ всякой причины, они подвергли себя испытанію, но по требованію необходимости. Такъ далека была отъ честолюбія душа отроковъ. Между тѣмъ кто, имѣя такую вѣру и находясь среди иноплеменниковъ, не захотѣлъ бы показать властителямъ то благоволеніе, которое имѣетъ кь нему Богъ? А они не хотѣли этого. Посмотри также и на обличеніе ими старшихъ, какъ и оно происходило отъ необходимости.

ГЛАВА 2.

Въ лѣто второе царства Навуходоносорова, соніе видѣ Навуходоносоръ, и ужасеся духъ его, и сонъ его отступи отъ него (ст. 1). Но этотъ годъ—двѣнадцатый. Ибо, если прошло три года послѣ взятія города, а онъ былъ взятъ въ девятомъ году, то этотъ годъ—двѣнадцатый. Нѣкоторые говорятъ, что однимъ и тѣмъ же знакомъ у евреевъ обозначается то и другое число. Или это—ошибка писца, или—во второй годъ, какъ отроки были представлены. Но это не имѣло бы основанія. Обстоятельство случилось затруднительное. Какое же? То, что царь не зналъ, какой былъ сонъ его. И это премудро устроилось; потому что, если бы этого не было, то не открылась бы мудрость Даніила. Представимъ, что и онъ былъ бы призванъ и сказалъ будущее, и тѣ сказали бы; но, такъ какъ исполненія еще не было, то кто изъ нихъ говоритъ истину и кто лжетъ? Это нужно было бы изслѣдовать другими способами. Пусть самый сонъ будетъ объявленъ; пусть Даніилъ скажетъ то́, что онъ говорилъ; пусть и тѣ скажутъ противное; откуда будетъ извѣстно, лжетъ ли онъ, или говоритъ правду? Посему онъ здѣсь же представляетъ доказательство. Съ Іосифомъ же было не такъ; но царь высказываетъ сонъ; потому что время исполненія было близко. Достойно удивленія, что въ Египтѣ мудрецы египетскіе не хотѣли выдумать что-нибудь, по причинѣ безопасности, но признались, что они не

знаютъ. Если же они не могутъ объяснять сновъ, то въ чемъ другомъ можно вѣрить имъ? Здѣсь иначе и не должно было случиться; а въ пророчествѣ Іосифа исполненіе было ясно, особенно на евнухахъ. Посмотри, какъ халдейскіе мудрецы не приглашаютъ Даніила, но рѣшаются лучше умереть, нежели видѣть его прославившимся. Впрочемъ для того ли только былъ открытъ сонъ, чтобы Даніилъ прославился? Я не скажу этого. Если бы даже только для этого, то было бы великое и удивительное дѣло—получить такое богопознаніе; но не для этого только. Для чего же? Для того, чтобы и царь вразумился, узнавъ, что родъ его не всегда будетъ господствовать,—ибо, если и послѣ того, какъ ему было сказано это, онъ не оставилъ гордости, то тѣмъ болѣе, если бы этого не было сказано,—чтобы онъ призналъ Бога Господомъ всего. Такъ какъ они весьма много занимались снами, то и случилось все это. Потому Богъ и открывалъ имъ будущее; равно и потому, что боговъ они почитали особенно за предвѣдѣніе будущаго. Все волшебство ихъ было направлено къ этому. *И изыде повелѣніе и мудріи убивахуся: и взыскаша Даніила, и друговъ его, убити я. Тогда Даніилъ отвѣща совѣтъ и разумъ Аріоху, архимагиру царску, иже изыде убити мудрыхъ Вавилонскихъ. И вопрошаше и, глаголя: княже царевъ, о чесомъ изыде изреченіе безстудное отъ лица царева* (ст. 13—15)? Видишь ли дерзновеніе? Видишь ли мужество? Тому, кто имѣлъ

власть умерщвлять, что́ говоритъ онъ? Притомъ онъ скорбитъ и о другихъ. Это повелѣніе, говоритъ онъ, не имѣетъ ни основанія, ни предлога, ни благовидности; ибо такихъ людей мы называемъ безстыдными. *Возвѣсти же Аріохъ слово Даніилу. Даніилъ же вниде, и моли царя, яко да время дастъ ему, и сказаніе его возвѣститъ царю* (ст. 16). Удивительно, какъ царь позволилъ. Замѣть, какъ всѣ во всемъ довѣряютъ Даніилу. На какомъ основаніи царь думалъ, что онъ говоритъ истину? Почему не сказалъ: всѣ обличены и признались, что это выше естества человѣческаго; а ты, иноплеменникъ, отъ чего думаешь превзойти всѣхъ? Но когда Богъ устрояетъ и располагаетъ дѣла, то нисколько не сомнѣвайся. А съ другой стороны было уже безопасно — послѣ придти къ царю. Для чего же Богъ не тотчасъ открылъ ему? Во-первыхъ для того, чтобы событіе сдѣлалось извѣстнымъ, и чтобы тѣ были поставлены въ великое затрудненіе. И онъ, хотя былъ пророкомъ, однако не зналъ. Кромѣ того чрезъ праведниковъ Богъ оправдывается предъ тобою, показывая, что если имъ, подвергавшимся опасности, Онъ не давалъ ничего безъ усильной молитвы, то тѣмъ болѣе не дастъ тебѣ. Посему и Павелъ вездѣ требуетъ молитвъ: *въ молитвѣ пребывающе*, пишетъ онъ (Рим. 12, 12). Ибо недостаточно чистой жизни, если нѣтъ и молитвы. Посмотри также на великую вѣру Даніила. Это—второй подвигъ, и опять Даніилъ предшествуетъ въ дѣлѣ и испрашиваетъ време-

ни, потребнаго для усильнаго ожиданія и молитвы. Онъ не просилъ быть услышаннымъ тотчасъ же. Царь сдѣлалъ ему эту милость, вмѣстѣ съ его друзьями. *Тогда Даніилу во снѣ нощію тайна открыся: и благослови Даніилъ Бога небеснаго, и рече: буди имя Господа Бога благословено отъ вѣка и до вѣка: яко премудрость и смыслъ и крѣпость Его есть, и Той премѣняетъ времена и лѣта, поставляетъ цари и преставляетъ, даяй премудрость мудрымъ и разумъ вѣдущымъ смышленіе, Той открываетъ глубокая и сокровенная, свѣдый сущая во тмѣ и свѣтъ съ Нимъ есть. Тебѣ, Боже отцевъ моихъ, исповѣдаюся и хвалю, яко премудрость и силу далъ ми еси и возвѣстилъ ми еси, яже просихомъ у Тебе* (ст. 19—23). Еще не ясно было открыто ему, но въ видѣніи; Пророкъ приготовляется. Посмотри же на его дерзновеніе. *О чесомъ изыде*, говоритъ, *изреченіе безстудное?* Мнѣ кажется, что онъ еще прежде открытія остановилъ архимагира отъ убійства какъ осужденіемъ этого предпріятія, такъ и обѣщаніемъ найти средство отъ бѣды. Почему же открыто было Даніилу? И между святыми есть преимущество; потому онъ и предпочитается. А какъ онъ видѣлъ? Въ видѣніи, говоритъ Писаніе, а не при помощи человѣческой мудрости. Хорошо называется *тайною* то́, что́ всѣмъ было неизвѣстно. *И благослови Бога небеснаго.* Разумѣется Вседержитель, т. е. Тотъ, Кто силенъ и тамъ, въ странѣ иноплеменниковъ.

Не было тамъ жертвы, храма и жертвенника, но было благое произволеніе, и все совершилось. Смотри: по полученіи просимаго, онъ не прежде поспѣшилъ во дворецъ царя, какъ воздавъ величайшую благодарность Подателю, не такъ, какъ мы, которые отъ радости, въ случаѣ успѣшныхъ дѣлъ, часто забываемъ о благодарности. Но онъ не такъ, а благословилъ Бога и сказалъ: *буди имя Господа Бога благословено отъ вѣка и до вѣка.* Хотя мы, говоритъ, временны и немноголѣтни, но не только за это время возсылаемъ Ему благословеніе, а за всё, не только за то, въ которое мы живемъ, но и за это, и за прежнее, и за будущее. Всегда должно благословлять Бога, является ли Онъ, или не является; потому что промыслъ Его простирается на все. Посмотри, какъ въ благодареніи онъ показываетъ, кому принадлежитъ и знаніе сновидѣній: *яко премудрость и смыслъ и крѣпость Его есть*, т. е. знаніе всего и предвѣдѣніе. Здѣсь онъ говоритъ слѣдующее: Богъ знаетъ все; ничего нѣтъ такого, чего бы Онъ не зналъ. Чтоже, это ли только? Одно ли только предвѣдѣніе имѣетъ Онъ? Притомъ Пророкъ не сказалъ: имѣетъ, но: *Его есть*, желая показать намъ, что это естественное совершенство Божіе, что это принадлежитъ Ему по естеству. Что же? Онъ только предвидитъ, а вмѣстѣ и не дѣйствуетъ? Нѣтъ, и дѣйствуетъ. *Премѣняетъ времена и лѣта.* Не о перемѣнахъ годовъ говоритъ онъ, а о перемѣнахъ дѣлъ. *Поставляетъ цари и преставляетъ;* потому

что Онъ совершаетъ эти перемѣны. Это ли только, т. е. что Онъ предвидитъ и дѣйствуетъ? Не свойственно ли Ему и нѣчто другое величайшее, т. е. то, чтобы и другимъ сообщать вѣдѣніе? *Даяй премудрость мудрымъ.* Не тѣмъ, которые прежде стали мудрыми, а тѣмъ, которые имѣютъ получить мудрость. Если какой мудрецъ имѣетъ мудрость не отъ Него, то онъ не мудръ. Не подумайте, что мудрость есть искусство Халдеевъ. *И разумъ*, говоритъ, *вѣдущымъ смышленіе.* Далѣе посмотримъ, отъ науки ли, или отъ природы Даніилъ получилъ мудрость. И объ этомъ говоритъ онъ: *Той открываетъ глубокая и сокровенная.* Не сказалъ: находитъ, но: *открываетъ* другимъ то, что для насъ глубоко и сокровенно, что отдѣлено отъ насъ долгимъ временемъ и сокрыто. *Свѣдый сущая во тмѣ, и свѣтъ съ Нимъ есть.* Посмотри, что говоритъ онъ. Подобно говоритъ Давидъ: *яко тма ея, тако и свѣтъ ея* (Псал. 138, 12), — говоритъ о множествѣ знанія, или потому, что, хотя и есть тёмное, но для Него нѣтъ тьмы, или потому, что Онъ самъ свѣтъ ихъ. Какимъ же образомъ Онъ знаетъ находящееся во тьмѣ? Какъ имѣющій при Себѣ свѣтъ. *Съ нимъ есть* всегда;—говоритъ человѣкообразно. Какъ нѣтъ ничего темнаго для того, кто имѣетъ зажженный свѣтильникъ, такъ и для Бога; или еще болѣе: какъ для того, кто имѣетъ свѣтъ въ глазахъ, кто всегда носитъ его съ собою. Онъ Самъ—свѣтъ. *Тебѣ*, говоритъ, *Боже отцевъ моихъ, исповѣдаюся и хвалю,*

яко премудрость и силу далъ ми еси. Благовременно онъ упомянулъ теперь объ отцахъ, желая чрезъ нихъ умолить Его, подобно какъ если бы кто какому-нибудь сильному любителю напомнилъ о любимыхъ предметахъ. *Исповѣдаюся*, говоритъ, благодарю, *и хвалю, яко премудрость и силу далъ ми еси;*—говоритъ о прежней. И теперь *возвѣстилъ ми еси, яже просихомъ у тебе.* Вѣроятно, онъ просилъ и о чемъ: нибудь другомъ, такъ что Богъ открылъ ему и это свѣдѣніе. *И видѣніе царево*, говоритъ, *возвѣстилъ ми еси. И* тотчасъ *пріиде*, говорится, *Даніилъ ко Аріоху, его же пристави царь погубити мудрыя Вавилонскія, и рече ему мудрыхъ Вавилонскихъ не погубляй, но введи мя предъ царя и сказаніе сна возвѣщу ему* (ст. 24). Поспѣшно пришелъ къ нему и говоритъ: *мудрыхъ Вавилонскихъ не погубляй.* Кто позаботился бы о нихъ? Посмотри на человѣколюбіе и кротость Пророка. Но его не послушали бы, если бы онъ не присовокупилъ и этого: *введи мя, и сказаніе сна возвѣщу царю.* Тогда *Аріохъ*, говорится, *съ потщаніемъ введе Даніила предъ царя, и рече ему: обрѣтохъ мужа отъ плѣнникъ жидовскихъ, иже сказаніе царю возвѣститъ* (ст. 25). *Отъ плѣнникъ*, говоритъ, *обрѣтохъ мужа.* Не постыдился его происхожденія: потому что, когда настоитъ величайшая нужда, тогда ничего подобнаго не спрашивается, и вся гордость, бывающая въ счастіи, подавляется. Такъ больной никогда не станетъ спра-

шивать о благородствѣ врача, и находящійся въ какой-нибудь другой опасности не будетъ изслѣдывать, къ высшему ли или къ низшему сословію принадлежитъ тотъ, кто имѣетъ избавить его отъ опасностей, но желаетъ только одного—избавленія. Кто не постыдился бы, кто не посрамился бы, видя, что всѣ мудрецы отечественные убиваются, а плѣнники возвышаются и превозносятся? Ничего такого онъ не подумалъ, но поспѣшно этотъ привелъ, а тотъ спросилъ, уже не съ прежнею гордостію. Ибо, когда царь опытомъ убѣдился, что его требованіе было безразсудно, тогда что онъ говоритъ? *И отвѣща царь, и рече Даніилу, ему же имя Валтасаръ: можеши ли ми возвѣстити сонъ, его же видѣхъ, и сказаніе его* (ст. 26)? Онъ говоритъ уже съ большею кротостію. Не сказалъ: если не можешь, то подвергнешься тому же. Что же Даніилъ? *И отвѣща Даніилъ предъ царемъ, и рече: тайны, ея же царь вопрошаетъ, нѣсть мудрыхъ, волхвовъ, ниже обаятелей Газариновъ сила возвѣстити царю: но есть Богъ на небеси, открываяй тайны, и возвѣсти царю Навуходоносору, имже подобаетъ быти въ послѣдняя дни* (ст. 27. 28). Посмотри на благоразуміе Пророка. Онъ не сказалъ тотчасъ: я могу возвѣстить тебѣ; но, что прежде всего нужно было знать царю, о томъ и говоритъ. *Тайны*, говоритъ, *ея же царь вопрошаетъ, нѣсть мудрыхъ, волхвовъ, ниже обаятелей Газариновъ сила возвѣстити царю: есть*

Богъ на небеси, открываяй тайны. Защищаетъ тѣхъ, которые несправедливо были убиты, показывая, что и онъ говоритъ не самъ отъ себя. Не для того, говоритъ, я сказалъ, что это не дѣло волхвовъ, чтобы представить себя самаго славнѣйшимъ ихъ, но чтобы ты убѣдился, что и я говорю не по человѣческой природѣ. *Но есть Богъ на небеси*; не заключаетъ Его тамъ, но говоритъ такъ царю, какъ варвару, отвлекая его отъ земли: не подобный вашимъ богамъ, которые вращаются около земли. *И возвѣсти царю Навуходоносору, имже подобаетъ быти въ послѣдняя дни.* Посмотри, какъ онъ говоритъ прикровенно и всю сущность видѣнія помѣщаетъ въ предисловіи и пробуждаетъ умъ царя, не высказывая ничего тяжелаго и непріятнаго. *Сонъ твой*, говоритъ, *и видѣніе главы твоея на ложи твоемъ, сіе есть: помышленія твоя на ложи твоемъ взыдоша, чесому подобаетъ быти по сихъ: и открываяй тайны яви тебѣ, имже подобаетъ быти* (ст. 29). Говоритъ согласно съ народнымъ мнѣніемъ, будто сны какбы висятъ надъ головою, или потому, что здѣсь находится мыслительная способность, или подъ головою разумѣются глаза; а самыя слова его означаютъ: ты подалъ поводъ. Не сказалъ просто: Богъ открылъ тебѣ; но: ты размышлялъ о томъ, *чесому подобаетъ быти по сихъ.* Такъ какъ онъ овладѣвалъ вселенною, то и размышлялъ, простретъ ли онъ свою царскую власть на всѣхъ, или умретъ. Величіе

власти обыкновенно приводитъ насъ къ забвенію и о самой природѣ нашей, что она смертна. Посему вѣроятно, что онъ, погрузившись въ бездну собственныхъ подвиговъ, не очень былъ увѣренъ, что онъ умретъ. Тоже случилось и съ другимъ царемъ. Посему нѣкто и сказалъ ему: *ты же человѣкъ еси, а не Богъ*, т. е. къ царю тирскому (Іезек. 28, 2). И посмотри, какъ онъ безъ оскорбленія обличаетъ царя. Не сказалъ: ты подразумѣвалъ это; но: *чесому подобаетъ быти по сихъ*. Объ этомъ ты думалъ, и размышлялъ, что будетъ послѣ. *На ложи твоемъ*, когда никто не безпокоилъ, но была спокойна душа; когда особенно много раждается у насъ помысловъ, злоупотребляющихъ нашимъ спокойствіемъ и бездѣйствіемъ. Посему у многихъ есть обычай проводить это время въ молитвѣ; потому что тогда душа бездѣйствуетъ и происходитъ великій вредъ, если мы будемъ безпечными. *И открываяй тайны яви тебѣ, имже подобаетъ быти*. Посмотри: уже во второй разъ онъ упоминаетъ о Богѣ и не какъ случилось, но тамъ говоритъ: Тотъ, который *есть на небеси*, а здѣсь: *открываяй тайны*. *И мнѣ не премудростію, сущею во мнѣ паче всѣхъ живущихъ, тайна сія открыся, но ради того, яко да возвѣщу сказаніе царю, да уразумѣеши размышленія сердца твоего* (ст. 30). Какбы такъ говоритъ: начало открытія не отъ меня, и то самое, что я изъ всѣхъ другихъ узналъ объ этомъ, не даетъ мнѣ преимущества предъ другими. Богъ сдѣлалъ такъ

не потому, что видѣлъ меня мудрымъ. Если же и послѣ такихъ словъ царь поклонился ему, какъ Богу, то что было бы, если бы онъ не говорилъ этого? Но *ради тебя*, говоритъ. Не ты меня долженъ благодарить, а я тебя; ибо я узналъ для того, чтобы ты узналъ. Посмотри, какъ онъ приближаетъ царя къ Богу, и чудо, имѣвшее быть съ нимъ, и любовь къ нему предварительно приписываетъ Богу. Ибо, когда тотъ узналъ, что Богъ сдѣлалъ это для его чести, то очевидно могъ прилѣпиться къ Богу. Тебя болѣе, говоритъ, почтилъ Богъ, нежели меня. Видишь ли, какъ нечестолюбивъ этотъ юноша, какъ онъ не приступаетъ къ предмету рѣчи прежде, нежели отклонилъ царя отъ высокаго о немъ мнѣнія? Посему, могъ ли гоняться за славою тотъ, кто отвергаетъ ее и тогда, когда ему воздаютъ ее? И не сказалъ онъ: такъ какъ я почитаю Бога, такъ какъ служу Ему больше другихъ, то и открыто мнѣ; но—дабы ты узналъ то, чтó было весьма полезно. А первое и безъ его словъ должно было притти на мысль слушателямъ. *Ты, царю, видѣлъ еси: и се тѣло* (εἰκὼν) *едино, веліе тѣло оно, и обличіе его высоко, стоящее предъ лицемъ твоимъ и образъ его страшенъ. Тѣло, его же глава отъ злата чиста, руцѣ и перси и мышцы его сребряны, чрево и стегна мѣдяны, голени желѣзны, нозѣ, часть убо нѣкая желѣзна, и часть нѣкая скудельна* (ст. 31 — 33). Посмотри, какого видѣнія удостоился Навуходоносоръ. Такъ какъ проповѣдь

(евангельская) имѣла быть преподана язычникамъ, то она заранѣе вводится въ языческое преданіе, и въ языческой землѣ происходитъ такое видѣніе, когда былъ разрушенъ храмъ и прекращены установленія закона. Впрочемъ оно изъясняется чрезъ евреевъ; потому что, хотя проповѣдь имѣла быть преподана и язычникамъ, но чрезъ еврейскихъ мужей—апостоловъ. Такъ было и съ Корнеліемъ. Язычники предваряютъ, а не слѣдуютъ послѣ. Такъ и здѣсь, Навуходоносоръ первый увидѣлъ видѣніе, но значеніе его первый узналъ Даніилъ. Видишь, что іудеи и первые и послѣдующіе: они первые получили блага, но не поняли, что получили, дабы равенство было (у нихъ съ язычниками). Такъ и тогда (вѣрующіе) удостоивались Духа прежде крещенія. Такъ и при Авраамѣ сначала обѣтованіе о множествѣ народовъ, а потомъ обрѣзаніе; но спасеніе—чрезъ обрѣзаніе. Объ этомъ многократно говорили іудеямъ пророки, и если бы не велика была лѣность ваша, то я раскрылъ бы, гдѣ и когда. А такъ какъ іудеи не внимали, то проповѣдь переходитъ потомъ къ язычникамъ. Тѣ, слушая такія слова, показывали презрѣніе; а язычникъ, услышавъ, поклонился. Посмотри и на прообразованія о Христѣ. Хананеянка покланяется Ему; а они не только не дѣлаютъ этого, но изгоняютъ Его. Такъ и здѣсь, тѣ заключили Іеремію въ узы, а этотъ поклонился Даніилу. Также іудеи изгоняютъ апостоловъ, а язычники говорятъ: *бози снидоша къ намъ* (Дѣян. 14, 11). Ког-

да сужденіе бываетъ безъ страсти, то оно безукоризненно и чисто. Видишь ли свѣтлые образы? Въ Вавилонѣ слышится вѣсть о Христѣ, и слушатель-варваръ, дабы ты узналъ, что не только язычники, но и варвары услышатъ объ этомъ, какъ говоритъ Павелъ: *долженъ есмь* благовѣствовать *еллиномъ же и варваромъ* (Рим. 1, 14). И чтобы ты не отчаявался, подаются надежды. Подлинно, какихъ не было препятствій? Царская гордость, варварская природа, незначительность говорящаго, — ибо онъ былъ плѣнникомъ,—возрастъ его,—ибо онъ былъ юношей, — чуждое богопочтеніе. Не сказалъ царь: тебѣ нужно было предузнать свои дѣла, плѣненіе города; того ты не зналъ, а предсказываешь это? Такъ говорятъ невѣжды: Христу надлежало бы воскресить Себя самаго. Самымъ предметомъ рѣчи Даніила было разрушеніе царства Навуходоносора и конецъ всей вселенной; и однако Навуходоносоръ повѣрилъ; еслибы онъ не повѣрилъ, то не принесъ бы жертвы Даніилу. Навуходоносоръ вѣритъ, а нѣкоторые не вѣрятъ этому. Посему и дано много пророчествъ. Если бы тѣ не сбылись, то не вѣрь и этимъ. Впрочемъ, чтобы не затемнить рѣчи, будемъ толковать вамъ это пророчество. Навуходоносоръ видѣлъ пять веществъ: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, глину. Все тѣло означаетъ время и преемство времени. Хорошо онъ назвалъ его *тѣломъ* (εἰκών, образъ); потому что всѣ наши тѣла подобны образу, неодушевленному образу. И хорошо *тѣло отъ злата*; по-

тому что, какъ золото, хотя оно и блистательно, происходитъ изъ земли; такъ и наше естество и дѣла. И посмотри: оно обращается въ *прахъ*, какимъ было прежде (ст. 35). Между тѣмъ камень не могъ сдѣлать этого. Камень можетъ разбить, но сущности измѣнить не можетъ; а было такъ. Видишь таинство воскресенія. Подлинно, когда тѣла наши разлагаются на стихіи и возвращаются въ прежнее естество, т. е. въ землю, тогда происходитъ тлѣніе. А все это совершаетъ камень. Такимъ образомъ, когда ты представляешь это тѣло состоящимъ изъ различныхъ веществъ, голову его блестящею, грудь худшею, чрево еще худшимъ, а ноги еще болѣе худшими, то полагай это различіе только по виду; потому что все это изъ одной сущности, какъ доказываетъ конецъ, обращающій все въ прахъ. Здѣсь не мало любомудрія. Прилагай это любомудріе и къ настоящимъ обстоятельствамъ, переходя отъ тогдашняго властителя къ нынѣ царствующему, потомъ къ начальнику, который за нимъ слѣдуетъ и соотвѣтствуетъ мѣди, за тѣмъ къ желѣзнымъ и глинянымъ. Но если ты войдешь въ гробницу, то, хотя бы они употребляли тысячи усилій, устроивая себѣ и тамъ золотой гробъ, увидишь одно и тоже естество. Еще представь того богатаго, который былъ узникомъ (т. е. Павла), или того богатаго, который сталъ бѣднымъ подобно глинѣ (т. е. Іова), и увидишь, что все—прахъ. Но замѣть: не прежде все превратилось въ прахъ, какъ когда упалъ камень. *Видѣлъ еси, дондеже отторжеся камень*

отъ горы безъ рукъ, и удари тѣло въ нозѣ желѣзны, и скудельны, и истни ихъ до конца. Тогда сотрошася вкупѣ скудель, желѣзо, мѣдь, сребро и злато, и бысть яко прахъ отъ гумна лѣтня: и взятъ я премногій вѣтръ, и мѣсто не обрѣтеся имъ (ст. 34. 35). Не прежде обнаружилась сущность вещей, какъ возсіяло Солнце правды (и показало), что золото—не золото. Посмотри, и въ этомъ самомъ тѣлѣ не послѣ сокрушенія его, но когда вещества еще стояли, ни одно изъ нихъ нисколько не было лучше другаго; но только по виду, по времени и по свойству одни казались лучше другихъ. Посему и золото Богъ составилъ изъ земли, чтобы ты не полагалъ въ немъ ничего великаго. Почему же царство его называется золотымъ, Персидское серебрянымъ, Македонское мѣднымъ, а Римское желѣзнымъ и глинянымъ? Посмотри, какъ вещества соотвѣтственно расположены между собою. Золото представляетъ богатство, но оно слабо и служитъ болѣе къ обольщенію, украшенію и тщеславію. Таково и царство этого иноплеменника. Много было золота у него и у (тѣхъ) варваровъ; потому что тамъ, говорятъ, находятся металлы. Отъ сиріянъ привозится много богатства, но безполезнаго. Оно занимаетъ мѣсто головы; потому что явилось первымъ. Персидское не столь богато, равно какъ и Македонское; Римское полезнѣйшее и сильнѣйшее, а по времени позднѣйшее, и потому занимаетъ мѣсто ногъ. Впрочемъ въ немъ есть части сла-

быя и части болѣе сильныя. Такова измѣнчивость людей. *И за умноженіе беззаконія*, сказалъ Господь, *изсякнетъ любы многихъ* (Мате. 24, 12). А когда изсякаетъ любовь, то по необходимости происходятъ распри и войны; когда же есть злоумышленники и враги, то люди по необходимости относятся другъ къ другу такъ, какъ глина къ желѣзу. Какъ эти вещества по природѣ различны и никогда не могутъ соединяться между собою; такъ и тамъ. Объ этомъ говорятъ и пророки и апостолы. За тѣмъ и конецъ. Какъ при Ноѣ, когда усилилось зло, послѣдовалъ потопъ; такъ и теперь. И какъ больное тѣло, когда предается невоздержанію, то погибаетъ; такъ и міръ. Напротивъ если, когда въ городѣ есть пять праведниковъ, Богъ щадитъ городъ, то тѣмъ болѣе такъ поступитъ Онъ съ міромъ, когда они будутъ здѣсь въ соразмѣрности. *Камень же поразивый тѣло бысть гора велика, и наполни всю землю. Камень*, говоритъ, *отторжеся отъ горы.* Посмотри, когда: не тогда, когда было золотое, или серебряное, или мѣдное, но когда явилось желѣзное; тогда, говоритъ, онъ *отторжеся отъ горы;* говоритъ: *отъ горы*, выражая высоту. Но предъ царемъ онъ показалъ, что сонъ относится къ дѣламъ человѣческимъ. *Камень же*, говоритъ, *отторжеся отъ горы*. Указываетъ на самопроизвольное дѣйствіе, а не такъ, какбы онъ былъ принужденъ; ибо не сказалъ: былъ брошенъ, но: *отторжеся отъ горы;* также на неожиданность и на то, что никто не

зналъ этого. *И отсѣчеся безъ рукъ* (ст. 45). Указываетъ на рожденіе (Христа) по плоти. Иногда Писаніе называетъ горою и женъ, напр. когда говоритъ: *и въ юдоль потока, изъ него же изсѣчени бысте* (Ис. 51, 1). И Христосъ часто называется камнемъ, по твердости. *На немже падетъ*, говорится, *стрыетъ его* (Лук. 20, 18). *Яко прахъ отъ гумна лѣтня.* Здѣсь указываетъ на непостоянство. *И взятъ я премногій вѣтръ и мѣсто не обрѣтеся имъ.* Царства разрушаются такъ, какъ будто они не существовали. *Камень же бысть гора велика.* Апостольская проповѣдь наполнила всю вселенную. Такимъ образомъ этотъ камень иногда называется горою, иногда краеугольнымъ, а иногда основаніемъ, чтобы ты зналъ, что онъ наполняетъ все,—горою потому, что онъ содержитъ все; краеугольнымъ потому, что на немъ стоитъ все; потому же онъ называется и основаніемъ и корнемъ винограда. *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. 15, 5). *Сей есть сонъ*, говоритъ, *а сказаніе его речемъ предъ царемъ. Ты, царю, царь царей, ему же Богъ небесный царство даде крѣпкое, и державно и честно: во всякомъ мѣстѣ, идѣже живутъ сынове человѣчи, и звѣріе польстіи, и птицы небесныя, далъ есть въ руку твою и поставилъ тя властелина всѣмъ* (ст. 36—38). Показавъ могущество Божіе, онъ потомъ смѣло преподаетъ ему и проповѣдь. И посмотри, съ какимъ угожденіемъ и почтительностію ведетъ рѣчь. *Ты*, говоритъ,

царь царей; Тебѣ *Богъ небесный царство даде крѣпкое, и державно и честно, во всякомъ мѣстѣ, идѣже живутъ сынове человѣчи, и звѣріе польстіи, и птицы небесныя, далъ есть въ руку твою.* Не только надъ сродными тебѣ людьми, но и надъ пустынею и надъ тѣмъ, что̀ надъ головою, ты господствуешь. Замѣть, какъ онъ указалъ на тотъ даръ Божій, который былъ въ началѣ: *и обладайте рыбами морскими и птицами небесными* (Быт. 1, 28), дабы ты зналъ, что Богъ есть Творецъ и пустыни, что Онъ—Создатель не только кроткихъ, но и дикихъ животныхъ. *Во всякомъ мѣстѣ, идѣже живутъ сынове человѣчи, тебѣ далъ есть царство Богъ небесный.* Уже не говоритъ: *есть Богъ на небеси.* Посмотри, какъ онъ мало по малу преподаетъ ученіе (о Богѣ). Сначала сказалъ, что Онъ обитаетъ тамъ, чтобы не представляли Его около земли. Когда царь принялъ эту мысль, то опять отклоняетъ его и показываетъ,—что Богъ есть Творецъ самаго неба, и Владыка и Господь, и не заключается въ этомъ мѣстѣ, но и небо есть Его твореніе. Если же Онъ—Господь неба, то можетъ дать тебѣ землю. Самъ Онъ взялъ небо, а тебѣ далъ землю. Чѣмъ Онъ тамъ, тѣмъ ты на землѣ: высшимъ всѣхъ, владыкою всѣхъ, главою всѣхъ. Изъ земнаго Онъ далъ тебѣ больше другихъ, сдѣлавъ тебя главою и показавъ царство твое золотымъ, изъ чистаго золота. *Ты еси глава златая. И послѣди тебе востанетъ царство другое, меньше тебе,*

еже есть сребро, царство же третіе, еже есть мѣдь, еже соодолѣетъ всей земли (ст. 39). Таково было македонское. *И царство четвертое, еже будетъ крѣпко, аки желѣзо: якоже желѣзо стончеваетъ и умягчаетъ вся, такожде и то истончитъ и истнитъ вся* (ст. 40). Подъ четвертымъ разумѣетъ римское. Но не приводитъ названій. Почему? Онъ не сказалъ яснѣе, чтобы многіе не уничтожили самыхъ книгъ. *А яко видѣлъ еси нозѣ, и персты, часть убо нѣкую желѣзну, часть же нѣкую глиняну, царство раздѣлено будетъ и отъ корене желѣзна будетъ въ немъ, якоже видѣлъ еси желѣзо смѣшено съ глиною. И персты ножніи, часть убо нѣкая желѣзна, часть же нѣкая глиняна, часть нѣкая царства будетъ крѣпка, и отъ него будетъ сокрушенна. Яко видѣлъ еси желѣзо смѣшено съ глиною, смѣшены будутъ въ племени человѣчи, и не будутъ прилѣпляющеся сей къ сему, якоже желѣзо не смѣшается съ глиною* (ст. 41—43). Когда это было съ римлянами? Видишь ли, каковы были царства? И (цари) не всѣ были изъ царскаго рода; притомъ многіе были невѣрными. *И во днехъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство, еже во вѣки не разсыплется, и царство Его людемъ инѣмъ не останется, истнитъ и развѣетъ вся царства, тое же станетъ во вѣки* (ст. 44). Приведи ко мнѣ сюда іудеевъ. Что̀ сказали бы они объ этомъ пророчествѣ? О человѣческомъ

царствѣ, конечно, нельзя сказать, что оно будетъ безконечно; а между тѣмъ нужно быть кому-нибудь, о комъ сказано это. Если скажешь, что здѣсь говорится объ Отцѣ, то послушай, что онъ говоритъ: *во днехъ царей тѣхъ*, т. е. римлянъ. Съ другой стороны, если скажутъ: какимъ образомъ Онъ сокрушилъ золото, вавилонское царство, которое давно уже разрушено? Какимъ образомъ серебро,—царство персидское? Какимъ образомъ мѣдь,—македонское? Это было давно и уже кончилось. Но не удивляйся, возлюбленный. Если Павелъ не осмѣлился сказать ясно, но говоритъ: *дондеже держай отъ среды будетъ* (2 Сол. 2, 7), — тѣмъ болѣе Пророкъ. Какая была бы польза, скажи мнѣ, если бы сказано было ясно? Если же скажутъ: какимъ образомъ Онъ сокрушилъ мѣдь и желѣзо?—то этотъ вопросъ будетъ одинаковъ съ прежнимъ; ибо и въ тѣхъ словахъ также представляется сомнѣніе: какимъ образомъ Онъ истребляетъ уже погибшія царства? Онъ точно дѣлаетъ это, истребляя другія, въ которыхъ эти содержатся. Притомъ Онъ дѣлалъ это сокровенно, бывъ и прежде того Богомъ, а не тогда только явившись, такъ что у васъ справедливо раждается недоумѣніе. Если же кто захочетъ относить это пророчество и къ настоящему времени, тотъ не погрѣшитъ. Подлинно, и нынѣ Онъ разрушаетъ царства, — гордость македонянъ и владычество (римлянъ). Ибо, когда ты увидишь мучениковъ, которые для исполненія Его заповѣди дѣлаютъ это и гораздо

охотнѣе рѣшаются на смерть, то увидишь Его царство, какъ оно наполнило землю. Видишь пророчества. Если бы не исполнилось что-нибудь изъ этого, то не вѣрь и концу. Далѣе Пророкъ присовокупляетъ: *якоже видѣлъ еси, яко отсѣчеся отъ горы камень безъ рукъ, и истни глину, желѣзо, мѣдь, сребро, злато. Богъ возвѣсти царю, имже подобаетъ быти по сихъ: и истиненъ сонъ, и вѣрно сказаніе его* (ст. 45). Посмотри, какъ онъ удостовѣряетъ въ сказанномъ, въ неявномъ посредствомъ явнаго, и какбы такъ говоритъ: кто сказалъ сонъ, тотъ достовѣренъ и въ толкованіи. Чтоже царь? *Тогда*, говоритъ, *царь Навуходоносоръ паде на лице, и поклонися Даніилу, и рече дары и благовонія возліяти ему* (ст. 46). Такъ скоро повѣрили пророки. И справедливо царь сказалъ *дары и благовонія возліяти ему*. Видишь величайшее чудо. Видишь, какъ у язычниковъ было въ обычаѣ— изъ людей дѣлать боговъ. Слѣдовательно, когда спросятъ: откуда идолопоклонство? — знай начало его. Такъ и апостоловъ изъ людей сдѣлали богами (Дѣян. 14, 11). Такъ и діаволъ въ началѣ, стараясь ввести нечестіе, сказалъ: *будете, яко бози* (Быт. 3, 5). Но такъ какъ тогда онъ не могъ, то усиливается послѣ, стараясь вездѣ ввести многобожіе. *И отвѣщавъ царь, рече Даніилу: по истинѣ* узнаю, что *Богъ вашъ, той есть Богъ боговъ и Господь господей* (ст. 47). Отъ одного только этого обстоятельства онъ такъ скоро повѣрилъ; а іу-

деи, слыша множество подобнаго, не внимали. Видишь ли, какъ Богъ показываетъ тебѣ признательность язычниковъ? Такъ какъ уже наступало время, въ которое надлежало преподать имъ проповѣдь, то Онъ предварительно оправдывается предками ихъ, что не напрасно и не безъ причины Онъ предпочитаетъ ихъ іудеямъ.

ГЛАВА 3.

Въ лѣто осмонадесятое Навуходоносоръ царь сотвори тѣло (εἰκόνα) *злато: высота его лактей шестидесяти, и широта его лактей шести: и постави е на поли Деирѣ, во странѣ Вавилонстѣй. И посла Навуходоносоръ собрати ипаты, и воеводы, и мѣстоначальники, вожди же и мучители, и сущыя на властехъ, и вся князи странъ, пріити на обновленіе куміра, его же постави Навуходоносоръ царь* (ст. 1. 2). Посмотри на свѣтлую истину дѣлъ; кто не постыдился бы объявить это? Что говоришь ты? Тотъ, который поклонился (Даніилу), сдѣлалъ въ даръ ему возліяніе, такъ почтилъ Бога, удивлялся и изумлялся, тотъ самый, по прошествіи непродолжительнаго времени, тотчасъ возвращается къ прежнему заблужденію? Дѣйствительно, такъ. Его не поразили знаменія. Но (отроки) не думали ничего подобнаго, а имѣли въ виду только одно, какбы сохранить чистую истину. Навуходоносоръ, взявъ городъ, —

ибо тогда онъ завоевалъ его и овладѣлъ имъ,— поставилъ изображеніе, вѣроятно увлеченный гордостію. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ вспомнилъ о томъ образѣ, который показанъ былъ ему во снѣ; а другіе говорятъ, что онъ хотѣлъ возвести самаго себя въ число боговъ. Древніе имѣли желаніе считаться богами, подобно діаволу. Посмотри же на послѣдствія. Не требуя поклоненія самому себѣ, онъ приказалъ покланяться изображенію, желая достигнуть этого великолѣпіемъ, стараясь поразить и величиною и тяжестію этого тѣла, также и мѣстомъ. *На поли Деирѣ*, говоритъ Пророкъ. Можетъ быть, это была возвышенная долина. *Суть мужи Іудее, ихже поставилъ еси надъ дѣлы страны Вавилонскія, Седрахъ, Мисахъ и Авденаго, иже не послушаша заповѣди твоея, царю, и богомъ твоимъ не служатъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не покланяются. Тогда Навуходоносоръ въ ярости и гнѣвѣ рече привести Седраха, Мисаха и Авденаго* (ст. 12. 13). Почему здѣсь не видно Даніила? Мнѣ кажется, что доносчики изъ страха не объявили о немъ, или царь, по уваженію къ нему, не принуждалъ его, чтобы не имѣть въ немъ явнаго обличителя. Нѣкоторые же говорятъ, потому, что онъ назывался Валтасаромъ; а это имя было у нихъ названіемъ идола; и посему Богъ устроилъ, что Даніилъ не былъ брошенъ въ печь, чтобы не приписали избавленія его силѣ этого имени. Что же три отрока? Конечно, и они могли об-

личить это дѣло. А почему Богъ не устроилъ этого при (прежнемъ) предсказаніи? Халдеи клеветали на нихъ; ибо зависть дѣлаетъ многое. Они не могли переносить, видя плѣнниковъ властвующими надъ ними. Но посмотри, какъ у Даніила сначала они узнали образъ жизни и кротость его, а потомъ увидѣли знаменія; такъ и здѣсь отроки дѣлаются извѣстными и напередъ Богъ открылъ ихъ расположеніе; между тѣмъ сами они, бывъ такъ приготовлены, не выставлялись на видъ. Вы знаете, что человѣкъ, отчаявшійся въ настоящей жизни и готовый на смерть, не откажется рѣшиться на все, и даже на то, чтó кажется весьма дерзкимъ. Но они, презирая смерть, были кроткими, отнюдь не простирая смѣлости до дерзости и дѣлая это не по честолюбію. *И мужи тіи тріе, Седрахъ, Мисахъ и Авденаго падоша посредѣ пещи огнемъ горящія окованы, и хождаху посредѣ пламене поюще Бога, и благословяще Господа* (ст. 23. 24). Посмотри: не удивительно ли и не чудно ли это—ходить и пѣть въ огненной печи, какбы въ водной купели? Ничто не препятствовало имъ тамъ; потому что Богъ хотѣлъ этого. Такой же, мнѣ кажется, былъ и тотъ огонь, который сжегъ находившихся внѣ; и то—огонь, и это — огонь, и то — тѣла, и это — тѣла; и однако тѣхъ онъ коснулся, а этихъ не коснулся. Видишь ли, какое благо-доброе расположеніе? Ты удивляешься ихъ расположенію? Подивись и благоволенію Господа и чести, какую Онъ оказалъ имъ. *Про-*

славляющыя Мя прославлю, говоритъ Онъ (1 Цар. 2, 30). Онъ сдѣлалъ ихъ зрѣлищемъ для всѣхъ. Сверхъестественно говорили они; сверхъестественно и прославляетъ Онъ ихъ. Посмотри на рабовъ, которые могутъ дѣлать тоже, что и Господь. Для чего ты удивляешься, что они посмѣялись царю, когда стихіи благоговѣютъ и удивляются имъ? Печь сдѣлалась церковію, уподобилась самому небу. Они уже здѣсь испытали нетлѣніе. Въ началѣ грѣхъ сдѣлалъ наши тѣла страстными; когда же человѣкъ дѣлаетъ правду, они опять становятся безстрастными. *И хождаху*, говоритъ Пророкъ. Но посмотримъ, что говорятъ они; послушаемъ таинственнаго голоса ихъ съ великимъ спокойствіемъ; ты слышалъ безпорядочные и нестройные звуки самвики, псалтири и гуслей? Послушай же голоса изъ огня. Не удивительнымъ ли кажется тебѣ, что голосъ Божій былъ слышанъ изъ огня? Вотъ и рабамъ своимъ Онъ даровалъ тоже. Какой воздухъ, сотрясаясь, производилъ этотъ голосъ? Не всегда ли тѣхъ, которые обрекаются на сожженіе, убѣждаютъ открывать уста для того, чтобы послѣ этого сила (души) не могла оставаться въ тѣлѣ и на малое время? Посмотри на музыкальное согласіе, какъ они всѣ славословятъ какбы одними устами. *И ставъ съ ними Азарія помолися сице, и отверзъ уста своя посредѣ огня, рече* (ст.25). Дабы ты не думалъ, что они благодарятъ только за настоящее, они взываютъ къ Богу о плѣнѣ и тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя случились съ ними.

Посмотри, какъ они начинаютъ. *Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, хвально и прославлено имя твое во вѣки. Ангелъ же Господень сниде купно съ сущими со Азаріею въ пещь. И оттрясе пламень огненный отъ пещи, и сотвори среднее пещи яко духъ росы шумящъ: и не прикоснуся ихъ отнюдъ огнь и не оскорби, ниже стужи имъ* (ст. 26. 49. 50). И такъ не случайно это сдѣлалось. Они не только не были сожжены, но и *не стужи имъ огнь и не оскорби*, не сдѣлалъ имъ ни малѣйшаго вреда, и даже они не чувствовали жара. Для того столько и поднялся пламень, чтобы видно было и тѣмъ, которые находились внѣ. Удостовѣрить ихъ (въ истинѣ чуда) достаточно могли и ввергаемое вещество, и непрерывность огня, и то, что онъ казался воспламеняющимся болѣе и болѣе, и то, что это происходило предъ всѣми. *Навуходоносоръ же слыша поющихъ ихъ, и почудися, и воста со тщаніемъ, и рече вельможамъ своимъ* (ст. 91). А какъ случилось, что Навуходоносоръ услышалъ? Можетъ быть, не сидѣлъ ли онъ здѣсь во все время? Богъ не попустилъ ему тотчасъ услышать для того, чтобы и самое время свидѣтельствовало о случившемся, т. е. что отроки, находясь тамъ и долгое время, не потерпѣли ничего худаго. *Не трехъ ли мужей ввергохомъ средѣ огня связанныхъ? И рѣша цареви: во истинну, царю. И рече царь: се азъ вижду мужи четыри разрѣшены, и ходящы средѣ огня, и истлѣ-*

нія нпьсть въ нихъ, и зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божію (ст. 92). Онъ видѣлъ ихъ чрезъ отверстіе. *Тогда пріиде Навуходоносоръ ко устію пещи огнемъ разжженныя, и рече: Седрахъ, Мисахъ, Авденаго, раби Бога вышняго, изыдите и пріидите: и изыдоша Седрахъ, Мисахъ, Авденаго отъ среды огня* (ст. 93). Почему же они вышли не прежде, какъ онъ позвалъ ихъ? И хорошо, что онъ напередъ спросилъ вельможъ, дабы по произнесеніи отвѣта они не могли сказать ничего противнаго и не имѣли времени одуматься. Какъ Моисею Богъ говорилъ: *что сіе есть въ руцпь твоей* (Исх. 4, 2); такъ и ихъ Навуходоносоръ предупреждаетъ вопросомъ. *Се азъ вижду*, говоритъ онъ, *мужы четыри разрпьшены и ходящы средпь огня, и истлпьнія нпьсть въ нихъ, и зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божію*. Этотъ, можетъ быть, являлся въ великой красотѣ. Почему, Навуходоносоръ, узналъ ты Сына Божія? Посмотри, какъ варваръ пророчествуетъ по одному виду. И *пріиде и рече* къ нимъ: *Седрахъ, Мисахъ, Авденаго, раби Бога вышняго, изыдите и пріидите*. Замѣть: онъ не приказалъ погасить печь, но что? Сказалъ, чтобы они вышли. Видишь великое и дивное чудо. Какимъ названіемъ особенно онъ надѣялся угодить имъ, такимъ и назвалъ ихъ. Нѣтъ ничего равнаго этому благородству. Ибо, послушай, чтó говоритъ самъ Богъ: *Моисей рабъ мой скончася* (Іис. Нав. 1, 2). И *Исааку*, говорится, *рабу твоему* (Быт. 24, 14). Такимъ названіемъ вос-

хищаются ангелы, и херувимы и серафимы. Послѣ того отроки не медлили, какъ сдѣлалъ бы какой-нибудь тщеславный, но тотчасъ послушались; и сошлись всѣ видѣть чудо.

ГЛАВА 4.

Азъ Навуходоносоръ обилуяй бѣхъ въ дому моемъ, и благоцвѣтый на престолѣ моемъ, и тученъ въ народѣ моемъ (καὶ πίων ἐν τῷ λαῷ μου, ст. 1) (¹). Почему Пророкъ такъ написалъ, а не написалъ: *Навуходоносоръ изобилуяй бѣ*, но какбы отъ его лица? Мнѣ кажется, что это—слова самаго Навуходоносора. Когда онъ исправился отъ прежняго заблужденія, то, можетъ быть, издалъ для всѣхъ эту самую грамату. А Даніилъ приводитъ самый указъ, чтобы быть достовѣрнымъ. Здѣсь говоритъ роду человѣческому самъ испытавшій это. И посмотри, какое предлагается наставленіе гордымъ. Ибо онъ отъ гордости потерпѣлъ тó, чтó потерпѣлъ, и самъ показываетъ причину гордости, какъ въ концѣ, такъ и въ началѣ: въ концѣ говоритъ: *и вся ходящыя въ гордости можетъ смирити* (ст. 34); а въ приступѣ, въ самомъ началѣ, показываетъ причину гордости; тамъ объясняетъ, что за это онъ былъ смирёнъ; а здѣсь говоритъ, отъ чего это произошло, именно отъ того, что онъ наслаждался великимъ бла-

---

(¹) Послѣднихъ словъ нѣтъ въ славянскомъ текстѣ.

годенствіемъ, какъ и Давидъ говоритъ: *сего ради удержа я гордыня* (Пс. 72, 6). Такъ точно и здѣсь причиною этого полагается великое благоденствіе. Въ началѣ онъ говоритъ: *Азъ Навуходоносоръ обилуяй бѣхъ въ дому моемъ, и благоцвѣтый на престолѣ моемъ, и тученъ въ народѣ моемъ.* Невозможно, чтобы стеклись вмѣстѣ всѣ блага. Случается быть счастливымъ по власти и несчастливымъ въ своемъ домѣ, какъ было съ Иродомъ, какъ было съ Давидомъ; случается напротивъ быть несчастливымъ въ народѣ, но не терпѣть ничего непріятнаго въ домѣ; случается пользоваться миромъ въ городѣ, но испытывать смятеніе по власти. А этотъ человѣкъ благоденствовалъ во всѣхъ отношеніяхъ; ничто не огорчало его. Видишь ли, какое зло—безмятежность? Какъ для тѣлъ, когда нѣтъ трудовъ и занятій необходимыхъ, мы предпринимаемъ какіе-нибудь труды нарочитые, для упражненія тѣла; такъ обыкновенно дѣлаетъ и Богъ, чтобы уничтожить пресыщеніе. *Сонъ видѣхъ, и устраши мя, и смятохся на ложи моемъ, и видѣнія главы моея смятоша мя. И мною положися повелѣніе, привести предъ мя вся мужи мудрыя Вавилонскія, да сказаніе сна возвѣстятъ мнѣ* (ст. 2. 3). Посмотри, какъ Богъ хочетъ смирить его не самымъ опытомъ, но предсказаніемъ имѣющаго случиться, и какъ страшенъ былъ сонъ. Почему же и теперь не отступилъ отъ него духъ его и онъ не забылъ сна, какъ прежде? Потому что, когда Даніилъ

представилъ прежде достаточный опытъ (своей мудрости), именно по случаю прежняго сновидѣнія, то уже не было никакой нужды употреблять вторичное испытаніе. Богъ устрояетъ все по нуждѣ, а не изъ тщеславія. Съ другой стороны это дѣлается и для обличенія волхвовъ. Чтобы они опять не сказали: *царь да повѣсть сонъ, и сказаніе его возвѣстимъ* (Дан. 2, 7), они обличаются, что и этого истолковать не могутъ, а не только того. Они не могли опять сказать: *слово, егоже вопрошаетъ царь, тяжко, и нѣсть другаго, иже возвѣститъ предъ царемъ, но точію бози, ихже нѣсть житіе со всякою плотію* (Дан. 2, 11). Этимъ царь убѣждался, что и прежнее Даніилъ говорилъ не по такой мудрости; убѣждался, что и въ прежнія времена волхвы не говорили ничего здраваго, какъ самъ онъ говоритъ, но только не-кому было обличать ихъ. А когда пришло для нихъ обличеніе изъ Іудеи, Даніилъ, то они уже не смѣютъ и притворяться. Такимъ образомъ они опять приглашаются по устроенію (Божію). Достойно удивленія, почему царь, испытавъ силу Даніила въ такихъ дѣлахъ, не призвалъ его прежде? Самъ Богъ устроилъ такъ, чтобы съ пораженіемъ ихъ открылась его побѣда. *Устраши мя*, говоритъ царь, и однако и при этомъ не сдѣлался лучшимъ, но захотѣлъ испытать (наказаніе) на самомъ дѣлѣ. Такъ всегда Богъ невиновенъ. *И вхождаху обаятели, волсви, Газарини, Халдеи, и сонъ азъ рѣхъ предъ ними: и сказанія его не возвѣстиша*

ми, дондеже другій (ἕτερος) *вниде предъ мя Даніилъ, ему же имя Валтасаръ, по имени Бога моего, иже Духа Божія свята иматъ въ себѣ, и сонъ предъ нимъ рѣхъ* (ст. 4. 5) (1). *Дондеже*, говоритъ, *другій вниде предъ мя.* Говоритъ, какъ забывшій. Дѣйствительно, уже много лѣтъ прошло (послѣ прежняго сна), и онъ скоро забывалъ, какъ имѣвшій столько заботъ и жившій въ такой роскоши. Названіе: *другій*, показываетъ, что царь очень забылъ его. *По имени*, говоритъ, *Бога моего.* Или то онъ хочетъ сказать: я такъ почтилъ его, что именемъ бога назвалъ его. У нихъ былъ обычай называть дѣтей своихъ именами боговъ; потому что и изъ людей они дѣлали боговъ. Такъ Вилъ, какъ и нѣкто Вилей названъ у насъ. Когда бѣсы увидѣли, что такимъ образомъ людямъ воздается почитаніе и приписывается названіе боговъ, то и сами стали содѣйствовать этому. Почему онъ говоритъ: *Даніилъ, ему же имя Валтасаръ?* Потому, что онъ имѣлъ силу Божію. Это у нихъ было величайшею честію. И Даніилъ позволялъ имъ называть его этимъ именемъ; но самъ нигдѣ, упоминая здѣсь о себѣ, не называетъ себя Валтасаромъ, но какъ? *Азъ Даніилъ.* Какой чести удостоился сынъ царя, такой же и онъ; и прежде испытанія онъ казался удивительнымъ по самому виду своему. Не собственною силою, говоритъ, онъ изрекалъ, но *Духа Божія святаго иматъ въ себѣ;*—

(1) Слова: *другій* нѣтъ въ славянскомъ.

не того Духа, котораго мы называемъ Утѣшителемъ, но такъ сказать: *вдохновеніе;* онъ былъ боговдохновеннымъ. *Валтасаре, княже обаятелей.* Онъ былъ, говоритъ, первымъ изъ нихъ. Смотри, сколько знаковъ его превосходства предъ другими. *Валтасаре, княже обаятелей, егоже азъ разумѣхъ, яко Духъ Божій святый имаши* (ст. 6). Лучшій, изъ всѣхъ лучшій, какого я зналъ. Чтобы опять не поставить его въ необходимость сказать: *и мнѣ не премудростію сущею во мнѣ* (Дан. 2, 30), царь этими словами надѣялся особенно расположить его къ себѣ, и потому сказалъ это прежде всего другаго. Если я назвалъ тебя княземъ обаятелей, то не подумай, что я сказалъ это во свидѣтельство того, будто ты говоришь отъ человѣческой мудрости; ты *князь обаятелей*, но я знаю, что ты говоришь все, движимый силою божественною; это я узналъ по опыту. *И всякая тайна*, говоритъ, *не изнемогаетъ предъ тобою.* Таковы дѣла божественныя; человѣческія дѣла несовершенны, а Божіи не таковы. *Слыши видѣніе сна моего, еже видѣхъ, и сказаніе его повѣждь мнѣ, и видѣніе главы моея на ложи моемъ.* Что же говоритъ онъ? *Зрѣхъ, и се древо средѣ земли, и высота его велика. И возвеличися древо то, и укрѣпися, и высота его досязаше до небесе, и величина его до конецъ земли всея, листвіе его прекрасное, и плодъ его многъ, и пища всѣхъ въ немъ, и подъ нимъ вселяхуся вси звѣріе дивіи, и въ вѣтвехъ его живяху пти-*

цы небесныя, и отъ него питашеся всяка плоть (ст. 7—9). Что значитъ это видѣніе? Опять показывается скоротечность дѣлъ человѣческихъ. Птицы, говоритъ, и звѣри наслаждались тѣнію его, и обитали въ немъ, и пища была имъ отъ него. Говорится о власти его, простиравшейся на всю вселенную. Итакъ, прежде подъ видомъ тѣла, а теперь подъ видомъ дерева показываются ему событія. Почему Богъ не послалъ Даніила возвѣстить это? Потому что такимъ образомъ слово могло быть болѣе достовѣрнымъ и страшнымъ, когда событія представляются глазамъ, дабы ты позналъ, что Возращающій растенія возвеличиваетъ и царство сокровенно и безъ нашего вѣдома. *Видѣхъ во снѣ нощію на ложи моемъ, и се Бодрый и Святый отъ небесе сниде, и возгласи крѣпцѣ, и тако рече: посѣцыте древо, и обійте вѣтви его, и оттрясите листвіе его, и разсыплите плодъ его, да позыблются звѣріе подъ нимъ, и птицы съ вѣтвей его. Точію отрасль коренія его въ земли оставите, и во узѣ желѣзнѣ и мѣднѣ, и въ злацѣ внѣшнѣмъ, и въ росѣ небеснѣй вселится, и со звѣрьми часть его въ травѣ земной. Сердце его отъ человѣкъ измѣнится, и сердце звѣрино дастся ему, и седмь временъ измѣнятся надъ нимъ. Изреченіемъ Бодраго слово, и глаголъ святыхъ прошеніе, да увѣдятъ живущіи, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже восхощетъ, дастъ е, и уничтоженное человѣковъ воз-*

ставитъ надъ нимъ (ст. 10—14). Посмотри: *Бодрымъ* онъ называетъ великій свѣтъ и сіяніе. *И святый отъ небесе сниде, и возгласи крѣпцѣ*, такъ что устрашилъ его. *И тако рече*: *посѣцыте древо*: *точію отрасль коренія его въ земли оставите.* Но такъ какъ растеніе часто повреждается, то *оставите*, говоритъ, такъ, какбы *во узѣ желѣзнѣ и мѣднѣ. И седмь временъ*, говоритъ, *надъ нимъ измѣнятся, и со звѣрьми жизнь его.* А что это относилось къ человѣку, видно изъ послѣдующаго. *И сердце*, говоритъ, *звѣрино дастся ему. Изреченіемъ Бодраго слово;* т. е. само по себѣ оно не можетъ быть яснымъ, но имѣетъ нужду въ толкователѣ. *И глаголъ*, говоритъ, *святыхъ прошеніе;* т. е. и святые будутъ въ состояніи сказать такъ. Или это онъ разумѣетъ, или то, что они будутъ въ состояніи предложить вопросъ и показать причину, по которой это происходитъ и которая открылась изъ отвѣта. *Да увѣдятъ*, говоритъ, *живущіи, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ.* Вотъ причина. Видишь ли, какъ Богъ промышляетъ о людяхъ, какъ власть Его не ограничивалась іудеями? *Сей сонъ*, *его же видѣхъ азъ Навуходоносоръ царь: ты же*, *Валтасаре, сказаніе его повѣждь, яко вси мудріи царства моего не могутъ сказанія его повѣдати мнѣ: ты же можеши, яко Духъ Божій святъ въ тебѣ* (ст. 15). *Яко вси мудріи царства моего не могутъ.* Онъ зналъ, что опять будетъ пріятно Даніилу, какъ всѣ

признаютъ себя побѣжденными, не для славы его, но чтобы опять открылась сила Божія. *Ты же можеши*, говоритъ, *скажи*. Почему? *Яко Духъ Божій въ тебѣ*. Посмотри: этимъ онъ началъ рѣчь, этимъ и кончилъ. *Древо, еже видѣлъ еси, возвеличившееся и укрѣпившееся, его же высота досязаше до небесе, и величина его на всю землю, и листвіе его благоцвѣтное, и плодъ его многъ, и пища всѣмъ въ немъ. Подъ нимъ живяху звѣріе дивіи, и въ вѣтвехъ его угнѣздяхуся птицы небесныя, ты еси, царю, яко возвеличился еси и укрѣпѣлъ, и величество твое возвеличися, и досяже небесе, и власть твоя до конецъ земли. И яко видѣ царь Бодраго и Святаго, сходяща съ небесе, и рече: посѣцыте древо и разсыплите е, точію проничение коренія его въ земли оставите, и во узѣ желѣзнѣ и мѣдянѣ, и во злацѣ внѣшнѣмъ, и въ росѣ небеснѣй водворится, и со звѣрми дивіими часть его, дондеже седмь временъ премѣнятся надъ нимъ. Сіе сказаніе его, царю, и изреченіе Вышняго есть, еже приспѣ на господина моего царя: изженутъ тя отъ человѣкъ, и съ дивіими звѣрми будетъ житіе твое, и травою, аки вола, напитаютъ тя, и отъ росы небесныя тѣло твое оросится, и седмь временъ измѣнятся надъ тобою, дондеже увѣси, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже восхощетъ, дастъ е. А еже рече: оставите проничение коренія древа,*

царство твое тебѣ будетъ, отнелѣже увѣси власть небесную (ст. 17—23). Что же далѣе говоритъ онъ? Какъ послѣдуетъ избавленіе отъ несчастія? *Сего ради, царю, совѣтъ мой да будетъ тебѣ угоденъ, и грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ. Негли будетъ долготерпѣливъ грѣхомъ твоимъ Богъ* (ст. 24). Для чего ты говоришь: *негли будетъ*, и силу врачевства поставляешь подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ? Не для того я сказалъ: *негли*, не сомнѣваясь,—да не будетъ,—но желая внушить ему страхъ, какъ будто бы онъ согрѣшилъ выше всякаго врачевства и всякаго прощенія. Ибо, если и послѣ такихъ словъ онъ остался въ безуміи, то тѣмъ больше, если бы это не было сказано подъ видомъ сомнѣнія. Туже цѣль имѣетъ въ виду Богъ и въ другихъ мѣстахъ, когда напр. говоритъ чрезъ Пророка: *аще умыешися нитромъ, порочень еси предо Мною, рече Господь* (Іер. 2, 22); и еще: *аще премѣнитъ Еѳіоплянинъ кожу свою, и рысь пестроты своя* (Іер. 13, 23). Какъ тамъ онъ исключаетъ покаяніе не для того, чтобы исключить, но чтобы болѣе устрашить; такъ и здѣсь, желая показать величіе грѣховъ, сказалъ: *негли*. А почему не сказалъ: смирись, признай Бога? Если царь за это страдаетъ, какъ и самъ онъ говоритъ, то для чего ты внушаешь другое? Онъ сказалъ: *да увѣдятъ, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ*. Чтоже, я наказываюсь для того, чтобы другіе вразумились?

Нѣтъ; во снѣ Богъ, не желая открывать ясно, сказалъ: *да увѣдятъ живущіи;* а Даніилъ говоритъ: *дондеже увѣси, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже восхощетъ, дастъ е.* Видишь ли, какъ здѣсь сказано о смиренномудріи? Во снѣ, говоритъ, предложено такое врачевство; а я укажу и другое. Это подобно тому, какъ если бы гнѣвался начальникъ, и, тогда какъ самъ онъ ничего не говоритъ, кто-нибудь изъ его приближенныхъ, подошедши къ виноватому, сказалъ: сдѣлай то и то, дай денегъ, и неоднократно, и мы можемъ избавить тебя отъ угрожающихъ бѣдствій. *Еще слову сущу во устѣхъ царя, гласъ съ небесе бысть: тебѣ глаголется, Навуходоносоре царю: царство твое прейде отъ тебе, и отъ человѣкъ отженутъ тя, и со звѣрми дивіими житіе твое, и травою аки вола напитаютъ тя, и седмь временъ измѣнятся на тебѣ, дондеже увѣси, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е. Въ той часъ слово скончася на Навуходоносорѣ, и отъ человѣкъ отгнася, и траву аки волъ ядяше, и отъ росы небесныя тѣло его оросися, дондеже власы ему яко льву возрастоша, и ногти ему аки птицамъ* (ст. 28—30). Посмотри на опредѣленіе, свыше обращенное къ самому Навуходоносору. И дѣло довершилось. Ты не позналъ, говоритъ, человѣческаго благородства, низпалъ до низости звѣрей. Ничего не могло быть постыднѣе этого, даже и то, если

бы Богъ сдѣлалъ его бѣднымъ, или узникомъ, или чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ. Впрочемъ Онъ не лишилъ его естественнаго благородства, не измѣнилъ тѣла его въ естество звѣря, но то, чѣмъ отличается человѣкъ отъ безсловесныхъ, Онъ довелъ до звѣрскаго состоянія. Какимъ образомъ? Такъ, что и другіе могли узнать это по его пищѣ, по виду. Чему же мы научаемся изъ этого? Тому, что мы бываемъ нисколько не лучше безсловесныхъ, хотя бы съ нами не случилось тогоже, если мы впадаемъ въ гордость, или въ другую звѣрскую страсть. Сколь многіе и нынѣ, подобно Навуходоносору, имѣютъ душу звѣря? Послушай Іоанна, который говоритъ: *змія, порожденія ехиднова* (Матѳ. 23, 33); и другаго Пророка, который говоритъ: *кони женонеистовни сотворишася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаше* (Іер. 5, 8); и еще другаго: *псы нѣміи не возмогутъ лаяти* (Иса. 56, 10); и инаго, называющаго людей *лисицами* (Езек. 13, 4); и еще инаго, называющаго ихъ *аспидами и василисками* (Пс. 90, 13). Но гораздо хуже, находясь въ этой жизни, дойти до звѣрства, нежели испытать случившееся съ Навуходоносоромъ. Тотъ не потерпѣлъ ничего худаго въ душѣ; а мы, собирая такъ много грѣховъ, сколько худшими сдѣлались уже, объ этомъ сказано. Мудрецы языческіе, говорятъ, превращали людей въ звѣрей. Но какимъ образомъ? То—баснь, а это—истина. Для чего они превращали ихъ? Ни для чего; а Писаніе высказываетъ и причину: *да увѣдятъ вси,*

яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ. Видишь ли, какъ все возможно для Бога,—и изъ людей сдѣлать звѣрей, и измѣнить разумъ? Представь же, какъ поразительно было видѣть человѣка, жившаго въ такомъ блескѣ, живущимъ вмѣстѣ съ звѣрями, нагимъ. Онъ не перемѣнилъ своего вида; иначе здѣсь не было бы ничего страшнаго. Получить *сердце звѣря*, не то значитъ, будто онъ лишился разума, но то, что, имѣя человѣческую душу, онъ чувствовалъ свое положеніе. Если бы онъ превратился въ звѣря, то не сознавалъ бы случившагося. Что же значитъ: *сердце звѣрино дастся ему?* Т. е. онъ одичалъ и не хотѣлъ быть вмѣстѣ съ людьми, или боялся быть съ людьми, или боялся людей, какъ звѣрей. Что было выше его? Что ниже его? *И отъ человѣкъ отгнася.* Могущество его нисколько не защитило его. Онъ не сдѣлался плотояднымъ звѣремъ, но ѣлъ траву, и былъ подобенъ безсловесному животному. *Да увѣси,* говоритъ; ты будешь употреблять траву, какъ обыкновенную пищу. Какъ звѣри не съѣли его? Какъ тѣло его могло варить такую пищу? Какъ онъ не погибъ? А не мало прошло времени. Онъ ходилъ, представляя всѣмъ образецъ униженія, нося на себѣ знаки наказанія, какъ заклейменный. Можетъ быть, скажетъ кто-нибудь, что лучше было бы ему оставаться съ людьми и терпѣть это: но это было сдѣлано для усиленія его наказанія; а вразумленіе отъ наказанія одинаково происходило, такъ какъ всѣ разсказывали о случившем-

ся съ нимъ, и, можетъ быть, сами видѣли его внѣ (города); видѣть же это было гораздо ужаснѣе. Притомъ времени прошло не мало, но цѣлое субботтое число. *Седмь временъ*, говоритъ, *измѣнятся*: три года съ половиною. *И по скончаніи тѣхъ дней азъ Навуходоносоръ очи свои на небо воздвигъ, и умъ мой ко мнѣ возвратися, и Вышняго благословихъ, и живущаго во вѣки похвалихъ, и прославихъ, яко власть Его власть вѣчна, и царство Его въ роды и роды, и вси живущіи на земли ни во что же вмѣнишася: и по воли своей творитъ въ силѣ небеснѣй, и въ селеніи земнѣмъ: и нѣсть, иже воспротивится руцѣ Его, и речетъ Ему: что сотворилъ еси* (ст. 31. 32)? *Очи мои*, говоритъ, *на небо воздвигъ*, т. е. онъ приступилъ и молился Богу, и у Него просилъ помощи. Хотя время вполнѣ прошло, но онъ не надѣялся на это. Ибо, какъ онъ властенъ былъ не допустить событію совершиться на самомъ дѣлѣ, такъ если бы и по истеченіи опредѣленнаго времени онъ остался неисправимымъ, это опредѣленіе не принесло бы ему никакой пользы; потому что опредѣленіе Божіе исполняется не по необходимости, но примѣнительно къ нашему состоянію. Такъ и Даніилъ,—хотя время уже исполнилось, —справедливо молится, чтобы съ продолженіемъ нечестія и оно не продолжилось (Дан. 9, 4). Какъ бываетъ это при помилованіи, напримѣръ Езекіи (4 Цар. гл. 20), такъ справедливо бываетъ и при наказаніи, напримѣръ іудеевъ;

Богъ хотѣлъ скоро ввести ихъ въ Палестину, а они своимъ нечестіемъ прибавили себѣ сорокъ лѣтъ. Посмотри, какъ онъ прибѣгаетъ къ Богу. Я воззрѣлъ, говоритъ, на небо, и сталъ опять человѣкомъ. *И зракъ мой возвратися ко мнѣ*. Какъ видъ его не измѣнился изъ человѣческаго и онъ не превратился въ звѣря, такъ и умъ. И что? *Похвалихъ и прославихъ*. Какимъ образомъ? *Вышняго*, говоритъ, *благословихъ, и живущаго во вѣки похвалихъ, и прославихъ*. Ни что такъ не считается достойнымъ Бога, какъ постоянное бытіе. *Яко власть Его*, говоритъ, *власть вѣчна*, *и царство Его въ роды и роды*. Этимъ особенно человѣкъ отличается отъ Него, и это считалось у людей самымъ блаженнымъ. *Яко власть Его, власть вѣчна*, существуетъ во всякое время. Безъ пищи, говоритъ, Онъ питалъ меня; безъ одежды и безъ всего прочаго не погибло мое тѣло. Представь, какимъ онъ сталъ, возвратившись изъ пустыни на царство. *Въ то время*, говоритъ, *умъ мой возвратися ко мнѣ, и въ честь царства моего пріидохъ, и зракъ мой возвратися ко мнѣ, и начальницы мои, и вельможи мои искаху мене, и въ царствѣ моемъ утвердихся, и величество изобилнѣе приложися мнѣ* (ст. 33). *И искаху мене*, говоритъ, *вельможи мои*, прогнавшіе властителя и царя, впрочемъ по распоряженію Божію. Ибо для того и опредѣляется время, чтобы ты не подумалъ, будто происходитъ что-нибудь случайно. *И царство Его въ*

роды и роды, и вси живущіи на земли ни во что же вмѣнишася, Если я, владычествующій надъ всѣми, вмѣненъ былъ ни во что, то тѣмъ болѣе всѣ прочіе. Ибо Тотъ, Кто лишилъ царства столь сильнаго мужа, тѣмъ болѣе (лишитъ всего) подвластныхъ. *И по воли своей творитъ въ силѣ небеснѣй и въ селеніи земнѣмъ.* Выраженіе: *ни во что же вмѣнишася,* означаетъ не то, будто Богъ презираетъ ихъ,— да не будетъ, — но то, что Онъ силенъ и какъ хочетъ, такъ и распоряжается ими. Тоже выражаютъ и слѣдующія слова: *и по воли своей творитъ въ силѣ небеснѣй и въ селеніи земнѣмъ.* Пусть такъ; о землѣ ты знаешь, а о небѣ откуда знаешь? Изъ сновидѣнія. Онъ повелѣлъ. Какъ услышали? Изъ огня пещи. *И нѣсть, иже воспротивится руцѣ Его, и речетъ Ему: что сотворилъ еси?* Не только, говоритъ, не воспротивится, но даже не скажетъ ни слова. Онъ властвуетъ надъ всѣми; Онъ самъ —все. *Въ то время,* говоритъ, *умъ мой возвратися ко мнѣ. Въ то;* въ какое? Въ сказанное Богомъ. Почему они возвратили его на царство? Тѣ, которые низвергли столь сильнаго, какъ опять возвели его, сдѣлавшагося слабымъ? *И въ честь царства моего пріидохъ, и зракъ мой возвратися ко мнѣ, и начальницы мои и вельможи мои искаху мене, и въ царствѣ моемъ утвердихся, и величество изобилнѣе приложися мнѣ.* Видишь ли, какъ Богъ можетъ и воздвигнуть и разрушить царство? Въ этомъ слѣдовало бы убѣдиться и

прежними опытами; но такъ какъ ты не понимаешь того, то Богъ разрушилъ твое царство, и опять возстановилъ. *Нынѣ убо азъ Навуходоносоръ хвалю, и превозношу, и славлю Царя небеснаго: яко вся дѣла Его истинна, и путіе Его судьбы, и вся ходящыя въ гордости можетъ смирити* (ст. 34). Нельзя сказать, что Онъ имѣетъ силу, но несправедливую; нѣтъ, и правда его велика. *И вся ходящыя въ гордости можетъ смирити.* Не сказалъ: *смиряетъ*, чтобы показать тебѣ и долготерпѣніе Его, и дабы ты зналъ, что не по слабости Онъ поступаетъ такъ, но чрезъ одного вразумляетъ и другихъ. Видишь ли силу Его? Видишь ли правду? Видишь ли человѣколюбіе? Видишь ли, какъ произносятъ это уста варвара? Кто такъ любомудрствовалъ? Воспитанные пророками не говорили ничего такого, но говорили противное. *Не иматъ блага сотворити Господь, ниже иматъ озлобити* (Соф. 1, 12). И еще: *не крѣпостію ли нашею имамы роги* (Амос. 6, 13)? И еще: *всякъ творяй зло добръ предъ Господемъ, и въ нихъ самъ благоволи* (Малах. 2, 6). И еще: *что болѣе, яко работахомъ Ему* (Мал. 3, 14)? Видишь ли въ Палестинѣ сатанинское ученіе? Видишь ли въ землѣ варварской пророческое любомудріе? Это —прообразы благодати, имѣвшей быть у язычниковъ,—того, что послѣдніе имѣли предварить первыхъ. Потомъ Валтасаръ, опьянѣвъ во время пиршества, повелѣваетъ принести сосуды, (іудейскіе), какбы хвалясь побѣдою отца, или

лучше, безумствуя отъ опьяненія, или потому, что іудеи были зрителями происходившаго, дабы истребить въ нихъ благоговѣніе, какое они имѣли къ Богу. Это происходило отъ гордости и пьянства. Будемъ же остерегаться пьянства, возлюбленные. Отъ него происходитъ много безразсуднаго. Пьянство преодолѣваетъ и великихъ мужей; ибо Валтасаръ повелѣлъ это, напившись вина. Отецъ его, вывезши сосуды, пощадилъ ихъ, и, взявши городъ, не дерзнулъ употребить ихъ на человѣческое служеніе; а этотъ не только самъ употреблялъ, но отдалъ ихъ на употребленіе и вельможамъ своимъ и наложницамъ и возлежавшимъ вмѣстѣ съ нимъ.

ГЛАВА 5.

Валтасаръ царь сотвори вечерю велію вельможамъ своимъ тысящи мужемъ. Предъ тысящею же вино, и пія Валтасаръ рече при вкушеніи вина, еже принести сосуды златы и сребряны, яже изнесе Навуходоносоръ отецъ его изъ храма, иже во Іерусалимѣ, и да піютъ въ нихъ царь и вельможи его, и наложницы его, и возлежащыя (окрестъ) его. И принесоша сосуды златыя и сребряныя, яже изнесе Навуходоносоръ изъ храма Господа Бога, иже во Іерусалимѣ. И піяху ими царь, и вельможи его, и наложницы его, и возлежащыя (окрестъ) его. Піяху вино, и похвалиша боги златыя,

и сребряныя, и мѣдяныя, и желѣзныя, и древяныя, и каменныя (ст. 1—4). Видишь ли, какъ взяты сосуды? Но посмотри на ихъ силу и послѣ того, какъ они были взяты и положены въ идольскомъ храмѣ. Пусть тотъ (царь) поступилъ съ ними по своему произволу; а для чего это? Они взяты были за грѣхи (іудеевъ), которые были наказаны. Какой же конецъ послѣ знаменій? Почему не потерпѣли ничего вельможи, но одинъ царь? Потому, что онъ сказалъ, онъ былъ виновникомъ. *Похвалиша*, говоритъ, *боги златыя и сребряныя*. Для чего у нихъ было такое различіе боговъ? Діаволъ, желая лишить ихъ всякаго оправданія, часто внушалъ имъ дѣлать деревянныхъ боговъ, чтобы и драгоцѣнности вещества они не представляли въ свое оправданіе. *Похвалиша* ихъ. Посмотри, какъ Богъ никогда не начинаетъ, но дѣлаетъ свое дѣло послѣ. Для чего судъ послѣдовалъ немедленно и въ тотъ же часъ? Для того, чтобы не уничтожилось сдѣланное прежними чудесами; оскорбляя Бога посредствомъ сосудовъ, царь хотѣлъ оскорбить и людей. И посмотри, что происходитъ. Онъ пожелалъ сосудовъ, и въ тотъ же часъ наказаніе. Для чего не посылается пророкъ съ обличеніемъ, но персты руки? Для того, чтобы обличеніе было болѣе поразительно. *Въ той часъ изыдоша персты руки человѣчи, и писаху противу лампады на поваппеніи стѣны дому царева, и царь видяше персты руки пишущія* (ст. 5). Притомъ былъ вечеръ, нужно было укротить надменность,

произшедшую отъ опьяненія. Потомъ нужно было всѣмъ присутствовавшимъ узнать, что царь наказывается. Для чего Богъ не послалъ тотчасъ молніи съ неба? Для того, чтобы опять прославился и рабъ его, чтобы выслушали его, за что̀ царь терпитъ это. Ибо Даніилъ, вошедши, не только объясняетъ написанное, но говоритъ длинную рѣчь, и притомъ увѣщательную, не съ тѣмъ, чтобы принесть пользу царю, но чтобы сдѣлать другихъ лучшими. *Тогда Даніилъ введенъ бысть предъ царя. И рече царь Даніилу: ты ли еси Даніилъ, отъ сыновъ плѣнникъ Іудейскихъ, ихже приведе Навуходоносоръ царь отецъ мой* изъ Іудеи (ст. 13)? Говоритъ это, какбы желая устрашить и заставить Даніила. Но сказавъ: *ихже приведе царь отецъ мой отъ плѣнникъ Іудейскихъ*, онъ привелъ эти слова противъ себя самаго, если онъ всегда имѣлъ нужду въ плѣнникахъ. *Слышахъ о тебѣ, яко Духъ Божій въ тебѣ, и бодрость, и смыслъ, и премудрость изобилна обрѣтеся въ тебѣ. И нынѣ внидоша предъ мя мудріи, волсви, Газарини, да писаніе сіе прочтутъ, и сказанія его возвѣстятъ ми, и не могоша возвѣстити мнѣ. Азъ же слышахъ о тебѣ, яко можеши суды сказати. Нынѣ убо аще возможеши писаніе сіе прочести, и сказаніе его возвѣстити мнѣ, въ багряницу облечешися, и гривна златая на выи твоей будетъ, и третій въ царствѣ моемъ обладати будеши* (ст. 14 — 16). Онъ признаетъ

своихъ мудрецовъ побѣжденными и говоритъ: скажи и получи это. Но посмотри на Пророка, какъ предъ отцемъ его онъ смутился духомъ (Дан. 4, 16), а здѣсь не чувствовалъ ничего такого, но что̀ говоритъ? *Тогда отвѣща Даніалъ, и рече предъ царемъ: даянія твоя съ тобою да будутъ, и даръ дому твоего иному даждь, азъ же писаніе прочту царю, и сказаніе его возвѣщу тебѣ* (ст. 17). Для чего онъ отказывается отъ подарковъ? Для того, чтобы ты зналъ, что онъ говоритъ не для нихъ. А что онъ сказалъ это безъ гнѣва, для того прибавляетъ: *азъ же писаніе прочту, и сказаніе его возвѣщу царю*. Видишь ли, какъ онъ выше богатства, выше почестей, не нуждается ни въ чемъ царскомъ? Таковы должны быть тѣ, которые возвѣщаютъ дѣла Божіи. Также для того, чтобы царь не подумалъ, будто онъ расположилъ его къ себѣ такимъ образомъ, или будто въ сказанномъ есть нѣчто человѣческое. Что же онъ говоритъ? Оставивъ объясненіе написаннаго, онъ предлагаетъ совѣтъ, напоминая ему о случившемся съ отцемъ его, съ самаго начала. *Богъ Вышній царство и величество и честь и славу даде Навуходоносору отцу твоему, и отъ величества, еже ему даде, вси людіе, племена, языцы бяху трепещуще и бояхуся отъ лица его: и ихже хотяше, убиваше, и ихже хотяше, біяше, и ихже хотяше, возвышаше, и ихже хотяше, той смиряше. И егда вознесеся сердце его, и утвердися духъ его, еже пре-*

зорствовати, сведеся отъ престола царства, и слава и честь отъяся отъ него, и отъ человѣкъ отгнася, и сердце его со звѣрми отдася, и житіе его съ дивіими ослы, и травою аки вола питаху его, и отъ росы небесныя оросися тѣло его, дондеже уразумѣ, яко владѣетъ Богъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже хощетъ, дастъ е (ст. 18—21). Если онъ, говоритъ, не удостоился прощенія, то ты, неисправившійся послѣ такого примѣра, скажи мнѣ, чего достоинъ? Развѣ ты не зналъ всего этого? Кого кому предпочитаешь ты? Боговъ неслышащихъ и невидящихъ? *И ты убо, сыне его Валтасаре, не смирилъ еси сердца твоего предъ Господемъ. Не вся ли сія вѣдалъ еси? Но на Господа Бога небеснаго вознеслся еси, и сосуды храма его принесоша предъ тебе: ты же и вельможи твои, и наложницы твои, и возлежащыя* (*окрестъ*) *тебе, вино піясте ими: и боги златыя, и сребряныя, и мѣдяныя, и желѣзныя, и каменныя, и древяныя, иже ни видятъ, ни слышатъ, ни разумѣютъ, похвалилъ еси, а Бога, у негоже дыханіе твое въ руцѣ Его, и вси пути твои, того не прославилъ еси. Сего ради отъ лица его послани быша персты ручніи, и писаніе сіе вчиниша. Се же есть писаніе вчиненное: Мани, Ѳекел, Фарес. Се сказаніе глагола: Мани, измѣри Богъ царство твое, и скончa е. Ѳекел, поставися въ мѣрилѣхъ, и обрѣтеся лишаемо. Фарес, раздѣлися*

царство твое, и дадеся Мидомъ и Персомъ (ст. 22—28). *Сего ради*, говоритъ, *измѣри Богъ царство твое и раздѣлися.* И то сдѣлано въ наказаніе, что оно раздѣлилось и не осталось цѣлымъ. Такъ было и съ Соломономъ. Не только сынъ не получилъ царства, но еще оно раздѣлилось. Посмотри, какъ Богъ оправдывается предъ нимъ; посмотри, какъ онъ самъ виноватъ. *У Него же*, говоритъ, *дыханіе твое въ руцѣ Его*. Не могъ ли онъ тотчасъ же умертвить тебя? Но Онъ долготерпѣлъ. Кого не устрашило бы такое наказаніе, и притомъ столь близкое? Видишь ли силу (Божію) на то и на другое? Какъ, скажи мнѣ, ты удостоишься прощенія? Ты, сынъ его, не скажу—потомокъ, развѣ не зналъ всего этого? Опредѣленіе пишется, какбы въ судилищѣ; а этотъ объясняетъ сказанное. Какъ пришло ему на мысль почтить Даніила? Мнѣ кажется, для того, чтобы его не осудили присутствовавшіе; можетъ быть, онъ надѣялся за это получить избавленіе.

ГЛАВА 6.

И царь постави его надъ всѣмъ царствомъ своимъ. Чиновницы же и князи искаху вины обрѣсти на Даніила. И всякія вины и грѣха не обрѣтоша на него, яко вѣренъ бяше (ст. 3. 4); т. е. былъ благорасположенъ къ царю. Или слова: *яко вѣренъ бяше*, означаютъ: надѣялся на Бога, который

управляетъ всѣмъ; а когда Богъ управляетъ, то какой можетъ быть вредъ? Что же говорятъ? *Рѣша чиновницы: не обрящемъ на Даніила вины, аще не въ законѣхъ Бога его* (ст. 5). Невозможно, говорятъ, ничего найти. Почему? Развѣ онъ не человѣкъ? Развѣ онъ не погрѣшалъ ни въ чемъ? Будущее неизвѣстно; какъ же вы утверждаете о будущемъ? Мы узнали объ этомъ, говорятъ, изъ опыта. *Аще не въ законѣхъ Бога его, обрящемъ вины.* Но тамъ онъ гораздо болѣе безукоризненъ. Богъ попускаетъ искушеніе для испытанія. Не могъ ли Онъ остановить ихъ злобу? Но чтобы ты научился чрезъ это и подивился Ему, для того Онъ не лишаетъ вѣнца рабовъ своихъ. *Тогда чиновницы и князи предсташа царю, и рѣша ему: Даріе царю, во вѣки живи. Совѣщаша вси, иже въ царствѣ твоемъ воеводы и князи, ѵпаты и обладающіи странами, еже уставити уставъ царскій, и укрѣпити предѣлъ, яко аще кто попроситъ прошенія отъ всякаго бога и человѣка, до дней тридесяти, развѣ точію отъ тебе, царю, да вверженъ будетъ въ ровъ левскій. Нынѣ убо, царю, устави предѣлъ, и положи писаніе, яко да не измѣнится заповѣдь Мидска и Персска, да никтоже преступитъ ея. Тогда царь Дарій повелѣ вписати заповѣдь* (ст. 6—9). Посмотри, что они дѣлаютъ, какъ они стараются постановить безразсудное повелѣніе, и усильно просятъ этого. Ибо сказать: *аще кто попроситъ отъ человѣка,*—основатель-

но ли это? Но въ основаніе просьбы они, по видимому, представляютъ краткость времени. Какой же это предлогъ? Для чего ты говоришь это? *Совѣщаша*, говоритъ; всѣ собравшіеся опредѣлили такъ, чтобы въ продолженіи тридцати дней просить только у тебя одного. О варварское прошеніе! О угодливость, исполненная великаго безумія, безславящая того, кому по видимому оказываетъ честь! Ибо, если это хорошо, то слѣдовало бы быть этому постоянно; если же не хорошо, то не должно быть и въ теченіи тридцати дней. Опять, если хорошо, то для чего указываете на множество (опредѣлившихъ)? И безъ этого должно было согласиться; а если не хорошо, то хотя бы повелѣвала вся вселенная, не слѣдовало слушаться. Царь не провидѣлъ коварства, какъ видно изъ послѣдующаго. Онъ постановилъ, а они утвердили это постановленіе граматою, такъ, чтобы царь не имѣлъ времени отмѣнить его, хотя бы потомъ и пожелалъ. Что же говоритъ Даніилъ, услышавъ объ этомъ? Онъ не смутился, не прибавилъ ничего (къ своему образу жизни), и не убавилъ отъ него. Посмотри, какъ добродѣтельный человѣкъ живетъ всегда ровно, взирая на все, какъ на какіе-нибудь скоропреходящіе цвѣты,—и на радости и на скорби, какъ на тѣни. Если онъ былъ такъ непоколебимъ въ началѣ, то тѣмъ болѣе теперь, послѣ опыта подвиговъ получивъ столько вѣнцевъ. Почему же онъ не пришелъ (къ царю)? Почему не пожаловался, имѣя такое дерзновеніе предъ царемъ? Онъ хо-

тѣлъ сдѣлать это не словами, а дѣлами. Въ другихъ случаяхъ, когда требовала нужда, мы видимъ, какъ онъ всегда поспѣшаетъ и является. *Даніилъ же егда увѣдѣ, яко заповѣдь вчинися, вниде въ домъ свой: дверцы же отверсты ему въ горницѣ его противу Іерусалима: въ три же времена дне бяше преклоняя колѣна своя, моляся и исповѣдаяся предъ Богомъ своимъ, якоже бѣ творяй прежде* (ст. 10). Для чего Писаніе напоминаетъ намъ о дверцахъ, что онѣ были отверсты къ Іерусалиму? Іудеи имѣли сильное желаніе видѣть Іерусалимъ. Какъ для того, котораго возлюбленная находится въ отдаленіи, любезны и пути, ведущіе туда: такъ точно было и съ нимъ. Другіе любили Іерусалимъ ради чувственныхъ благъ, а онъ нѣтъ, но для славы Божіей. А что это такъ, видно изъ слѣдующаго: онъ не хотѣлъ возвратиться, когда дождался желаннаго конца. Посему и мы, какъ предали намъ отцы, молимся, взирая на востокъ; мы также ищемъ древняго города и отечества; и по истинѣ, это достойно исканія. Какъ же, когда Богъ находится вездѣ, и Пророкъ говоритъ: *возшедшему на запады, Господь имя Ему* (Пс. 67, 5), мы обращаемся къ востоку? Тамъ была какбы врачебница древняя. Но ты не испыталъ ея на самомъ дѣлѣ? Поищи. И мы живемъ въ плѣну; впрочемъ только до пришествія Христова. А почему онъ только въ три времени дня преклонялъ колѣна свои? Чтоже? Развѣ не удивительно и это? Онъ былъ человѣкъ, обремененный

столькими заботами, и не имѣвшій ни малаго отдыха. Посмотри, какъ исполнялось апостольское изреченіе: *на всякомъ мѣстѣ воздѣюще преподобныя руки* (1 Тим. 2, 8). И то̀, что Христосъ повелѣлъ, они исполняли. *И затворивъ*, говорилъ Онъ, *двери твоя, помолися Отцу твоему* (Матѳ. 6, 6). *Тогда отвѣщаша предъ царемъ, и глаголаша: Даніилъ, иже отъ сыновъ плѣна Іудейска, не покорися заповѣди твоей, и (нерадѣ) о предѣлѣ, егоже вчинилъ еси: въ три бо времена дне проситъ у Бога своего прошеній своихъ. Тогда царь, яко слыша слово сіе, зѣло опечалися о немъ, и о Даніилѣ пряшеся, еже избавити его, и бѣ даже до вечера пряся, вже избавити его. Тогда мужи оніи глаголаша царю: вѣждь, царю, яко Мидомъ и Персомъ не лѣть есть премѣнити всякаго предѣла и устава, егоже царь уставитъ. Тогда царь рече, и приведоша Даніила и ввергоша его въ ровъ левскъ* (ст. 13—16). Можетъ быть, нѣкоторые изъ васъ скажутъ: развѣ царь не могъ избавить его? Конечно, Богъ могъ сдѣлать царя болѣе могущественнымъ, но Онъ велъ борца на подвигъ. Онъ зналъ конецъ, не невѣдалъ объ исходѣ. И царь, если бы зналъ имѣющій послѣдовать конецъ, то не спорилъ бы; но онъ не могъ. Онъ достоинъ похвалы за усердіе, достоинъ прощенія за стараніе. Такъ любезенъ былъ ему Даніилъ; но зависть не позволяетъ видѣть и хорошаго, или лучше, позволяетъ видѣть, но не такими глазами. Не должно, гово-

рятъ, дѣламъ быть столь нетвердыми и законамъ нашимъ — столь слабыми; весь народъ оскорбляется. Даніила ввергаютъ въ ровъ; налагаютъ камень. *И рече царь Даніилу: Богъ твой, Емуже ты служиши присно, той избавитъ тя. И принесоша камень единъ, и возложиша на устіе рва, и запечата царь перстнемъ своимъ, и перстнемъ вельможъ своихъ, да не измѣнится дѣяніе о Даніилѣ. И отъиде царь въ домъ свой, и ляже безъ вечери, и яди не внесоша къ нему, и сонъ отступи отъ него* (ст. 17. 18). Вспомни со мною о гробѣ Христовомъ, когда іудеи положили на немъ печать. Если бы не было этого, то сказали бы, что дѣло совершилось волшебствомъ. Но все, что ни дѣлается врагами, бываетъ намъ на пользу. Это сдѣлано было для того, чтобы отнять у клеветниковъ всякой предлогъ; и царь полагаетъ печать, чтобы имъ не было возможности сдѣлать что-нибудь или вытащить Даніила и сослаться на львовъ; и они полагаютъ, чтобы царю невозможно было избавить его, и чтобы такимъ образомъ рѣшеніе дѣла было безпристрастно. И не ужиналъ царь, говорится, и не спалъ. Посмотри, какую онъ оказываетъ любовь. И что? Сначала онъ ободрилъ Даніила, сказавъ: *Богъ, Емуже ты служиши присно*. Опять приводитъ справедливую причину, которая могла ободрить душу его. Можетъ быть, онъ слышалъ объ этомъ. Потомъ онъ приходитъ, произнося славословіе. *Тогда царь вельми возвеселися о немъ, и рече Да-*

ніила извести изъ рва: и изведенъ бысть Даніилъ изъ рва, и всякаго тлѣнія не обрѣтеся на немъ; яко вѣрова въ Бога своего. И рече царь, и приведоша мужы, оклеветавшыя Даніила, и въ ровъ левскъ ввергоша я, и сыны ихъ, и жены ихъ: и не доидоша дна рва, даже соодолѣша имъ львы, и вся кости ихъ истончиша (ст. 23. 24). За что погубляются дѣти и жены? Въ чемъ согрѣшили они? Можетъ быть, и они участвовали въ томъ же. Видишь ли наказаніе нечестивыхъ? Видишь ли награду праведныхъ? Всѣмъ поучайся, всѣмъ назидайся. Видишь, какъ Богъ, хотя и оставляетъ, но дѣлаетъ это на пользу. Онъ преодолѣлъ огонь, преодолѣлъ звѣрей. Послѣ этого уже не спрашивай, на что львы, леопарды и прочіе дикіе звѣри. Они, подобно какимъ-нибудь палачамъ, стояли по бокамъ Даніила, какбы на нѣкоторомъ божественномъ и страшномъ судилищѣ, и не осмѣлились пронзить боковъ праведника; потому что не слышали повелѣнія Судіи. Но когда бросили къ нимъ другихъ, то они, по повелѣнію Божію, истребили ихъ. *И кости ихъ*, говорится, *истончиша*. Кто обуздывалъ ихъ уста? Кто повелѣлъ воздержаться отъ предложенной пищи? Какой мудрецъ столь воздерженъ, чтобы, побуждаемый голодомъ и имѣя въ виду средство избавленія отъ голода, не захотѣлъ избавиться отъ этого бѣдствія? Опять предписанія, опять божественная проповѣдь, опять свидѣтельство отъ дѣлъ!

ГЛАВА 7.

Въ первое лѣто Валтасара царя Халдейска, Даніилъ сонъ видѣ. И видѣнія главы его на ложи его, и сонъ свой вписа (ст. 1). Начало сказанія его слѣдующее: *азъ Даніилъ видѣхъ въ видѣніи моемъ нощію, и се четыри вѣтри небесніи налегоша на море великое, и четыри звѣри велицыи исхождаху изъ моря, различни между собою. Первый аки львица, имущій крилѣ, крилѣ же его аки орли. Зряхъ, дондеже исторжена быша крила его, и воздвижеся отъ земли, и на ногу человѣчу ста, и сердце человѣче дадеся ему. И се звѣрь вторый подобенъ медвѣдицѣ, и на странѣ единой ста, и три ребра во устѣхъ его, средѣ зубовъ его. И сице глаголаху ему: востани, яждь плоти многи. Созади сего видѣхъ: и се звѣрь инъ, аки рысь, тому же крила четыри птичія надъ нимъ, и четыри главы звѣрю, и власть дадеся ему. Созади сего видѣхъ: и се звѣрь четвертый, страшенъ и ужасенъ, и крѣпокъ излиха, зубы же его желѣзни веліи, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше, той же различаяся излиха паче всѣхъ звѣрей прежнихъ: и роговъ десять ему. Разсмотряхъ въ розѣхъ его, и се рогъ другій малъ взыде средѣ ихъ, и тріе рози предніи его исторгнушася отъ лица его. И се очи аки очи человѣчи въ ро-*

зпь томъ, и уста глаголюща великая (ст. 2—8). Почему не сказано, что онъ видѣлъ женщинъ? Когда нужно было представить наказаніе и проклятіе, тогда Писаніе представляло женщинъ; а когда—царства, то—звѣрей. Здѣсь предметомъ служитъ царство; ему и дается чувственный образъ. Не такъ ли слѣдовало? Справедливо. Такъ какъ свойства царствъ особенно усматриваются въ звѣряхъ, то они и нужны были для Пророка. Онъ хотѣлъ показать роскошь, соединенную съ свирѣпостію, и представилъ львицу; хотѣлъ показать медленность, и представилъ медвѣдицу; хотѣлъ показать быстроту и легкость и ниспроверженіе всѣхъ властей посредствомъ войнъ, и представилъ рысь. Посмотри, какъ хорошо онъ прежде всего созерцалъ море, т. е. всю вселенную. Ибо она исполнена такого смятенія и такъ волнуется, какъ будто населенная рыбами, а не людьми. Такъ и Христосъ объясняетъ, что настоящая жизнь есть море, когда говоритъ: *подобно есть царствіе небесное неводу, ввержену въ море, и отъ всякаго рода собравшу* (Матѳ. 13, 47). *И се четыри вѣтри небесніи налегоша на море великое.* Объясняя, что звѣри вышли оттуда, онъ показываетъ быстроту промышленія Божія. Такъ и мы, говоря о быстротѣ, указываемъ на вѣтеръ. Они устремились, говоритъ, на море, и вышли звѣри изъ моря. Ибо и начальники наши имѣютъ нашу же природу. Такъ и часто Писаніе называетъ царя львомъ, желая выразить царское достоинство

и вмѣстѣ строгость. Или потому это сказано, что есть вѣтеръ восточный, есть—сѣверный, есть и—южный; такъ, какбы кто-нибудь сказалъ: онъ возмутилъ море, взволновалъ его до неба. *Различни между собою. Первый, аки львица*, — какъ представлялось въ сновидѣніи; ибо это не было самою дѣйствительностію. Двумя образами означается царское достоинство. Нѣкоторые же говорятъ, что (вавилонскій царь) овладѣлъ ассирійскимъ, и потому употребляются два образа. *Зряхъ, дондеже исторжена быша крила его,* т. е. власть, *и воздвижеся отъ земли и на ногу человѣчу ста, и сердце человѣче дадеся ему*. Свирѣпое животное! Съ обѣихъ сторонъ оно имѣло орудія быстроты; сверху—крылья, снизу—ноги; но то и другое орудіе быстроты было отнято, когда крылья были сокрушены и не были болѣе видны, а ноги обратились въ слабыя человѣческія. *И сердце человѣче дадеся ему*. Такова была надменность въ этомъ животномъ; но теперь, говоритъ, этотъ царь сдѣлался смиреннымъ, кроткимъ, ручнымъ. *И се звѣрь вторый подобенъ медвѣдицѣ и на странѣ единой ста, и три ребра во устѣхъ его, средѣ зубовъ его. И сице глаголаху ему: востани, яждь плоти многи*. Медленность людей была у персовъ. Подъ владычествомъ мидянъ и персовъ *три ребра*, т. е. или страны, или царства, которыя они соединили. *И глаголаху ему: востани, яждь плоти многи*. Ибо они взяли и Вавилонъ и причинили много бѣдствій. *Созади сего*

видѣхъ, и се звѣрь инъ, аки рысь: тому же крила четыри птичія надъ нимъ, и четыри главы звѣрю, и власть дадеся ему. Потомъ, говоритъ, *рысь,* т. е. Александръ, царь македонскій, пробѣжавшій всю вселенную. Ибо не было никого стремительнѣе и быстрѣе его; онъ былъ силенъ и быстръ, какъ этотъ звѣрь. *Четыри,* говоритъ, *крила птичія надъ нимъ,* т. е. онъ присвоилъ себѣ всю силу. Ибо, раздѣливъ персовъ на тринадцать областей, онъ подчинилъ себѣ всѣхъ. Видишь ли его быстроту? Она видна и изъ природы звѣря и изъ крыльевъ. Онъ прошелъ всю вселенную. *И четыри главы звѣрю, и царство и власть дадеся ему.* Далѣе Пророкъ говоритъ о явленіи звѣря разнообразнаго и разнороднаго, которому не можетъ дать образа; такъ измѣнчивъ былъ этотъ звѣрь. Онъ побѣдилъ всѣ тѣ царства. У прочихъ сила происходила отъ быстроты, а у этого—отъ зубовъ; потому что они были желѣзные. *Останки же ногами своими попираше.* Говорится о множествѣ войнъ. Какіе эти десять царей? Что значитъ малый рогъ? Я утверждаю, что это антихристъ является между нѣсколькими царями. *И се очи аки очи человѣчи въ розѣ томъ, и уста глаголюща великая.* Ибо что можетъ быть больше устъ того, кто превозносится *паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, якоже ему сѣсти въ Церкви Божіей* (2 Сол. 2, 4)? Не удивляйся, что у него *очи человѣчи;* ибо о немъ говорится и это; онъ—*человѣкъ,* говоритъ Апостолъ (2 Сол. 2,

3). Почему же онъ малъ, и не представляется великимъ съ самаго начала? Но послѣ онъ выростетъ и побѣдитъ нѣсколько царей. Чтоже? Ему уже не преемствуетъ царство, но самъ Богъ истребляетъ его. *Зряхъ, дондеже престоли поставишася, и Ветхій денми сѣде, и одежда Его бѣла аки снѣгъ, и власы главы Его аки волна чиста, престолъ Его пламень огненный, колеса Его огнь палящъ. Рѣка огненная течаше исходящи предъ Нимъ: тысяща тысящъ служаху Ему, и тмы темъ предстояху Ему: судище сѣде, и книги отверзошася* (ст. 9. 10). Усилимъ вниманіе, возлюбленные; ибо идетъ рѣчь не о маловажныхъ предметахъ. *Престоли*, говоритъ, *поставишася, и Ветхій денми сѣде*. Кто Онъ? Какъ, слыша о медвѣдицѣ, ты разумѣлъ не медвѣдицу, и слыша о львицѣ, разумѣлъ не ее, а царства, и слыша о морѣ, разумѣлъ не море, а вселенную, и подъ другимъ—другое; такъ и теперь. Кто этотъ *Ветхій денми?* Онъ былъ подобенъ нѣкоторому старцу. Богъ принимаетъ на Себя образы по нуждамъ обстоятельствъ, по которымъ является, показывая, что судъ долженъ быть ввѣряемъ такимъ (старцамъ). Равнымъ образомъ слыша о престолѣ, ты не будешь разумѣть сѣдалище; какъ можно имѣть низкое понятіе о Немъ, когда въ иномъ мѣстѣ Онъ представляется вооруженнымъ (Прем. 5, 18), въ другомъ—окровавленнымъ (Иса. 63, 3)? Здѣсь Пророкъ хочетъ выразить, что (настало) время суда. *И одежда Его бѣла аки*

снѣгъ. Почему? Потому, что настало время не только суда, но и воздаянія; потому, что всѣмъ нужно предстать предъ Нимъ; потому, что *судъ Его*, какъ говоритъ Пророкъ, *яко свѣтъ изыдетъ* (Ос. 6, 5). Потомъ *престоли поставишася*. Не тѣ ли престолы, о которыхъ говоритъ Христосъ: *сядете и вы на двоюнадесяте престолу* (Матѳ. 19, 28)? *И власы главы Его, аки волна чиста.* Огонь ничего не истреблялъ; потому что былъ тихъ. Видишь ли здѣсь образъ и видъ общественный и народный? Престолъ былъ страшенъ, потому что имѣлъ много огня, и не просто огня, но *палящаго*. Дабы ты не думалъ, что онъ употребленъ только для сравненія, Пророкъ присовокупилъ и дѣйствіе его, сказавъ, что онъ былъ не просто огонь, но *огнь палящъ. Рѣка огненная течаше, исходящи предъ Нимъ: тысящя тысящъ служаху Ему, и тмы темъ предстояху Ему; судище сѣде*, т. е., Онъ для того пришелъ, чтобы произвести судъ. *И книги отверзошася*. Что говоришь ты? Развѣ имѣетъ нужду въ книгахъ Богъ, *свѣдый вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42), *создавый на единѣ сердца ихъ* (Пс. 32, 15)? Нѣтъ, это говорится примѣнительно къ закону начальниковъ, какъ у насъ записи употребляются въ дѣло. Какъ здѣсь записи читаются не для того, чтобы только начальникъ узналъ дѣло, но чтобы видна была справедливость суда; такъ и тогда, хотя и зналъ праведный Судія, но и открываетъ книги. Для чего? Чтó ты хочешь сказать? А почему онъ не

говоритъ и о почестяхъ? Онъ сказалъ: *престоли поставишася* въ знакъ того, что Богъ опредѣлилъ и почести; но такъ какъ мы не послушались, то Онъ назначилъ наказаніе и мученіе. Не такое ли и къ намъ Христосъ сдѣлалъ первое воззваніе? *Оттолѣ начатъ*, говоритъ Евангелистъ, *проповѣдати царство небесное* (Мат. 4, 17). Не разумѣй здѣсь, возлюбленный, ничего тѣлеснаго, и не думай, что безпредѣльный Богъ объемлется престоломъ. Ибо, если *въ руцѣ Его вси концы земли* (Пс. 94, 4), если Онъ *постави горы въ мѣрилѣ, если вси языцы, аки плюновеніе вмѣнятся и аки прахъ* предъ Нимъ все, какъ Самъ Онъ говоритъ (Ис. 40, 12. 15); то какое мѣсто можетъ обнять Его всего? Что же? Нѣтъ, Онъ не былъ объемлемъ престоломъ. Если же Онъ имѣлъ одежду, то какъ огонь не истребилъ ея? Какъ называется *Ветхимъ денми* Тотъ, Кто существуетъ прежде всѣхъ вѣковъ? Какъ Онъ можетъ быть ветхимъ? *Ты же*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *тойжде еси* (Пс. 101, 28). Какъ же Онъ можетъ быть ветхимъ? *И лѣта Твоя*, говорится, *не оскудѣютъ* (Пс. 101, 18). Какъ могла быть и одежда у Безпредѣльнаго и Безтѣлеснаго? *И величію Его*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *нѣсть конца* (Пс. 144, 3); и еще: *аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси* (Пс. 138, 8). Какъ же Онъ былъ облеченъ въ человѣческую одежду и огонь не истреблялъ ея? Впрочемъ Пророкъ могъ видѣть и многое другое. Какъ и волосы

не истреблялись въ огнѣ? Посему Пророкъ и прибавилъ: *престолъ Его пламень огненный. И книги отверзошася*,—такъ, что кто осуждается, тотъ осуждается по собственной винѣ. *Видѣхъ тогда отъ гласа словесъ великихъ, яже рогъ оный глаголаше, дондеже убися звѣрь и погибе* (ст. 11); т. е. за высокомѣріе, хотя Александръ и поклонился Богу. *И тѣло его дадеся въ сожженіе огненное. И прочихъ звѣрей преставися власть, и продолженіе житія дадеся имъ до времене и времене* (ст. 12). Когда они получали конецъ, то это такъ было. *И погибе звѣрь, и тѣло его дадеся въ сожженіе огненное*. Выражается совершенное истребленіе. *Видѣхъ во снѣ нощію, и се на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ человѣчь идый бяше* (ст. 13). Кто не знаетъ этого? Кто можетъ не видѣть? Не тоже ли, о Іудей, говоритъ Петръ? Не тоже ли — Павелъ? *Яко Сынъ человѣчь идый бяше и даже до Ветхаго денми дойде*. Вотъ и равночестность Ихъ! *И предъ Него приведеся*. Дабы ты, когда увидишь, что Ему дается царство, не понималъ этого слова: *дадеся*, по человѣчески; то Пророкъ говоритъ: *на облацѣхъ небесныхъ*. Облака Писаніе обыкновенно принимаетъ вмѣсто неба. *И тому дадеся власть и честь и царство, и вси людіе, племена и языцы тому поработаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется* (ст. 14). Что́, скажи мнѣ, можетъ быть яснѣе этого? *И вси людіе*, гово-

ритъ, *племена и языцы Тому поработаютъ.* Посмотри, какъ Пророкъ обнялъ всѣ народы вселенной. Посмотри, какъ (Сынъ человѣческій) получилъ и судъ. А дабы ты не подумалъ, что это только на время, Онъ говоритъ: *яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется,* но стоитъ и пребываетъ. Если же ты не вѣришь этому, то убѣдись дѣлами. Видишь ли равночестность Его съ Отцемъ? Такъ какъ Онъ явился послѣ Отца, то Пророкъ и говоритъ, что Онъ пришелъ на облакахъ. А что Онъ былъ и прежде, это видно изъ самыхъ облаковъ; ибо Онъ приходитъ *на облацѣхъ. И тому дадеся честь,* т. е. та, которую Онъ имѣлъ. *И людіе, племена и языцы тому поработаютъ.* Онъ имѣлъ власть и прежде, а тогда принялъ ту самую, которую имѣлъ. Въ какомъ смыслѣ ты разумѣешь волосы у Отца и прочее, въ такомъ разумѣй и это. Слыша: *дадеся* и тому подобное, ты не разумѣй ничего человѣческаго, или низкаго о Сынѣ. Какъ, видя *Ветхаго денми,* ты не разумѣешь старца, такъ понимай и прочее. Не ищи ясности въ пророчествахъ, гдѣ тѣни и гаданія, подобно какъ въ молніи ты не ищешь постояннаго свѣта, но довольствуешься тѣмъ, что она только является. *Вострепета духъ мой въ состояніи моемъ, азъ Даніилъ, и видѣнія главы моея смущаху мя* (ст. 15). Конечно, отъ зрѣлища видѣнныхъ предметовъ. Онъ первый и одинъ видѣлъ Отца и Сына, какбы въ видѣніи. Что могутъ сказать на это іудеи? Такъ какъ предстоявшее пришествіе Его было

уже близко, то справедливо и являются чудныя видѣнія. *И пріидохъ къ единому отъ стоящихъ и извѣстія просихъ отъ него научитися о всѣхъ сихъ: и повѣда ми извѣстіе, и сказаніе словесъ возвѣсти ми* (ст. 16). Онъ спрашиваетъ, чтó значитъ видимое, и узнаетъ объ антихристѣ, узнаетъ и о царствѣ, не имѣющемъ конца. *Сіи*, говоритъ, *звѣріе велицыи четыри, четыри царства востанутъ на земли, яже возмутся: и преймутъ царство святіи Вышняго, и содержати будутъ оное даже до вѣка вѣковъ. И вопрошахъ испытно о звѣри четвертомъ, яко бяше различенъ паче всякаго звѣря, страшенъ вельми, зубы его желѣзни, и ногти его мѣдяни, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше: и о десяти розѣхъ его, иже на главѣ его, и о друзѣмъ, возшедшемъ и истрясшемъ первыя три, рогъ же той, емуже очи и уста глаголюща великая, и видѣніе его болѣе прочіихъ. Зряхъ, и рогъ той творяше рать со святыми, и укрѣпися на нихъ, дондеже пріиде Ветхій денми, и судъ даде святымъ Вышняго: и время приспѣ, и царство пріяша святіи. И рече: звѣрь четвертый царство четвертое будетъ на земли, еже превзыдетъ вся царства и поястъ всю землю, и поперетъ ю, и посѣчетъ. И десять роговъ его, десять царей востанутъ, и по нихъ востанетъ другій, иже превзыдетъ злобами всѣхъ прежнихъ, и три цари сми-*

ритъ, и словеса на Вышняго возглаголетъ, и святыхъ Вышняго смиритъ, и помыслитъ премѣнити времена и законъ, и дастся въ руку его даже до времене, и временъ, и полувремене. И судище сядетъ, и власть его преставятъ, еже потребити и погубити до конца. Царство же и власть и величество царей, иже подъ всѣмъ небесемъ, дастся святымъ Вышняго: и царство Его царство вѣчное, и вся власти Тому работати будутъ и слушати. До здѣ скончаніе словесе. Азъ Даніилъ, на долзѣ размышленія моя смущаху мя, и зракъ мой премѣнися на мнѣ, и глаголъ въ сердцы моемъ соблюдохъ (ст. 17—28). Почему же ты, человѣкъ, не сказалъ этого? Потому, что это нисколько не относилось къ іудеямъ; напротивъ, на словахъ Богъ прикрылъ это неясностію, а у Пророка сохранилъ въ сердцѣ. Такъ и въ концѣ онъ говоритъ: *яко словеса запечатана* (Дан. 12, 9), и желаетъ, чтобы они оставались не ясными. Тоже дѣлаетъ и Самъ (Христосъ), когда говоритъ притчами. Посмотри, какъ Пророкъ возвышаетъ это царство во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы ты не разумѣлъ ничего человѣческаго. Люди, хотя бы овладѣли всею землею, не (могутъ владѣть) всегда и на безконечное время. Пусть никто не говоритъ мнѣ, что Пророкъ упоминаетъ о краткомъ времени. Ибо что значатъ слова: *не прейдетъ и царство Его людемъ инымъ не останется* (Дан. 2, 44)? Посмотри на бывшее при Даріѣ и македоня-

нахъ. Для чего это? Для іудеевъ. Посему и Александръ, какъ говорятъ, поклонился храму, увидѣвъ эту книгу, и язычники удивлялись силѣ его предсказанія. Объ этомъ никто не говорилъ, кромѣ одного этого Пророка.

ГЛАВА 8.

Въ лѣто третіе царства Валтасара царя видѣніе явися мнѣ: азъ Даніилъ, по явльшемся мнѣ прежде, и бѣхъ въ Сусѣхъ градѣ, иже есть въ странѣ Еламстѣй: и видѣхъ въ видѣніи, и бѣхъ на Увалѣ. И воздвигохъ очи мои и видѣхъ: и се овенъ единъ стоя предъ Уваломъ, емуже роги, роги же высоки: единъ же выше другаго, и вышшій восхождаше послѣди. И видѣхъ овна, бодуща на западъ, и на сѣверъ, и на югъ, и на востокъ: и вси звѣріе не станутъ предъ нимъ, и не бѣ избавляюща изъ руки его, и сотвори по воли своей и возвеличися. Азъ же бѣхъ размышляя, и се козелъ отъ козъ идяше отъ Лива на лице всея земли; и не бѣ прикасаяся земли: и козлу тому рогъ видимъ между очима его. И пріиде до овна имущаго рога, егоже видѣхъ стояща предъ Уваломъ, и тече къ нему въ силѣ крѣпости своей. И видѣхъ его доходяща до овна, и разсвирѣпѣ на него: и порази овна, и сокруши оба рога его: и не бѣ силы овну, еже стати противу ему: и поверже его на зем-

лю, и попра его, и не бѣ избавляяй овна отъ руки его. И козелъ козій возвеличися до зѣла: и внегда укрѣпися, сокрушися рогъ его великій: и взыдоша друзіи четыри рози подъ нимъ, по четыремъ вѣтромъ небеснымъ. И отъ единаго ихъ изыде рогъ единъ крѣпокъ, и возвеличися вельми къ югу, и къ востоку, и къ силѣ, и возвеличися даже до силы небесныя: и сотвори пасти на землю отъ силы небесныя и отъ звѣздъ, и попра я. И дондеже Архистратигъ избавитъ плѣнники [1], *и его ради жертва смятеся, и благопоспѣшися ему, и святое опустѣетъ. И дадеся на жертву грѣхъ, и повержеся правда на землю: и сотвори, и благопоспѣшися. И слышахъ единаго святаго глаголюща: и рече единъ святый другому нѣкоему глаголющему: доколѣ видѣніе станетъ, жертва отъятая, и грѣхъ опустѣнія данный, и святое и сила попереотся? И рече ему: даже до вечера и утра дней двѣ тысящи и триста, и очистится святое. И бысть, егда видѣхъ азъ Даніилъ видѣніе и взыскахъ вѣдѣнія, и се ста предо мною, аки образъ мужескъ. И слышахъ гласъ мужескъ средѣ Увала, и призва и рече: Гавріиле, скажи видѣніе оному. И пріиде и ста близъ стоянія моего: и егда пріиде, ужасохся и падохъ на лице мое, и ре-*

---

[1] Вмѣсто словъ: *и дондеже архистратигъ избавитъ плѣнники*, у святителя Златоустаго читается: καὶ ἕως ἄρχοντος τῆς δυνάμεως ἠδρύνθη, т. е. *и до начальника силы утвердился*.

че ко мнѣ: разумѣй, сыне человѣчь, еще бо до скончанія времене видѣніе. И егда глаголаше со мною, падохъ ницъ на земли, и прикоснеся мнѣ, и постави мя на ноги моя, и рече: се азъ возвѣщаю тебѣ будущая на послѣдокъ гнѣва, еще бо до конца времени видѣнія. Овенъ, егоже видѣлъ еси имуща рога, царь Мидскій и Персскій. А козелъ козій, царь Еллинскій есть: рогъ же великій, иже между очима его, той есть царь первый. Сему же сокрушившуся восташа четыри рози подъ нимъ: четыри цари востанутъ отъ языка его, но не въ крѣпости его. И напослѣдокъ царства ихъ, исполняющымся грѣхомъ ихъ, востанетъ царь безсраменъ лицемъ и разумѣя гаданія, и державна крѣпость его, не въ крѣпости же своей, и чудесно растлитъ, и управитъ, и сотворитъ, и разсыплетъ крѣпкія и люди святы. И яремъ веригъ своихъ исправитъ: лесть въ руцѣ его, и въ сердцы своемъ возвеличится, и лестію разсыплетъ многихъ, и на пагубу многихъ возстанетъ, и яко яица рукою сокрушитъ. И видѣніе вечера и утра реченнаго истинно есть, ты же назнаменай видѣніе, яко на дни многи (ст. **1 — 26**). *И рече*, говорится, *скажи видѣніе оному, Гавріиле*. Посмотри на обязанности ангеловъ и архангеловъ. Нѣтъ ли, можетъ быть, другой бóльшей силы? *И пріиде*, говоритъ Пророкъ, *и ужасохся, и ста близъ стоянія моего, и егда пріиде, ужасохся*. Гдѣ тѣ, ко-

торые злословятъ ангеловъ? Ангелъ не сдѣлалъ ничего самъ отъ себя. Видишь ли, что и они раздѣлены на многіе чины и виды? Въ первомъ видѣніи Пророкъ говоритъ: *пріидохъ и извѣстія просихъ* (Дан. 7, 16); а здѣсь не такъ. *И слышахъ единаго святаго глаголюща;* другой спрашивалъ,—какбы не зная,—чтобы онъ узналъ. *И напослѣдокъ царства ихъ, исполняющымся грѣхомъ ихъ, востанетъ царь безсраменъ лицемъ.* Посмотри, какъ Пророкъ показываетъ іудеямъ, что они сами виноваты; но для того онъ не высказываетъ этихъ словъ ясно, чтобы они намѣренно не остались злыми; ибо, если они оставались такими, когда ничего подобнаго не было сказано, то тѣмъ болѣе остались бы, если бы это было ясно выражено; также и для того, чтобы ты зналъ, что Духъ вездѣ имѣетъ силу, что Богъ предвидитъ все, и что Онъ, хотя зналъ о будущихъ грѣхахъ ихъ, однако вывелъ ихъ. И замѣть: такъ какъ, если бы онъ указалъ на годы, время показалось бы непродолжительнымъ, то онъ исчисляетъ дни, дабы устрашить множествомъ ихъ, и притомъ исчисляетъ не только дни, но и ночи. При этомъ онъ долго останавливается на печальныхъ событіяхъ, имѣвшихъ случиться при Антіохѣ, чтобы устрашить хотя такимъ образомъ. *Но не въ крѣпости его*, т. е., Богъ могъ остановить его, но попустилъ за грѣхи іудеевъ, и не просто тогда, когда они грѣшили, но когда исполнились грѣхи ихъ. Развѣ есть какая-нибудь мѣра грѣховъ? *Не бо исполнишася*, говоритъ Богъ,

грѣси Аморреовъ до нынѣ (Быт. 15, 16). И замѣть: предсказывается уже не сожженіе, но частныя убійства. Такъ какъ имѣли быть нѣкоторые добрѣе и лучше отцовъ, то и наказаніе положено меньшее. Это говорится для того, чтобы они, возгордившись побѣдами, бывшими при Зоровавелѣ, не сдѣлались безпечными. Притомъ посмотри, какъ онъ здѣсь не представляетъ ничего свѣтлаго послѣ временъ Антіоха, но говоритъ только о прекращеніи бѣдствій и о времени, ихъ обнимающемъ. Что же? Развѣ онъ не предсказалъ объ этомъ плѣнѣ? Предсказалъ, но весьма не ясно. Посему и Христосъ скалалъ: *егда узрите мерзость запустѣнія, иже чтетъ, да разумѣетъ* (Матѳ. 24, 15). Бѣдствія придутъ, говоритъ, но такъ, какъ будто онъ не предсказывалъ. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, что справедливо не предсказано объ этомъ; ибо этотъ плѣнъ не имѣлъ опредѣленнаго времени. *И дамъ*, говоритъ Пророкъ, *лукавыя вмѣсто погребенія Его и богатыя вмѣсто смерти Его* (Ис. 53, 9). *Ты же назнаменай видѣніе, яко на дни многи*, т. е., сохрани, сбереги, чтобы оно не исказилось отъ продолжительнаго времени. Посмотри, какъ Богъ всегда щадилъ іудеевъ. Они пришли въ Египетъ и сдѣлались дурными; Онъ не отступилъ отъ нихъ, но вывелъ ихъ въ пустыню. Они оставались въ нечестіи; Онъ не отступилъ отъ нихъ, но ввелъ въ землю обѣтованную. При Антіохѣ опять вывелъ ихъ, и опять они остались такими же. При Христѣ они опять были такими же; но Онъ и

тогда не отступилъ отъ нихъ, а постоянно печется о нихъ. Какъ естественное, данное намъ отъ природы, не оставляетъ насъ, чтó ни случилось бы, такъ и Богъ; или лучше, первое можетъ оставить насъ, но Онъ никогда не оставляетъ своимъ промышленіемъ и попеченіемъ. *Еда забудетъ*, говоритъ Онъ, *жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Но Азъ не забуду тебе* (Ис. 49, 15). Какъ мать не смотритъ на добрыя качества дѣтей, но исполняетъ законъ природы; такъ, и еще болѣе Богъ постоянно печется, никогда не оставляетъ, всегда дѣйствуетъ въ одной и той же мѣрѣ. *Азъ же Даніилъ успохъ и изнемогохъ на дни, и востахъ, и творяхъ дѣла царева, и почудихся видѣнію, и не бяше разумѣвающаго* (ст. 27). Отъ чего же онъ изнемогъ? Можетъ быть, отъ скорби при размышленіи въ самомъ себѣ о будущихъ бѣдствіяхъ, тогда какъ и настоящія еще не окончились. И еще, говоритъ, столько бѣдствій; или: я еще не примирилъ съ ними Бога, а они сами опять вооружаютъ Его противъ себя. И *востахъ, и творяхъ дѣла царева*, т. е. служилъ. И *почудихся видѣнію, и не бяше разумѣвающаго*. Особенно это прискорбно, когда невозможно передать кому-нибудь скорбь; или потому, что они были нечестивы. И *творяхъ*, говоритъ, *дѣла царева*, т. е., я ничего не опускалъ, но исполнялъ свои дѣла.

ГЛАВА 9.

Въ первое лѣто Даріа, сына Ассуирова, отъ племене Мидска, иже царствова въ царствѣ Халдейстѣмъ, въ лѣто первое царства его, азъ Даніилъ разумѣхъ въ книгахъ число лѣтъ, о немже бысть слово Господне ко Іереміи пророку, на скончаніе опустѣнія Іерусалимля седмьдесятъ лѣтъ. И дахъ лице мое ко Господу Богу, еже взыскати молитвы и прошенія въ постѣ и во вретищи и пепелѣ (ст. 1—3). Это Дарій Мидянинъ. Подъ *первымъ лѣтомъ* Пророкъ разумѣетъ не первый годъ его царствованія; ибо не сказалъ: въ первое лѣто царствованія его, но *въ первое лѣто Даріа*, въ одинъ годъ его царствованія, такъ что можно назвать его и первымъ годомъ, въ который онъ царствуя, можетъ быть, покорилъ приверженцевъ Валтасара. *Азъ Даніилъ разумѣхъ въ книгахъ число лѣтъ*, т. е., убіеніе Валтасара, и размышлялъ. Посмотри, какъ онъ прежде этого срока не осмѣливался приступать къ Господу. Также поступили три отрока въ пещи; но во рвѣ онъ не такъ поступилъ. Чтоже? Или тѣ поступили худо, или онъ? Ни тѣ, ни онъ. Тѣ показали любовь, а онъ—разумѣніе наступавшаго времени. Не съ разумѣніемъ ли такимъ образомъ онъ читалъ пророчества? Я думаю, что онъ ведетъ счетъ не со взятія города, а можетъ быть съ плѣненія Израиля; ибо опустѣніемъ Іерусалима

справедливо можно назвать и войны. Замѣть и здѣсь субботное число. Какъ прежде онъ измѣнилъ четыреста тридцать лѣтъ (Исх. 12, 40) въ двѣсти пятнадцать, такъ, я думаю, и теперь поставлено меньше. *О немже бысть слово Господне ко Іереміи пророку на скончаніе опустѣнія Іерусалимля седмьдесятъ лѣтъ. И дахъ лице мое ко Господу Богу, еже взыскати молитвы и прошенія въ постѣ и во вретищи и пепелѣ.* Посмотри на его благочестіе. *И дахъ*, говоритъ, *лице мое*, т. е. прежде я стыдился, прежде уничиженія, а теперь *дахъ лице мое;* иначе сказать: осмѣлился. Если бы онъ требовалъ должнаго, то не сказалъ бы: *дахъ лице мое*, какбы о дѣлѣ, соединенномъ съ опасностію. Если же онъ имѣлъ такое попеченіе о другихъ, если, пользуясь такимъ благоволеніемъ и отъ Бога и отъ царя, нисколько не услаждался этимъ, но, какбы самъ находясь въ бѣдствіяхъ, сокрушался болѣе тѣхъ, которые подвергались этимъ бѣдствіямъ, то кто можетъ надивиться ему по достоинству? Посмотри, какъ онъ и послѣ тѣхъ бѣдствій не осмѣливается приступить къ Богу до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ, что время исполнилось. Что же будетъ съ нами несчастными? Что говоришь ты, Даніилъ? Ты находишься среди благъ, пользуешься честію отъ Бога и отъ людей; что же ты заботишься о другихъ? Такъ поступалъ и Моисей. И что говоритъ онъ? *Въ постѣ и во вретищи и пепелѣ* просилъ о нужномъ. Для чего же, если это было нужно? Для того, что-

бы іудеи не сдѣлали себя недостойными и этого. У Бога нѣтъ необходимости; Онъ выше законовъ. *Еже взыскати*, говоритъ, *молитвы и прошенія.* Прежде всего онъ испрашиваетъ этого. Если Богъ позволитъ, говоритъ, молиться за нихъ; потому что онъ слышалъ Іеремію, которому сказано: *ты же не молися о людехъ сихъ и не проси о нихъ* (Іер. 7, 16). Не смотря на то, что на его сторонѣ были и плѣнъ, и продолжительность времени, и собственная его добродѣтель, и безчисленныя страданія, онъ не осмѣливается, но посыпаетъ пепелъ и покрывается вретищемъ, и такимъ образомъ молится. Что же сдѣлаемъ мы, безпечные? Ему мы должны подражать. Чтобы никто не могъ сказать, что прочіе пророки дѣлали это по бѣдности,—тотъ, кто больше всѣхъ былъ почтенъ великими достоинствами, смиряется больше всѣхъ. Онъ и происходилъ отъ царскаго рода, и наслаждался столь многими благами. Такъ надобно оплакивать собственныя бѣдствія; такъ нужно жалѣть о своихъ сочленахъ; таково состраданіе пророковъ. Посмотри, какъ онъ отъ этого сталъ особенно удивителенъ. Моисей говорилъ: *остави имъ, аще же ни, изглади мя изъ книги* (Исх. 32, 32). А онъ постоянно былъ въ постѣ и слезахъ. И Павелъ былъ постоянно въ слезахъ и готовъ былъ итти въ самую геенну. Никто изъ нихъ не услаждался собственными благами; но какъ въ тѣлѣ глазъ, хотя онъ и красивъ, не можетъ чувствовать своей красоты, когда ноги гніютъ и разстроены; такъ

было и тогда. Для чего пепелъ? Онъ напоминалъ ему о собственной его природѣ. Для чего вретище? Оно смиряетъ своею грубостію. Для чего постъ? И онъ напоминаетъ о происходившемъ въ раю. Таковъ обычай у святыхъ: они ищутъ того, что причиняетъ скорбь. Я не достоинъ, говоритъ онъ, ни земли, ни одежды, ни другихъ предметовъ природы, но заслуживаю тягчайшее наказаніе, хотя облеченъ въ персидскія ткани и ношу персидскую тіару. И что еще говоритъ онъ? Послушаемъ его исповѣдь. *И молихся ко Господу Богу моему* (ст. 4). Посмотри на его любовь къ Господу. *Богу моему*, говоритъ. Того, кого онъ не осмѣливался просить, называетъ своимъ Богомъ. *Еще ми глаголющу, и молящуся, и исповѣдающу грѣхи моя и грѣхи людей моихъ Исраиля, и припадающу съ моленіемъ моимъ предъ Господемъ Богомъ моимъ о горѣ святѣй Его: и еще глаголющу ми въ молитвѣ, и се мужъ Гавріилъ, егоже видѣхъ въ видѣніи моемъ въ началѣ, парящъ, и прикоснеся мнѣ, аки въ часъ жертвы вечернія. И вразуми мя, и глагола ко мнѣ, и рече: Даніиле, нынѣ изыдохъ устроити тебѣ разумъ. Въ началѣ молитвы твоея изыде слово, и азъ пріидохъ возвѣстити тебѣ, яко мужъ желаній еси ты, размысли о словеси, и разумѣй въ явленіи* (ст. 20—23). Если скажутъ намъ іудеи: почему при Исаіи, когда сынъ Озіи страшился войны и нашествія двухъ царей, Пророкъ вышедши далъ имъ знаменіе, которое долж-

но было исполниться спустя много лѣтъ?—то и мы скажемъ имъ: почему, когда Даніилъ молился о возвращеніи и желалъ услышать что-нибудь объ этомъ, пришедшій ангелъ не возвѣстилъ ничего объ этомъ, а вразумилъ о дѣлахъ, имѣвшихъ совершиться спустя много времени? Какъ тамъ вопросъ разрѣшается съ избыткомъ, такъ и здѣсь. Ибо возстановленіе города дѣлается весьма достовѣрнымъ, когда возвѣщается, что онъ и опять будетъ взятъ. Что же? Не опечалить ли Пророка желалъ Онъ, сдѣлавъ это? Нѣтъ, но—чтобы произвести большій страхъ въ іудеяхъ. И не однажды и не дважды, но многократно Онъ дѣлаетъ это; потому что предстоявшее благополучіе легко могло возгордить ихъ душу, послѣ того какъ городъ не только возстановленъ, но и построенъ руками варваровъ, тѣми самыми руками варваровъ, которыя разрушили его. Объ этомъ и Исаія говоритъ, показывая всемогущество и богатство Божіе, какъ Онъ можетъ все и сдѣлать и измѣнить (Исаі. 49, 17). Такъ какъ іудеямъ имѣли быть возвращены блага отечества и дарованы блистательныя и частыя побѣды, о которыхъ и возвѣщаютъ пророки, напр. Іезекіиль говоритъ, что семь лѣтъ будутъ сожигаемы оружія тѣхъ, которые будутъ взяты въ плѣнъ (Іезек. 39, 9), и другіе часто говорили тоже самое; то, дабы они, возгордившись этимъ, не сдѣлались хуже прежняго, Богъ страхомъ предсказанія и многократнымъ повтореніемъ одного и того же какъ бы поставляетъ ихъ въ неизбѣжную необходи-

мость не развращаться, хотя бы они и хотѣли. Потому Онъ не открывалъ и времени; ибо какая была польза открывать это? И замѣть, когда Онъ предсказываетъ? При самомъ возвращеніи, когда обстоятельства ихъ были благопріятны и цвѣтущи. Какъ Моисей, намѣреваясь ввести ихъ въ землю обѣтованную, при самомъ полученіи благъ, предсказываетъ имъ о наступающихъ бѣдствіяхъ, и говоритъ: *засвидѣтельствую вамъ небесемъ и землею* (Втор. 4, 26), противопоставляя безчувственности, происходящей отъ благополучія, угрозу наказанія; такъ и этотъ Пророкъ удерживаетъ ихъ страхомъ. Потому и Захарія много останавливается на этомъ и яснѣе говоритъ о томъ же. Ибо ничто такъ не неспособно къ благоденствію и спокойствію, какъ человѣческая природа. *Еще глаголющу ми въ молитвѣ*, говоритъ, *и се мужъ Гавріилъ*, обыкновенно являвшійся ему, *парящъ, и прикоснеся ми, аки въ часъ жертвы вечернія;* или для того, чтобы онъ не испугался видѣнія, или для того, чтобы уразумѣлъ сказанное. Такъ какъ для прочихъ нельзя было открыть этого ясно, то онъ справедливо прикасается. *И вразуми мя*, говоритъ, *и глагола ко мнѣ, и рече: Даніиле, нынѣ изыдохъ устроити тебѣ разумъ. Въ началѣ молитвы твоея изыде слово, и азъ пріидохъ возвѣстити тебѣ, яко мужъ желаній еси ты, размысли о словеси, и разумѣй въ явленіи.* Вникни, говоритъ, въ то, что будетъ сказано. Когда кто проситъ объ одномъ, а слы-

шитъ о другомъ, тогда нужно великое внимание. *И возвратится, и соградится стогна и забрала* (ст. 25). Нѣкоторые разумѣютъ здѣсь стѣну, которую построилъ Агриппа. *И истощатся лѣта. И по седминахъ шестидесяти двухъ потребится помазаніе, и судъ не будетъ въ немъ: градъ же и святое разсыплется со старѣйшиною грядущимъ, и потребятся, аки въ потопѣ, и до конца рати сокращенныя чиномъ погибельми. И утвердитъ завѣтъ многимъ седмина едина; въ полъ же седмины отъимется жертва и возліяніе, и во святилищи мерзость запустѣнія будетъ, и даже до скончанія времене скончаніе дастся на опустѣніе* (ст. 26. 27). Посмотри, какъ онъ окончилъ рѣчь прискорбными событіями, а о благопріятныхъ сказалъ не ясно; ибо это означаютъ слова: *утвердитъ завѣтъ многимъ седмина едина*; о прискорбномъ же говоритъ часто и много. *И мерзость запустѣнія,* т. е., Адріанова. Объ этомъ яснѣе говоритъ Захарія; онъ говоритъ и о благопріятныхъ обстоятельствахъ для тѣхъ, которые остались. И въ Египтѣ іудеи жили столько лѣтъ, и однако не были истреблены; а теперь ты уже не ожидаешь этого. Посмотри и на другія обстоятельства. Іудеи не входятъ въ свой городъ, какъ прежде. И даже кто говоритъ объ ихъ возвращеніи? Никто.

ГЛАВА 10.

Въ лѣто третіе Кира, царя Персскаго, слово открыся Даніилу, емуже прозвася имя Валтасаръ: истинно же слово, и сила велика, и разумъ дадеся ему въ видѣніи. Въ тыя дни азъ Даніилъ бѣхъ рыдая три седмицы дней, хлѣба вожделѣннаго не ядохъ, и мясо и вино не вниде во уста моя, и мастію не помазахся до исполненія трехъ седмицъ дней (ст. 1—3). Для чего онъ опять плачетъ? Если наступилъ первый годъ царствованія Кира, то о чемъ онъ плачетъ, и притомъ во всѣ эти дни, тогда какъ можно было бы—одинъ день? И опять онъ не слышитъ ничего о томъ, о чемъ молится. Онъ молится, мнѣ кажется, о томъ, чтобы прекратились бѣдствія; но Богъ не говоритъ ничего такого, а высказываетъ яснѣе тоже, что и прежде. Притомъ Пророкъ молится, чтобы возвратились всѣ іудеи, хотя и ожидали ихъ великія бѣдствія и хотя Богъ хотѣлъ отвергнуть ихъ отечество. Такимъ образомъ Онъ говоритъ тоже самое яснѣе и точнѣе. Замѣть, какъ Даніилъ всегда не просто получаетъ видѣнія, но послѣ поста. Когда надлежало узнать сновидѣніе, предшествовалъ постъ; когда являлся Гавріилъ, опять былъ постъ, пепелъ и вретище; когда этотъ является, и здѣсь постъ и молитва. Но посмотри, какъ этотъ почти оправдывается предъ нимъ. *Въ день двадесять четвертый перваго мѣсяца*

азъ бѣхъ близъ рѣки великія, яже есть Тигръ Еддекель. И воздвигохъ очи мои, и видѣхъ, и се мужъ единъ облеченъ въ ризу льняну и чресла его препоясана златомъ свѣтлымъ. Тѣло же его, аки Ѳарсисъ, лице же его, аки зрѣніе молніи, очи же его, аки свѣщи огнены, а мышцы его и голени, аки зракъ мѣди блещащіяся, гласъ же словесъ его, аки гласъ народа. И видѣхъ азъ Даніилъ единъ явленіе, а мужи, иже со мною, не видѣша явленія, но ужасъ великій нападе на нихъ, и отбѣгнуша въ страсѣ. Азъ же остахъ единъ, и видѣхъ явленіе великое сіе, и не оста во мнѣ крѣпость, и слава моя обратися въ разсыпаніе; и не удержахъ крѣпости. И слышахъ гласъ словесъ его: и внегда слышахъ, бѣхъ сокрушенъ, лице же мое на земли. И се рука прикасающися мнѣ, и возстави мя на колѣна моя и на длани рукъ моихъ. И рече ко мнѣ: Даніиле, мужу желаній, разумѣй въ словесѣхъ сихъ, яже азъ глаголю къ тебѣ, и стани на стояніи своемъ, яко нынѣ посланъ есмь къ тебѣ: и егда возглагола слово сіе ко мнѣ, востахъ трепетенъ. И рече ко мнѣ: не бойся Даніиле, яко отъ перваго дне, въ оньже подалъ еси сердце твое, еже разумѣти и трудитися предъ Господемъ Богомъ твоимъ, услышана быша словеса твоя, азъ же пріидохъ въ словесѣхъ твоихъ (ст. 4—12). Видишь ли, какъ я сказалъ, что этотъ почти оправдывается предъ

Пророкомъ? *Отъ перваго дня*, говоритъ, я посланъ. Почему же медлилъ? *Князь же царства Персскаго стояше противу мнѣ двадесять и единъ день*. Ты слышалъ, что *Вышній постави предѣлы языковъ по числу Ангелъ Божіихъ* (Втор. 32, 8)? Каждый народъ имѣетъ покровительствующаго Ангела, который желаетъ быть сильнѣе другихъ. *И разумъ дадеся ему въ видѣніи;* потому что не достаточно было выслушать сказанныя слова. Видишь ли, что пророки были наставляемы и инымъ образомъ? *И сила велика* видѣнія. Подлинно велика, если люди слабые преодолѣли того Антіоха, который одержалъ столько побѣдъ. *Истинно же слово*. Это сказано потому, что имѣли быть нѣкоторые не вѣрующіе. *Емуже имя Валтасаръ*. Напоминаетъ тебѣ о прежнемъ, чтобы быть достовѣрнымъ. Вотъ онъ нарушилъ и пасху. Ибо пасха бываетъ въ первый мѣсяцъ; а онъ постился до двадцать-четвертаго дня этого мѣсяца. Постъ его падаетъ на четырнадцатый день и продолжается отъ четырнадцатаго до двадцать-перваго и еще другіе два дня. Посмотри, какъ постановленія закона уже отмѣняются. Не страхъ ли удалилъ тебя, Даніилъ? Нѣтъ, говоритъ. Замѣть, гдѣ онъ видитъ видѣніе: въ пустынѣ, подобно какъ и Моисей; потому что города исполнены шума и смятенія. Такъ и Христосъ преображается на горѣ. *И се Михаилъ, единъ отъ старѣйшинъ первыхъ пріиде помощи мнѣ, и того оставихъ тамо съ княземъ царства Персскаго.*

И пріидохъ сказати тебѣ, елика срящутъ людей твоихъ въ послѣднія дни, яко еще видѣніе на дни. И егда глагола со мною по словесемъ симъ, дахъ лице мое на землю и умилихся. И се аки подобіе сына человѣча прикоснеся устнамъ моимъ, и отверзохъ уста моя и глаголахъ, и рѣхъ къ стоящему предо мною: Господи, въ видѣніи Твоемъ обратися утроба моя во мнѣ, и не имѣхъ силы. И како возможетъ рабъ Твой, Господи, глаголати съ Господемъ симъ моимъ? Азъ бо изнемогохъ, и отнынѣ не станетъ во мнѣ крѣпость, и дыханіе не оста во мнѣ. И приложи, и прикоснеся мнѣ яко зракъ человѣчь и укрѣпи мя. И рече ми: не бойся, мужу желаній, миръ тебѣ; мужайся и крѣпися. И егда глагола со мною, укрѣпихся и рѣхъ: да глаголетъ Господь мой, яко укрѣпилъ мя еси. И рече: вѣси ли, почто пріидохъ къ тебѣ? И нынѣ возвращуся, еже братися съ княземъ Персскимъ: азъ же исхождахъ, князь же Еллинскій грядяше. Но да возвѣщу ти вчиненое въ писаніи истины, и нѣсть ни единаго, помогающаго со мною о сихъ, но точію Михаилъ князь вашъ (13—21). *И се мужъ облеченъ въ ризу;* можетъ быть, священническую. *Лице его, аки зрѣніе молніи, очи же его аки свѣщы огнены.* Какъ онъ являлся имъ въ молніи? Для чего такъ является этотъ ангелъ? Не для того ли, чтобы поразить народъ? Но какая отъ этого польза? Для того, чтобы вну-

шить Пророку не скорбѣть о томъ, что ему многократно говорится одно и тоже; ангелъ свидѣтельствуетъ о силѣ будущаго; или для того, чтобы увѣрить Пророка. *И гласъ* великій,—для того, чтобы и этимъ устрашить. Даніилъ изнемогаетъ, и потомъ во время бесѣды опять изнемогаетъ, можетъ быть потому, что ангелъ попускаетъ это, а не самъ дѣлаетъ его безсильнымъ; ибо прежде онъ сказалъ: *мужайся*. Видишь ли, что значитъ явленіе ангела? Не подумай, будто видѣнное было мѣдь или золото. Кто не перенесъ бы вида ихъ? А здѣсь вездѣ свѣтъ. Такъ какъ я посланъ, говоритъ онъ, то предупреждаю тебя только о томъ, чтобы ты не потерялъ благодати. *Услышана быша словеса твоя, азъ же пріидохъ въ словесѣхъ твоихъ*. Чего же онъ просилъ и о чемъ молился? Но ты не говоришь ему объ этомъ и ни о чемъ подобномъ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ точно узнать время (избавленія) и послѣдующее за тѣмъ. *Князь же царства*, говоритъ, *стояше противу мнѣ*. Не о начальникѣ ли людей говоритъ онъ? Нѣтъ; ибо и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *князь же Еллинскій грядяше*. Мнѣ кажется, что этотъ не изъ числа начальниковъ, или поставленныхъ надъ народомъ, но изъ числа высшихъ силъ. Потомъ, когда другіе ангелы не могли устоять противъ него, онъ и говоритъ объ этомъ Пророку. Іудеи, говоритъ, освобождены. Чего же ты еще просишь? *И се Михаилъ единъ изъ старѣйшинъ первыхъ пріиде помощи мнѣ, и того оставихъ та-*

мо съ княземъ царства Персскаго. И пріидохъ сказати тебѣ, елика срящутъ людей твоихъ въ послѣднія дни, яко еще видѣніе на дни. Почему Михаилъ не приходилъ прежде двадцати дней? Мнѣ кажется, онъ хочетъ показать Пророку, что онъ проситъ недозволеннаго, противозаконнаго и труднаго, какбы поставляя въ затрудненіе и ангеловъ. Посему и Михаилъ не тотчасъ въ самомъ началѣ приходитъ на помощь, но впослѣдствіи времени, дабы внушить, что недостойны были возвращенія (іудеи) жившіе послѣ. Ангелы оскорбляются. *И того оставихъ тамо* или для того, чтобы убѣдить, или воспрепятствовать. И какой ангелъ станетъ противиться, услышавъ, что Богъ даруетъ благодать? Я думаю, что здѣсь дѣло представляется въ чувственномъ образѣ; подобно какъ въ другомъ мѣстѣ сказано: *кто пойдетъ и прельститъ Ахаава* (2 Парал. 18, 19); и еще: *остави мя, и потреблю ихъ* (Исх. 32, 10). Богъ не встрѣчаетъ препятствій, не терпитъ принужденія, и не удерживается Пророкомъ. Такъ точно и здѣсь. И въ другомъ мѣстѣ говорится: *пусти мя, взыде бо заря* (Быт. 32, 26); и еще объ ангелѣ и ослицѣ: *аще бы не уклонилася отъ мене* (Чис. 22, 33); и еще: *аще лице его пріиму* (Іов. 42, 8). Слѣдовательно, этимъ показывается не то, будто онъ противится Богу, но только то одно, что ангелы оскорбляются. Такую силу имѣлъ Даніилъ. *И пріидохъ сказати тебѣ, елика срящутъ людей твоихъ въ послѣднія дни.* Посмотри,

какъ онъ, оставивъ необходимое дѣло, оправдывается передъ Пророкомъ. Даніилъ опять изнемогаетъ, и опять ангелъ возстановляетъ его и говоритъ: *и нынѣ возвращуся, еже братися съ княземъ Персскимъ: азъ же исхождахъ, князь же Еллинскій грядяше.* Можетъ быть, онъ шелъ бороться съ однимъ изъ противившихся ему касательно будущаго, напримѣръ дѣйствовавшихъ противъ Македоніи; впрочемъ еще не увѣренъ въ этомъ. Развѣ бываетъ у ангеловъ борьба и состязаніе за людей? Да; потому что они много заботятся о людяхъ. Онъ еще не былъ увѣренъ, и какбы такъ сказалъ: я вынужденъ бороться съ нимъ.

ГЛАВА 11.

Азъ же въ первое лѣто Кирово стахъ въ державу и крѣпость. И нынѣ истину возвѣщу тебѣ (ст. 1. 2). Я тотъ, говоритъ, который и тогда спасъ (іудеевъ). Чтобы кто-нибудь не сказалъ: для чего ты борешься?—чтó, если не побѣдишь?—онъ говоритъ: нѣтъ; и тогда я защищалъ ихъ. *И нѣсть ни единаго помогающаго со мною о сихъ, но точію Михаилъ князь вашъ* (Дан. 10, 21). Это говоритъ онъ для того, чтобы убѣдить Пророка, что онъ не врагъ и не противникъ ему, но что Пророкъ требуетъ недозволеннаго; и не потому, чтобы онъ нуждался въ помощникахъ. Какъ это возможно? Очевидно, что онъ не былъ изъ

числа начальниковъ. Потомъ говоритъ обо всемъ съ точностію и изъясняетъ, откуда будутъ пораженія. Далѣе возвѣщаетъ о спасеніи и славѣ народа его въ будущемъ.

ГЛАВА 12.

Егда скончается разсыпаніе руки людей освященныхъ, увѣдятъ сія вся. Азъ же слышахъ, и не разумѣхъ, и рѣхъ: Господи, что послѣдняя сихъ? И рече: гряди Даніиле, яко заграждена словеса и запечатана даже до конца времене. Избранни будутъ, и убѣлятся, и аки огнемъ искусятся и освятятся мнози; и собеззаконнуютъ беззаконницы и не уразумѣютъ вси нечестивіи, но умніи уразумѣютъ. Отъ времене же премѣненія жертвы всегдашнія, и дастся мерзость запустѣнія на дни тысяща двѣсти девятьдесятъ. Блаженъ терпяй и достигнувый до дней тысящи трехъ сотъ тридесяти пяти. Ты же иди, и почивай: еще бо дніе суть и часы во исполненіе окончанія, и почіеши, и востанеши въ жребій твой, въ скончаніе дней (ст. 7—13). *Ты же*, говоритъ, *почивай;* потому что это будетъ спустя много времени. Слѣдовательно Пророкъ плакалъ не о возвращеніи, но о возвратившихся послѣ этого возвращенія.

ГЛАВА 14.

И царь Астягъ приложися ко отцемъ своимъ, и прія Киръ Персянинъ царство его. И бяше Даніилъ сожителствующъ съ царемъ, и славенъ паче всѣхъ друговъ его (ст. 1. 2). Даніилъ описалъ намъ обстоятельства, касающіяся Вила. *Или не видиши*, говоритъ царь, *колико ястъ и піетъ* (ст. 5)? Увы, вотъ какое доказательство и признакъ божества: много ѣсть и пить! Даніилъ не сказалъ этого: развѣ это Богъ, скажи мнѣ;—потому что царь былъ слабъ; но съ преизбыткомъ одержалъ побѣду. Я, сказалъ онъ, говорю тебѣ о Богѣ, сотворившемъ небо и землю; а ты мнѣ представляешь ненасытное чрево; это совершенно не свойственно Богу; Богъ не алчетъ и не утомляется. Но Пророкъ хочетъ побѣдить не разсужденіями, а дѣлами. Самъ царь назначилъ наказаніе. Почему Вилъ ѣстъ не предъ глазами присутствующихъ, а ночью? Какъ жрецы не сообразили, что они будутъ обличены чрезъ собственную ихъ хитрость? Когда устрояетъ Богъ, тогда ничему не удивляйся. *И изби я*, говоритъ Пророкъ (ст. 22). Что онъ говоритъ еще о зміѣ? Кто покланяется звѣрю? И его онъ умертвилъ. Видишь ли, какъ были безразсудны, какъ слабы цари персидскіе? *И предаде Даніила* (ст. 30). За что, послѣ столь блистательной побѣды? *Аввакумъ же*, говорится, принесъ *обѣдъ Даніилу* (ст. 34). Посмотри на чу-

до. Развѣ невозможно было принести ему пищу изъ другаго какого-нибудь мѣста, кромѣ Іудеи? Такъ угодно было Пророку, чтобы ему не поступать такъ же, какъ при евнухѣ, чтобы онъ, считая пищу оскверненною, не терпѣлъ голода. Какъ онъ узналъ Аввакума? По сродству рѣчи. Онъ могъ быть вѣстникомъ величайшаго чуда для тѣхъ, которые находились въ Іудеи. Какъ человѣкъ не устрашился звѣрей? Онъ ѣлъ, а они постились. Пусть, они воздерживались отъ тѣла праведника; но почему не касались и пищи? Какбы какой-нибудь намордникъ, или узда удерживала ихъ.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА (1).

Новымъ Завѣтъ называется по времени и по свойству заключающагося въ немъ; потому что въ немъ все возобновлено, и во первыхъ человѣкъ, для котораго (сотворено) все. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: небо и теперь тоже самое, равно какъ и земля, и человѣкъ, господствующій надъ всѣмъ,—данъ новый законъ, новыя заповѣди, новая благодать чрезъ крещеніе, новый человѣкъ, новыя обѣтованія; ибо теперь не земля и земное, но небо и небесное. Новыя таинства; ибо теперь уже не тѣ вещественные предметы, овца и кровь, дымъ и смрадъ, но разумное и исполненное добродѣтелей служеніе; новыя постановленія; древо, возводящее на небеса и дѣлающее насъ высокими. Цѣль же обо-

(1) Въ заглавіи прибавляется: *и Новаго, въ видѣ памятныхъ записокъ* (*καὶ καινῆς, ὡς ἐν τάξει ὑπομνηστικοῦ*). Но обозрѣніе книгъ Новаго Завѣта, и даже нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ, какъ то: Псалмовъ, и пяти меньшихъ пророковъ, Аввакума, Софоніи, Аггея, Захаріи и Малахіи, не дошло до насъ. Выраженіе: *ὡς ἐν τάξει ὑπομνηστικοῦ* указываетъ на то, что предлагаемое обозрѣніе, излагая кратко содержаніе свящ. книгъ, служитъ пособіемъ для удержанія этого содержанія въ памяти, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно заключаетъ и краткое толкованіе свящ. текста. U. Oper. Chrys. ed. Montfauc. Paris. 1835. Tom. 6. pag. 363.

ихъ завѣтовъ одна: исправленіе людей. И удивительно ли это въ отношеніи къ Писанію, когда и самая природа существуетъ для пользы человѣка? Для него Богъ создалъ и великое небо, и пространную землю, и море сверхъ нужды, чтобы люди, по величію сотвореннаго удивляясь Создателю, доходили до богопознанія. Все это для человѣка. И такъ какъ цѣль ветхаго и новаго завѣтовъ одна, то Моисей почелъ необходимымъ описать и древнія историческія событія, но не по способу языческихъ писателей; тѣ пишутъ исторіи только для того, чтобы изложить разсказъ о событіяхъ, представить войны и сраженія, и пріобрѣсти себѣ славу этими писаніями. А законодатель не такъ; но вездѣ онъ излагаетъ исторію мужей великихъ, совершившихъ добрыя дѣла, чтобы повѣствованіе объ ихъ жизни служило для потомковъ добрымъ наставленіемъ. Посему онъ представляетъ не только совершившихъ добрыя дѣла, но и согрѣшившихъ, чтобы мы однимъ подражали, а другихъ избѣгали, и чрезъ то и другое преуспѣвали въ добродѣтели и усердіи. Такимъ образомъ, пусть никто не считаетъ страннымъ для законодателя — разсказывать древнія историческія событія и писать законы. Ибо какую силу имѣетъ законъ, такую же и разсказъ о жизни святыхъ. Итакъ въ ветхомъ Завѣтѣ есть историческое, каковы восемь книгъ: Бытіе, повѣствующая о твореніи и о жизни угодившихъ Богу; Исходъ, повѣствующая о чудесномъ освобожденіи іудеевъ изъ Египта, о пребываніи

ихъ въ пустынѣ и о дарованіи закона; Левитъ, о жертвахъ и священнослуженіи; ибо колѣно Левіи наслѣдовало священство, и отъ имени этого колѣна получила названіе самая книга; потомъ Чйслъ; потому что, по исходѣ изъ Египта, Богъ повелѣлъ сосчитать народъ іудейскій, и было насчитано шестьсотъ тысячъ, произшедшихъ отъ одного человѣка — Авраама. За тѣмъ Второзаконіе; потому что Моисей вторично объяснилъ - имъ законъ. Далѣе Іисусъ Навинъ; онъ послѣ Моисея, бывъ вождемъ іудеевъ, ввелъ ихъ въ землю обѣтованную и раздѣлилъ эту землю по жребіямъ между двѣнадцатью колѣнами. Послѣ него Судіи; ибо, по смерти Іисуса, дѣла іудеевъ управлялись вельможами, и (разныя) колѣна имѣли власть. За тѣмъ Руѳь, краткая книга, заключающая въ себѣ исторію иноплеменной жены, бывшей за-мужемъ за однимъ іудеемъ. Потомъ четыре книги Царствъ, въ которыхъ повѣствуется о событіяхъ при Саулѣ, при Давидѣ, при Соломонѣ, Иліѣ и Елиссеѣ, даже до плѣна вавилонскаго. Послѣ царствъ Ездра; ибо послѣ того, какъ іудеи за грѣхи свои отведены были въ Вавилонъ и пробыли тамъ семдесятъ лѣтъ въ рабствѣ,—Богъ, умилостивившись надъ ними, расположилъ Кира, царствовавшаго тогда надъ персами, Кира, котораго воспитаніе описалъ Ксенофонтъ, отпустить плѣнниковъ. Бывъ отпущены, они возвратились подъ предводительствомъ Ездры, Нееміи и Зоровавеля. Объ этомъ возвращеніи и пишетъ Ездра, именно, какъ они

по возвращеніи во второй разъ построили храмъ и возстановили городъ. Но по прошествіи ста лѣтъ опять постигла ихъ война—македонская. За тѣмъ случились событія при Антіохѣ Епифанѣ, когда іудеи, бывъ осаждаемы три года съ половиною и тяжко пострадавъ, опять избавились отъ бѣдствій. Потомъ, спустя немного времени, приходитъ Христосъ, и ветхій Завѣтъ получаетъ конецъ. А чтобы знать, откуда произошелъ народъ іудейскій, необходимо сказать немногое. Послѣ Адама былъ Сиѳъ, потомъ Енохъ, за тѣмъ другіе во многихъ родахъ, и наконецъ Ной, при которомъ, когда люди развратились отъ нечестія, произошелъ потопъ. По прекращеніи потопа, онъ, вышедши изъ ковчега одинъ съ троими сыновьями, наполнилъ землю своимъ потомствомъ по преемству многихъ родовъ. Когда такимъ образомъ люди размножились, то они захотѣли построить башню, которая бы достигала до неба. Но Богъ, не одобряя ихъ намѣренія, смѣшалъ языки ихъ, раздѣливъ одинъ на многіе. Посему необходимо было имъ, не понимавшимъ другъ друга, и не жить вмѣстѣ другъ съ другомъ; и это было поводомъ къ разсѣянію ихъ по всей вселенной. Говорятъ, что при этомъ смѣшеніи языковъ Еверъ, предокъ іудеевъ, не захотѣлъ участвовать въ ихъ предпріятіи, и одинъ сохранилъ собственный языкъ, бывъ почтенъ этимъ за свое прекрасное расположеніе. Потомкомъ его былъ Авраамъ; посему языкъ іудеевъ и называется еврейскимъ, отъ Евера. Такимъ обра-

зомъ потомкомъ его былъ Авраамъ; сыномъ Авраама — Исаакъ, котораго сынъ — Іаковъ. Этотъ родилъ двѣнадцать патріарховъ: Рувима, Симеона, Левія, Іуду, Иссахара, Завулона, Нефѳалима, Гада, Дана, Асира, Іосифа, Веніамина. Отъ имени одинадцати изъ этихъ патріарховъ названы происшедшія отъ нихъ колѣна. Ибо отъ каждаго изъ нихъ родилось колѣно и потомки называемы были ихъ именемъ. Отъ Іосифа же было не одно колѣно, а два; ибо отецъ Іосифа не хотѣлъ, чтобы его именемъ называлось одно колѣно. Что же произошло? Такъ какъ онъ самъ былъ одинъ, то для того, чтобы ему сдѣлаться сугубымъ патріархомъ, Іаковъ сдѣлалъ, что по именамъ двоихъ сыновей его, Ефрема и Манассіи, были названы два колѣна, и оба эти колѣна приписывались Іосифу. Такимъ образомъ произошло тринадцать колѣнъ, одиннадцать отъ другихъ, и два отъ Іосифа чрезъ сыновей его. Отсюда исключается колѣно Левія, которому предоставлено званіе священства; потому что не нужно было предоставить ему что-нибудь другое; и число двѣнадцати осталось цѣлымъ. Итакъ двѣнадцать колѣнъ исполняли всѣ прочія дѣла, а колѣну Левія одному назначены были обязанности священства. Изъ этого колѣна произошелъ Моисей. Итакъ эти двѣнадцать патріарховъ, прибывъ въ Египетъ, во исполненіе обѣтованія Божія, даннаго Аврааму: *умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя* (Быт. 22, 17), сдѣлались предками шестисотъ тысячъ. Отсюда и

произошелъ народъ іудейскій, получившій название отъ колѣна Іудина, царственнаго, отъ котораго происходили цари. Такимъ образомъ въ ветхомъ Завѣтѣ есть историческое, именно то, о чемъ мы сказали выше; также и нравоучительное, какъ то: Притчи, премудрость Сирахова, Екклезіастъ и Пѣснь Пѣсней; также и пророческое, какъ то: шестнадцать пророковъ, Руѳь и Давидъ. Впрочемъ эти различные виды можно находить и смѣшанными одинъ съ другимъ. Напримѣръ, въ историческихъ сказаніяхъ можно находить пророчество; и отъ пророковъ можно услышать много историческихъ разсказовъ; равно и нравоучительный и увѣщательный видъ можно встрѣчать въ томъ и другомъ, и въ пророчествѣ и въ исторіи. Все это, какъ я выше сказалъ, имѣетъ въ виду одно исправленіе слушателей, такъ что и отъ повѣствованія о прежде бывшемъ, и отъ нравоученія и увѣщанія, и отъ пророчества мы направляемся къ должному. Дѣло пророчества преимущественно состояло въ томъ, чтобы предсказывать будущее, какъ радостное, такъ и прискорбное, дабы однихъ ободрять, а другихъ удерживать отъ нечестія страхомъ. Есть и другой родъ пророчества, состоящій въ предсказываніи о томъ, что касается Христа, гдѣ съ точностію говорится не только о пришествіи Его, но и о томъ, что по пришествіи Онъ имѣлъ дѣлать, о зачатіи, о рожденіи, о крестѣ, о чудесахъ, объ избраніи учениковъ, о новомъ Завѣтѣ, о прекращеніи Іудейства, объ истребленіи язычества, о высокомъ достоинствѣ Церкви

и о всѣхъ другихъ, послѣдующихъ обстоятельствахъ. Обо всемъ этомъ со всею ясностію за много времени предсказывали пророки, объ иномъ прообразованіями, а объ иномъ словами. Ибо есть два вида пророчества: предсказаніе о будущемъ или дѣлами, или словами; словами, когда, желая сказать о крестѣ, говорятъ: *яко овча на закольніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Иса. 53, 7). Объ этомъ они предвозвѣстили словами; дѣлами же, когда напр. Авраамъ представляется возносящимъ сына и закалающимъ овна. Ибо этими дѣйствіями онъ предъизображалъ крестъ и имѣвшее совершиться закланіе за вселенную. И много можно находить въ ветхомъ Завѣтѣ такихъ прообразовъ и предсказаній посредствомъ дѣлъ. Впрочемъ пророчеству свойственно говорить не только о будущемъ, но и о прошедшемъ, какъ это особенно встрѣчается у Моисея. Когда онъ повѣствуетъ о небѣ и землѣ, то, хотя говоритъ о прошедшемъ и сокрытомъ временемъ, но изрекаетъ объ этомъ пророчество. Ибо какъ пророчеству свойственно говорить о томъ, что еще не было и еще неизвѣстно, такъ и бывшее, но сокрытое временемъ, открывать и представлять свойственно такой же благодати. Свойственно также пророчеству говорить и о настоящемъ, когда что-нибудь есть, но скрывается, какъ напр., было съ Ананіею и Сапфирою; здѣсь было ни прошедшее, ни будущее, а настоящее, но неизвѣстное. Петръ же, открывъ по пророчеству, сдѣлалъ это извѣстнымъ. Писанія вет-

хаго Завѣта, вообще сказать, таковы. А въ новомъ Завѣтѣ то, что̀ въ ветхомъ сказано загадочно, объясняется, именно пророчества свидѣтельствуются дѣлами, является жизнь, касающаяся небесъ, указываются неизреченныя будущія блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Ибо новый Завѣтъ, послѣ ветхаго принявъ человѣка, постепенно и мало по малу освобожденнаго отъ нечестія, возводитъ его къ жизни ангельской. Дѣломъ ветхаго Завѣта было—сотворить человѣка, а новаго—сдѣлать человѣка ангеломъ. Когда нечестіе произвело то, что люди перестали быть людьми, низвело ихъ до низости безсловесныхъ и сдѣлало скотоподобными; то законъ освобождалъ ихъ отъ этого нечестія, благодать же прибавляетъ имъ и ангельскія добродѣтели. Есть и книги новаго Завѣта, именно: четырнадцать посланій Павла, четыре Евангелія, два—учениковъ Христовыхъ, Іоанна и Матѳея, и два—Луки и Марка, изъ которыхъ одинъ былъ ученикомъ Петра, а другой—Павла. Тѣ собственными глазами видѣли Христа и обращались съ Нимъ, а эти передали другимъ то, что приняли отъ тѣхъ. Также книга Дѣяній, того же Луки, повѣствовавшаго о тогдашнихъ событіяхъ, и соборныхъ три посланія (1).

---

(1) Святитель Златоустый не упоминаетъ о прочихъ четырехъ соборныхъ посланіяхъ и Апокалипсисѣ, вѣроятно, потому, что эти книги въ его время еще не вездѣ были внесены въ канонъ книгъ Св. Писанія.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ БЫТІЯ.

Повѣствуется о сотвореніи міра и образованіи человѣка. Адамъ получаетъ заповѣдь, и изъ ребра его образуется жена, которая, бывъ обольщена зміемъ, обольщаетъ мужа—и, подвергшись вмѣстѣ съ нимъ проклятію, изгоняется изъ рая; и змій получаетъ проклятіе—ползать на персяхъ. Каинъ убиваетъ брата за его превосходство, и получаетъ наказаніе; за тѣмъ раждаетъ дѣтей. Ева же раждаетъ Сиѳа. Изчисленіе происшедшихъ отъ Адама и отъ Сиѳа, даже до Ноя, и осужденіе мужей за непозволительныя супружества и за другія беззаконія. Сынами Божіими здѣсь называются тѣ, которые ведутъ свой родъ отъ Сиѳа; ибо сказано: *Азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. 81, 6. Быт. 6, 2). А дщерями человѣческими называются тѣ, которыя произошли отъ Каина. Далѣе Богъ предсказываетъ Ною имѣвшую быть погибель людей посредствомъ потопа и повелѣваетъ сдѣлать ковчегъ, въ триста лактей длиною, въ пятьдесятъ лактей шириною и въ тридцать лактей вышиною. Когда онъ вошелъ въ ковчегъ, то произошло наводненіе въ теченіи сорока дней и сорока ночей. Уменьшаться стала вода послѣ ста пятидесяти дней; а открылись вершины горъ въ первый день десятаго мѣсяца. По прошествіи сорока дней Ной выпустилъ ворона, но онъ не возвратился; спустя семь дней выпустилъ го-

лубя, и онъ возвратился, съ масличною вѣтвью. Ной получаетъ отъ Бога повелѣніе выдти изъ ковчега, и вышедши принесъ жертву Богу и получилъ благословеніе съ своими сыновьями; получилъ также обѣтованіе отъ Бога, что болѣе уже не будетъ такого истребленія людей посредствомъ потопа. Послѣ того онъ благословляетъ Сима и Іафета, и проклинаетъ Ханаана за то, что отецъ его Хамъ обнаружилъ наготу отца. Это проклятіе исполнилось на Гаваонитянахъ, или лучше, оно имѣло видъ проклятія, но по истинѣ было пророчествомъ. Слѣдуютъ потомки Ноя до Фалека, который получилъ это названіе отъ того, что при немъ была раздѣлена земля. Ибо тогда они построили башню, отъ чего и самое мѣсто названо Вавилонъ, чтó значитъ *смѣшеніе*, такъ какъ здѣсь были смѣшаны языки ихъ. Но отецъ Фалека Еверъ, говорятъ, не участвовалъ съ прочими въ строеніи башни, и за это у него не было измѣнено нарѣчіе, но остался цѣлымъ языкъ его, который отъ него получилъ и самое названіе свое. Онъ назывался Еверомъ; потому и языкъ его названъ еврейскимъ; это и служитъ величайшимъ доказательствомъ того, что еврейскій языкъ древнѣе всѣхъ нарѣчій. Ибо прежде смѣшенія языковъ всѣ употребляли этотъ языкъ. Еверъ есть предокъ Авраама; родословіе ихъ излагается отъ Сиѳа до Авраама. Потомъ отецъ Авраама Ѳарра беретъ своихъ сыновей, Авраама и Нахора, и внука своего Лота; и идетъ въ Харранъ, намѣреваясь пройти въ

землю ханаанскую; и когда онъ умеръ въ Харранѣ, Богъ повелѣваетъ Аврааму переселиться изъ Харрана, и онъ пришелъ въ Сихемъ, въ землѣ ханаанской. И сказалъ ему Богъ: *сѣмени твоему дамъ землю сію* (Быт. 12, 7). И создалъ Авраамъ жертвенникъ Богу и поставилъ шатеръ свой при морѣ. Когда былъ голодъ, Авраамъ, пришедши въ Египетъ, повелѣваетъ женѣ своей сказать, что она сестра его; Фараонъ же, взявшій ее, бывъ наказанъ Богомъ, возвращаетъ ее Аврааму. Когда пастухи Авраама и Лота поссорились между собою, то они раздѣлили свои жилища. Лотъ взялъ землю содомскую; Авраамъ же поселился при дубѣ Мамврійскомъ, и опять получилъ обѣтованіе отъ Бога, что сѣмя его умножится и наслѣдуетъ эту землю. Когда отъ Ходоллогомора отложились пять царей земли содомской, подвластные ему прежде, то онъ, взявъ съ собою другихъ трехъ царей, вступилъ съ ними въ сраженіе и, обративъ ихъ въ бѣгство, взялъ въ плѣнъ; въ числѣ ихъ былъ и Лотъ. Авраамъ, услышавъ объ этомъ и погнавшись за ними съ тремя стами осмнадцатью домочадцами, освободилъ своего племянника, съ имуществомъ и женами, и Мельхиседеку, благословившему его и вынесшему хлѣбы и вино, далъ десятину. Посему и говоритъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ: *и Левій, пріемляй десятины, десятины далъ есть* (Евр. 7, 9). Когда же царь содомскій предлагалъ Аврааму взять имущество, онъ не согласился: *да не речеши*, говоритъ,

яко азъ обогатихъ Авраама (Быт. 14, 23). Потомъ, когда Богъ говорилъ ему: *мзда твоя многа будетъ* (Быт. 15, 1), онъ сѣтуетъ на свое бездѣтство, и опять слышитъ, что имѣющій произойти отъ него наслѣдуетъ ему, и сѣмя его будетъ, какъ звѣзды небесныя. Здѣсь находится изреченіе: *вѣрова Авраамъ Богу, и вмѣнися ему въ правду* (Быт. 15, 6). Онъ дѣлаетъ разсѣченіе (животныхъ) и узнаетъ, что потомки его будутъ пришельцами, но потомъ будутъ освобождены, послѣ четыресталѣтняго угнетенія. Сарра, бывъ безплодною, даетъ Аврааму Агарь, чтобы онъ имѣлъ отъ ней дѣтей. Когда же она родила, то возгордилась противъ госпожи своей, и Авраамъ отдаетъ ее Саррѣ, чтобы она отмстила за оскорбленіе свое. Бывъ огорчена своею госпожею, она убѣгаетъ изъ дома, но получаетъ отъ Ангела повелѣніе возвратиться къ госпожѣ своей, и вмѣстѣ получаетъ обѣтованіе, что потомство ея умножится и самое имя младенцу, прежде его рожденія, назначаетъ Ангелъ, назвавъ его Измаиломъ. Агарь родила Измаила, и Авраамъ, будучи девяносто девяти лѣтъ, переименовывается; ибо онъ сталъ называться уже не Аврамомъ, но Авраамомъ. Богъ повелѣваетъ ему обрѣзаться со всѣмъ домомъ. Имя Сары также перемѣняется, и она стала называться Саррою. Потомъ Авраамъ получаетъ обѣтованіе объ Исаакѣ. Является Аврааму Сынъ Божій съ двумя ангелами и говоритъ ему: *возвращаяся пріиду къ тебѣ во время сіе въ часы, и родитъ сына Сарра жена твоя*

(Быт. 18, 10). Авраамъ умоляетъ Бога за Содомъ. Два Ангела приходятъ къ Лоту. Содомляне приступивъ требуютъ ихъ и поражаются слѣпотою. Ангелы же, взявъ Лота, вышли изъ дома, и самъ онъ вмѣстѣ съ дочерями спасается въ Сигорѣ, а жена его обратилась въ соленый столбъ, потому что посмотрѣла назадъ. Когда же страна содомская была сожжена, Лотъ удалился въ гору, и сдѣлались беременными отъ него дочери его; старшая родила Моава, а младшая Аммона. Впрочемъ кровосмѣшенія съ отцемъ онѣ достигли посредствомъ опьяненія; онѣ думали, что родъ человѣческій прекратился. Авраамъ переселился въ Герары, и царь Герарскій Авимелехъ взялъ Сарру; но когда Богъ угрожалъ ему, то онъ оправдываясь говоритъ, что онъ считалъ эту женщину сестрою Авраама; ибо она сама такъ сказала. Онъ отдалъ ее Аврааму съ дарами. Тогда возвращенная Сарра раждаетъ Исаака. Авраамъ изгоняетъ изъ дома служанку съ сыномъ Измаиломъ. Авимелехъ заключаетъ съ Авраамомъ договоръ, чтобы не оскорблять другъ друга, и получаетъ отъ Авраама семь агницъ, во свидѣтельство того, что клятвенный колодецъ принадлежитъ Аврааму. Авраамъ получаетъ повелѣніе принести сына во всесожженіе, и возноситъ его, но вмѣсто него закалается баранъ. Все же это было прообразомъ домостроительства, имѣвшаго совершиться о насъ Христомъ. Сарра умираетъ, и Авраамъ, купивъ мѣсто у Ефрона Хеттеянина, погребаетъ тамъ жену свою, и посылаетъ раба своего со-

сватать для Исаака жену въ Месопотаміи, заповѣдавъ ему не отводить туда сына его, если жена не захочетъ идти съ нимъ. Когда рабъ пришелъ въ городъ Нахора и просилъ знаменія, по которому могъ бы узнать дѣвицу,—а знаменіе состояло въ томъ, чтобы она предложила пить и ему, и верблюдамъ его,—выходитъ Ревекка, дочь Ваѳуила, сына Нахорова,—Нахоръ же былъ братъ Авраама,—и давъ пить ему и верблюдамъ его, и сказавъ, чья она дочь, вводитъ этого человѣка въ домъ и угощаетъ. Когда же онъ сказалъ, для чего пришелъ, и просилъ отпустить дѣвицу, то родители предоставили это на выборъ самой дѣвицѣ. Такъ какъ она согласилась, то, взявъ ее, онъ отправился, и стала она женою Исаака. Авраамъ, по смерти Сарры, беретъ себѣ въ жену Хеттуру; рожденныхъ отъ ней дѣтей онъ отослалъ отъ Исаака, давъ имъ подарки, а наслѣдникомъ своего имущества сдѣлалъ Исаака, и умеръ. Здѣсь перечисляются имена сыновъ Измаила, селенія котораго простирались отъ Евилата до Сура. Такъ какъ Ревекка была неплодна, то Исаакъ просилъ Бога, чтобъ она зачала, и когда зачала, Богъ говоритъ ей: *два языка во утробѣ твоей, и людіе людей превзыдутъ* (Быт. 25, 23), предсказывая объ іудеяхъ и о насъ христіанахъ. Когда младенцы родились и выросли, то Исавъ уступаетъ и продаетъ первородство свое Іакову за кушанье изъ чечевицы. Исаакъ хотѣлъ отправиться въ Египетъ,—такъ какъ усилился голодъ,—но Богъ удержалъ его, заповѣ-

давъ остаться тамъ, гдѣ онъ жилъ, и обѣщавъ быть съ нимъ и благословить сѣмя его и умножить. Авимелехъ, царь герарскій, узнавъ, что Ревекка жена Исаака,—а онъ думалъ, что она сестра его,—опредѣлилъ смерть всякому, кто обидитъ ее. Тогда Исаакъ сѣялъ и получалъ сторатный плодъ. Когда же онъ, по благословенію Божію, сталъ весьма богатымъ, то филистимляне стали завидовать ему, и Авимелехъ изгналъ его оттуда. Онъ не мстилъ, но удалился и выкопалъ колодцы, за которые произошелъ споръ. Онъ не противился, но выкопалъ другіе колодцы, пока не перестали безпокоить его. И благословилъ его Богъ. Потомъ Исаакъ принялъ пришедшаго къ нему Авимелеха привѣтливо и угостилъ, не помня обидъ. Между тѣмъ Исавъ взялъ себѣ въ жены хананеянокъ, которыя досаждали Ревеккѣ. Исаакъ состарѣлся и притупилось зрѣніе его. Онъ приказываетъ сыну своему Исаву наловить дичи и приготовить для него кушанье, чтобы благословить его. Іаковъ же, при содѣйствіи матери, предупредилъ Исава. Сваривъ два козленка и обложивъ его кожами ихъ, чтобы скрыть наготу его, она дала ему въ руки кушанье и послала (къ отцу). Онъ вошелъ и получилъ благословеніе. Исавъ, пришедши и узнавъ о случившемся, заплакалъ и зарыдалъ и просилъ благословить и его, и своею настойчивостію имѣлъ успѣхъ, хотя не такой, какого надѣялся, однако имѣлъ успѣхъ. Такимъ образомъ, бывъ благословленъ малымъ вмѣсто великаго, онъ разгнѣвался на брата, злопамят-

ствовалъ и ожидалъ смерти отца, чтобы тогда смѣлѣе сдѣлать ему вредъ. Мать объясняетъ это Іакову и совѣтуетъ искать спасенія въ бѣгствѣ; сказавъ Исааку, что жизнь ей будетъ не въ жизнь, если и Іаковъ возьметъ жену изъ хананеянокъ, она располагаетъ Исаака послать Іакова въ Месопотамію къ брату ея Лавану и взять жену изъ дочерей его. Когда Іаковъ ушелъ, Исавъ беретъ себѣ въ жену дочь Измаила. Измаилъ былъ сынъ Авраама, родившійся ему отъ Агари. Іаковъ видитъ лѣстницу, ставитъ столпъ и обѣщаетъ отдать Богу десятую часть имущества своего, если возвратится благополучно. Онъ пришелъ въ Месопотамію, увидѣлъ Рахиль и поцѣловалъ ее; дѣвица же пошла и разсказала объ этомъ отцу своему Лавану. Этотъ, вышедши самъ, узналъ Іакова и привелъ его къ себѣ. Іаковъ служилъ ему въ вознагражденіе за дочь; но тотъ далъ ему старшую. Когда Іаковъ выразилъ неудовольствіе на этотъ обманъ, Лаванъ предлагаетъ ему прослужить еще седмь лѣтъ, если хочетъ получить и младшую. Онъ и на это соглашается, и получаетъ и младшую. Старшая, Лія, была слаба глазами; а младшая, Рахиль, была прекрасна. Онѣ были образами: старшая—синагоги іудейской, а младшая—церкви Христовой. Лія зачала и родила Рувима, Симеона, Левія и Іуду. Рахиль же не раждала, и потому дала Іакову еще жену, служанку свою Валлу, которая и родила Дана и Нефѳалима. И Лія дала Іакову въ жену служанку свою Зелфу, которая и родила Гада и Асира. Послѣ того

Лія родила Иссахара и Завулона. Потомъ и Рахиль родила Іосифа. Когда Іаковъ захотѣлъ возвратиться въ свою землю, Лаванъ даетъ ему награду, которую назначилъ самъ Іаковъ, именно—весь скотъ пестрый изъ овецъ и весь скотъ бѣлый изъ козъ. Когда же все это умножилось;—ибо Іаковъ клалъ палки въ водопойняхъ, и зачинали овцы, и раждались бѣлые и пестрые, полосатые и съ крапинами; все это было дѣломъ Божіимъ, какъ говоритъ самъ Іаковъ;—тогда сыновья Лавана стали завидовать ему; онъ, взявъ женъ своихъ съ имуществомъ, тайно удалился. Лаванъ преслѣдовалъ его, но прежде, нежели достигъ Іакова, Богъ угрожаетъ ему, если онъ жестоко поступитъ съ Іаковомъ. Догнавъ Іакова, онъ прежде всего укорялъ его и спрашивалъ о причинѣ тайнаго удаленія. Когда же Іаковъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ это потому, что его ненавидѣли, и опасаясь, чтобы Лаванъ не взялъ отъ него дочерей своихъ; тогда Лаванъ требовалъ боговъ своихъ, которыхъ похитила Рахиль. Когда онъ не нашелъ ихъ, то Іаковъ сильно укоряетъ его. Наконецъ, ѣвши и пивши, они разстались другъ съ другомъ, воздвигнувъ тамъ холмъ изъ камней, который и назвали холмомъ свидѣтельства. Тогда встрѣтили Іакова ангелы Божіи. Іаковъ посылаетъ къ Исаву извѣстить его о своемъ прибытіи. Когда посланные возвратились и сказали, что Исавъ идетъ съ треми стами мужей, тогда Іаковъ, объятый страхомъ, проситъ Бога избавить его отъ угрожающей опасности, и посылаетъ подарки Исаву.

Когда Іаковъ перешелъ потокъ и былъ благословленъ и перемѣнено было имя его, тогда онъ увидѣлъ идущаго Исава и, раздѣливъ своихъ людей, служанокъ съ дѣтьми ихъ поставилъ первыми, Лію съ дѣтьми второю, а Рахили съ Іосифомъ приказалъ идти послѣднею; самъ же пошелъ впереди. Исавъ встрѣтилъ его дружелюбно, и дары принялъ отъ него, и просилъ сопутствовать ему; но Іаковъ отказывался. Потомъ, отправившись, онъ остановился въ городѣ сихемскомъ Салимѣ. Здѣсь Сихемъ, сынъ царя Еммора, полюбивъ Дину, дочь Іакова, и растливъ эту дѣвицу, просилъ отдать ее въ жену ему законнымъ бракомъ. Симеонъ и Левій сказали, что они охотно отдадутъ, если тѣ обрѣжутся съ своимъ народомъ. Когда же тѣ обрѣзались и были еще больны, Симеонъ и Левій умертвили ихъ. Послѣ этого Іаковъ боялся, чтобы сосѣдніе хананеи не напали на него, и, по повелѣнію Божію, удалился въ Веѳиль, гдѣ и умерла кормилица Ревекки. Когда же Богъ благословилъ его, то вышедши изъ Веѳиля, онъ поселился по ту сторону башни Гадеръ. Тогда Рахиль родила несчастно, и умерла, и была погребена на дорогѣ къ Евѳрафѣ; это—Виѳлеемъ. Рожденный же былъ Веніаминъ. Тогда преспалъ Рувимъ съ Валлою, наложницею отца своего. Въ то же время умеръ Исаакъ, и погребли его Исавъ и Іаковъ. Излагается родословіе потомковъ Исава, между которыми находится Іовъ, который называется здѣсь Іовавомъ. Іосифа возненавидѣли братья его за сны и за то, что отецъ лю-

билъ его больше ихъ. Схвативъ его наединѣ, они хотѣли убить его; но Рувимъ посовѣтовалъ бросить въ ровъ; ибо хотѣлъ покрайней мѣрѣ избавить его отъ смерти. Они бросили, но потомъ продали его мадіанитянамъ, по совѣту Іуды; одежду же его, обагривъ кровію, показали отцу. Онъ, подумавъ, что сынъ его съѣденъ звѣрями, горько плакалъ. У Іуды родились Иръ, Авнанъ и Силонъ. По смерти Ира, жену его Ѳамарь взялъ братъ его Авнанъ и не хотѣлъ возстановить сѣмени брату своему. Когда и онъ умеръ, то Іуда не захотѣлъ отдать Ѳамари въ жену третьему сыну Силону. Ѳамарь, украсившись, сѣла, какъ блудница, при пути. Іуда, подумавъ, что она дѣйствительно блудница, — ибо она закрыла свое лицо, — вошелъ къ ней, и далъ ей залогъ: цѣпь, перстень и жезлъ. Когда же сказано было, что Ѳамарь зачала, то вскорѣ Іуда велѣлъ сжечь ее; но она послала сказать ему, что зачала отъ того человѣка, которому принадлежитъ перстень. Тогда Іуда сказалъ: *оправдася Ѳамарь паче мене* (Быт. 38, 26). Когда она раждала, то Зара простеръ руку, но потомъ убралъ ее; вышелъ Фаресъ, и тогда уже Зара. Это иносказательно объясняется такъ: показалъ, говорятъ, первый народъ, т. е. бывшіе до закона праведники, руку, т. е. жизнь добродѣтельную и ангельскую; потомъ введенъ былъ законъ; а послѣ того опять введена была прежняя жизнь, возведенная до высшаго совершенства чрезъ царство Христово. Іосифа купилъ архимагиръ Фараоновъ Пентефрій и поручилъ ему домъ

свой. Онъ не послушалъ госпожи, убѣждавшей его сдѣлать преступленіе; бывъ оклеветанъ, вверженъ въ темницу; былъ и тамъ начальникомъ и изъяснилъ сны начальнику винočерпіевъ и начальнику пекарей. Сбылось такъ, какъ онъ сказалъ: одинъ былъ умерщвленъ, а другой возведенъ въ прежнее достоинство. Фараонъ видѣлъ во снѣ коровъ и колосья, которыми означалось плодородіе и слѣдующій за тѣмъ голодъ. Іосифъ былъ выведенъ изъ темницы, чтобы истолковать эти сны; потому что начальникъ виночерпіевъ указалъ на него. Онъ истолковалъ и далъ совѣтъ для облегченія голода; сдѣлался первымъ по Фараонѣ, и, собравъ множество хлѣба, въ седмь лѣтъ плодородія, по наступленіи голода, продавалъ его желающимъ. Пришли и братья его купить хлѣба. Такъ какъ онъ не видѣлъ между ними Веніамина, то, боясь, не погубили ли они и его, обвиняетъ ихъ, какъ соглядатаевъ той земли и говоритъ, что не иначе они избавятся отъ обвиненія, какъ если приведутъ въ Египетъ и покажутъ младшаго брата Веніамина. Взявъ изъ нихъ Симеона и связавъ его, прочихъ онъ отпустилъ, давши хлѣба и серебра. Когда же они, открывъ мѣшки, увидѣли серебро, то изумились странному событію, и просили взять Веніамина у отца, которому разсказали все случившееся. Но онъ не хотѣлъ отпустить отрока. Когда же голодъ усилился и Іуда настаивалъ, желая взять Веніамина и обѣщаясь возвратить его здравымъ и невредимымъ, тогда Іаковъ далъ серебра вдвойнѣ, приказавъ

отнести и другіе дары. Когда они пришли къ Іосифу, онъ принялъ ихъ благосклонно, спросилъ объ отцѣ и великолѣпно угостилъ. Когда же нужно было имъ отправляться, онъ повелѣлъ вложить въ мѣшокъ Веніамина серебряную чашу, безъ вѣдома ихъ. Она была положена и, когда они взявъ ушли, то повелѣлъ начальнику дома своего преслѣдовать этихъ людей. Онъ, догнавъ ихъ, укорялъ, что они благодѣтелю воздали зломъ. Когда они, смутившись, опредѣлили смерть тому, кто былъ бы уличенъ въ кражѣ, а себѣ рабство, чаша нашлась у Веніамина. Тогда Іуда, вошедши и говоривъ долго объ отцѣ, объ Іосифѣ и Веніаминѣ, и предложивъ себя самого въ рабство вмѣсто отрока, возбудилъ въ Іосифѣ такое состраданіе, что онъ отложилъ всякое притворство. Выславъ всѣхъ, чтобы можно было плакать свободно, онъ открываетъ себя братьямъ и посылаетъ ихъ за отцемъ съ дарами и колесницами; это угодно было и Фараону. Услышавъ объ обстоятельствахъ Іосифа, Іаковъ обрадовался и, по повелѣнію Божію, отправился въ Египетъ. Іосифа увидѣлъ отецъ; это сдѣлалось извѣстнымъ Фараону; и поселился Іаковъ въ землѣ Рамессійской. Когда издержано было серебро той земли, люди отдавали скотъ и получали хлѣбъ; когда же оскудѣло и это, а голодъ не прекращался, то отдавали себя вмѣстѣ съ землею, и сдѣлавшись рабами Фараона, сѣяли и пятую часть плодовъ отдавали ему, а четыре части брали въ свою пользу. Находясь при смерти, Іаковъ бе-

ретъ съ Іосифа клятву, чтобы не погребалъ его въ Египтѣ, но—въ гробницѣ отцовъ его; сыновей же Іосифа, Ефрема и Манассію, включаетъ въ число не внуковъ, но сыновей своихъ. И ослабѣлъ зрѣніемъ Іаковъ, и когда онъ лобызалъ и намѣревался благословить ихъ, Іосифъ поставилъ Ефрема по лѣвую руку Іакова, а Манассію на правую. Іаковъ же положилъ правую руку на младшаго, стоявшаго по лѣвую руку, а лѣвую на стоящаго по правую, и благословилъ. Когда же Іосифъ подумалъ, что отецъ сдѣлалъ это по невѣденію и хотѣлъ исправить, то Іаковъ не согласился, сказавъ, что дѣлаетъ это съ сознаніемъ, а не по невѣдѣнію. Тогда Іаковъ отдаетъ Іосифу особенно Сихемъ, которымъ овладѣли Симеонъ и Левій, и благословляетъ сыновей своихъ. Здѣсь онъ пророчествуетъ о Христѣ: *не оскудѣетъ*, говоритъ онъ, *князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему* (Быт. 49, 10). Когда Іаковъ умеръ, Іосифъ оплакалъ его и, вынесши, похоронилъ въ пещерѣ Авраамовой. Братья его сказали: *да не когда воспомянетъ Іосифъ, и воздаяніемъ воздастъ намъ за вся злая, яже показахомъ ему* (Быт. 50, 15), и просили его, говоря: *се мы тебѣ раби* (Быт. 50, 19). Іосифъ же заплакалъ и сказалъ имъ: *не бойтеся: Божій бо есмь азъ: вы совѣщасте на мя злая: Богъ же совѣща о мнѣ во благая: азъ препитаю васъ и домы ваши* (Быт. 50, 19—21). Іосифъ прожилъ сто лѣтъ и видѣлъ дѣтей Еф-

рема до третьяго рода. Онъ сказалъ братьямъ своимъ: *посѣщеніемъ посѣтитъ васъ Богъ и изведетъ васъ въ землю* обѣтованія, *о нейже клятся Богъ отцемъ нашимъ* — дать имъ ее: *совознесите и кости моя съ вами* (Быт. 50, 24—25). Скончавшись ста лѣтъ, онъ былъ погребенъ въ гробницѣ во Египтѣ.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ИСХОДА.

Когда насталъ въ Египтѣ царь, который не зналъ Іосифа, то притѣснялъ онъ израильтянъ грязною работою и дѣланіемъ кирпичей. Онъ приказалъ и повивальнымъ бабкамъ умерщвлять младенцевъ израильскихъ мужескаго пола; такъ какъ онѣ не послушались, то онъ вмѣнилъ это народу въ преступленіе. Тогда раждается Моисей отъ колѣна Левіина, и выставили его родители въ корзинѣ. Дочь Фараона, вышедши и взявши младенца, отдала его на воспитаніе. Выросши, Моисей вышелъ къ сынамъ израильскимъ, узналъ о притѣсненіи ихъ, и увидѣлъ египтянина, бьющаго одного еврея. Осмотрѣвшись кругомъ и не видѣвъ никого, онъ убилъ египтянина и скрылъ его въ пескѣ. Вышедши въ другой день, онъ видитъ двухъ евреевъ, бьющихъ другъ друга, и говоритъ одному изъ нихъ: *чего ради ты біеши искренняго? Онъ же рече: кто тя постави князя и судію надъ нами, еда убити мя ты хощеши, имже образомъ*

убилъ еси вчера египтянина (Исх. 2, 13—14)? Моисей убоялся, и Фараонъ узналъ объ этомъ и искалъ убить Моисея. Моисей, убоявшись, удалился въ землю мадіамскую, и помогъ дочерямъ Іофора напоить (скотъ). Онѣ разсказали отцу о случившемся и привели къ нему Моисея. Тотъ отдаетъ ему дочь свою въ жену, которая и родила Моисею Гирсама и Еліезера. Когда онъ пасъ стадо, Богъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ подошелъ и увидѣлъ чудо надъ кустарникомъ, который горѣлъ и не сгаралъ. Богъ посылаетъ его въ Египетъ, говоря: *тако речеши: Азъ есмь Сый* (Исх. 3, 14). Повелѣваетъ созвать совѣтъ старцевъ, и такимъ образомъ войти къ Фараону, также возвѣстить народу, чтобы онъ, выходя, взялъ отъ сосѣдей золотые и серебряные сосуды. Даетъ ему знаменія для удостовѣренія: жезлъ, который обратился въ змія, измѣненіе руки его; которая стала бѣла, какъ снѣгъ, и опять получила прежній цвѣтъ, и воду рѣки: *пролієши*, говоритъ, *отъ воды на сухо и будетъ кровію* (Исх. 4, 9). Моисей отказывался; Богъ же, разгнѣвавшись, присоединилъ къ нему Аарона. Моисей объявилъ тестю своему Іѳѳору, что онъ намѣревается отправиться въ Египетъ. По смерти царя; искавшаго души его, Богъ говоритъ ему: *отъиди во Египетъ* (Исх. 4, 19). Онъ взялъ дѣтей и жену, и пошелъ. Посему является ему ангелъ и угрожаетъ ему, не для обрѣзанія,— ибо, если бы для обрѣзанія, то ангелу слѣдовало бы удалиться не прежде, какъ когда мать

обрѣзала бы и другаго сына,—но для того, чтобы онъ не бралъ жены въ Египетъ; потому что не жить тамъ онъ посылался, но вывести израильтянъ, что́ и самъ онъ понялъ, и отпустилъ жену. Откуда видно, что онъ отпустилъ ее? Изъ того, что, когда онъ вышелъ изъ Египта, встрѣтилъ его тесть Іоѳоръ съ женою его. Приходитъ къ Моисею Ааронъ, и оба они созвали старѣйшинъ израильскихъ и объявили имъ сказанное Богомъ; тѣ возрадовались. Когда они вошли къ Фараону и требовали, чтобы онъ отпустилъ народъ, то царь не только не согласился, но еще больше сталъ притѣснять израильтянъ, повелѣвъ не давать имъ мякины, чтобы они сами доставали ее себѣ. Когда книжники были наказываемы за то, что дѣло не было исполняемо, то пришли они къ Фараону, но не имѣли никакого успѣха. Тогда они стали кричать противъ Моисея,—и онъ опять посылается къ израильтянамъ возвѣстить имъ объ исходѣ. Они же не слушали Моисея по малодушію своему. Здѣсь излагается родословіе Моисея, и Богъ говоритъ ему: *дахъ тя боги Фараону* (Исх. 7, 1), и посылаетъ его къ Фараону, повелѣвъ показать знаменіе, если бы потребовалъ царь, знаменіе жезла, превращеннаго въ змія. Когда жезлъ обращенъ былъ въ змія, и однако царь не согласился, то вода рѣки превращается въ кровь, земля наполняется жабами, потомъ появились скнипы, потомъ мухи, потомъ смерть скота, потомъ струпы, потомъ градъ и огонь, потомъ саранча и тьма непроницаемая. Когда

же должна была наступить смерть первенцевъ, израильтяне получаютъ повелѣніе заколоть агнца мужескаго пола, непорочнаго, и кровію его помазать пороги; ибо, сказано было, не погибнутъ находящіеся въ томъ домѣ, на которомъ будетъ кровь агнца. Тогда же дается имъ законъ о седми дняхъ опрѣсночныхъ; и по пришествіи въ землю обѣтованную, Богъ повелѣваетъ имъ соблюдать это служеніе. Если спросятъ васъ, говоритъ, сыны ваши, скажите: *жертва пасха сія Господу* (Исх. 12, 27). Когда въ полночь были истребляемы первенцы египтянъ, тогда они изгнали израильтянъ изъ Египта. Эти вышли, взявъ съ собою сосуды серебрянные и золотые, и много народа смѣшавшагося съ ними, и овецъ, и воловъ, и скотъ. Пребываніе сыновъ израильскихъ, какъ ихъ, такъ и отцевъ ихъ, въ Египтѣ и въ землѣ ханаанской продолжалось четыреста тридцать лѣтъ. И сказалъ Богъ: *освяти Ми всякаго первенца отъ человѣка до скота* (Исх. 13, 2); потому что Онъ умертвилъ первенцевъ египетскихъ. Не повелъ ихъ Богъ чрезъ землю филистимскую, чтобы они не перемѣнили намѣренія, видя войну, и не возвратились въ Египетъ, но—чрезъ Чермное море. Въ пятомъ поколѣніи вышли сыны Израилевы изъ Египта; Моисей взялъ и кости Іосифа. Богъ указывалъ путь Израилю столпомъ огненнымъ во время ночи, и столпомъ облачнымъ во время дня. Когда Фараонъ передумавши погнался за ними; то Моисей ударилъ жезломъ по морю, и оно разступи-

лось; когда же израильтяне прошли, то оно соединилось надъ египтянами и потопило ихъ. И воспѣлъ Моисей пѣснь, воспѣла и Маріамь съ женами. Пришли они къ Меррѣ, гдѣ была вода горькая, и усладилъ ее Моисей посредствомъ дерева. Потомъ пришли они туда, гдѣ было двѣнадцать источниковъ и семьдесятъ финиковыхъ деревъ; это мѣсто называлось Елимъ. Оттуда они пришли въ пустыню между Елимомъ и Синомъ. Когда возроптали израильтяне въ пустынѣ, требуя мяса. Тогда ниспослана была имъ манна. Потомъ послалъ имъ Богъ крастелей. Здѣсь касательно манны, въ которой, когда было ея много, не было излишка; и, когда мало, не было недостатка, Онъ повелѣлъ, чтобы она не была оставляема на завтрашній день. Но они ослушались, и оставленное наполнялось червями. Богъ сказалъ: не выходите собирать манну въ субботу; но они ослушались и въ этомъ, и тѣ, которые выходили, не находили ея. Моисей повелѣваетъ положить часть манны въ золотую стамну для послѣдующихъ поколѣній. Они ѣли эту манну сорокъ лѣтъ. Потомъ они возроптали по причинѣ жажды. Моисей ударилъ въ камень, и истекла вода. Амаликитяне вышли на войну съ Израилемъ; и обратилъ ихъ въ бѣгство Іисусъ Навинъ; пока руки Моисея были подняты, одерживали побѣду израильтяне; а когда онъ опускалъ ихъ, тогда они были побѣждаемы; это было образомъ креста. Ааронъ и Оръ стояли, поддерживая руки Моисея. И сказалъ Господь къ Моисею: *впиши сіе на память въ книгу*

(Исх. 17, 14). Приходитъ Іоөоръ, тесть (πενθερὸς) Моисея, съ женою его; — Писаніе называетъ его γαμβρὸς, зять, не въ точномъ смыслѣ, — и для Моисея, и для народа. Моисей разсказываетъ ему о чудесахъ; онъ удивляется. Когда же онъ увидѣлъ, что весь народъ пришелъ къ Моисею, который не имѣлъ возможности судить всѣхъ; то тесть говоритъ ему: *избери мужы силны, Бога боящыяся, праведны, ненавидящыя гордости, и постави ихъ тысященачалники, стоначалники, пятьдесятоначалники и десятоначалники* (Исх. 18, 21). Моисей сдѣлалъ такъ и взошелъ на гору. Богъ повелѣлъ ему сказать народу, что они будутъ *царскимъ священіемъ, народомъ святымъ*, если будутъ послушны. Они отвѣчали: *вся, елика рече Богъ, сотворимъ и послушаемъ* (Исх. 19, 8). Тогда онъ повелѣваетъ народу очиститься до третьяго дня и вымыть одежды свои. Здѣсь сказано то, что повторено и у Апостола въ посланіи къ Евреямъ: *аще прикоснется горѣ, каменіемъ побіенъ будетъ* (Евр. 12, 20). Тогда воздымилась гора, загремѣли звуки трубъ. Тогда Моисей получаетъ заповѣди закона, десятословіе, и прочія постановленія. Выраженіе же: *боговъ да не злословиши*, сказано не объ идолахъ, но о начальникахъ; потому что прибавлено: *князю людей твоихъ да не речеши зла* (Исх. 22, 28). Обѣщаются имъ, если будутъ послушны, многія блага, именно, что они овладѣютъ народами, наслѣдуютъ землю, что вода и хлѣбъ ихъ будутъ благословенны, что они будутъ избавле-

ны отъ всякой болѣзни, не будетъ между ними ни безплодной, ни безплоднаго, ни преждевременной смерти, что предѣлы ихъ будутъ простираться отъ Чермнаго моря до земли филистимской, отъ пустыни до Евфрата. Тогда Моисей принесъ жертву, и половину крови возлилъ на алтарь жертвенный, и взявъ кровь, окропилъ ею народъ. Объ этомъ упоминаетъ и Павелъ въ посланіи къ Евреямъ: *тѣмже*, говоритъ, *ни первый завѣтъ безъ крове обновленъ бысть* (Евр. 9, 18). Моисей получаетъ повелѣніе взойти и взять скрижали. Былъ онъ тамъ сорокъ дней и сорокъ ночей. Услышалъ объ устройствѣ скиніи и всѣхъ ея принадлежностей, о священной одеждѣ, о помазаніи священниковъ и о выкупахъ, которые состояли въ томъ, чтобы каждый давалъ половину дидрахмы, т. е. десять оволовъ, также заповѣдь о составленіи елея и о соблюденіи субботы. Между тѣмъ израильтяне возстаютъ противъ Аарона и впадаютъ въ идолопоклонство. Тогда Богъ говоритъ Моисею: *остави Мя, и потреблю ихъ, и сотворю тя въ языкъ великъ* (Исх. 32. 10). Когда Моисей сошедши увидѣлъ тельца и веселящійся народъ, то бросилъ скрижали и разбилъ ихъ, укорилъ Аарона и далъ повелѣніе пришедшимъ сынамъ Левіинымъ, сказавъ: *аще кто есть Господень, да идетъ ко мнѣ, и да убіетъ кійждо брата своего и ближняго своего* (Исх. 32, 26); и пали три тысячи мужей. Тогда Моисей, взошедши, говоритъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя*

изъ книги, въ нюже вписалъ еси (Исх. 32, 31). Тогда народъ сталъ плакать и получилъ повелѣніе снять украшенія свои. Здѣсь сказано: *и глагола Господь къ Моисею, яко же аще бы кто возглаголалъ къ своему другу* (Исх. 33, 11). Іисусъ же Навинъ не выходилъ изъ скиніи. Тогда Моисей проситъ Бога, чтобы Онъ не оставлялъ народа, и, истесавъ двѣ скрижали, получаетъ десятословіе, пробывъ на горѣ опять сорокъ дней и сорокъ ночей. Дается ему опять повелѣніе о пасхѣ, о субботѣ, объ истребленіи боговъ языческихъ, о посвященіи Богу первенцевъ. Здѣсь сказано, что Моисей говорилъ народу съ покрываломъ, о чемъ и Павелъ говоритъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (2 Кор. 3, 13). Тогда даются имъ заповѣди о субботѣ и о веществѣ, которое должно быть употреблено на строеніе скиніи, т. е. о золотѣ, мѣди, кожахъ и прочихъ веществахъ. Они приносили это съ великимъ усердіемъ, такъ что даже былъ излишекъ. Все, относящееся къ устройству скиніи, исполняли Веселіилъ изъ колѣна Іудина и Еліавъ изъ колѣна Данова, и воздвигнута была скинія, и облако осѣнило ее. На эту постройку употреблено золота двадцать девять талантовъ и семьсотъ сиклей, серебра—сто талантовъ и семьсотъ семдесятъ два сикля и мѣди семьдесятъ талантовъ и двѣ тысячи пятьсотъ сиклей.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ: ЛЕВИТЪ.

Эта книга называется: *Левитъ* потому, что содержитъ въ себѣ начертаніе всего левитскаго служенія, и того, какъ Ааронъ и сыновья его избираются изъ колѣна Левіина и помазываются во священники, также различія всѣхъ жертвъ и всѣхъ свойствъ богослуженія въ храмѣ и священническаго служенія. Излагаются и законы о каждой жертвѣ, жертвѣ спасенія и жертвѣ за вольное и невольное прегрѣшеніе; объясняется и то, какъ должно каждое изъ приношеній раздѣлять и возносить. Описывается въ этой книгѣ посвященіе первосвященника и священниковъ, также различіе и разпознаваніе признаковъ проказы людей, одеждъ и стѣнъ дома, и полагается законъ касательно ихъ очищенія; также законъ и распредѣленіе о бракахъ законныхъ, и какіе изъ нихъ не законные; еще распредѣленіе чистыхъ и нечистыхъ скотовъ, птицъ, рыбъ и пресмыкающихся, и какими изъ нихъ заповѣдано было евреямъ питаться и отъ какихъ воздерживаться. Объясняется день трубный, въ новомѣсячіе, въ седьмой день мѣсяца; также заповѣдь о великомъ постѣ, который называется субботою субботъ и отпущеніемъ грѣховъ, чтобы евреи совершали его въ седьмомъ мѣсяцѣ, въ десятый день мѣсяца. Содержится постановленіе о праздникѣ кущей, въ 15 день того же мѣсяца и о другихъ праздникахъ и о

томъ, какія во время ихъ должно дѣлать приношенія; также, объ отпущеніи купленныхъ евреевъ, о прощеніи долговъ, объ успокоеніи земли, которое должно быть въ седьмой годъ. Излагается еще напоминаніе о всѣхъ законахъ, повелѣніяхъ и свидѣтельствахъ; содержатся и обѣтованія соблюдающимъ ихъ и жесточайшія угрозы преступающимъ. О различіи же чистыхъ и нечистыхъ снѣдей и о причинѣ этого постановлено такъ: изъ скотовъ чистыми называются тѣ, у которыхъ раздвоены копыта и на копытахъ глубокой разрѣзъ, и которые отрыгаютъ жвачку,—каковы: теленокъ, овца, коза, олень, буйволъ, серна, газель, пигаргъ, трагелафъ, камилопардъ и подобные. Если же у нихъ чего-нибудь изъ этого не достаетъ, то они не чисты; каковы: верблюдъ, тушканчикъ и заяцъ; потому что хотя они и отрыгаютъ жвачку, но у нихъ не раздвоены копыта; также свинья, потому что, хотя у ней раздвоены копыта, но она не отрыгаетъ жвачки. Изъ птицъ запрещается употреблять въ пищу слѣдующихъ: орла, грифа, морскаго орла, коршуна, сокола, ворона, и подобныхъ имъ, ястреба и тому подобныхъ, филина, рыболова, ибиса, лебедя, пеликана и сипа, цаплю, зуя и подобныхъ имъ, удода и нетопыря. Изъ пресмыкающихся крылатыхъ называются нечистыми всѣ, ходящія на четырехъ ногахъ, кромѣ имѣющихъ выше ногъ голени, чтобы скакать ими по землѣ; каковы: саранча, кузнечикъ, соламъ, харголъ, хагабъ и подобные имъ. Изъ животныхъ, живущихъ въ водахъ, въ морѣ, въ рѣ-

кахъ и въ потокахъ, называются чистыми тѣ, которыя имѣютъ перья и чешую, таковы: барвена, скаръ, главкъ, головень, и подобныя имъ. Тѣ же, у которыхъ не достаетъ чего-нибудь изъ этого, нечисты и не должны быть употребляемы въ пищу, какъ напримѣръ каракатица, потому что она хотя имѣетъ перья, но чешуи нѣтъ. Изъ пресмыкающихся по землѣ называются нечистыми слѣдующія: кротъ, мышь, ящерица, анака, хамелеонъ, летаа, хометъ и тиншеметъ. О змѣѣ же и тому подобныхъ излишне было и упоминать; ибо очевидно было, что они для всѣхъ отвратительны и мерзки. Впрочемъ и объ нихъ подобнымъ образомъ упомянуто во Второзаконіи. Еще содержатся постановленія о трупахъ, какъ вещахъ запрещенныхъ, равно и о крови, и о женахъ раждающихъ. Сѣменоточивый признается нечистымъ на семь дней. Также исчисляются постановленія объ обрѣзаніи младенца въ осьмый день, о мѣсячномъ очищеніи женщинъ и о различіи очищенія раждающихъ младенца мужескаго или женскаго пола; о проказѣ и очищеніи ея, о кровоточивыхъ и сѣменоточивыхъ, о благоповеденіи, о козлѣ отпущенія и о постѣ, о томъ, что не должно имѣть незаконнаго сожитія, о законныхъ и незаконныхъ бракахъ, о томъ, что священникъ не долженъ брать вдову или отпущенную, но дѣвицу и безъ всякихъ укоризнъ, о впадающей въ прелюбодѣяніе дочери священника и о томъ, что священникъ долженъ быть непороченъ, о приносимыхъ дарахъ, о субботахъ и праздникахъ, о

праздникѣ пасхи, кущей и трубъ, о елеѣ и свѣтѣ, о хлѣбахъ предложенія и годѣ отпущенія, о рабахъ изъ іудеевъ и язычниковъ. Объ отверженіи идоловъ говорится такъ: *Азъ Богъ вашъ: не сотворите себѣ рукотворенныхъ, ниже изваянныхъ, ниже столпа поставите себѣ, ниже камене поставите въ земли вашей во знаменіе, ко еже покланятися ему* (Лев. 26, 1). Къ этому присовокупляются слѣдующія угрозы нарушителямъ: *Азъ Господь Богъ вашъ, изведый васъ изъ земли Египетскія, сущымъ вамъ рабомъ, и сокрушихъ узы ярма вашего, и изведохъ васъ со дерзновеніемъ. Аще же не послушаете Мене, ниже сотворите повелѣній моихъ сихъ, но ни покоритеся имъ, и о судбахъ моихъ вознегодуетъ душа ваша, яко не творити вамъ всѣхъ заповѣдей моихъ, яко разорити завѣтъ мой, и Азъ сотворю сице вамъ, и наведу на васъ скудость, и красну, и желтяницу вреждающую очи ваши, и посѣете вотще сѣмена ваша, и поядятъ я супостаты ваша* (Лев. 26, 13—16). Вотъ что содержитъ эта книга вмѣстѣ съ другими повелѣніями и заповѣдями и тѣмъ оканчивается.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ЧИСЛЪ.

Моисей получаетъ повелѣніе исчислить народъ отъ двадцатилѣтняго возраста и выше, и оказалось шестьсотъ три тысячи пятьсотъ пят-

десятъ человѣкъ, кромѣ левитовъ. Излагается родословіе левитовъ, и они исчисляются, и оказалось ихъ двадцать двѣ тысячи отъ одномѣсячнаго возраста и выше. Такъ какъ первенцевъ израильскихъ было двадцать двѣ тысячи двѣсти семьдесятъ три, то за излишнихъ противъ числа левитовъ Моисей взялъ выкупъ и отдалъ его Аарону. Выкупъ поголовный доставилъ тысячу триста шестьдесятъ пять сиклей. Моисей распредѣляетъ, кто должны быть левитами; ибо не всѣ удостоены были такой чести. Однимъ изъ нихъ вручены были драгоцѣннѣйшіе изъ сосудовъ скиніи, другимъ — меньшіе. Левитовъ, отъ двадцатилѣтняго возраста и выше, которые и отправляли богослуженіе, до пятидесятилѣтняго, было восемь тысячъ пятьсотъ восемьдесятъ три. Потомъ повелѣваетъ удалить изъ стана всякаго нечистаго, говоритъ о жертвѣ за преступленіе и установляетъ законъ ревнованія, чтобы и жена не могла быть оклеветана въ прелюбодѣяніи, и прелюбодѣйца не могла укрыться. Дѣлаетъ постановленіе объ обѣтѣ посвященія Богу и о томъ, какъ священникъ долженъ благословлять сыновъ израильскихъ. Когда же поставлена была скинія, то старѣйшины принесли многіе и великіе дары. Моисей получаетъ повелѣніе очистить левитовъ, и слышитъ, что они должны служить съ двадцати лѣтъ и выше, а съ пятидесяти лѣтъ оканчивать служеніе. Богъ чрезъ Моисея повелѣваетъ имъ совершить Пасху. *Рцы*, говоритъ, *да сотворятъ сынове Изра-*

ильстіи пасху; потому что былъ первый мѣсяцъ втораго года (Числ. 9, 2). Нечистые приступили къ Моисею, и онъ вопросилъ о нихъ Бога. Богъ повелѣлъ тому, кто не можетъ совершить пасху въ первый мѣсяцъ, или потому что нечистъ, или потому, что находится въ долгомъ пути, совершить ее во второй мѣсяцъ, въ четырнадцатый день. А кто, будучи чистымъ и не находясь въ долгомъ пути, не захочетъ совершить пасху въ первый мѣсяцъ, тотъ будетъ подъ грѣхомъ. *Законъ единъ*, говоритъ, *да будетъ и пришельцу, и туземцу* (Числ. 9, 14). Когда восходило облако, то поднимались съ мѣста сыны израильскіе; а гдѣ оно останавливалось, тамъ и они останавливались. Моисей получаетъ повелѣніе сдѣлать серебряныя трубы, чтобы ими извѣщать народъ, когда нужно отправляться въ путь, когда собирать народъ на войну и для жертвоприношеній, также употреблять эти трубы въ праздники, въ новомѣсячія, при всесожженіяхъ. Когда сыны израильскіе отправились въ путь, Моисей убѣждалъ Іовава, сына Рагуилова, который назывался также Іоѳоромъ, чтобы и онъ участвовалъ и въ путешествіи и въ обѣтованныхъ имъ благахъ; и когда поднятъ былъ кивотъ, Моисей сказалъ: *востани, Господи, и да разсыплются врази твои, и да бѣжатъ вси ненавидящіи Тебе* (Числ. 10 35). Народъ сталъ роптать, и сожжена была часть стана, а то мѣсто прозвано было *запаленіемъ* (Числ. 11, 3). Моисей помолился и наказаніе прекратилось. Они стали

требовать мяса и говорили: *помянухомъ рыбы, яже ядохомъ въ земли Египетстѣй туне, и огурцы, и дыни, лукъ, и червленый лукъ и чеснокъ: нынѣ же душа наша изсохла: ничтоже, точію манна предъ очима нашима* (Числ. 11, 5. 6). Когда Моисей вознегодовалъ на ихъ противленіе и обратился къ Богу, то Богъ присоединяетъ къ нему семьдесятъ старѣйшинъ, чтобы они раздѣляли съ нимъ начальствованіе. Здѣсь же, когда Іисусъ Навинъ сказалъ: *запрети Елдаду и Модаду пророчествовати,* Моисей сказалъ: *еда ревнуеши ты мнѣ; и кто дастъ всѣмъ людемъ Господнимъ быти пророки* (Числ. 11, 28. 29)? Тогда посланы были отъ Господа крастели, которыхъ они и ѣли. Въ зубахъ ихъ еще было мясо, какъ они стали умирать. Объ этомъ сказано въ псалмѣ: *еще брашну сущу во устѣхъ ихъ, и гнѣвъ Божій взыде на ня, и уби множайшая ихъ* (Псал. 77, 30). Мѣсто это прозвано *гробами похотѣнія.* Тогда Маріамь сказала противъ Моисея: *еда Моисею единому глагола Господь* (Числ. 12, 2)? Богъ сказалъ, что Онъ говорилъ такъ съ нимъ однимъ изъ пророковъ, и послалъ проказу на Маріамь. Когда Моисей помолился о ней, то Богъ не допустилъ ей очиститься прежде, нежели она пробыла семь дней внѣ стана. Моисей посылаетъ нѣкоторыхъ изъ народа осмотрѣть землю хананаскую. Осматривавшіе принесли оттуда виноградную кисть и хвалили землю, но боялись народа, потому что тамошніе мужи были воин-

ственны. Халевъ же сынъ Іефоніи и Іисусъ Навинъ, которые также были въ числѣ соглядатаевъ, ободряли народъ. Ихъ хотѣли побить камнями; разгнѣванный же Богъ сказалъ, что возроптавшіе не войдутъ въ землю обѣтованную, а только дѣти ихъ, и Халевъ сынъ Іефоніи и Іисусъ. *Четыредесять лѣтъ*, сказалъ Онъ, будутъ они въ пустынѣ, пока выростутъ дѣти, *по числу дней, въ нихже соглядаху землю* (Числ. 14, 34). Тогда всѣ соглядатаи умерли, кромѣ Халева и Іисуса Навина, и плакалъ народъ. Нѣкоторые пошли противъ Амаликитянъ безъ соизволенія Божія; а ковчегъ оставался въ станѣ съ Моисеемъ. Амаликитяне вышли и поразили ихъ. Дается заповѣдь о всесожженіяхъ, о начаткахъ, о жертвахъ за грѣхъ. Взятъ нѣкто, собиравшій дрова въ субботу, и побитъ камнями. Повелѣвается сдѣлать бахрамы на краяхъ одежды. Возстаніе Корея, Даѳана и Авирона, и наказаніе ихъ. Прочіе изъ народа не вразумились этимъ, но опять возстали противъ Моисея, и умерли въ числѣ четырнадцати тысячь семи сотъ. Тогда процвѣлъ жезлъ Аарона. Говорится и постановляется, что́ должно получать левитамъ и великому священнику. Дается законъ о пеплѣ юницы, изъ котораго дѣлалась вода окропленія. Нѣкоторые думаютъ, что эта юница была образомъ страданія Господа нашего Іисуса Христа. Пепломъ юницы очищался тотъ, кто дѣлался нечистымъ отъ прикосновенія къ мертвому. Народъ пришелъ въ Кадисъ, и тамъ умерла и погребена Маріамь.

Не имѣя воды, іудеи опять ропщутъ; но Моисей и Ааронъ получаютъ повелѣніе извести воду изъ камня. Моисей ударилъ о камень, сказавъ: *еда изъ камене сего изведемъ вамъ воду*, и истекла вода. *И рече Господь къ Моисею и Аарону: понеже не вѣровасте освятити Мя предъ сынами Израилтескими, сего ради не введете вы сонма сего въ землю, юже дахъ имъ* (Числ. 20, 10—12). Моисей посылаетъ пословъ къ царю едомскому, чтобы онъ пропустилъ ихъ; но тотъ не дозволилъ, и пошли отъ него въ сторону сыны израильскіе. Когда дошли они до горы Оръ, то, по повелѣнію Божію, Моисей, взявъ Аарона и сына его Елеазара, возвелъ ихъ на гору, и облекъ Елеазара въ одежды его. Ааронъ скончался на горѣ, и плакалъ народъ тридцать дней. Побѣдили Хананея и предали его проклятію. Пришедши къ Чермному морю, обошли землю едомскую; предались малодушію и стали роптать на Моисея, и послалъ на нихъ Богъ зміевъ, которые умерщвляли ихъ. Моисей помолился, и по повелѣнію Божію сдѣлалъ мѣднаго змія. Укушенный, воззрѣвъ на змія, оставался живъ. Объ этомъ змiѣ сказано въ Евангеліи: *якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому* (Іоан. 3, 14). Моисей посылаетъ пословъ къ царю аморрейскому Сіону. Этотъ Сіонъ, воевавшій предъ тѣмъ съ царемъ моавитскимъ, взялъ его землю. Когда же онъ и съ израильтянами вступилъ въ войну, то былъ сильно пораженъ ими,

и всѣ города его взяли израильтяне. Вступивъ въ войну съ Огомъ, царемъ васанскимъ, они подвергли и его тѣмъ же бѣдствіямъ, какимъ Сіона, и взяли землю и всѣ города его. Царь Валакъ посылаетъ къ волхву Валааму, чтобы онъ проклялъ народъ израильскій. Богъ сначала воспрепятствовалъ этому; но когда тотъ настоятельно побуждалъ волхва, то Богъ попустилъ ему итти, но не проклинать, и обратилъ проклятія въ благословенія, не потому, чтобы проклятія волхва имѣли какую-нибудь силу, но потому, что народъ бѣдствовалъ, готовъ былъ вѣрить его клятвамъ и могъ тамъ подвергнуться осужденію за свою слабость. Этотъ человѣкъ пророчествовалъ о Христѣ, сказавъ: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и востанетъ человѣкъ отъ Израиля* (Числ. 24, 17); ибо Духъ Божій былъ съ волхвомъ. Когда Валаамъ удалился, сыны израильскіе вступаютъ въ беззаконную связь съ дочерями моавитскими и служатъ Веельфегору. Тогда Моисей повелѣваетъ каждому убить брата, совершавшаго идолослуженіе. Тогда Финеесъ, сынъ Елеазара, пронзилъ копьемъ Замврія израильтянина и Хасви мадіанитянку вмѣстѣ съ нимъ; и это вмѣнилось ему въ правду. Тогда исчислены были сыны израильскіе отъ двадцати лѣтъ и выше, и оказалось шестьсотъ три тысячи тридцать человѣкъ; левитовъ же отъ одномѣсячнаго возраста и выше двадцать три тысячи. Это обозрѣніе сдѣлано было въ Аравоѳѣ моавитскомъ, по ту сторону Іордана. Между ними не оказа-

лось ни одного человѣка изъ тѣхъ, которыхъ прежде исчислялъ Моисей въ пустынѣ синайской, кромѣ Іисуса Навина и Халева сына Іефоніи. Приходятъ дочери Салпаада изъ колѣна Манассіина, и просятъ, чтобы, такъ какъ отецъ ихъ умеръ безъ дѣтей мужескаго пола, къ нимъ перешло наслѣдство и имущество его. Богъ повелѣлъ, чтобы онѣ получили это; и заповѣдано: если кто умретъ, не имѣя сына, то должна наслѣдовать дочь; если нѣтъ дочери, и нѣтъ брата, то братъ отца. Богъ показываетъ Моисею съ горы Нававъ землю обѣтованную, и на его мѣсто рукополагается Іисусъ Навинъ. Тогда даются сынамъ израильскимъ заповѣди о всесожженіяхъ, о жертвахъ ежедневныхъ, въ субботы, въ новомѣсячія, въ пасху, въ день седмицъ и въ седьмой мѣсяцъ; заповѣдуется также объ обѣтахъ, т. е. какіе кто дастъ. Тогда вооружаются двѣнадцать тысячъ израильтянъ противъ мадіанитянъ, и Финеесъ съ ними, и умерщвляютъ ихъ и пять царей мадіамскихъ и Валаама волхва. Начатки добычи они принесли Богу, а остальное раздѣлили между собою. Колѣна Рувимово, Гадово и половина колѣна Манассіина приступили къ Моисею и просили себѣ землю по ту сторону Іордана. Моисей отдалъ имъ ее, взявши съ нихъ напередъ обѣщаніе воевать вмѣстѣ съ прочими израильтянами и перейти чрезъ Іорданъ съ оружіемъ, чтобы сражаться за своихъ братьевъ. Здѣсь Моисей повѣствуетъ о путешествіи отъ Египта до того времени, какъ стали они противъ Іерихона; за-

повѣдуетъ имъ истребить всѣхъ идоловъ языческихъ; говоритъ имъ о предѣлахъ земли, откуда они начинаются и гдѣ оканчиваются; дѣлаетъ распоряженіе и о землѣ, которую должны были получить левиты, и о шести городахъ убѣжища, такъ чтобы невольный убійца убѣгалъ туда и спасался отъ опасности, живя тамъ до тѣхъ поръ, пока умретъ великій священникъ. Если же онъ будетъ схваченъ внѣ предѣловъ города, и убьетъ его родственникъ убитаго, то этотъ не подвергается наказанію. Кратко говорится о законахъ касательно убійствъ. Приходятъ начальники колѣна Манассіина и говорятъ Моисею: такъ какъ рѣшено, чтобы дочери Салпаада получили наслѣдство, то что будетъ, если случится имъ выйти за мужъ за кого-нибудь изъ другаго колѣна? Участокъ нашего колѣна отойдетъ въ то колѣно. Тогда Моисей повелѣлъ, чтобы каждый бралъ жену изъ своего колѣна, дабы наслѣдства не переходили отъ одного колѣна въ другое.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ВТОРОЗАКОНІЯ.

Моисей кратко повѣствуетъ о всемъ, прежде бывшемъ, приводя іудеямъ на память какъ благодѣянія Божіи, такъ и ихъ нечестіе. Увѣщаніе о томъ, чтобы не почитать идоловъ. Здѣсь находится и слѣдующее изреченіе: *да не поклонишися звѣздамъ, яже раздѣли Господь Богъ твой всѣмъ языкамъ, иже подъ небе-*

семъ (Втор. 4, 19). Выраженіе: *раздѣли*, значитъ не то, будто Богъ повелѣлъ;—да не будетъ,—но подобно тому, какъ говоритъ блаженный Павелъ: *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ* (Рим. 1, 28), не въ томъ смыслѣ, будто Онъ *предалъ*, но въ томъ, что попустилъ имъ, когда они сами захотѣли и оставались неисправимыми. Такъ и здѣсь, *раздѣли имъ*, т. е. попустилъ, когда они избрали заблужденіе и не хотятъ исправиться. Здѣсь немного далѣе онъ говоритъ: *засвидѣтельствую вамъ днесь небесемъ и землею, яко пагубою погибнете отъ земли*, если отступите отъ Бога (Втор. 4, 26). Потомъ показываетъ, что Богъ никому не давалъ того, что далъ имъ; и назначаетъ три города при Іорданѣ для убѣжища. Еще напоминаетъ имъ о прежнемъ, и говоритъ: *и навяжеши я въ знаменіе на руку твою и да напишете я на празѣхъ, и да накажеши ими сыны твоя* (Втор. 6, 7—9). Сказавъ, какія бѣдствія постигнутъ ихъ, если они не будутъ послушны, ободряетъ ихъ, чтобы не боялись враговъ. Опять напоминаетъ о прежнемъ. Здѣсь находится изреченіе: *вонми себѣ* (Втор. 6, 12), которое и далѣе онъ часто повторяетъ имъ и увѣщеваетъ приписывать побѣды не собственной силѣ, но благодати Божіей. Здѣсь находится выраженіе: *Богъ огнь потребляяй есть* (Втор. 4, 24), которое употребилъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (Евр. 12, 29). Здѣсь же Моисей увѣщеваетъ ихъ не превозноситься. *Не ради правды твоея, Израилю*, говоритъ,

потребитъ Господь языки, но нечестія ради языковъ сихъ (Втор. 9, 5). Припоминаетъ имъ также сооруженіе тельца. Здѣсь говорится: *обрѣжите жестокосердіе ваше, и выи вашея не ожесточите* (Втор. 10, 16). Хвалитъ землю обѣтованную. Здѣсь находится изреченіе: когда будешь ѣсть, пить, и насыщаться, *вонми себѣ* (Втор. 6, 12), и предсказываются бѣдствія непослушнымъ, и блага, если будутъ послушными. Повелѣваетъ дать *благословеніе* на горѣ Гаризинъ, и *клятву* на горѣ Гевалъ (Втор. 11, 29), истребить идоловъ и мѣста ихъ. Заповѣдуетъ не вездѣ приносить жертвы Богу, а на томъ мѣстѣ, которое Онъ изберетъ; не подражать язычникамъ, и не слушаться никого, кто будетъ совѣтовать идолослуженіе, хотя бы онъ творилъ знаменія, ни друга, ни кого-либо другаго, но побивать камнями такого совѣтника, хотя бы то былъ братъ; и если городъ станетъ покланяться идоламъ, истребить его. Говоритъ о томъ, что̀ должно употреблять въ пищу, и чего не должно. Даетъ законы о прощеніи долговъ, объ отпущеніи и освобожденіи рабовъ, о первенцахъ, о пасхѣ. Здѣсь находится изреченіе: *не возможеши жрети пасхи ни въ единомъ отъ градовъ твоихъ, яже Господь Богъ твой даетъ тебѣ, но токмо на мѣстѣ, еже изберетъ Господь Богъ твой* (Втор. 16, 5). О седмицахъ, о праздникѣ кущей, о судьяхъ, о царяхъ, если когда они пожелаютъ поставить кого-нибудь царемъ; о левитахъ, и о томъ, что́ они должны

получать; о томъ, что не должно пользоваться такъ называемыми *очистителями*, или чародѣями, волхвованіями, гаданіями и тому подобнымъ (Втор. 18, 10). Здѣсь находится изреченіе: *пророка, якоже мене, возставитъ вамъ Богъ* (Втор. 18, 15). Дается заповѣдь о городахъ убѣжища. Здѣсь говорится: *при устѣхъ двою свидѣтелей и тріехъ да станетъ всякъ глаголъ* (Втор. 19, 15), и о лжесвидѣтеляхъ, какому наказанію они должны подвергаться. Говоритъ, кого должно отправлять при наступленіи войны, и чтобы они не допускали междоусобной войны. Увѣщеваетъ не убивать непріятелей попадающихъ въ ихъ руки, кромѣ семи народовъ. Всѣ города, говоритъ, когда возмете ихъ, разграбляйте, убивая только мужескій полъ; изъ тѣхъ же, чью землю наслѣдуете, не оставляйте въ живыхъ никого. Плодоносныхъ деревъ, говоритъ, не рубите, чтобы дѣлать ограду во время осады. Поставляетъ законъ о томъ, что должно дѣлать, если найденъ будетъ убитый, а убійца не откроется. Если кто, имѣя двухъ женъ, одну будетъ ненавидѣть, а другую любить, и случится первенецъ отъ ненавидимой, то ему не долженъ быть предпочитаемъ сынъ любимой. Говоритъ о непослушномъ сынѣ. Здѣсь находится изреченіе: *проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Втор. 21, 23). Такъ какъ проклятіе положено было на несоблюдающихъ закона: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ, писанныхъ въ книгѣ сей*, говоритъ Моисей о законѣ (Втор. 27, 26);

а этому проклятію не могъ подлежать Христосъ;—ибо Онъ исполнилъ законъ;—то Онъ вмѣсто одной клятвы принялъ на себя другую, бывъ повѣшенъ на древѣ. Даетъ законы о томъ, что не должно презирать безсловесныхъ животныхъ, даже непріятельскихъ, и о другомъ; говоритъ о законахъ супружескихъ и полагаетъ наказаніе растлителямъ дѣвъ. Учитъ, кому запрещается входъ въ церковное собраніе, поставляетъ и другіе законы, также о томъ, чтобы не брать процентовъ; чтобы не медлить исполненіемъ обѣтовъ, но кто далъ какой-нибудь обѣтъ, тотчасъ исполнялъ бы его; о женѣ, получающей запись развода, о залогахъ, о кражѣ, о платѣ наемника, о сиротѣ, о вдовѣ, объ оставленіи колосьевъ и виноградныхъ ягодъ для бѣдныхъ. Здѣсь говорится о томъ, что не должно виновному въ какомъ-нибудь проступкѣ давать болѣе сорока ударовъ; также о томъ, чтобы не заграждать устъ волу молотящему, и о томъ, чтобы возстановлялъ сѣмя умершему брату оставшійся, и чему этотъ долженъ подвергнуться, если не захочетъ возстановить; о вѣсахъ, о мѣрахъ; объ истребленіи амаликитянъ; о начаткахъ; о человѣколюбіи къ вдовамъ и сиротамъ. Отсюда начинаются проклятія и благословенія, первыя непокорнымъ, а послѣднія послушнымъ, и произносится продолжительная рѣчь объ имѣющихъ постигнуть ихъ бѣдствіяхъ. Это исполнилось при ассиріянахъ и вавилонянахъ; а то, что они будутъ ѣсть дѣтей, исполнилось во время осадъ. Упоминается здѣсь и о самомъ Хри-

стѣ. *Будетъ*, говоритъ, *животъ твой висящъ предъ очима твоима* (Втор. 28, 66). Здѣсь находится изреченіе: *еда кій есть корень горести* (Втор. 29, 18), которое привелъ и Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (Евр. 12, 15). Здѣсь же находится: *тайная Господеви Богу, вамъ же явленная и чадомъ вашымъ* (Втор. 29,29); *яко заповѣдь Его*, говорится, *не тяжка: не на небеси есть, глаголя: кто взыдетъ на небо; ниже объ ону страну моря есть: но близъ тебе есть глаголъ, во устѣхъ твоихъ* (Втор. 30, 11. 12). Эти слова, сказанныя о заповѣдяхъ закона, Павелъ отнесъ къ вѣрѣ во Христа (Римл. 10, 6). *Засвидѣтельствую вамъ*, говоритъ Моисей, *небомъ и землею, любити Бога* (Втор. 30, 19). Тогда онъ призываетъ Іисуса Навина и заповѣдуетъ вести народъ, и не бояться враговъ, имѣя помощникомъ Бога; также внушаетъ, чтобы въ праздникъ кущей законъ былъ читанъ всему народу. Богъ предсказываетъ Моисею, что по смерти его народъ будетъ служить идоламъ, и будетъ наказанъ. Пусть будетъ, говоритъ, эта пѣснь свидѣтельницею противъ нихъ; ибо они никогда не забудутъ ея. И написалъ Моисей пѣснь, и предсказалъ имъ, что они будутъ предаваться нечестію. Здѣсь находится изреченіе: *тіи раздражиша мя не о Бозѣ, и Азъ раздражу ихъ не о языцѣ* (Второз. 32, 21). Моисей получаетъ повелѣніе взойти на гору Аваримъ, которая называлась также Нававъ, и посмотрѣть на землю обѣтованную; и, благословивъ

каждое колѣно, онъ скончался. Никто не знаетъ гробницы его до сего дня. Здѣсь оканчиваются пять книгъ Моисея, которыя однѣ только и были принимаемы самарянами.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ІИСУСА НАВИНА.

Іисусъ получаетъ повелѣніе сказать народу, чтобы онъ внималъ закону Божію; посылаетъ соглядатаевъ, которые и пришли въ Іерихонъ. Узнавъ объ этомъ, царь города послалъ искать этихъ мужей у блудницы Раавъ, которая приняла ихъ. Но она скрыла соглядатаевъ, и за эту услугу просила пощады своему дому, когда будетъ взятъ городъ; на что́ они и согласились. Возвратившись, они разсказали о случившемся. Іисусъ повелѣваетъ народу перейти Іорданъ; и перешли посуху и поставили на мѣстѣ стана двѣнадцать камней. Цари аморрейскіе, жившіе по ту сторону Іордана, и цари финикійскіе, узнавъ, что евреи перешли Іорданъ посуху, пришли въ ужасъ и смятеніе. Тогда Іисусъ по повелѣнію Божію обрѣзываетъ израильтянъ каменными ножами. Такъ какъ они находились въ пустынѣ сорокъ лѣтъ, то многіе изъ воиновъ не были обрѣзаны; они и погибли; а вмѣсто нихъ Богъ воздвигнулъ сыновъ ихъ, которыхъ Іисусъ обрѣзалъ; потому что они на пути оставались не обрѣзанными. Тогда онъ совершилъ пасху; и въ тотъ день, въ который они вкусили опрѣсноковъ изъ пшеницы этой земли,

манна прекратилась. Іисусъ получаетъ повелѣніе снять обувь свою и обходить Іерихонъ съ трубами и ковчегомъ седмь дней. Когда это было исполнено, стѣны пали сами собою. Очевидно, что уже съ того времени началъ нарушаться покой субботы; ибо, какъ бы кто ни сталъ считать дни, суббота неизбѣжно должна пасть на эти седмь дней. Тогда спасается Раавъ съ родственниками своими и поселяется между израильтянами; а городъ сожигается и предается проклятію; Іисусъ проклялъ того, кто сталъ бы возстановлять его. Ахаръ тайно взялъ нѣсколько изъ заклятыхъ вещей, и народъ потерпѣлъ пораженіе при нападеніи на другой городъ. Іисусъ молитъ Бога и Богъ повелѣваетъ очиститься отъ заклятаго. Указанъ Ахаръ, обличенъ въ кражѣ и побитъ камнями съ своими сыновьями и дочерями. Іисусъ возобновилъ войну и взялъ Гай и сжегъ его; въ немъ погибло двѣнадцать тысячъ, а царя города повѣсили на деревѣ. На израильтянъ собираются напасть цари аморрейскіе, хананейскіе и другіе. Іисусъ строитъ жертвенникъ изъ цѣльныхъ камней и пишетъ на нихъ второзаконіе, между тѣмъ какъ одна половина народа стояла близь горы Гевалъ, а другая близь горы Гаризинъ. Далѣе говорится о гаваонитянахъ. Они, услышавъ объ израильтянахъ и устрашившись ихъ по тѣмъ дѣламъ, какія совершены ими въ сраженіяхъ, приходятъ къ нимъ одѣтые въ ветхія одежды, имѣя у себя черствые хлѣбы и изношенную обувь, и говорятъ народу, что они идутъ изъ

далекой страны и въ доказательство того, что они живутъ далеко, представляютъ свои одежды, хлѣбы и обувь. Они говорили, что это обветшало на пути, а пришли они для заключенія союза съ ними. Израильтяне, не вопросивъ Бога, заключили союзъ; но узнавъ, что тѣ обманули ихъ и живутъ не далеко, а близко, не могли воевать противъ нихъ по причинѣ клятвы и сдѣлали ихъ рабами,—дровосѣками и водоносцами. Здѣсь исполнилось пророчество Ноя, которое онъ изрекъ: *Ханаанъ отрокъ рабъ* (Быт. 9, 25); ибо отъ него они произошли. Адонивезекъ, царь іерусалимскій, услышавъ, что взятъ Іерихонъ и Гай и что гаваонитяне передались, пошелъ на нихъ войною вмѣстѣ съ другими царями. Они же призвали на помощь Іисуса. Онъ пришелъ, сразился и обратилъ непріятелей въ бѣгство; тогда съ неба упалъ на нихъ градъ, который истребилъ ихъ больше, нежели мечъ сыновъ израильскихъ; тогда остановилось солнце противъ Гаваона, и луна противъ долины Еломъ; и умертвилъ Іисусъ весь народъ непріятельскій и пять царей; взялъ Макиду, Левну, Лахисъ, Аглонъ, Хевронъ, Давиръ и страну горную и ровную. Собрались многіе другіе цари съ многочисленными войсками; и ихъ истребилъ Іисусъ. Здѣсь указываются имена ихъ, города и число. Іисусъ получаетъ повелѣніе раздѣлить землю между израильтянами, и описываетъ, какое колѣно какой получило удѣлъ и что дано левитамъ. Колѣна Рувимово и Гадово и половину колѣна Манассіина Іисусъ по-

сылаетъ въ удѣлы ихъ, которые они получили еще при жизни Моисея. Отошедши, они построили близъ Іордана жертвенникъ. Это смутило прочія колѣна, которыя подумали, что тѣ сдѣлали это по отступничеству, и послали къ нимъ посольство съ упрекомъ. Но тѣ въ свое оправданіе сказали, что они построили жертвенникъ не по отступничеству, но для того, чтобы потомки ваши не считали нашихъ сыновъ чуждыми своего родства, по той причинѣ, что между ними протекаетъ Іорданъ, чтобы этотъ жертвенникъ служилъ свидѣтельствомъ и чтобы дѣти ваши не могли сказать потомкамъ нашимъ: *нѣсть вамъ-части Господни* (Іис. Нав. 22, 27). Такимъ образомъ прочія колѣна убѣдились не воевать противъ нихъ. Тогда Іисусъ созываетъ израильтянъ, напоминаетъ имъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, убѣждаетъ соблюдать законъ, предсказываетъ имѣющія постигнуть ихъ бѣдствія, если они не будутъ соблюдать его, и умираетъ. Умираетъ также Елеазаръ первосвященникъ, и вмѣсто него дѣлается первосвященникомъ Финеесъ сынъ его. Израильтяне стали идолопоклонствовать и были преданы Еглому, царю моавитскому, который и владычествовалъ надъ ними осьмнадцать лѣтъ.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ СУДЕЙ.

Здѣсь говорится, какіе города взяли израильтяне и какіе сдѣлали своими данниками. Изну-

ренные военными трудами, они преступили заповѣдь Божію, повелѣвавшую истреблять всѣхъ совершенно. Пришелъ ангелъ отъ Господа къ израильтянамъ и обличилъ ихъ въ преступленіи. Слѣдовало, говорилъ онъ, истребить всѣхъ, а вы заключили съ ними союзы; посему Богъ не истребитъ оставшіеся народы. Услышавъ это, они плакали всѣ вмѣстѣ, и то мѣсто названо *плачемъ* (Суд. 2). Они постоянно то преступали законъ и служили идоламъ и были предаваемы врагамъ, то освобождались отъ рабства, и опять подвергались тѣмъ же бѣдствіямъ. Они были подъ игомъ Хусарсаѳема, царя сирійскаго, восемь лѣтъ, и избавилъ ихъ Господь чрезъ судію Гоѳоніила. Потомъ они были подъ игомъ Еглома, царя моавитскаго, но воззвали къ Богу, и Онъ воздвигъ имъ Аода, который хитростію поразилъ Еглома и моавитянъ. Послѣ него были судіями Сомегаръ и Деввора, женщина пророчица. Когда израильтяне были подъ игомъ царя ханаанскаго, Деввора повелѣваетъ Вараку быть военачальникомъ на войнѣ. Онъ не соглашался, если она не пойдетъ съ нимъ; и она, женщина, пошла вмѣстѣ съ нимъ. Во время сраженія непріятели обращаются въ бѣгство и военачальникъ Іавина, Сисара, пришедши къ одной женщинѣ по имени Іаили, проситъ напиться; она дала ему молока вмѣсто воды. Когда онъ напившись заснулъ, тогда эта женщина, взявъ колъ, пронзила имъ високъ его. Такимъ образомъ Сисара умеръ, иВаракъ, пришедши, увидѣлъ его мертвымъ. Тогда Деввора

воспѣла побѣдную пѣснь. Опять израильтяне предаются въ руки мадіанитянъ; потому что они часто прогнѣвляли Бога. Тогда явился Гедеону ангелъ и воздвигъ его на войну. Потомъ Господь повелѣваетъ ему заколоть упитаннаго тельца отца своего, принесть жертву всесожженія и разрушить жертвенникъ Ваала. Онъ сдѣлалъ такъ и принесъ жертву всесожженія Богу. Гедеонъ,—онъ же и Іероваалъ,—проситъ знаменія, которое и открылось на рунѣ. Онъ получаетъ повелѣніе отпустить все войско и удержать только триста человѣкъ. Сдѣлавъ такъ и вышедши съ свѣтильниками и трубами, онъ поразилъ враговъ. Тогда умерщвлены Оривъ и Зивъ, князья мадіанскіе, и цари Зевей и Салманъ. По смерти своей Гедеонъ оставилъ седмьдесятъ сыновъ и одного отъ наложницы,—Авимелеха. Этотъ, умертвивъ седмьдесятъ братьевъ, овладѣлъ царствомъ; но спустя немного времени понесъ наказаніе за братоубійство. Когда во время сраженія онъ подошелъ къ одному городу, то женщина поразила его въ голову отломкомъ жерноватаго камня, и онъ умеръ. Послѣ Авимелеха былъ судіею Ѳола; послѣ Ѳолы—Іаиръ. Сыны израильскіе прогнѣвали Бога и преданы были въ руки аммонитянъ. Тогда князья народа просятъ быть военачальникомъ на войнѣ съ аммонитянами Іефѳая, сына блудницы, изгнаннаго братьями изъ отеческаго дома, и предоставляютъ ему власть. Онъ согласился и прежде всего отправилъ пословъ къ царю аммонитянъ, но такъ какъ не убѣдилъ его, то, давъ

обѣтъ Богу принесть въ жертву перваго, кто встрѣтитъ его, если онъ возвратится съ войны, нападаетъ на враговъ и, побѣдивъ ихъ, приноситъ въ жертву собственную дочь; ибо она первая вышла ему на встрѣчу. Опять израильтяне прогнѣвали Бога и преданы были въ руки иноплеменниковъ. Тогда раждается Сампсонъ. Увидѣвъ одну женщину въ Ѳамнаѳѣ, онъ полюбилъ ее и пожелалъ вступить съ нею въ законный бракъ. Родители его сначала препятствовали этому; потому что она была иноплеменница; но, увидѣвъ его настойчивость, не противились. Когда онъ пошелъ переговорить о ней, то встрѣтился ему левъ, котораго онъ растерзалъ своими руками. Когда нужно было совершить бракъ, онъ, опять отправившись въ путь, увидѣлъ сотъ меда въ челюсти убитаго имъ льва и взявъ ѣлъ и далъ родителямъ, а собесѣдникамъ своимъ предложилъ загадку: *отъ ядущаго ядомое изыде*, т. е. изъ устъ льва, *и отъ крѣпкаго*— вмѣстѣ горькаго *сладкое* (Суд. 14, 14). Онъ обѣщалъ, если отгадаютъ, дать имъ тридцать рубашекъ и тридцать верхнихъ одеждъ; а если не въ состояніи будутъ отгадать, то должны дать ему столькоже. Недоумѣвая и не находя разрѣшенія, они стали угрожать женѣ его смертію, если она не узнаетъ отъ него загадки. Узнавъ, она открыла имъ, и они сказавъ получили подарки. Сампсонъ разгнѣвался; отецъ невѣсты, убоявшись, отдалъ ее одному изъ брачныхъ друзей его; это еще болѣе оскорбило его; и потому, поймавъ триста лисицъ и зажегши

факелы на ихъ хвостахъ, пустилъ ихъ на поля иноплеменниковъ. Когда такимъ образомъ онъ сжегъ ихъ хлѣбъ на поляхъ, они сожгли домъ невѣсты вмѣстѣ съ нею и отцемъ ея. Сампсонъ и послѣ этого не удержалъ гнѣва своего, но продолжалъ нападать на нихъ. Они же объявили войну израильтянамъ и требовали Сампсона; израильтяне, связавъ его, выдали врагамъ. Но онъ, разорвавъ узы и нашедши ослиную челюсть, избилъ ею тысячу человѣкъ; потомъ почувствовавъ жажду, помолился Богу, и изъ челюсти истекла вода, и онъ пилъ. Оттуда онъ пошелъ въ Газу къ блудницѣ, и окружили его враги; но онъ въ полночь, взявъ городскія ворота и возложивъ ихъ на плеча, вышелъ. Послѣ того Сампсонъ полюбилъ одну женщину, по имени Далиду, и взялъ ее себѣ въ жену. Вельможи иноплеменниковъ обѣщали ей тысячу сто сребренниковъ, если узнаетъ отъ него, какимъ образомъ онъ можетъ быть обезсиленъ. Когда она старалась узнать, то онъ сначала обманывалъ ее; но наконецъ, когда она настойчиво требовала, сказалъ ей правду, что онъ лишится силы тогда, когда кто-нибудь острижетъ его волосы. Она извѣстила вельможъ, и усыпивъ его, распорядилась остричь его, и онъ лишился силы. Иноплеменники, взявъ его, ослѣпили и посадили въ темницу. Потомъ они веселились и вывели его изъ темницы, чтобы насмѣяться надъ нимъ; но онъ, горько возстенавъ и призвавъ Господа, чтобы Онъ укрѣпилъ его, обхватилъ столпы дома и, поколебавъ ихъ, обрушилъ

домъ на вельможъ, на самаго себя и на множество прочаго народа; и погибло людей больше, чѣмъ сколько погибло ихъ отъ него при жизни его. Послѣ этого мужи изъ колѣна Данова начали войну, взяли Лаисъ, дали ему свое имя и поставили тамъ истуканъ для богослуженія. Одинъ левитъ, когда разгнѣвалась на него наложница его и ушла въ домъ отца своего, пошелъ взять ее къ себѣ, и взявъ ее, возвращался, но на пути остановился въ Гаваонѣ Веніаминовомъ у одного старца. Жители Гаваона, окруживъ домъ, требовали странника, чтобы наругаться надъ нимъ. Старецъ готовъ былъ отдать имъ дочь свою дѣвицу; но они, взявъ наложницу, ругались надъ нею цѣлую ночь. Когда же наступило утро, то, отпустивъ ее, удалились. Пришедши къ дому, въ которомъ находился мужъ ея, она умерла отъ изнуренія. Левитъ, вышедши и нашедши ее мертвою, разсѣкъ ее на двѣнадцать частей и послалъ ихъ двѣнадцати колѣнамъ. Они вознегодовали на случившееся и вооружившись потребовали выдачи тѣхъ, которые оскорбили женщину; когда же эти не были выданы, то они объявили войну; но въ первый разъ были поражены, и во второй разъ также, а послѣ третьяго сраженія истребили все колѣно Веніаминово, кромѣ убѣжавшихъ шестисотъ человѣкъ. Такъ какъ это колѣно находилось въ опасности совершенно погибнуть, — потому что они не имѣли женъ и сыны Израилевы поклялись не давать имъ изъ своихъ;—то израильтяне, избивъ тѣхъ, которые

не сражались вмѣстѣ съ ними противъ сыновъ Веніаминовыхъ, отдали этимъ дѣвицъ ихъ въ числѣ четырехъ сотъ. Но такъ какъ этого было еще не достаточно, то израильтяне позволили имъ во время праздника выдти и •похитить дѣвицъ безъ вѣдома родителей.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ РУѲЬ.

Ноеммин, по смерти своего мужа и сыновей и по прекращеніи голода, по причинѣ котораго она переселилась въ страну моавитскую, приходитъ въ Іудею. Одна сноха ея, по ея убѣжденію, осталась въ странѣ моавитской; а другая, которой имя Руѳь, не смотря на многія ея убѣжденія—остаться, не согласилась, но послѣдовала за нею. Руѳь выходитъ за мужъ за Вооза, родственника Ноеммини, и раждаетъ Овида, Овидъ—Іессея, а Іессей—Давида царя.

ОБОЗРѢНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ ЦАРСТВЪ.

Елкана, имѣвшій двухъ женъ, отъ одной изъ нихъ не имѣлъ дѣтей. Когда онъ пришелъ въ Силомъ принести жертву, то эта жена молится Богу, потомъ раждаетъ Самуила, и отдаетъ его въ домъ Господень на всегда, какъ обѣщала прежде, нежели зачала его. Первосвященникомъ былъ тогда Илій. Сыновья Илія, Офни и Фи-

неесъ, были распутные и нечестивые юноши, бравшіе части отъ жертвъ, прежде нежели онѣ были приносимы Богу. Илій благословилъ Анну, и она имѣла еще трехъ сыновей и двухъ дочерей, а Самуилъ преуспѣвалъ въ добродѣтели. Илій, услышавъ о проступкахъ сыновей своихъ,—ибо они и прелюбодѣйствовали,—сдѣлалъ имъ словесный выговоръ; но они не вразумлялись. Илію предвозвѣщается погибель его дома и сыновей за грѣхи юношей; Самуилу также объявляется неумолимый гнѣвъ Божій, и онъ возвѣщаетъ объ этомъ Илію. Иноплеменники вступаютъ въ войну съ израильтянами и поразивъ обращаютъ ихъ въ бѣгство. Сыновья Илія, вынесши ковчегъ, падаютъ на войнѣ вмѣстѣ со многими другими, а ковчегъ берутъ непріятели. Пришелъ нѣкто и возвѣстилъ объ этомъ Илію. Онъ, упавъ съ своего стула, расшибся и умеръ. Умерла и невѣстка его, когда услышала объ этомъ. Иноплеменники внесли ковчегъ въ храмъ Дагона, который дважды падалъ и былъ сокрушенъ. Также и люди были поражены на заднихъ частяхъ ихъ. Это были азотяне; и поле ихъ наполнилось мышами. Они отсылаютъ ковчегъ въ Геѳъ; и тамъ жители были поражены. Посылаютъ его въ Аскалонъ; и здѣсь распространилась смертность. Тогда, по совѣту своихъ прорицателей, они сдѣлали золотыя подобія опухолей и мышей, и положивъ ихъ вмѣстѣ съ ковчегомъ на колесницу, запрягли коровъ, отъ которыхъ телятъ заперли въ хлѣвъ. Коровы пошли прямо въ Веѳсамисъ. Та-

мошніе люди принимаютъ ковчегъ и приносятъ жертву Богу, предъ глазами иноплеменныхъ князей. Но такъ какъ они не благоговѣйно приняли его, а сыны Іехоніи не радовались вмѣстѣ съ ними, то происходитъ великое пораженіе въ народѣ. Убоявшись, жители Веѳсамиса отсылаютъ отъ себя ковчегъ въ домъ Аминадава. Тогда израильтяне обратились къ Богу, и на войнѣ съ иноплеменниками побѣдили ихъ, по молитвѣ Самуила, и взяли города, которые тѣ отняли у нихъ. Когда же Самуилъ состарѣлся, а сыновья его не шли по пути его, то іудеи, собравшись, требуютъ царя. Самуилъ огорчился этимъ, но Богъ говоритъ ему: *не тебе уничижиша, но Мене: обаче засвидѣтельствуеши имъ правду цареву;* т. е. какое должно быть у нихъ правленіе (1 Цар. 8, 7 — 9). Самуилъ засвидѣтельствовалъ; но они требовали настойчиво. Въ то время пропали ослицы Киса, отца Саулова. Отецъ послалъ его искать ихъ. Не отыскавъ, онъ по совѣту спутника приходитъ къ Самуилу спросить объ этомъ. Богъ указываетъ его Самуилу и говоритъ: его помажь въ царя. Саулъ пришелъ и спрашиваетъ Самуила: гдѣ прозорливецъ? Такъ звали пророковъ. Тотъ отвѣчалъ, что это онъ самъ, и привелъ его въ Раму, — потому что приносилась народная жертва,—и угостивъ отправился вмѣстѣ съ нимъ по утру и возлилъ на него изъ сосуда елей, поцѣловалъ его и сказалъ ему, что онъ будетъ начальствовать надъ народомъ; потомъ, указавъ ему нѣкоторые признаки, отпустилъ его, и Са-

улъ сталъ пророчествовать. Спрашиваетъ Саула родственникъ его, куда онъ ходилъ? Онъ отвѣчалъ: искалъ ослицъ. Собирается народъ въ Массифѣ; поставляется Саулъ царемъ. Царь аммонитскій возстаетъ противъ жителей Галаада: они посылаютъ пословъ къ Саулу; онъ пришелъ, сразился вмѣстѣ съ ними и сильно поразилъ непріятелей. Празднуютъ въ Галгалахъ. Самуилъ говоритъ рѣчь народу. Онъ сказалъ тогда: *еда у кого тельца взяхъ, или осля* (1 Цар. 12, 3)? Предложивъ имъ увѣщаніе — повиноваться Богу, онъ молится, и ниспадаетъ дождь въ день жатвы. Народъ убоялся и исповѣдалъ, что онъ согрѣшилъ, потребовавъ царя. Самуилъ опять увѣщеваетъ, чтобы они слѣдовали повелѣніямъ Божіимъ. Саулъ поражаетъ иноплеменниковъ. Они, раздражившись, нападаютъ съ бо́льшею силою. Израильтяне обращаются въ бѣгство; остается одинъ Саулъ. Онъ приноситъ жертву всесожженія Богу, не дождавшись Самуила, который велѣлъ ждать его. Приходитъ Самуилъ, огорчается случившимся, угрожаетъ Саулу отнятіемъ у него царства, которое передавалось другому, т. е. Давиду. Когда Саулъ сидѣлъ на холмѣ и съ нимъ было шесть сотъ человѣкъ, то сынъ его Іонаѳанъ съ своимъ отрокомъ, тайно напавъ на непріятелей, убиваетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Саулъ, увидѣвъ это и напавъ на смущенныхъ непріятелей, сильно разбиваетъ ихъ, при чемъ даетъ клятву, что никто не будетъ вкушать ничего до вечера. Іонаѳанъ, не слышавшій этаго, вкусилъ меду. Са-

улъ приходитъ спросить Бога, должно ли преслѣдовать враговъ, Богъ не отвѣчаетъ ему. Онъ понялъ, что совершенъ грѣхъ въ народѣ. Когда былъ указанъ Іонаѳанъ, то Саулъ готовъ былъ предать его смерти, но народъ спасъ этого изъ рукъ его. Самуилъ возвѣщаетъ Саулу, чтобы онъ поразилъ амаликитянъ, проклялъ у нихъ все, и никого не щадилъ. Онъ не послушался, но сохранилъ царя ихъ Агага и стада мелкаго и крупнаго скота. Самуилъ, пришедши и увидѣвъ это, разгнѣвался и сказалъ: *еда угодны Господу всесожженія и жертвы, якоже послушати гласа Господня? Се послушаніе паче жертвы* (1 Царств. 15, 22). И при этомъ угрожалъ ему отнятіемъ царства. Саулъ принуждалъ Самуила идти вмѣстѣ съ нимъ; но тотъ не хотѣлъ; потомъ по принужденію пошелъ. Послѣ сего Самуилъ, приказавъ привести къ нему Агага, умертвилъ его собственными руками. Съ того времени онъ не видалъ Саула до дня смерти его, но сѣтовалъ о немъ. Потомъ Самуилъ посылается Богомъ помазать Давида; и онъ пошелъ и помазалъ. Тогда овладѣлъ Сауломъ духъ лукавый, и приводятъ къ нему Давида, чтобы онъ пѣлъ и укрощалъ лукаваго духа. Когда ополчился Голіаѳъ, и всѣ были въ страхѣ, Давидъ посылается посѣтить братьевъ своихъ. Пришедши въ лагерь, онъ спрашиваетъ, какая будетъ награда тому, кто убьетъ этаго иноплеменника. Тѣ сказали: дочь царя отдана будетъ ему въ жену. Онъ пришелъ къ Саулу, и обѣщался убить иноплеменника. Тотъ не вѣрилъ;

но наконецъ послалъ его безъ оружія; потому что онъ не могъ носить оружія. Давидъ, пустивъ камень въ лице Голіаѳа, свалилъ его и, отрубивъ ему голову его же мечемъ, торжественно возвратился съ сраженія. Іонаѳанъ, увидѣвъ его, привязался къ нему душею, очень полюбилъ его и далъ подарки; но Саулъ сталъ завидовать ему; потому что хоры дѣвъ пѣли: *побѣди Саулъ съ тысящами, а Давидъ со тмами* (1 Цар. 18, 7). Саулъ бросилъ копье въ Давида, чтобы убить его; но этотъ убѣжалъ. Чѣмъ болѣе Давидъ пріобрѣталъ любовь у всѣхъ, тѣмъ болѣе Саулъ досадовалъ; и, желая погубить его, обѣщалъ выдать за него свою дочь, если онъ умертвитъ сто человѣкъ враговъ; онъ умертвилъ и сдѣлался зятемъ царя. Когда настала другая война, Давидъ опять отличился; а Саулъ еще болѣе возненавидѣлъ его, и сказалъ сыну своему Іоанаѳану, что хотѣлъ бы убить его. Тотъ увѣдомилъ Давида и совѣтовалъ скрыться; когда же умилостивилъ отца, то привелъ къ нему Давида. Когда опять настала война, Давидъ отличается и опять убѣгаетъ отъ Саула, который хотѣлъ поразить его копьемъ. По совѣту жены онъ убѣгаетъ оттуда. Саулъ посылаетъ взять его, но она сказала, что онъ боленъ. Саулъ, узнавъ, что онъ убѣжалъ, сталъ укорять дочь, и вывѣдавъ, гдѣ былъ Давидъ, посылаетъ привести его оттуда. Такъ какъ посланные не возвратились, но оставшись тамъ стали пророчествовать, то пошелъ и самъ Саулъ. Давидъ приходитъ къ Іонаѳану и объявляетъ,

что Саулъ покушается на его жизнь. Если хочешь, говоритъ, завтра удостовѣриться точнѣе, то во время обѣда я удалюсь; потомъ, если отецъ твой спроситъ о причинѣ, скажи, что, по случаю жертвоприношенія въ городѣ, я испросилъ позволеніе отлучиться; если онъ перенесетъ это спокойно, то я не буду подозрѣвать ничего худаго; если же онъ разсердится, то очевидно, что онъ готовитъ мнѣ козни и мщеніе. Іонаѳанъ такъ и сдѣлалъ; Саулъ же разсердился такъ, что покусился убить своего сына. Этотъ, выскочивъ изъ за стола, ушелъ въ поле и сталъ бросать стрѣлы;—это было условнымъ знакомъ;—и побѣжавъ сзади отрока своего къ тому мѣсту, гдѣ скрывался Давидъ, сказалъ: *потщися скоро и не стой*: ибо *тамо стрѣла отъ тебе и далѣе* (1 Цар. 20, 37. 38). Давидъ понялъ, чтó означали эти слова и, по удаленіи отрока, падаетъ въ объятія Іонаѳана и плачетъ; этотъ совѣтуетъ ему бѣжать и помнить условія, которыя состояли въ томъ, чтобы милость никогда не оскудѣвала въ домѣ Іонаѳана, ни при жизни, ни по смерти его. Давидъ приходитъ къ первосвященнику Авимелеху. Тогда онъ вкушалъ хлѣбы предложенія, и получилъ мечъ Голіаѳа, сказавъ, что онъ поспѣшно посланъ въ нѣкоторое мѣсто царемъ. Оттуда онъ приходитъ къ Анхусу, потомъ въ Одоламъ, и поручаетъ царю моавитскому домашнихъ своихъ. Когда Саулъ сѣтовалъ предъ слугами своими, что ничто не содѣйствуетъ ему и не предаетъ Давида, Доикъ, идумеянинъ, которому случилось быть

тамъ тогда, когда Давидъ приходилъ къ первосвященнику, извѣстилъ его о случившемся. Саулъ призвалъ священниковъ, и такъ какъ предстоявшіе не хотѣли убить ихъ, повелѣваетъ Доику сдѣлать это. Онъ убилъ триста пятьдесятъ мужей, носившихъ ефодъ, и истребилъ городъ ихъ Номву. Объ этомъ возвѣщаетъ Давиду одинъ изъ сыновъ первосвященника, успѣвшій спастись. Давидъ сѣтовалъ и оставилъ спасшагося при себѣ; потомъ освободилъ отъ враговъ Кеиль. Услышавъ, что Саулъ идетъ противъ него, онъ ушелъ оттуда въ пустыню Зифъ. Саулъ, услышавъ объ этомъ, слѣдуетъ за нимъ; но во время преслѣдованія его, получивъ извѣстіе о нападеніи непріятелей, удаляется. Потомъ, по возвращеніи съ войны, Саулъ опять сталъ преслѣдовать его, и вошелъ въ пещеру, гдѣ находился Давидъ и съ нимъ приближенные его. Когда всѣ совѣтовали ему убить Саула, онъ не послушался, и не дозволилъ хотѣвшимъ сдѣлать это. Когда Саулъ вышелъ изъ пещеры, то послѣдовалъ за нимъ и Давидъ, и, закричавъ къ нему, показалъ ему и его злобу и свою справедливость. Тотъ заплакалъ. Тогда умеръ Самуилъ. Давидъ посылаетъ просить даровъ у Навала за то, что сберегъ его стада. Тотъ не только не далъ, но еще оскорбилъ его чрезъ посланныхъ. Давидъ, вооружившись, пошелъ погубить его. Объ этомъ узнала Авигея, жена его, и взявъ дары, встрѣтила Давида, и послѣ многихъ просьбъ удержала его отъ этого намѣренія. По смерти Навала она дѣлается его женою.

Саулъ, услышавъ, гдѣ былъ Давидъ, опять идетъ противъ него. Когда онъ спалъ со всѣмъ войскомъ, приходитъ Давидъ съ Авессою. Этотъ совѣтовалъ убить врага, но Давидъ не послушался, а взявъ лежавшій у головы его кувшинъ и копье, отошелъ на далекое разстояніе и закричавъ разбудилъ военачальника Саулова и укорялъ его въ безпечности, что онъ не стережетъ царя, показалъ копье и кувшинъ, и укорялъ Саула, что онъ преслѣдуетъ человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла. Тогда Давидъ убѣгаетъ къ Анхусу; потому что не считалъ безопаснымъ находиться близъ Саула. Давидъ получилъ отъ Анхуса Секелагъ, дѣлалъ набѣги на непріятелей, и пріобрѣталъ много имущества и овецъ. Тогда собрались иноплеменники противъ израильтянъ, и Саулъ вопрошаетъ чревовѣщательницу. Давидъ, бывъ удаленъ отъ войска Анхусова,—потому что князья иноплеменниковъ не позволили ему идти вмѣстѣ съ ними, подозрѣвая, чтобы онъ не предалъ ихъ войска,—находитъ Секелагъ сожженнымъ, и никого не находитъ изъ женщинъ; ибо онѣ были отведены въ плѣнъ. Вопросивъ Бога, должно ли преслѣдовать, и получивъ въ отвѣтъ, что должно, отправился въ погоню. Узнавъ отъ египетскаго слуги, гдѣ враги расположились лагеремъ, напалъ на нихъ неожиданно, разбилъ ихъ, взялъ добычу и раздѣлилъ ее поровну какъ между сразившимися, такъ и между оставшимися при обозѣ. Когда произошло сраженіе иноплеменниковъ съ израильтянами, пали Саулъ и Іона-

ѳанъ, и два другіе сына его; взявъ его, непріятели повѣсили на стѣнѣ Виѳсана, т. е. Скиѳополя. Но жители Іависа пришедши взяли его и Іонаѳана и погребли.

ОБОЗРѢНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ ЦАРСТВЪ.

Нѣкто приходитъ объявить Давиду, что онъ убилъ Саула; но Давидъ умертвилъ его, и оплакалъ Саула и Іонаѳана. Онъ помазывается на царство и посылаетъ пословъ къ жителямъ Іависа галаадскаго похвалить ихъ за то, что они погребли Саула. Авениръ, военачальникъ Саула, поставилъ царемъ надъ израильтянами сына Саулова Іевосѳея. А надъ колѣномъ Іудинымъ воцарился Давидъ. Когда сошлись другъ съ другомъ Іоавъ, военачальникъ Давида, и Авениръ, военачальникъ Саула, и произошло сраженіе между юношами, Асаилъ, братъ Іоава, погнался за Авениромъ; и хотя послѣдній неоднократно совѣтовалъ ему возвратиться, онъ не слушался. Тогда Авениръ убиваетъ его, и призвавъ Іоава увѣщеваетъ прекратить войну. Война продолжалась между домомъ Сауловымъ и домомъ Давидовымъ, изъ которыхъ первый ослабѣвалъ, а послѣдній усиливался. Авениръ беретъ себѣ наложницу Саула; Іевосѳей укоряетъ его. Разгнѣванный Авениръ посылаетъ къ Давиду, обѣщая предать ему весь народъ; и самъ приходитъ къ нему. Давидъ угостилъ его. Когда услышалъ объ этомъ возвратившій-

ся съ войны Іоавъ, то, возвративъ Авенира, коварно умертвилъ его, мстя за кровь брата. Давидъ, узнавъ объ этомъ, проклинаетъ Іоава, оплакиваетъ Авенира и погребаетъ его съ великою честію. Рихавъ и Ваана, тайно убивъ Іевосѳея, пришли къ Давиду, какбы угодившіе ему убійствомъ. Онъ же умертвилъ ихъ. Тогда Давидъ дѣлается царемъ всего народа, и приходитъ въ Іерусалимъ къ Іевусею, гдѣ заграждаютъ ему путь хромые, беретъ крѣпость и строитъ себѣ домъ. Ему содѣйствовалъ и Хирамъ, царь тирскій. Иноплеменники сдѣлали нападеніе, но Давидъ вышелъ и разбилъ ихъ. Когда же они опять сдѣлали нападеніе, Богъ запрещаетъ ему идти имъ навстрѣчу. *Егда услышиши*, говоритъ Богъ, *гласъ шума отъ дубравы плача, тогда снидеши къ нимъ*: *яко тогда предадутся тебѣ* (2 Цар. 5, 24). Давидъ переноситъ кивотъ и умираетъ Оза, потому что простеръ руку свою къ кивоту. Когда кивотъ былъ переносимъ, Давидъ скакалъ; а Мелхола укорила его. Тогда Давидъ вознамѣрился построить храмъ, но это было воспрещено ему чрезъ пророка Наѳана; онъ молится Богу съ благодарностію, благодаря Его за обѣтованія, которыя услышалъ. Давидъ поразилъ иноплеменниковъ и моавитянъ и сирійцевъ, а золотое оружіе, которое взялъ, перенесъ въ Іерусалимъ, откуда въ послѣдствіи взялъ его Сусакимъ царь египетскій. И много приношеній Давидъ посвятилъ Богу. Онъ удостоиваетъ Мемфивосѳея, сына Іонаѳанова, царской трапезы и

отдаетъ ему все имущество Саула, а Сивѣ съ дѣтьми, который былъ рабомъ отца его, повелѣваетъ служить Мемфивосѳею. Посылаетъ пословъ къ царю аммонитянъ утѣшить его, по случаю смерти отца его; но тотъ, по совѣту своихъ вельможъ, наноситъ безчестіе посланнымъ отъ Давида для его утѣшенія. Посему начинается война; сначала посланъ былъ Іоавъ, а потомъ отправляется самъ Давидъ и обращаетъ враговъ въ бѣгство. Далѣе говорится объ Уріи и Вирсавіи и о младенцѣ, который умеръ. Послѣ того раждается Соломонъ. Іоавъ осаждаетъ Равваѳъ и одержавъ верхъ надъ этимъ городомъ, посылаетъ къ Давиду, желая предоставить ему побѣду. Амнонъ, сынъ Давидовъ, воспламенился страстію къ сестрѣ своей Ѳамари и, притворившись больнымъ, когда она пришла посѣтить его, обезчестилъ ее. Услышавъ объ этомъ, братъ ея Авессаломъ, приглашаетъ царя на пиръ; такъ какъ царь не пошелъ, то онъ испросилъ, чтобы по крайней мѣрѣ пришли братья; когда же они собрались, то во время пиршества, по его приказанію, слуги умертвили Амнона. Услышавъ объ этомъ, Давидъ много плакалъ и разгнѣвался на Авессалома. Этотъ убѣжалъ. Спустя три года, когда смягчился гнѣвъ царя, Іоавъ хитростію посредствомъ ѳекойской женщины убѣждаетъ его возвратить Авессалома. Впрочемъ и по возвращеніи отецъ не хотѣлъ тотчасъ видѣть его: но два года онъ жилъ въ Іерусалимѣ, не показываясь царю. Авессаломъ призываетъ къ себѣ Іоава; но этотъ не

послушался; тотъ зажегъ его поле, и тогда, бывъ вынужденъ, Іоавъ пришелъ къ Авессалому, посланъ имъ къ царю, примирилъ ихъ и привелъ его къ Давиду. Авессаломъ завелъ у себя колесницы и коней, принималъ приходящихъ на судъ съ великою честію, ободрялъ ихъ, какъ правыхъ, сожалѣлъ, что никто не можетъ защитить ихъ, и говорилъ: *кто мя поставитъ судію на земли* (2 Цар. 15, 4), и такимъ образомъ располагалъ къ себѣ народъ. Авессаломъ возстаетъ противъ Давида. Этотъ услышавъ о томъ, удалился изъ Іерусалима, оставивъ наложницъ своихъ въ городѣ. Еѳѳею, желавшему итти вмѣстѣ съ нимъ, онъ сначала не дозволилъ этого, но такъ какъ тотъ настаивалъ, то дозволилъ. Когда они перешли потокъ, Давидъ повелѣлъ священникамъ возвратить ковчегъ въ городъ; а самъ рѣшился ожидать у горы Елеонской, если нужно будетъ передать чтонибудь изъ таинъ царя. Давиду встрѣчается Хусій, котораго онъ посылаетъ противиться Ахитофелу, совѣтнику Авессалома. Когда онъ отправился далѣе, приходитъ Сива и, обвинивъ господина своего Мемфивосѳея въ томъ, будто онъ хочетъ воцариться, получаетъ все имущество его отъ Давида. Тогда Семей проклиналъ Давида; но Давидъ удержалъ Авессу, хотѣвшаго умертвить его. Хусій приходитъ къ Авессалому и увѣряетъ его, что пришелъ къ нему съ дружественнымъ расположеніемъ. При совѣщаніи о томъ, что нужно дѣлать, Ахитофелъ совѣтуетъ Авессалому войти въ связь съ налож-

ницами отца его. Онъ и сдѣлалъ это въ шатрѣ, такъ что всѣ видѣли. Ахитофелъ предлагаетъ еще другой совѣтъ, чтобы взять съ собою нѣсколько тысячъ человѣкъ, напасть на Давида и убить его. Но Хусій, бывъ призванъ дать совѣтъ, опровергъ совѣтъ Ахитофеловъ, внушивъ подождать нѣсколько времени, а потомъ приготовившись напасть на Давида. Этотъ совѣтъ понравился болѣе; такъ случилось по устроенію Божію. Тогда Хусій посылаетъ сыновъ священническихъ и чрезъ нихъ увѣдомляетъ объ этомъ Давида. Ахитофелъ же, котораго совѣтъ не принятъ, удавился. Давиду приносятъ множество даровъ. Устроивъ войско, онъ послалъ его на сраженіе, сказавъ: *пощадите ми отрока Авессалома* (2 Цар. 18, 5); а самому ему вытти не было дозволено. Происходитъ сраженіе, и между многими падшими умерщвляется и Авессаломъ, зацѣпившійся волосами за одно дерево. По умерщвленіи его сраженіе прекращается. Іоавъ посылаетъ Хусія увѣдомить Давида о побѣдѣ. Давидъ, услышавъ объ этомъ, плакалъ о сынѣ, пока Іоавъ, вошедши къ нему, перемѣнилъ его расположеніе и убѣдилъ принять войско съ радостнымъ лицемъ. Царь созывалъ бѣгущихъ израильтянъ, Авесса же убѣждалъ предрасположенныхъ покориться Давиду. Когда онъ переходилъ Іорданъ, пришелъ Семей и исповѣдалъ свой грѣхъ. Авесса хотѣлъ умертвить его, но Давидъ не дозволилъ. Пришелъ и Мемфивосѳей, нечистый, въ грязныхъ одеждахъ, съ отрощенною бородою, съ большими ногтями,

со всѣми знаками скорби его по случаю войны противъ Давида. Царь спросилъ его: почему онъ не пошелъ вмѣстѣ съ нимъ? Онъ отвѣчалъ, что онъ просилъ Сиву, слугу своего, посадить его на осла;—ибо Мемфивосѳей былъ хромъ;— но тотъ не сдѣлалъ этого. Тогда Давидъ повелѣваетъ ему и Сивѣ раздѣлить между собою поле. Верзеллія, который многимъ снабжалъ царя во время войны, Давидъ хотѣлъ взять съ собою; но тотъ отказался по старости; посему вмѣсто него Давидъ взялъ его сына. Тогда войско раздѣляется и многіе переходятъ къ Савею. Давидъ посылаетъ Амессу воевать противъ него; но Іоавъ коварнымъ образомъ убиваетъ Амессу и осаждаетъ городъ, въ который удалился Савей. Бывшіе въ городѣ, по совѣту женщины, отрубивъ голову Савея, бросили ее со стѣны Іоаву и такимъ образомъ избавились отъ войны. Наступаетъ на землѣ голодъ; для прекращенія голода нужно было выдать гаваонитянамъ нѣкоторыхъ потомковъ Сауловыхъ; при чемъ Давидъ спасаетъ Мемфивосѳея ради клятвы, данной Іонаѳану. Онъ выдаетъ сыновъ и внуковъ Саула, и погребаетъ Саула и Іонаѳана во гробѣ Киса. Послѣ того происходятъ войны. Давида не пускаютъ на войну, чтобы онъ не подвергся опасности. Тогда онъ произноситъ 17-й псаломъ. Исчисляются заслуги и подвиги начальниковъ Давидовыхъ. Іоавъ получаетъ повелѣніе исчислить народъ, и исчисляетъ. Оказалось израильтянъ 900,000, и іудеевъ 400,000, способныхъ носить оружіе. Тогда приходитъ пророкъ Гадъ,

предлагая Давиду выбрать одно изъ трехъ наказаній, которому онъ имѣлъ подвергнуться: или три года голода, или три мѣсяца бѣгства отъ преслѣдующихъ непріятелей, или три дня моровой язвы. Онъ избралъ три дня моровой язвы, и умерло, съ утра до обѣда, 70,000 человѣкъ. Тогда Давидъ говоритъ: *се азъ есмь согрѣшивый, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша? Да будетъ нынѣ рука твоя на мнѣ и на дому отца моего* (2 Цар. 24, 17). Наказаніе прекратилось. Давидъ получаетъ повелѣніе поставить жертвенникъ на гумнѣ Орны и принести жертву; онъ такъ и сдѣлалъ. Адонія, сынъ Давидовъ, угощаетъ приверженцевъ Іоава и Авіаѳара, какбы имѣющій царствовать. Приходитъ Вирсавія, по совѣту пророка Наѳана, и извѣщаетъ объ этомъ Давида. Между тѣмъ какъ она говорила, вошелъ и Наѳанъ, устроивъ такъ, чтобы воцарить Соломона. Вышедши, они посадили Соломона на царскаго лошака. Тогда пророкъ Наѳанъ и священникъ Садокъ отправились къ потоку Гіону, помазали Соломона и сказали: *да живетъ царь* (3 Цар. 1, 39). Іонаѳанъ, сынъ Авіаѳара, пришедши возвѣстилъ объ этомъ пировавшему Адоніи. Прочіе убѣжали, а самъ Адонія, боясь Соломона, прибѣгъ къ жертвеннику. Потомъ выводятъ его оттуда; онъ пришелъ и поклонился царю. Приближаясь къ смерти, Давидъ убѣждаетъ Соломона соблюдать законъ Божій; потому что тогда онъ получитъ исполненіе данныхъ ему обѣтованій; даетъ завѣщаніе наказать Іоава

и Семея, а дѣтей Верзеллія почтить и удостоить царской трапезы; и умираетъ послѣ сорокалѣтняго царствованія.

ОБОЗРѢНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ ЦАРСТВЪ.

Соломонъ лишилъ жизни Адонію за то, что онъ просилъ себѣ Ависагу, и Авіаѳара лишилъ священства. Такъ исполнилась угроза, сказанная Илію; ибо Авіаѳаръ происходилъ изъ его рода. Также лишилъ жизни Іоава, а вмѣсто Авіаѳара поставилъ священникомъ Садока. Семею Соломонъ далъ приказаніе, чтобы онъ постоянно оставался въ городѣ; если же когда-нибудь выйдетъ, то не останется безнаказаннымъ и подвергнется смертной казни. Но у него убѣжали слуги; забывъ о приказаніи, онъ вышелъ искать ихъ; Соломонъ узналъ объ этомъ и лишилъ его жизни. Далѣе слѣдуетъ повѣствованіе о мудрости Соломона, о мирѣ, бывшемъ при немъ, о великолѣпіи его стола, о колесницахъ, коняхъ и всякаго рода богатствѣ. Соломонъ испрашиваетъ себѣ мудрости у Бога. Тогда онъ производитъ судъ надъ женщинами, пришедшими къ нему по поводу (умершаго) младенца. Опять говорится о мудрости Соломона, о великолѣпіи его стола и о томъ, кто служилъ ему. Онъ посылаетъ къ Хираму, царю тирскому, просить плотниковъ въ наймы; тотъ и доставилъ ихъ. Здѣсь изчисляются работы и количество веществъ, приготовленныхъ для храма. Потомъ го-

ворится о построеніи храма. Соломонъ молится въ храмѣ, приноситъ жертвы и обновляетъ домъ. Богъ обѣщаетъ ему блага, если онъ сохранитъ Его заповѣди, и угрожаетъ противнымъ, если онъ преступитъ ихъ. У него былъ корабль, привозившій золото. Говорится о царицѣ Юга, приходившей послушать мудрости его; о великомъ богатствѣ его, о золотомъ оружіи, которое онъ сдѣлалъ, о царствѣ его, отъ какихъ до какихъ предѣловъ оно простиралось. Далѣе объ идолослуженіи его и объ оскорбленіи, которымъ онъ прогнѣвалъ Бога. Далѣе угроза ему, разрушеніе царства, прекращеніе мира. Противъ него возстаютъ Адеръ Идумеянинъ и Разонъ; возстаетъ противъ него и рабъ его Іеровоамъ. Къ Іеровоаму приходитъ пророкъ Ахія и даетъ ему разорвать одежду на десять частей, предсказывая ему, что онъ будетъ царствовать надъ десятью колѣнами. Такъ какъ Соломонъ хотѣлъ убить его, то онъ убѣжалъ въ Египетъ. Іеровоамъ возвратился изъ Египта по смерти Соломона. Народъ, пришедши къ Ровоаму, сыну Соломонову, просилъ сдѣлать управленіе ими болѣе легкимъ, нежели Соломоново; но онъ, по внушенію нѣкоторыхъ молодыхъ сверстниковъ своихъ, угрожалъ сдѣлать его для нихъ еще болѣе тяжкимъ. Посему отдѣлились десять колѣнъ и воцарили надъ собою Іеровоама. Когда Ровоамъ хотѣлъ воевать противъ Іеровоама, Богъ не допустилъ этого. Когда заболѣло дитя у Іеровоама, онъ посылаетъ свою жену къ пророку Ахіи узнать объ исходѣ болѣзни. Тотъ сказалъ, что дитя

умеретъ, и оно умерло. Іеровоамъ ставитъ двухъ тельцовъ, одного въ Веѳилѣ и одного въ Данѣ, чтобы народъ не ходилъ въ Іерусалимъ. Когда онъ тамъ приносилъ жертву, вотъ приходитъ человѣкъ Божій и предсказываетъ объ Іосіи. Тогда изсохла рука царя и разсыпался жертвенникъ; но по молитвѣ Пророка Божія царь исцѣлѣлъ. Онъ приглашалъ Пророка къ своему столу, но тотъ отказался, соблюдая заповѣдь Божію, которую послѣ нарушилъ и былъ умерщвленъ львомъ. Іеровоамъ оставался въ своемъ нечестіи; и Ровоамъ предавался идолослуженію во всѣ годы своего царствованія. Пришелъ Сусакимъ и взялъ сокровища. Послѣ Ровоама царствовалъ Авія, сынъ его, а послѣ этого сынъ Авіи—Аса. Послѣ Іеровоама царствовалъ сынъ его Надавъ, котораго умертвилъ Вааса и воцарившись велъ войну съ Асою; но этотъ при помощи Адера сирійскаго одержалъ надъ нимъ побѣду. Такъ какъ Вааса былъ нечестивъ, то Богъ угрожалъ ему великими бѣдствіями. По смерти его воцарился Ила, сынъ его, котораго убилъ Замврій, одинъ изъ начальниковъ, и воцарившись истребилъ домъ Ваасы. Когда же Замврій умеръ, сожегши самого себя, то воцарился Амврій. Когда умеръ и этотъ, воцарился Ахаавъ, сынъ его. Царствуетъ сынъ Асы, Іосафатъ. Пророкъ Илія угрожаетъ Ахааву бездождіемъ на три года и шесть мѣсяцевъ. Тогда питаютъ Пророка вóроны. Здѣсь говорится о вдовицѣ сарептской, о сосудѣ елея, о мѣрѣ муки, о смерти отрока и его воскресеніи. Илія посы-

лается къ Ахааву, устрояетъ жертвоприношеніе и низводитъ съ неба огонь, который и сожигаетъ жертву. Тогда онъ, взявъ жрецовъ Вааловыхъ, умертвилъ ихъ. За тѣмъ предсказываетъ Ахааву о дождѣ. Вошедши на Кармилъ, Илія помолился и принесъ жертву, и пошелъ дождь. Жена Ахаава, Іезавель, угрожаетъ Иліѣ смертію; онъ же пошелъ въ пустыню, гдѣ заснулъ, и, бывъ пробужденъ ангеломъ, нашелъ опрѣснокъ ячменный, съѣлъ его и укрѣпился. По принятіи этой пищи онъ сорокъ дней шелъ до Хорива. Тогда онъ сказалъ: *Господи, олтари твоя раскопаша* (3 Цар. 19, 10). Елиссей, оставивъ запряженныхъ воловъ, слѣдуетъ за Иліею. Далѣе повѣствованіе о виноградникѣ Навуѳея; угроза Іезавели и Ахааву; сокрушеніе Ахаава. На израильтянъ напалъ сиріянинъ Адеръ съ тридцатью двумя царями, но Ахаавъ побѣдилъ ихъ. Напавъ въ другой разъ, онъ потерпѣлъ опять великое пораженіе. Когда же увидѣлъ себя въ опасности, то, одѣвшись въ бѣдную одежду, пришелъ къ Ахааву, называя себя рабомъ его и усердно умоляя о пощадѣ. Ахаавъ посадилъ его на свою колесницу, удостоилъ почести и отпустилъ его въ свою землю. Приходитъ Пророкъ, укоряетъ за это царя и угрожаетъ смертію. Ахаавъ совѣтуется, должно ли воевать съ сиріянами и, по совѣту Іосафата, царя іудейскаго, призываетъ пророка Михея, который, бывъ спрошенъ, предсказываетъ бѣдствія, если начнутъ войну. Ахаавъ гнѣвается. Лжепророкъ Седекія бьетъ Михея, Ахаавъ при-

казываетъ задержать Михея, какъ лжепророка, до тѣхъ поръ, пока окончится война. Вышедши на сраженіе, Ахаавъ сказалъ Іосафату: перемѣнимъ видъ и одежду; я возьму твою, а тебѣ отдамъ свою (3 Цар. 22, 30). Когда это было сдѣлано, и когда воины получили приказаніе отъ своего царя, чтобы они, оставивъ всѣхъ, нападали на одного царя израильскаго, тогда, увидѣвъ Іосафата, царя іудейскаго и принявъ его за царя израильскаго;—потому что одежда обманула ихъ, — они окружили его, намѣреваясь убить. Но онъ воззвалъ (къ Богу) и избавился отъ опасности. Другой воинъ пустилъ стрѣлу въ Ахаава и изъ него потекла кровь. Ее обмывали въ источникѣ, и блудницы омывались въ крови его, и собаки лизали ее. Послѣ Ахаава воцарился Охозія, сынъ его. А Іосафатъ за то, что былъ другомъ его, понесъ наказаніе, испытавъ разстройство въ дѣлахъ своихъ.

ОБОЗРѢНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ ЦАРСТВЪ.

Охозія, заболѣвъ, послалъ спросить у Ваала, выздоровѣетъ ли онъ; пророкъ Илія, встрѣтивъ посланныхъ, велѣлъ имъ возвратиться и сказать, что не выздоровѣетъ. Охозія, узнавъ, что это Илія, посылалъ къ нему два раза пятидесятиначальниковъ; когда же каждый изъ нихъ съ пятидесятью воинами были истреблены огнемъ, то третій проситъ Илію притти къ царю; пришедши, онъ сказалъ, что царь умретъ. Послѣ

него царствовалъ братъ его Іорамъ; ибо у него не было сына. Здѣсь говорится о взятіи Иліи на небо. Сыны пророческіе, увидѣвъ Елиссея, идущаго въ Іорданѣ по-суху, сказали: *почи духъ Иліи на Елиссеи* (4 Цар. 2, 15), и просили позволенія искать Илію. Онъ не позволялъ, а потомъ позволилъ, но пошедшіе не нашли. Исправляются воды въ Іерихонѣ. Проходя въ Веѳиль, Елиссей проклинаетъ дѣтей, смѣявшихся надъ нимъ, и они пожираются медвѣдями. Царь моавитскій отказался платить обычную дань. Противъ него начинаетъ войну Іорамъ, царь израильскій, взявъ съ собою и Іосафата, царя іудейскаго, и царя идумейскаго. Когда они не находили воды въ пустынѣ и были въ опасности погибнуть, то по совѣту Охозіи приходятъ къ Елиссею. Онъ гнѣвается на царя израильскаго и говоритъ, что не хотѣлъ бы и видѣть его, развѣ только ради царя іудейскаго; предсказываетъ имъ не только изобиліе воды, но и побѣду надъ моавитянами; что̀ и случилось. Моавитскій царь доведенъ былъ до такого бѣдствія, что закололъ своего сына на верху стѣны. Далѣе говорится о женщинѣ, у которой умножился елей, и о суманитянкѣ, которой, по молитвѣ Пророка, дарованъ сынъ; и, когда онъ умеръ, Пророкъ воскресилъ его. Во время голода онъ уничтожилъ ядовитую горечь въ котлѣ и во имя Божіе напиталъ сто мужей двадцатью ячменными хлѣбами. Нееманъ, военачальникъ царя сирійскаго, пораженъ былъ проказою и, пришедши къ царю израильскому, требовалъ врачева-

нія; этотъ недоумѣвалъ и разодралъ свои одежды. Елиссей призываетъ Неемана къ себѣ и повелѣваетъ ему погрузиться въ Іорданѣ седмь разъ. Онъ сначала не хотѣлъ и не вѣрилъ, что изцѣлѣетъ, а потомъ, по совѣту своихъ слугъ, погружается и изцѣляется. Онъ давалъ дары Елиссею; но этотъ не хотѣлъ принять. Когда же этотъ человѣкъ удалился, то Гіезій, слуга Елиссея, догнавъ его, какъ будто былъ посланъ Елиссеемъ, беретъ отъ Неемана два таланта серебра и двѣ одежды. Пришедши къ Елиссею, онъ старался скрыть это; но Пророкъ обличилъ его и въ наказаніе поразилъ его проказою. Сыны пророческіе идутъ рубить дрова для строенія. Когда топоръ одного изъ нихъ упалъ съ топорища, Елиссей, отрубивъ дерево, бросаетъ его въ воду, и желѣзо всплыло на поверхность воды. Сирійскій царь велъ войну съ израильскимъ, такъ, какъ предсказывалъ Елиссей. Узнавъ объ этомъ, непріятель посылаетъ отрядъ воиновъ на Елиссея; но по молитвѣ Пророка пришедшіе поражаются слѣпотою, и онъ вводитъ ихъ въ средину враговъ ихъ. Когда царь хотѣлъ умертвить ихъ, Елиссей не дозволилъ, но велѣлъ угостить ихъ и отпустить. Когда насталъ столь сильный голодъ, что голова осла стоила пятьдесятъ сиклей, и четверть каба голубинаго помета пять сиклей, пришла къ царю одна женщина, и обвиняла другую женщину въ томъ, что эта, съѣвши вмѣстѣ съ нею сына ея и обѣщавшись отдать своего, не исполнила обѣщанія. Тогда царь разодралъ свои одежды и послалъ от-

рубить голову Елиссею. Пророкъ говоритъ пришедшему къ нему, что завтра голодъ прекратится; а такъ какъ этотъ не вѣрилъ, то предсказываетъ ему смерть. Четверо прокаженныхъ, изнуренные голодомъ, рѣшаются предать себя врагамъ, но пришедши въ лагерь не находятъ тамъ никого изъ людей, а палатки ихъ полными великаго богатства. Взявъ, сколько могли снести, они возвратились и донесли царю. Царь сначала подозрѣвалъ въ этомъ обманъ, но пославъ всадниковъ и узнавъ достовѣрно, пустилъ народъ расхищать лагерь; и голодъ прекратился, а невѣрившій Елиссею, бывъ раздавленъ толпою, умеръ. Елиссей предсказываетъ женщинѣ, у которой воскресилъ сына, седмилѣтній голодъ, и совѣтуетъ ей переселиться изъ этой страны. Она переселилась; но, когда голодъ прекратился, возвратилась, и пришедши къ царю просила о возвращеніи своего имущества. Сирійскій царь посылаетъ къ Елиссею узнать, исцѣлится ли онъ отъ болѣзни, которою страдалъ. Пророкъ сказалъ пришедшему, что не исцѣлится и вмѣстѣ предсказалъ бѣдствія израильтянъ. Когда онъ умеръ, вмѣсто него воцарился Азаилъ. Когда же скончался и Іорамъ, царь іудейскій, ему преемствовалъ сынъ его Охозія. Елиссей, пославъ одного изъ сыновъ пророческихъ, велѣлъ помазать Іиуя; воцарившійся Іиуй убиваетъ Іорама и бросаетъ его въ виноградникъ Навуѳея, который отнятъ отцемъ Іорама. Убивъ также и Охозію, онъ входитъ въ городъ израильскій. Между тѣмъ Іезавель украсившись смотрѣла

сверху. Царь приказалъ царедворцамъ сбросить ее и, бывъ сброшена, она умерла. Іиуй умертвилъ и семьдесять сыновъ Ахаава, умертвилъ и братьевъ Охозіи, умертвилъ и жрецовъ Ваала и сокрушилъ самого Ваала. Тогда Азаилъ поражалъ израильтянъ. По смерти Іиуя воцаряется Іоахазъ, сынъ его. Говорится объ Іоасѣ, царѣ іудейскомъ, о священникѣ Іодаѣ и о Гоѳоліи. Израильтяне были преданы врагамъ и опять Богъ умилосердился надъ ними. Когда умеръ Іоахазъ, надъ израильтянами воцаряется Іоасъ, сынъ его, и пришедши къ Елиссею плачетъ. Пророкъ велѣлъ ему взять пять стрѣлъ и бросать' ихъ въ землю. Когда онъ, бросивъ только три, остановился, то Пророкъ сказалъ ему: *побѣдиши Сирію трижды: аще бы ударилъ еси пятищи, тогда бы еси поразилъ Сирію до скончанія* (4 Цар. 13, 19). Елиссей по смерти былъ погребенъ и одинъ мертвецъ, брошенный въ гробницу его, воскресъ. Когда умеръ Азаилъ, вмѣсто него воцарился сынъ его Адеръ. Іоасъ трижды поразилъ сиріянъ и умеръ; послѣ него воцарился сынъ его Іеровоамъ. По смерти Іоаса, царя іудейскаго, воцарился Амасія, сынъ его. Поразивъ идумеевъ, онъ сразился и съ Іоасомъ царемъ израильскимъ; но этотъ побѣдилъ его и вошелъ въ Іерусалимъ. По смерти Іеровоама, надъ израильтянами воцарился Захарія, сынъ его. По смерти Амасіи царя іудейскаго, воцарился Азарія, который называется и Озіею. При немъ началъ пророчествовать Осія. Селлумъ, умертвивъ Захарію, воцарился надъ изра-

ильтянами. Онъ пользовался помощію Фула, царя ассирійскаго, давши ему тысячу талантовъ. Когда онъ умеръ, вмѣсто него воцарился Манаимъ. Послѣ Озіи надъ іудеями воцарился сынъ его Іоаѳамъ; а по смерти этого воцарился Ахазъ, сынъ Іоаѳама. При немъ сдѣлали нападеніе Раассонъ сирійскій и Факей, сынъ Ромеліевъ. Ахазъ послалъ къ Ѳелгаѳфелласару ассирійскому, приглашая его на помощь. Этотъ пришедши взялъ Дамаскъ и убилъ Раассона. Салманасаръ ассирійскій напалъ на Осію сына Илы и сдѣлалъ его своимъ рабомъ. Когда же царь ассирійскій узналъ, что онъ хочетъ отложиться,— ибо отправилъ пословъ къ царю еѳіопскому,— осадилъ его, заключилъ его въ оковы, взялъ Самарію и другіе города, а жителей переселилъ въ Ассирію. Здѣсь слѣдуетъ обличеніе израильтянъ и іудеевъ. Выведенные изъ Вавилона и поселенные въ Самаріи не боялись Бога, и потому были истребляемы львами. Тогда посылается туда священникъ и научаетъ ихъ закону Божію; но они и Господа боялись и идоламъ служили. Говорится о Езекіи и ассиріянахъ, о которыхъ говорится и у Исаіи. О Манассіи и его нечестіи, и объ убійствахъ. По смерти его воцарился сынъ его Амонъ. По смерти Амона воцарился Іосія, сынъ его, о которомъ было предсказано Іеровоаму, рабу Соломонову, когда изсохла рука царя. Онъ очистилъ Іерусалимъ и всѣ мѣста, раскопалъ гробницы жрецовъ идольскихъ и разрушилъ идоловъ. О немъ сказано, что прежде не было царя подобнаго ему,

который обращался бы къ Господу всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею. При немъ началъ пророчествовать Іеремія; при немъ была пророчица Олдана. Когда умертвилъ его Фараонъ-Нехао, вмѣсто него воцарился Іоахазъ, сынъ его. Но Фараонъ, низвергнувъ этого и отведши его въ Египетъ, гдѣ онъ и умеръ, поставилъ царемъ сына Іосіи Еліакима,—онъ же и Іоакимъ, — и обложилъ землю данію. Этотъ былъ первымъ данникомъ Навуходоносора и выброшенъ за стѣны. О немъ говоритъ Іеремія: *будетъ тѣло его мертвое повержено на зноѝ дневнѣмъ, и на мразѣ нощномъ, и погребеніемъ ослимъ погребется* (Іер. 36, 30; 22, 19). Ибо онъ былъ погребенъ тогда, когда уже истлѣлъ. По смерти Еліакима, или Іоакима, сына Іосіи, воцарился Іоакимъ, сынъ его, внукъ Іосіи. Этотъ Іоакимъ назывался и Іехоніею. Царь египетскій еще не вышелъ изъ страны своей, какъ Навуходоносоръ пришедши осадилъ городъ; Іоакимъ или Іехонія вышелъ къ нему съ своею матерію. Навуходоносоръ переселилъ его въ Вавилонъ и поставилъ царемъ въ Іерусалимѣ брата отца его, сына Іосіи; это былъ Матѳанія, иначе Седекія. Когда же онъ отложился отъ царя вавилонскаго, то Навуходоносоръ пришедши осадилъ Іерусалимъ, взялъ его и сжегъ, а Седекію ослѣпивъ заключилъ въ оковы и отвелъ въ Вавилонъ. Надъ оставшимися въ Іерусалимѣ онъ поставилъ Годолію. Когда же убилъ его Измаилъ, то оставшіеся удалились въ Египетъ. Но послѣ того Евиладъ

Мародахъ, царь вавилонскій, удостоилъ Іоакима великой чести въ Вавилонѣ.

Такимъ образомъ царство самарійское, какъ уже сказано, прекратилось при Осіи, сынѣ Илы, который убилъ Факея, сына Ромеліева. А царство іерусалимское прекратилось при Седекіи. Этотъ, бывъ отведенъ въ Вавилонъ и лишенъ зрѣнія, брошенъ былъ въ ровъ на 27 лѣтъ. Но послѣ того царь вавилонскій возвысилъ Іоакима, далъ ему престолъ выше тамошнихъ царей, и ѣлъ и пилъ вмѣстѣ съ нимъ до конца своей жизни. Этимъ и оканчивается книга, когда т. е. городъ былъ взятъ, а народъ отведенъ въ плѣнъ.

Теперь нужно кратко изчислить, изъ настоящихъ четырехъ книгъ, имена царей іудейскихъ и израильскихъ и показать, каковъ былъ конецъ дѣятельности каждаго изъ нихъ и сколько лѣтъ каждый изъ нихъ царствовалъ. Именно:

По смерти Саула, царствовавшаго сорокъ лѣтъ, царствовалъ Давидъ надъ всѣми израильтянами и іудеями сорокъ лѣтъ, т. е. въ Хевронѣ седмь лѣтъ, и надъ всѣми израильтянами и іудеями тридцать три года. Онъ творилъ правду съ сердцемъ совершеннымъ. При немъ были пророки Наѳанъ и Гадъ. Соломонъ, сынъ Давида, царствовалъ надъ всѣмъ народомъ также сорокъ лѣтъ, и сдѣлалъ зло. И при немъ были пророки Наѳанъ и Гадъ. Ровоамъ, сынъ его, царствовалъ семнадцать лѣтъ и дѣлалъ зло. При немъ царство раздѣлилось и остались съ нимъ въ Іерусалимѣ два колѣна, Іудино и Веніаминово; въ

Самаріи же десять колѣнъ. При немъ были пророки Ахія Силонитянинъ и Адда. Авія, сынъ его, царствовалъ три года; сердце его не было подобно Давидову, но ходилъ онъ во грѣхахъ отца своего; и при немъ былъ пророкъ Адда. Аса, сынъ его, царствовалъ сорокъ одинъ годъ и творилъ правду; впрочемъ при немъ еще оставались высоты (идольскія). При немъ были пророки Азарія, сынъ Ададовъ, и Ананій. Іосафатъ, сынъ его, царствовалъ двадцать пять лѣтъ и творилъ правду; но высоты еще оставались. Послѣ и онъ подвергся упреку въ нечестіи за то, что былъ въ дружбѣ съ Охозіею, царемъ израильскимъ, и большею частію принималъ участіе въ его дѣлахъ. При немъ были пророки Илія, Елиссей, Михей, Іиуй, сынъ Ананія, Іозіилъ, сынъ Захаріи, и Еліезеръ, сынъ Додія изъ Марисиса. Іорамъ, сынъ его, царствовалъ восемь лѣтъ и дѣлалъ зло; ибо имѣлъ женою дочь Ахаава. И при немъ были Илія и Елиссей. Охозія, сынъ его, царствовалъ одинъ годъ и дѣлалъ зло; послѣ него Гоѳолія, мать его, седмь лѣтъ. Іоасъ, сынъ Охозіи, царствовалъ сорокъ лѣтъ. Онъ умертвилъ Захарію и творилъ правду всею душею своею, пока мудрый Іодай былъ живъ и наставлялъ его. Его убили рабы его, въ домѣ Маллоновомъ. При немъ пророчествовалъ Захарія, сынъ Іодая. Амасія, сынъ его, царствовалъ девятнадцать лѣтъ, и сначала творилъ правду, но не такъ, какъ Давидъ; ибо народъ еще приносилъ жертвы на высотахъ и не истреблялъ дубравъ. И при немъ были пророки,

но имена ихъ не записаны. Въ послѣдствіи Амасія, поразивъ жителей Сіира, возгордился, сталъ служить сіирскимъ идоламъ и убитъ, бывъ преданъ врагамъ. Азарія, онъ же и Озія, царствовалъ пятьдесятъ два года и сначала творилъ правду, подобно отцу своему; впрочемъ не истребилъ высотъ; но отъ успѣховъ въ дѣлахъ возгордился и захотѣлъ самъ воскурить ѳиміамъ въ храмѣ, что принадлежало однимъ священникамъ; посему онъ былъ пораженъ проказою и услышалъ: *нѣсть твое, Озіе, да кадиши ѳиміамомъ Господеви, но токмо священникомъ* (2 Пар. 26, 18). При немъ былъ пророкъ Исаія. Іоаѳамъ, сынъ его, царствовалъ шестнадцать лѣтъ и творилъ правду, подобно отцу своему; впрочемъ не истребилъ высотъ. И при немъ былъ Исаія. Ахазъ, сынъ его, царствовалъ шестнадцать лѣтъ и дѣлалъ зло. И при немъ были Исаія и Одидъ пророки. Езекія, сынъ его, царствовалъ двадцать девять лѣтъ и творилъ правду совершенно подобно Давиду. Онъ истребилъ мѣднаго змія, котораго повѣсилъ Моѵсей. При немъ Сеннахиримъ и Рапсакъ ассиріяне, произносившіе хулу, были сами поражены, а потомъ явившійся ангелъ истребилъ у нихъ сто восемдесять пять тысячъ человѣкъ. Приближаясь къ смерти, Езекія получилъ продолженіе жизни на пятнадцать лѣтъ. Манассія, сынъ его, царствовалъ пятдесятъ пять лѣтъ и дѣлалъ зло. Онъ возстановилъ то, что разрушилъ Езекія и былъ вторымъ Іеровоамомъ для іудеевъ, такъ что за него пострадалъ Іерусалимъ, подобно Самаріи, и

о немъ сказано: *во грѣхъ введе Іуду* (4 Цар. 21, 16). Посему онъ и былъ отведенъ плѣнникомъ въ Вавилонъ; но въ плѣну, какъ написано въ книгѣ Паралипоменонъ, раскаялся и Богъ возвратилъ его въ Іерусалимъ и опять даровалъ ему царство. Онъ умеръ съ покаяніемъ и научая народъ служить Богу, но не былъ погребенъ въ городѣ Давидовомъ, а въ саду своемъ, въ саду Озы. Амонъ, сынъ его, царствовалъ два года и дѣлалъ зло, подобно Манассіи, отцу своему, и убили его слуги его; онъ погребенъ въ саду Озы, гдѣ и отецъ его. Іосія, сынъ его, царствовалъ тридцать одинъ годъ. Народъ поставилъ его царемъ, когда онъ былъ осьми лѣтъ, и творилъ онъ правду во всемъ подобно Давиду, не уклоняясь ни на право, ни на лѣво; ибо онъ истребилъ дубравы и уничтожилъ всѣхъ идоловъ. Будучи шестнадцати лѣтъ, онъ взыскалъ законъ и, нашедши его въ пренебреженіи, приказалъ читать, объявилъ и совершилъ пасху, какъ написано. Его умертвилъ Фараонъ-Нехао при Евфратѣ во время сраженія. При немъ были пророки Іеремія и Софонія и пророчица Олдана, жена Селлима. Іоахазъ, сынъ его, царствовалъ три мѣсяца и дѣлалъ зло; его переселилъ Фараонъ-Нехао. И при немъ былъ Іеремія. Еліакимъ, другой сынъ Іосіи, который былъ переименованъ въ Іоакима, царствовалъ одиннадцать лѣтъ, и дѣлалъ зло. Іоакимъ, онъ же и Іехонія, сынъ его, царствовалъ три мѣсяца, дѣлалъ зло, и отведенъ былъ въ Вавилонъ. Матѳанію, сына его, Навуходоносоръ сдѣлалъ

царемъ, переименовавъ въ Седекію; онъ царствовалъ двѣнадцать лѣтъ и дѣлалъ зло. И при немъ былъ Іеремія. До этого времени существовало царство іудейское, и было разрушено, подобно Самаріи; городъ былъ взятъ и всѣ отведены плѣнниками въ Вавилонъ, съ сосудами. Всего—двадцать одинъ царь, кромѣ Гоѳоліи.

Вотъ имена царей, бывшихъ въ Самаріи, и каковъ былъ конецъ дѣятельности каждаго изъ нихъ и сколько лѣтъ каждый изъ нихъ царствовалъ. Іеровоамъ, сынъ Навата, царствовалъ двадцать четыре года. По раздѣленіи царства, онъ, возвратившись изъ Египта, первый царствовалъ въ Самаріи и дѣлалъ зло, какъ никто другой. Ибо опасаясь лишиться царства, онъ сдѣлалъ двухъ золотыхъ тельцовъ и обольстилъ народъ, сказавъ: *се бози, изведшіи тя изъ земли Египетскія* (3 Цар. 12, 28); учредилъ и праздники и жрецовъ; онъ *во грѣхъ введе Израиля* (3 Цар. 14, 16); потому что ему подражали всѣ послѣдующіе цари. При немъ былъ пророкъ Ахія Силонитянинъ и обличившій его у жертвенника. Наватъ, сынъ его, царствовалъ два года и дѣлалъ зло. Изъ его рода болѣе уже никто не царствовалъ. Замврій, изъ другаго рода,—двѣнадцать лѣтъ. Вааса — двадцать четыре года и дѣлалъ зло. При немъ были пророки Илія, Елиссей, Михей и пророчествовавшій Ахааву о Сиріи и о сынѣ Адера, поразившій его ранами и обличившій Ахаава и многіе кромѣ того сыны пророческіе. Охозія, сынъ его, царствовалъ два года и дѣлалъ зло. И при

немъ были Илія и Елиссей. Его пятидесятиначальниковъ Илія поразилъ огнемъ, по слову Господню. Іорамъ, сынъ Ахаава, царствовалъ двѣнадцать лѣтъ и дѣлалъ зло, и изъ его рода болѣе уже никто не царствовалъ. При немъ вознесся Илія, а Елиссей оставался до Іеровоама, сына Іоасова, царя израильскаго. И при немъ были сыны пророческіе. Іиуй, изъ другаго рода, сынъ Намессіевъ, царствовалъ двадцать два года. Онъ коварно истребилъ родъ Ахаава и пророковъ Ваала, и сокрушилъ кумиръ его. Въ этомъ онъ сотворилъ правду и получилъ обѣщаніе, что потомки его будутъ сидѣть на престолѣ его до четвертаго рода. Іоахазъ, сынъ его, царствовалъ семнадцать лѣтъ, дѣлалъ зло, воевалъ противъ Іерусалима и взялъ оттуда золото и сосуды. Іеровоамъ, сынъ его,—сорокъ одинъ годъ, и дѣлалъ зло. Захарія, сынъ его,—шесть мѣсяцевъ, и дѣлалъ зло. Доселѣ были царями потомки Іиуя до четвертаго рода. Селлумъ, изъ другаго рода, сынъ Іависа, царствовалъ тридцать дней и дѣлалъ зло. Манаимъ, изъ инаго рода, сынъ Гаддія, царствовалъ двадцать лѣтъ и дѣлалъ зло. При немъ пророчествовали Исаія и Осія. Факей, изъ другаго рода, сынъ Ромеліевъ, царствовалъ двадцать лѣтъ. Онъ убилъ Факію и дѣлалъ зло. При немъ были пророки Исаія и Осія. Осія, изъ другаго рода, сынъ Илы, царствовалъ девять лѣтъ. Онъ убилъ Факея и дѣлалъ зло, впрочемъ не такъ, какъ его предшественники. Осія былъ послѣднимъ царемъ Самаріи. При немъ это царство прекратилось, и

Самарія погибла, и за тѣмъ поселились въ ней ассиріяне. Отъ нихъ произошли еретики Самаряне, называемые саддукеями. Этимъ и оканчивается все содержаніе книгъ царствъ.

ОБОЗРѢНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ ПАРАЛИПОМЕНОНЪ.

Книги *Паралипоменонъ* называются такъ потому, что въ нихъ содержится многое опущенное въ книгахъ Царствъ. Въ первой книгѣ излагается родословіе всѣхъ колѣнъ отъ Адама до царей, по племенамъ и народамъ, по семействамъ и домамъ. Говорится также, кого изъ левитовъ Давидъ поставилъ пѣть Богу на флейтахъ и арфахъ и кого назначилъ для служенія при храмѣ; ибо онъ первый началъ строить храмъ. Коротко излагается и нѣчто другое о царяхъ и родахъ. Къ этому надобно прибавить, что всѣхъ лѣтъ, протекшихъ при царяхъ іерусалимскихъ отъ Давида — четыреста семдесятъ четыре. Всѣ эти цари были изъ одного рода Давидова; изъ нихъ творившихъ правду—девять, а дѣлавшихъ зло—двѣнадцать, кромѣ Гоѳоліи. Всѣхъ же лѣтъ, протекшихъ при царяхъ самарійскихъ — двѣсти шестдесятъ девять, и тридцать дней; царей было двѣнадцать, изъ осьми различныхъ родовъ, и всѣ они дѣлали зло, подобно Іеровоаму.

ОБОЗРѢНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ ПАРАЛИПОМЕНОНЪ.

Во второй книгѣ Паралипоменонъ излагаются дѣянія царей. Описавшіе ихъ были пророки, жившіе въ различныя времена. Но чтобы частнѣе знать писателей, для этого нужно замѣтить, что здѣсь излагаются дѣянія всѣхъ царей израильскихъ и іудейскихъ, т. е. опущенныя въ исторіи царей. Всѣ дѣянія ихъ изложили слѣдующія лица: о Давидѣ писали пророки Самуилъ, Наѳанъ и Гадъ, о Соломонѣ — пророки Наѳанъ и Ахія; объ Іеровоамѣ пророки Самей и Адда; объ Авіи—пророкъ Адда. Объ Асѣ написано въ *книзѣ словесъ дней царей Іудиныхъ* (3 Цар. 15, 23). Объ Іосафатѣ писалъ пророкъ Іиуй, сынъ Ананія, написавшій *книгу царей Израилевыхъ* (2 Пар. 20, 34); объ Іоасѣ *въ лѣтописцѣ царскомъ* (2 Пар. 24, 27); объ Амасіи—въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ; объ Озіи—пророкъ Исаія; объ Іоаѳамѣ—въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ; объ Ахазѣ—въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ; объ Езекіи—пророкъ Исаія, сынъ Амосовъ; о Манассіи—въ *словесѣхъ провидящихъ* (2 Пар. 33, 19); объ Іосіи—въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ; объ Іоакимѣ—въ книгѣ царей іудейскихъ и израильскихъ: Такимъ образомъ это излагается о царяхъ въ книгахъ Паралипоменонъ.

ОБОЗРѢНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ ЕЗДРЫ.

Книга Ездры называется такъ потому, что самъ Ездра, бывшій священникомъ и чтецомъ, разсказываетъ и описываетъ возвращеніе сыновъ израильскихъ изъ Персіи въ Іерусалимъ. Это возвращеніе послѣдовало сначала съ позволенія, а потомъ по повелѣнію царей Кира и Дарія, данному Іисусу, сыну Іоседекову, Ездрѣ и Зоровавелю, которые состязались въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, получивъ обѣщаніе, чтобы побѣдившій просилъ у царя, чего захочетъ. Когда одинъ говорилъ, что сильнѣе всего вино, а другой говорилъ, что сильнѣе всего царь, Зоровавель сказалъ, что сильнѣе этого женщины, а сильнѣе всего истина. Когда онъ, сказавъ это, остался побѣдителемъ и получилъ позволеніе просить, чего захочетъ; то сталъ просить, чтобы освобождены были изъ плѣна іудеи и построенъ Іерусалимъ. Какъ онъ просилъ, такъ и сдѣлано; плѣнники были отпущены, ибо тогда исполнилось семьдесятъ лѣтъ гнѣва Божія. Возвратившихся изъ плѣна потомковъ Іуды и Веніамина и левитовъ было числомъ сорокъ двѣ тысячи, коней триста тридцать, лошаковъ двѣсти сорокъ пять, верблюдовъ четыреста тридцать пять, рабовъ ихъ и рабынь седмь тысячъ триста тридцать четыре, пѣвцовъ двѣсти, ословъ шесть тысячъ седмь сотъ двадцать. Строителями были Зоровавель, Іисусъ, сынъ Іосе-

деков и Неемія; а Ездра, свѣдущій въ законѣ, принесъ законъ и читалъ его и устроилъ все, чтó касалось храма и левитовъ. Онъ объявилъ законъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы взявшіе чужеземныхъ женъ во время плѣна отвергли ихъ. Всѣ изгнали ихъ и очистились, и совершилъ онъ пасху по закону, какъ написано, также и постъ. Этимъ оканчивается первая книга Ездры.

ОБОЗРѢНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ ЕЗДРЫ.

Въ этой книгѣ Ездра говоритъ о возвращеніи іудеевъ изъ плѣна такъ же, какъ и въ первой, кромѣ прежде сказаннаго. Много разсказываетъ объ евнухѣ Нееміи; т. е. что онъ просилъ о построеніи храма, и что Ездра читалъ законъ, а Іисусъ, Ануй и Саравія толковали его народу. Ездра, читая, научалъ богопознанію, а народъ разумѣлъ читаемое и совершилъ пасху; въ седьмой же мѣсяцъ совершилъ постъ и праздникъ кущей, какъ написано: *яко не сотвориша тако отъ дней Іисуса сына Навина* (Неем. 8, 17). Между тѣмъ Ездра, увидѣвъ, что жены азотскія смѣшиваются съ евреями, убѣдилъ всѣхъ дáть обѣщаніе-сохранять законъ Божій; изгналъ этихъ женъ, какъ незаконныхъ, и всѣ поклялись соблюдать законъ. Такимъ образомъ освятившись и очистившись они праздновали, и отошли каждый въ домъ свой. Объ

Ездрѣ говорится и то, что когда книги потеряны были по нерадѣнію народа во время продолжительнаго плѣна, самъ Ездра, какъ любознательный и свѣдущій чтецъ, сохранилъ ихъ всѣ и потомъ принесъ ихъ съ собою и снова издалъ, и такимъ образомъ сохранилъ эти книги.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ: ЕСѲИРЬ.

Книга *Есѳирь* называется такъ потому, что чрезъ Есѳирь Богъ спасъ іудеевъ, которымъ всѣмъ угрожала погибель, а Амана, строившаго противъ нихъ козни, наказалъ. Царь Артаксерксъ, отвергнувъ свою жену, искалъ въ царствѣ своемъ красивѣйшую и благообразнѣйшую изъ всѣхъ женщинъ, чтобы взять ее себѣ въ жену и найдена была Есѳирь, родомъ іудеянка. У ней былъ родственникъ Мардохей, взятый въ плѣнъ въ ту страну при Седекіи. Царь, возвысивъ упомянутаго Амана, повелѣлъ, чтобы всѣ покланялись ему. Но такъ какъ Мардохей, по богопочтенію, не хотѣлъ покланяться человѣку, то Аманъ разгнѣвался на него и узнавъ, что онъ іудей, убѣдилъ царя Артаксеркса и предписалъ, чтобы всѣ, находившіеся въ царствѣ его, іудеи были истреблены въ одинъ день двѣнадцатаго мѣсяца. Узнавъ объ этомъ, Мардохей сѣтовалъ и попостившись обратился къ Есѳири съ просьбою, чтобы она оказала помощь; Есѳирь, попостившись и помолившись Богу, нарядилась въ женскія украшенія и безъ приглашенія,—а

входить безъ приглашенія не позволялось,—вошла къ царю безвременно, вмѣсто удобнаго времени надѣясь на молитву. Когда царь удивился необыкновенному ея поступку, она отъ страха упала. Но Богъ перемѣнилъ гнѣвъ царя на милость и кротость; онъ всталъ и поднялъ жену, увѣщевалъ ее не бояться и позволилъ ей просить, чего хочетъ. Она просила придти къ ней на пиръ самаго царя и Амана, и не одинъ разъ, но дважды. Аманъ отъ радости и восторга, что удостоился приглашенія отъ царицы, еще болѣе возгордился предъ Мардохеемъ и приказалъ поставить высокое дерево, намѣреваясь въ слѣдующій день повѣсить на немъ Мардохея. Между тѣмъ царь, по благому провидѣнію, не могши заснуть въ ту ночь, приказалъ читать ему памятныя записки его дѣлъ. При чтеніи ихъ встрѣтилось извѣстіе о добромъ дѣлѣ, сдѣланномъ для него Мардохеемъ, именно: когда два евнуха злоумышляли противъ царя, то Мардохей открылъ это царю и обличилъ ихъ. По вниманію къ услугѣ Мардохея, царь хотѣлъ оказать ему достойную почесть. Когда утромъ вошелъ къ нему Аманъ, царь спросилъ его: какой и сколь великой почести достоинъ тотъ, кто оказалъ благодѣяніе царю? Аманъ, думая, что царь спрашиваетъ о немъ самомъ, отвѣчалъ, что такой человѣкъ достоинъ быть названъ вторымъ по царѣ. Посему царь приказалъ удостоить такой почести Мардохея, а Аману итти впереди его. Есѳирь же, воспользовавшись случаемъ, стала ходатайствовать за іудеевъ. Когда царь,

изъявивъ сожалѣніе о беззаконномъ повелѣніи противъ іудеевъ, разгнѣвался на Амана, то самъ Аманъ сталъ просить Есѳирь, въ отсутствіи царя, припавъ и обнимая ея колѣна. Царь, увидѣвъ Амана прикоснувшимся къ ногамъ царицы и подумавъ, что онъ дѣлаетъ это съ постыдною цѣлію, приказалъ самаго Амана повѣсить на томъ деревѣ, которое онъ приготовилъ для Мардохея. Тогда царь предписываетъ, чтобы всѣ іудеи были въ безопасности, а враги ихъ были истреблены ими. Истреблено было пятьдесятъ тысячъ. Посему учрежденъ праздникъ въ четырнадцатый и пятнадцатый день двѣнадцатаго мѣсяца, который называется Адаръ; а самый этотъ день на собственномъ ихъ языкѣ называется *фуримъ*. Посему въ этотъ день іудеи и сожигаютъ изображеніе Амана и празднуютъ въ память своего избавленія. Здѣсь оканчивается книга.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ТОВИТА.

Книга *Товита* называется такъ потому, что содержитъ исторію о самомъ Товитѣ. Товитъ происходилъ изъ колѣна Нефѳалимова, былъ въ плѣну и жилъ въ Ниневіи. Онъ былъ милосердъ и благочестивъ; ибо, находясь въ плѣну, не употреблялъ пищи, общей съ язычниками, но воздерживался. Онъ былъ закупщикомъ припасовъ у царя Салманассара, и оставилъ на сохраненіе въ Мидіи у Гаваила десять талантовъ. Товитъ имѣлъ

усердіе погребать умершихъ изъ іудеевъ. Бывъ оклеветанъ за это предъ царемъ Сеннахиримомъ, онъ бѣжалъ. По возвращеніи, онъ однажды похоронилъ одного изъ умершихъ и легъ за стѣною дома; но между тѣмъ, какъ онъ лежалъ еще съ открытыми глазами, воробьи сверху ниспустили кало на его глаза, и образовались у него бѣльма, такъ что онъ перересталъ видѣть. Въ тоже время въ Екватанахъ была дочь у Рагуила, родственника его, по имени Сарра. Ей препятствовалъ жить въ супружествѣ злой духъ Асмодей; онъ убилъ уже семерыхъ, бравшихъ ее за себя. Въ великой скорби отроковица молилась, и Богъ послалъ ей помощника—архангела Рафаила. Товитъ, завѣщавъ сыну своему Товіи не брать жены ни откуда, какъ только изъ его колѣна и рода, передаетъ ему росписку въ десяти талантахъ и повелѣваетъ ему итти и взять ихъ обратно. Сынъ, не зная дороги и самаго человѣка, (къ которому нужно было итти), выходитъ искать спутника, и по Божественному промышленію находитъ Рафаила, который стоялъ внѣ въ видѣ человѣка, и нанимаетъ его, какъ знающаго дорогу. Такимъ образомъ архангелъ Рафаилъ сопутствуетъ ему въ видѣ человѣка, подъ именемъ Азаріи. Когда они дошли до рѣки Тигра, Товія хотѣлъ спуститься въ нее, чтобы вымыться, но вдругъ большая рыба кинулась на юношу. Ангелъ велѣлъ ему схватить рыбу, разрѣзать ее, вынуть изъ ней печень, сердце и желчь, и хранить это. На вопросъ юноши: какая отъ нихъ польза,—Ангелъ отвѣчалъ: печень

и сердце, если покурить ими, могутъ прогонять злаго духа, а желчію можно снимать бѣльма. Такимъ образомъ, по совѣту и при содѣйствіи Ангела, юноша получаетъ дочь Рагуила Сарру въ жену, прогнавъ этимъ куреніемъ злаго духа, который былъ связанъ Ангеломъ въ верхнихъ частяхъ Египта. Оставшись съ женою, Товія посылаетъ мнимаго Азарію въ Мидію, получаетъ чрезъ него десять талантовъ и возвращается вмѣстѣ съ нимъ и женою къ отцу. По возвращеніи, онъ помазалъ желчію рыбы глаза отца, и бѣльма отпали, и Товитъ тотчасъ сталъ видѣть. Онъ ослѣпъ, когда ему было пятьдесятъ восемь лѣтъ, а прозрѣлъ, когда было ему шестьдесятъ шесть. Послѣ того, какъ онъ прозрѣлъ, Ангелъ открылся, что онъ не человѣкъ, а посланъ отъ Бога на помощь имъ и Саррѣ. Состарѣвшись Товитъ завѣщалъ сыну своему Товіи удалиться въ Мидію, по причинѣ имѣющаго быть разрушенія Ниневіи по слову пророка Іоны, и ослабѣвъ скончался 155 лѣтъ. Сынъ же его Товія, переселившись въ Мидію, похоронилъ своего тестя и тещу, и получивъ извѣстіе о разрушеніи Ниневіи, скончался 107 лѣтъ. Этимъ и оканчивается книга.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ: ІУДИѲЬ.

Книга *Іудиѳь* называется такъ потому, что чрезъ Іудиѳь Богъ спасъ сыновъ израильскихъ, подвергшихся нападенію и осадѣ отъ Олофер-

на, а самаго Олоферна поразилъ. Вотъ это событіе: царь ассирійскій Навуходоносоръ, начавъ войну съ Арфаксадомъ, царемъ мидійскимъ, требовалъ помощи отъ всѣхъ народовъ до Египта. Но такъ какъ они не подали помощи, а всѣ отказались, то онъ, послѣ побѣды и покоренія Арфаксада, началъ войну противъ отказавшихъ ему. Онъ послалъ противъ нихъ Олоферна съ великимъ войскомъ. Этотъ покорилъ всѣ другіе народы и сокрушилъ ихъ идоловъ; но сыны израильскіе укрѣпились, не покорились Олоферну и не боялись угрозъ его. Первосвященникъ Іоакимъ написалъ жителямъ Ветилуи преградить путь Олоферну,—ибо оттуда былъ путь его,—и они преградили. Олофернъ же приготовился къ войнѣ. Между тѣмъ Ахіоръ, вождь аммонитянъ, совѣтовалъ ему не воевать съ народомъ еврейскимъ, охраняемымъ отъ Бога; но Олофернъ разгнѣвавшись отослалъ его въ Ветилую и угрожалъ убить его, когда побѣдитъ евреевъ. Такимъ образомъ Ахіоръ жилъ спокойно въ Ветилуѣ, а Олофернъ осаждалъ городъ и овладѣлъ его источниками. Когда народъ уже изнурился отъ жажды и начальники намѣревались сдать городъ, тогда Іудиѳь, снявъ съ себя одежду вдовства,—ибо она оплакивала мужа и каждодневно постилась,—украсила себя, подобно невѣстѣ, и убѣдивъ жителей, чтобы они не сдавали города раньше пяти дней, вышла къ Олоферну, прельстила его своею мудростію и на третій день отсѣкла ему голову, такъ что воины не знали объ этомъ. Потомъ граж-

дане, повѣсивъ голову Олоферна на стѣнѣ, показали ее вождямъ его. Тогда ассиріяне обратились въ бѣгство, а сыны израильскіе, сбѣжавшись со всѣхъ сторонъ, поразили ассиріянъ, спаслись отъ опасности, взяли добычу послѣ враговъ и отдали Іудиѳи всѣ вещи Олоферна. Но Іудиѳь, отправившись въ Іерусалимъ, посвятила все Господу, и, возвратившись въ домъ свой, продолжала свою строгую жизнь и осталась до смерти вдовою, не согласившись ни на чьи убѣжденія—вступить въ бракъ. Она скончалась, проживъ честно во вдовствѣ своемъ, ста пяти лѣтъ. Этимъ и оканчивается книга.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ІОВА.

Книга *Іова* называется такъ потому, что заключаетъ въ себѣ повѣствованіе объ немъ, какъ онъ страдалъ, бывъ искушаемъ отъ діавола, какъ побѣдилъ его, перенесши благочестиво нанесенные ему удары, и какъ получилъ обратно все вдвойнѣ и сдѣлался знаменитѣе, чѣмъ былъ прежде. Онъ подвергся страданіямъ семидесяти лѣтъ и прожилъ послѣ несчастій сто семдесятъ лѣтъ, такъ что всѣхъ лѣтъ жизни его было двѣсти сорокъ. Іовъ жилъ прежде Моисея, потому что былъ пятымъ послѣ Авраама, потомкомъ Исава. По случаю постигшихъ его бѣдствій, пришли къ нему друзья утѣшать его, но говорили ему рѣчи столь оскорбительныя и безжалостныя, что это вмѣнилось имъ въ грѣхъ. Но

Іовъ молился о нихъ Богу, и было прощено имъ. Всѣхъ бесѣдъ Іова съ друзьями восемь: съ Елифазомъ три, съ Софаромъ двѣ и съ Валдадомъ три; и еще съ Еліусомъ, сыномъ Варахіила, Вузитяниномъ. Наконецъ Господь является Іову въ бурѣ и облакѣ; а Іовъ отвѣчаетъ Господу двумя рѣчами. Этимъ и оканчивается книга.

Цѣль всей этой книги состоитъ въ томъ, чтобы расположить къ терпѣнію тѣхъ, которые впадаютъ въ искушенія, хотя бы они были вполнѣ извѣстные по благочестію, и къ тому, чтобы они не соблазнялись, но восклицали: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено во вѣки*; и еще: *нагъ изыдохъ изъ чрева матере моея, нагъ и отъиду тамо* (Іов. 1, 21), и чтобы научились, какъ велика польза отъ терпѣнія, чрезъ которое они могутъ получить награду подобно Іову; кромѣ того показывается, что Богъ не есть искуситель злыхъ и не искушаетъ никого, но всѣ искушенія приходятъ на людей отъ злыхъ духовъ по попущенію Божію, къ прославленію и усовершенію каждаго. Говорятъ, что эту книгу составилъ Соломонъ, если только она не есть произведеніе Моисея. Таково содержаніе этой книги; а порядокъ изложенія слѣдующій. Въ началѣ говорится, что Іовъ жилъ въ странѣ Авситидійской; потомъ Писаніе свидѣтельствуетъ о благочестивой его жизни, о томъ, что у него было семь сыновей и три дочери, и о числѣ стадъ

его. Сыновья его, приходя другъ къ другу, устрояли пиршества каждый день съ сестрами своими; а Іовъ призывалъ ихъ и очищалъ сыновей своихъ, принося о нихъ жертву Богу. Первое свидѣтельство Господа объ Іовѣ предъ діаволомъ; первая клевета діавола на Іова предъ Господомъ: Господь даетъ власть діаволу надъ всѣмъ, что было у Іова, кромѣ его самаго. По дѣйствію діавола, прежде всего возвѣщаютъ Іову о взятіи въ плѣнъ коней и ословъ его, и избіеніи слугъ. Второй вѣстникъ сказалъ Іову, что сожжены овцы его и пастухи ихъ. Третій вѣстникъ донесъ Іову о плѣненіи верблюдовъ и избіеніи слугъ. Четвертый вѣстникъ приходитъ къ нему и говоритъ, что обрушился домъ и убиты всѣ дѣти его. Но среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ Іовъ не согрѣшилъ предъ Господомъ. Второе свидѣтельство Господа предъ діаволомъ въ похвалу Іова, и вторая клевета діавола на Іова предъ Господомъ. Господь предаетъ ему Іова, съ тѣмъ, чтобы оставалась не прикосновенною душа его. Діаволъ, вышедши, поразилъ Іова отъ ногъ до головы. Іовъ, сидя на нечистой кучѣ, скоблилъ съ себя гной. Жена убѣждаетъ Іова сказать слово противъ Господа и умереть; но онъ укоряетъ ее. Три друга Іова, Елифазъ царь Θеманскій, Валдадъ, властитель Савхейскій, и Софаръ, царь Минейскій, услышали о всемъ, случившемся съ нимъ, и пришли къ нему, каждый изъ страны своей, посмотрѣть на него, и, увидѣвъ его, разодрали каждый одежду свою при такомъ бѣдствіи. Въ

страданіи Іовъ первый отверзъ уста свои и проклялъ день и ночь, въ которую родился. Здѣсь сказалъ онъ: какъ *рабъ боящйся господина*, такъ *данъ есть сущымъ въ горести свѣтъ, иже желаютъ смерти и не получаютъ. Смерть бо мужу покой* (Іов. 3, 19—23). Въ отвѣтъ на это первый Елифазъ Ѳеманскій говоритъ Іову: *помяни, кто чистъ сый погибе, или когда истинніи вси изъ корене погибоша; веселіе зміевъ угасе, мраволевъ погибе, за неже не имѣяше брашна, скимни же львовы оставиша другъ другу*. Нѣтъ ни одного смертнаго, который былъ бы *чистъ предъ Богомъ и въ дѣлѣхъ своихъ безъ порока* (Іов. 4, 7—18). Безумные, говоритъ, хотя бы и укоренялись, но *абіе поядено будетъ ихъ жилище;* потому что *яже они собраша, праведницы поядятъ. Человѣкъ*, продолжаетъ онъ, *раждается на трудъ, птенцы же суповы высоко парятъ. Господь уловляетъ премудрыхъ въ мудрости ихъ, совѣтъ же коварныхъ разоряетъ*; а невиннаго Господь избавляетъ отъ нуждъ и въ седьмой разъ *не коснется его зло. Ты же разумѣй себѣ, аще что сотворилъ еси* (Іов. 5, 3—27).

Первый отвѣтъ Іова Елифазу таковъ: *аще бы кто вѣся извѣсилъ гнѣвъ мой, болѣзни же моя взялъ бы на мѣрило вкупѣ, то песка морскаго тяжчайшіи были бы*. Еще: *еда вотще возреветъ дивій оселъ, развѣ брашна прося; или возреветъ гласомъ волъ, въ яслѣхъ имѣяй брашно; еда крѣпость*

каменія крѣпость моя? Еще: *не искушеніе ли житіе человѣку на земли и якоже наемника повседневнаго жизнь его?* Еще: *аще азъ согрѣшихъ, что тебѣ возмогу содѣлати, свѣдый умъ человѣчь; почто мя еси положилъ прекословна тебѣ* (Іов. 6, 1. 5. 12. 7, 1. 20).

Послѣ Елифаза вторымъ Валдадъ Савхейскій говоритъ Іову: *доколѣ глаголати будеши сія? Духъ многоглаголивъ во устѣхъ твоихъ. Еда Господь обидитъ судяй, или вся сотворивый возмятетъ правду?* И еще: *еда произничетъ рогозъ безъ воды, или растетъ ситникъ безъ напаянія; еще сущи на корени, и не пожнется ли; прежде напаянія всякое быліе не изсыхаетъ ли? Тако убо будутъ послѣдняя всѣхъ забывающихъ Господа* (Іов. 8, 2. 3. 11. 12). Первый отвѣтъ Іова Валдаду таковъ: *воистину вѣмъ, яко тако́ есть: како бо будетъ праведенъ человѣкъ у Господа?* Еще: *прострый единъ небо, и ходяй по морю, яко по земли, творяй пліяды и еспера: кто суду Его воспротивится? Аще бо буду праведенъ, уста моя нечестія сотворятъ: аще же буду непороченъ, стропотенъ буду.* И еще: *житіе мое есть легчае скоротечца: или есть кораблемъ слѣдъ пути, или орла летяща, ищуща яди? Помяни, яко бреніе мя создалъ еси, въ землю же паки возвращаеши мя: или не яко же млеко измелзилъ мя еси* и пр. *И быхъ бы, аки не былъ. Почто убо изъ чрева во гробъ*

не снидохъ? (Іов. 9, 2. 8. 19. 20. 25. 26. 10, 9. 10. 19).

Послѣ Елифаза говоритъ Валдадъ, а послѣ Валдада Софаръ Минейскій, по порядку, такъ какъ каждый изъ нихъ надѣялся сказать Іову что-либо лучшее. *Глаголяй много*, говоритъ онъ, *и противоуслышитъ*. И еще: *тако ти возсіяетъ лице, якоже вода чиста: совлечешися же скверны и не убоишися: и труда забудеши, яко волны мимошедшія: молитва же твоя, аки денница* (Іов. 11, 2. 15. 17). Первый отвѣтъ Іова Софару таковъ: *вы ли едини есте человѣцы, или съ вами скончается премудрость? И у мене сердце есть, якоже и у васъ*. Еще: *кто не разумѣ во всѣхъ сихъ, яко рука Господня сотвори сія? Въ руцѣ Его душа всѣхъ живущихъ и духъ всякаго человѣка: аще возбранитъ воду, изсушитъ землю: аще же пуститъ, погубитъ ю, превративъ*. Еще: *кто чистъ будетъ отъ скверны? Никто же, аще и единъ день житія его на земли*. И еще: *есть древу надежда: аще бо посѣчено будетъ, паки процвѣтетъ, и лѣторасль его не оскудѣетъ. Мужъ же умерый отъиде, падъ же человѣкъ, ктому нѣсть* (Іов. 12, 2 — 13. 14, 4—10).

Второй рядъ бесѣдъ начинается такъ: Елифазъ говоритъ Іову: *еда премудрый дастъ отвѣтъ разуменъ на вѣтръ? Обличатъ тя уста твоя, а не азъ*. И еще: *кто бо сый человѣкъ, яко будетъ непороченъ; или аки*

будущій праведникъ рожденъ отъ земли (Іов. 15, 2. 6. 14)? Второй отвѣтъ Іова Елифазу таковъ: *слышахъ сицевая многа, утѣшителіе золъ вси. И нынѣ се на небесѣхъ послухъ мой, свидѣтель же ми во вышнихъ. Да пріидетъ моя мольба ко Господу.* И еще: *ночь въ день преложихъ: аще бо стерплю, адъ ми есть домъ. Смерть назвахъ отца моего быти, матерь же и сестру ми гной* (Іов. 16, 2. 19. 21. 17, 12—14).

Послѣ него вторымъ опять Валдадъ говоритъ Іову: *доколѣ не престанеши; что бо; аще ты умреши, не населенна ли будетъ поднебесная* (Іов. 18, 2. 4)? Іовъ во второй разъ отвѣчаетъ Валдаду: *доколѣ притрудну творите душу мою и низлагаете мя словесы? Клевещете на мя, не стыдящеся.* Еще: *славу съ мене совлече, и отъя вѣнецъ отъ главы моея: посѣче же яко древо надежду мою.* И еще: *братія моя отступиша отъ мене, познаша чуждыхъ паче мене, и друзи мои не милостиви быша. Раба моего звахъ, и не послуша, и просихъ жену мою, и не послуша, призывахъ же лаская сыны подложницъ моихъ: они же мене въ вѣкъ отринуша. Помилуйте мя, помилуйте мя, о друзи! Почто мя гоните, якоже и Господь? Кто бо далъ бы, да напишутся словеса моя? Отъ Господа ми сія совершишася. Очи мои видѣша, а не инъ. Корень словесе обрящемъ въ немъ. Убойтеся и вы отъ меча* (Іов. 19, 2—29).

За тѣмъ во второй разъ Софаръ говоритъ Іову: *не тако мнѣхъ сія тебѣ рещи противу.* Еще: *веселіе нечестивыхъ паденіе страшно, обрадованіе же беззаконныхъ пагуба: егда бо мнится утвержденъ быти, тогда въ конецъ погибнетъ.* И еще: *кости его наполнишася грѣховъ юности его. Аще усладится во устѣхъ его злоба, скрыетъ ю подъ языкомъ своимъ: желчь аспидовъ во чревѣ его: богатство неправедно собираемо изблюется. Вотще и всуе трудися, собирая богатство, отъ него же не вкуситъ: многихъ бо немощныхъ домы сокруши. Да устрѣлитъ его лукъ мѣдянъ, и да пройдетъ сквозѣ тѣло его стрѣла: звѣзды же въ жилищахъ его. Сія часть человѣка нечестиваго отъ Го́спода* (Іов. 20, 2—29). Вторый отвѣтъ Іова Софару таковъ: *послушайте, послушайте словесъ моихъ, да не будетъ ми отъ васъ сіе утѣшеніе. Что бо? Еда человѣческо ми обличеніе? Почто нечестивіи живутъ, обетшаша же въ богатствѣ? Спасена бысть ихъ имущая во чревѣ: глаголютъ Господеви: отступи отъ насъ, путей твоихъ вѣдѣти не хощемъ: что достоинъ, яко да поработаемъ Ему? Не Господь ли есть научаяй разуму и хитрости? Той же мудрыхъ разсуждаетъ. Тѣмже вѣмъ васъ, яко дерзостію належите ми.* И еще: *гдѣ есть домъ княжъ? На день пагубы соблюдается нечестивый, и въ слѣдъ его всякъ человѣкъ отъидетъ* (Іов. 21, 2—33).

Послѣ того въ третій разъ Елифазъ говоритъ: *не Господь ли есть научаяй разуму и хитрости; ибо кое попеченіе Господу, аще ты былъ еси дѣлы непороченъ? Вдовицы*, продолжаетъ говорить Елифазъ Іову, *отпустилъ еси тщы и сироты озлобилъ еси, и реклъ еси: что разумѣ крѣпкій? Глаголющіи: что сотворитъ намъ Господь, или что нанесетъ на ны Вседержитель?* И еще: *чиста сотворитъ тя Господь, якоже сребро разжено. Воззри весело на небо: помолишуся же тебѣ къ Нему, услышитъ тя, и спасешися чистыма рукама твоима* (Іов. 22, 2—30). Третій отвѣтъ Іова Елифазу таковъ: *вѣмъ убо, яко изъ руки моея обличеніе мое есть: и рука Его тяжка бысть паче моего воздыханія. Аще со многою крѣпостію найдетъ на мя тьма. Нечестивіи предѣлъ преидоша и нагихъ многихъ успиша безъ ризъ. Да явятся садовія ихъ на земли суха: рукоятіе бо сирыхъ разграбиша* (Іов. 23, 2. 6. 17. 24, 2, 7. 18. 19).

За тѣмъ въ третій разъ Валдадъ говоритъ: *иже творитъ всяческая въ вышнихъ, да никто же бо мнитъ, яко есть умедленіе воинствамъ. Како бо будетъ праведенъ человѣкъ предъ Богомъ, кольми паче человѣкъ гной, и сынъ человѣческій червь* (Іов. 25, 2—4). Третій отвѣтъ Іова Валдаду таковъ: *кому прилѣжиши, или кому хощеши помогати? Не сему ли, Емуже многа крѣпость? Нагъ адъ предъ Нимъ: повѣшаяй зем-*

лю ни на чемже, связуяй воду въ облацѣхъ своихъ: повелѣніемъ же умертвилъ змія отступника (Іов. 26, 2. 3. 6. 8. 13).

Такъ какъ Софаръ не сталъ говорить въ третій разъ, и первые двое замолчали, не имѣя больше словъ на устахъ, потому что Іовъ доказалъ свою праведность, то Іовъ вторично начинаетъ говорить о томъ же, а они молча слушаютъ и получаютъ пользу. *Живъ Господь,* говоритъ онъ, *иже ми сице суди, и Вседержитель, иже огорчи ми душу: дондеже еще дыханіе мое есть, и Духъ Божій сущій въ ноздрехъ моихъ, не возглаголютъ устнѣ мои беззаконія. Возвѣщу вамъ, что есть въ руцѣ Господни. Се вси вѣсте, яко тщетная ко тщетнымъ прилагаете. Сія часть человѣка нечестиваго отъ Господа: аще мнози будутъ сынове ихъ, на закоденіе будутъ, и вдовицъ ихъ никтоже помилуетъ. Аще соберетъ нечестивый якоже землю сребро, есть сребру мѣсто, отонуду же бываетъ, и мѣсто злату, отонуду же очищается. Желѣзо бо изъ земли раждается, мѣдь же равно каменію сѣчется. Всякое честное,* продолжаетъ онъ, *видѣ око мое. Премудрость же откуду обрѣтеся? Бездна рече: нѣсть во мнѣ, и море рече: нѣсть со мною. Притяжи премудрость паче внутреннѣйшихъ: не уравнится ей топазій еѳіопскій, со златомъ чистымъ не сравнится: Богъ благо позна ея путь: ибо самъ поднебесную всю надзираетъ, вѣдый,*

яже на земли, вѣтровъ вѣсъ и водѣ мѣру, и рече человѣку: се благочестіе есть премудрость (Іов. 27, 2—17. 28, 1—28).

Такъ какъ всѣ трое молчали, то Іовъ опять началъ говорить: *кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежднихъ дней, въ нихже мя Богъ храняше? Егда свѣтяшеся свѣтильникъ Его надъ главою моею, исхождахъ изъ утра во градъ, на стогнахъ же поставляшеся ми престолъ. Спасохъ бо убогаго отъ руки сильнаго. Благословеніе погибающаго на мя да пріидетъ. Око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ, отецъ немощнымъ. Сотрохъ же членовныя неправедныхъ, отъ среды же зубовъ ихъ грабленіе изъяхъ. Якоже земля жаждущая ожидаетъ дождя, тако сіи моего глаголанія, веселяхся, якоже царь посредѣ храбрыхъ. Безумныхъ сынове и безчестныхъ: нынѣ же гусли есмь имъ, и мене въ притчу имутъ, ни лица моего пощадѣша отъ плюновенія. Вмѣняеши же мя равна бренію, въ земли и пепелѣ часть моя, рукою крѣпкою уязвилъ мя еси... Братъ*, продолжаетъ онъ, *быхъ сиринамъ, другъ же птичій. Аще въ слѣдъ иде сердце мое жены мужа инаго, угодна убо буди и жена моя иному. Ярость бо гнѣва неудержана, еже осквернити мужа инаго жену. Аще презрѣхъ нага погибающа, и не облекохъ его, отъ стриженія же агнцевъ моихъ не согрѣшася плещи ихъ, да отпадетъ убо рамо мое отъ состава. Аще бо обрадовахся о паденіи врагъ моихъ, и рече сердце*

мое: благоже, благоже: да услышитъ убо ухо мое клятву мою. Аще не раздравъ писаніе отдахъ, ничтоже веемъ отъ должника, аще на мя когда земля возстена, вмѣсто пшеницы да взыдетъ ми крапива (Іов. гл. 29—31).

Далѣе говорится объ Еліусѣ Вузитянинѣ, который разгнѣвался на Іова за то, что онъ называлъ себя праведнымъ предъ Господомъ. *Отвѣщавъ же Еліусъ, сынъ Варахіилевъ Вузитянинъ рече: юнѣйшій есмь лѣты: тѣмже молчахъ, убоявся возвѣстити вамъ хитрость мою.* Когда трое молчали, Еліусъ вставъ съ безстыдствомъ говоритъ Іову: *паки возглаголю: исполненъ бо есмь словесъ;* и за тѣмъ продолжаетъ: *Духъ Божій сотворивый мя, дыханіе же Вседержителево поучающее мя. Аще можеши, даждь ми отвѣтъ. Да возвратитъ человѣка отъ неправды, пощадѣ же душу его отъ смерти, еже не пасти ему на брани, обличи же его болѣзнію на ложи, обновитъ тѣло его, яко повапленіе на стѣнѣ, кости же его исполнитъ мозга. Тогда зазритъ человѣкъ самъ себѣ, глаголя: яковая содѣвахъ, и не по достоинству истяза мя, о нихже согрѣшихъ.* Еще сказалъ Еліусъ Іову: *внимай, Іове, и послушай мене, премолчи, и азъ возглаголю: и аще тебѣ суть словеса, отвѣщай ми: хощу бо оправдатися тебѣ.* Еще въ третій разъ Еліусъ говоритъ: *послушайте мене, премудріи, свѣдущіи внушите доброе: яко ухо*

словеса искушаетъ; и продолжаетъ: *кто мужъ, якоже Іовъ, піяй поруганіе, якоже воду, не согрѣшая, ниже нечествовавъ? Не буди ми предъ Вседержителемъ возмутити правду: но воздаетъ человѣкови, якоже творитъ кійждо ихъ. Нечестивъ есть глаголяй цареви: законъ преступаеши, иже не постыдѣся лица. Господь бо всѣхъ видитъ, постизаяй неизслѣдная, славная же и изрядная, имже нѣсть числа. Мужъ премудръ услыша глаголъ мой, Іовъ же не въ разумѣ глаголаше.* Еще въ четвертый разъ Еліусъ говоритъ Іову: *что сіе мнилъ еси на судѣ; ты кто еси, яко реклъ еси: правъ есмь предъ Господемъ?* И еще въ пятый разъ Еліусъ начинаетъ говорить, и ни Іовъ, ни трое друзей его не слушаютъ его, какъ безбожника; — изъ чего открывается, что эти трое образумились. Онъ говоритъ Іову: *пожди ми мало еще, да тя научу: еще бо у мене есть слово;* и продолжаетъ: *внуши сія, Іове: стани учайся силѣ Господни. Еда книга или книгочія ми предстоитъ, или отъ сѣвера облацы свѣтозарни* (Іов. 32, 2—18. 33, 4—32. 34, 2—35. 36, 2. 37, 14—22)?

Явившійся за тѣмъ Господь оправдываетъ Іова, и научая тайнѣ Христовой, говоритъ къ Іову: *кто сей скрываяй отъ Мене совѣтъ, содержай же глаголы въ сердцѣ?* Рѣчь Господа состоитъ въ слѣдующемъ: *заградихъ море враты, рѣхъ же ему: до сего дойдеши, и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся вол-*

ны твоя. Или ты, спрашиваетъ Господь, *бреніе веземъ, создалъ еси животно? Отверзаются ли тебѣ страхомъ врата смертная, вратницы же адовы видѣвше тя убояшася ли? Пришелъ ли еси въ сокровища снѣжная, и сокровища градная видѣлъ ли еси? Откуду исходитъ слана? Кто уготова дождю веліе проліяніе?* И еще: *кто есть дождю отецъ? Изъ чіего чрева исходитъ ледъ? Слану же на небеси кто роди? Призовеши ли облакъ гласомъ, и трепетомъ воды великія послушаетъ ли тя? Послеши ли молніи и пойдутъ? Кто далъ женамъ тканія мудрость? Кто врану уготова пищу? Птичища бо его ко Господу воззваша, облетая брашна ищуще. Крило веселящихся нееласса, аще зачнетъ асида и несса, оставитъ на земли яица своя: яко сокры Богъ ей премудрость: посмѣется коню. И твоею ли хитростію стоитъ ястребъ, неясыть же на гнѣздѣ своемъ сѣдя вселяется* (Іов. 38, 2—41. 39, 13—27)?

И еще сказалъ Господь Іову: *еда судъ со Всесильнымъ уклоняется, обличаяй же Бога отвѣщати имать Ему?* Іовъ отвѣчалъ Господу: *почто еще азъ прюся, наказуемь и обличаемь отъ Господа, слышай таковая?* Господь, явившись во второй разъ Іову, сказалъ ему изъ облака: *препояши, яко мужъ, чресла твоя: вопрошу же тя, ты же ми отвѣщай. Исповѣмъ*, говоритъ Господь, *яко можетъ десница твоя спасти. Но убо се*

звѣріе у тебе траву аки волове ядятъ.... сила же его на пупѣ чрева: постави ошибъ, яко кипарисъ: ребра его ребра мѣдяна, хребетъ же его желѣзо сліяно: подъ великимъ древомъ спитъ. Извлечеши ли змія удицею, или обложиши узду о ноздрѣхъ его? Вся же плавающіи собравшеся не подъимутъ кожи единыя ошиба его: вмѣняетъ бо желѣзо, аки плевы, мѣдь же, аки древо гнило: не уязвитъ его лукъ мѣдянъ (Іов. 40, 2—21. 41, 17. 18).

Доселѣ говорилъ Господь, а заключилъ рѣчь Іовъ слѣдующими словами: *вѣмъ, яко вся можеши, невозможно же Тебѣ ничтоже. Кто есть таяй отъ Тебе совѣтъ? Мню себе землю и пепелъ* (Іов. 42, 1—6). Господь укоряетъ Елифаза Ѳеманскаго и двухъ друзей его, *зане не глаголаша предъ Нимъ ничтоже истинно, якоже рабъ его Іовъ* (Іов. 42, 7). За тѣмъ слѣдуетъ принесеніе жертвы за трехъ друзей Іовомъ, священникомъ Божіимъ. Далѣе говорится, какъ Господь обогатилъ Іова, и что по молитвѣ его за друзей своихъ, Господь простилъ имъ грѣхъ. Когда всѣ родственники Іова услышали объ этомъ, то пришли къ нему, ѣли и пили у него, удивлялись ему и дали ему каждый по одной агницѣ и по четыре золотыхъ драхмы. Объ немъ написано, что онъ воскреснетъ съ тѣми, которыхъ воскреситъ Господь. Въ этомъ заключается все содержаніе книги Іова,

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНОВОЙ.

Эта книга называется *Премудростію Соломоновою*, потому, что и она написана, говорятъ, Соломономъ. Въ ней содержится ученіе о правдѣ и о томъ, какъ отличать людей злыхъ и добрыхъ, и пророчество о Христѣ; также о томъ, что мудрость пріобрѣтается великимъ трудомъ и усердіемъ; еще говорится о нѣкоторыхъ произведеніяхъ природы, объ идолахъ и ихъ дѣлателяхъ, о надѣющихся на нихъ и служащихъ имъ. Кромѣ того здѣсь находится пѣснь съ исповѣданіемъ чудесъ, совершенныхъ Богомъ *для* израильтянъ предъ лицемъ враговъ ихъ. Таково содержаніе этой книги; а порядокъ изложенія слѣдующій. Въ началѣ — увѣщаніе праведника къ благочестію и обличеніе богохульнаго нечестивца. Не подражай, говоритъ Премудрый, противникамъ Христа, которые обречены на смерть. Поэтому нечестивые и дошли до того, что распяли Господа славы, предпочитая Ему настоящій вѣкъ; и апостоловъ гнали и предали смерти. Говорится, что одни будутъ презирать законъ Господень, а другіе—повиноваться ему, и что при всемъ множествѣ не почитающихъ Христа Богъ не пощадитъ ихъ; потому что Богъ хранитъ одного только праведника, вѣрующаго во Христа, хотя бы онъ умеръ въ юности: *старость бо честна не многолѣтна* (Прем. 4,

8). Хотя нечестивый и унижаетъ смерть вѣрующихъ во Христа, но они избраны Христомъ. Нечестивые же предадутся безславной погибели, и великому осужденію подвергнутся на судѣ гонители рабовъ Христовыхъ, увидѣвъ славу Его и ихъ, а себя обреченными на мученіе. Говорится, что богатство соединяется у насъ съ гордостію; также — какой гнѣвъ Божій постигнетъ непочитающихъ Христа. Далѣе увѣщаніе начальникамъ израильскимъ, чтобы они вѣровали во Христа, или лучше, — наставленіе предстоятелямъ вселенской Церкви о томъ, какъ они должны управлять послѣ Его отшествія. Говорится, что́ такое Премудрость,—Сынъ Божій, и какъ Слово стало плотію и обитало съ нами. *И азъ,* говоритъ Онъ, сдѣлался *подобострастенъ* вамъ, ставъ человѣкомъ по волѣ Божіей, *и воскормленъ съ прилѣжаніемъ* (Прем. 7, 1—4). О Христѣ же говорится и далѣе: отъ премудрости Божіей я получилъ вѣдѣніе всего: *въ руку бо Его и мы и словеса наша* (ст. 7. 16). Потомъ—какова эта Премудрость и какъ она пришла къ людямъ: *едина же сущи всяческая можетъ и пребывающи въ себѣ вся обновляетъ* (ст. 27). Эту премудрость, говоритъ, я и возлюбилъ отъ юности моей и получилъ отъ ней всѣ блага тѣлесныя и духовныя. Ибо, познавъ величіе премудрости, я просилъ Господа, чтобы мнѣ данъ былъ Духъ Святый, просвѣщающій меня въ ней. Онъ и былъ посланъ, чтобы содѣйствовать мнѣ: *помышленія бо смертныхъ боязлива* (Прем.

9, 14). Далѣе—о дѣлахъ Премудрости: какъ она сохранила первозданнаго человѣка, отъ какихъ золъ Богъ спасаетъ вѣрующихъ въ Него, и какія подаетъ имъ блага, напримѣръ Ною, Аврааму, Лоту, Іакову, Іосифу, израильтянамъ, которыхъ Онъ избавилъ чрезъ Моисея отъ руки египтянъ и извелъ для нихъ воду изъ камня; и какъ Онъ послалъ ихъ на седмь народовъ, впрочемъ являя долготерпѣніе, чтобы дать имъ время для покаянія, а народъ свой научить чрезъ это быть человѣколюбивымъ. За тѣмъ—о покланяющихся стихіямъ, о жабахъ, осахъ, мышахъ, саранчѣ, мошкахъ, змѣяхъ; о почитателяхъ идоловъ,—сдѣланныхъ изъ золота и серебра, или камней, или дерева; о томъ, что чрезъ древо (креста)—спасеніе вѣрующимъ; о тѣхъ, которые дѣлаютъ или украшаютъ идоловъ; о всякомъ злѣ отъ идолослуженія; о нечестивомъ богослуженіи и о томъ, сколько въ немъ зла; о горшечникахъ и глиняныхъ идолахъ; о всѣхъ идолахъ, почитаемыхъ язычниками; о свирѣпыхъ звѣряхъ, змѣяхъ, кошкахъ и подобныхъ; о томъ, что Богъ оказалъ благодѣяніе израильтянамъ, пославъ имъ вмѣсто жабъ крастелей; о томъ, какъ Онъ спасъ народъ свой отъ укушенія змѣями чрезъ мѣднаго змія, повѣшеннаго на крестѣ, а враговъ его истребилъ змѣями и мышами; какъ Онъ питалъ народъ ангельскою пищею, доставлявшею всякое наслажденіе и приспособленною ко всякому вкусу; какъ Онъ послалъ на египтянъ градъ съ огнемъ, для истребленія идоловъ; какъ послалъ на египтянъ непроницаемую тьму

со всѣми ея бѣдствіями, тогда какъ преподобнымъ своимъ—свѣтъ въ Египтѣ и столпъ огненный въ пустынѣ; какъ за умерщвленіе младенцевъ израильскихъ постигли египтянъ смерть первенцевъ и потопленіе, а для израильтянъ вмѣсто смерти спасеніе кровію агнца; какъ при смертности заслуживщихъ это въ пустынѣ Ааронъ умилостивляетъ Бога молитвами и ѳиміамомъ, а при смерти египтянъ въ Чермномъ морѣ былъ гнѣвъ Божій безъ милосердія, для народа же (израильскаго) необыкновенный путь; о томъ, что египтяне потерпѣли все это за ненависть къ пришельцамъ, равно какъ и содомляне; и о томъ, что всѣ стихіи подчиняются божественному опредѣленію Христа, къ чему угодно Ему настроивать ихъ, подобно какъ струны гуслей — ударяющему въ гусли. Таково все содержаніе книги Премудрости Соломоновой, называемой *сокровищемъ всѣхъ добродѣтелей* (πανάρετος).

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ.

Эта книга называется *Притчами Соломоновыми* потому, что и ихъ изрекъ и написалъ Соломонъ. Принявъ царство Давида, отца своего, онъ просилъ Бога даровать ему болѣе мудрости, нежели богатства и побѣдъ надъ врагами. Получивъ ее и ставъ мудрымъ больше

всѣхъ людей, жившихъ прежде него и послѣ него, и сдѣлавшись предметомъ удивленія во всемъ, что́ дѣлалъ и говорилъ, онъ изрекъ три тысячи притчей и пять тысячь пѣсней, и разсуждалъ о всемъ, произрастающемъ изъ земли и о всѣхъ животныхъ. Нѣкоторые говорятъ, что онъ написалъ только три книги, именно: эту, Экклезіаста и Пѣснь Пѣсней; а другіе приписываютъ ему и ту, которая надписывается: *Премудрость* — и называется *сокровищемъ всѣхъ добродѣтелей*, утверждая, что и она есть подлинное его произведеніе. Эту книгу онъ надписалъ: *Притчи.* Притчи суть мудрыя изреченія, какбы загадки, которыя сами по себѣ представляютъ одно, а даютъ разумѣть еще нѣчто другое. Такъ въ Евангеліи Іоанна ученики Господни, послѣ того какъ Господь говорилъ о многомъ прикровенно, сказали Ему: *се нынѣ не обинуяся глаголеши, а притчи никоея не глаголеши* (Іоан. 16, 29); слѣдовательно, въ притчахъ говорится не ясно, а прикровенно. Такъ какъ подобныхъ изреченій весьма много въ этой книгѣ, то онъ и надписалъ ее: *Притчи.* Самое же названіе *притчи* (παροιμία — прохожденіе) произошло отъ того, что подобныя изреченія писались на всякомъ пути для вразумленія и назиданія проходящихъ по пути; а писались они при пути потому, что не всѣ могли заниматься словами истины, дабы люди, по крайней мѣрѣ проходя и замѣчая, вникали въ написанное и такимъ образомъ поучались. Посему нѣкоторые и опредѣляютъ ихъ такъ: прит-

ча есть придорожное (παρόδιον) изреченіе, переносящее наши мысли отъ чего-нибудь одного ко многому. Итакъ въ этой книгѣ предлагается *познаніе премудрости и наказанія, разумѣніе словесъ мудрости, извитія словесъ, уразумѣніе правды истинной, исправленіе суда*, и обѣщаніе—объяснять *притчу и темъное слово, реченія премудрыхъ и гаданія* (Притч. 1, 2—6). И во-первыхъ здѣсь есть *познаніе премудрости и наказанія*. Такъ какъ язычники утверждаютъ, что они имѣютъ мудрость, и еретики думаютъ, что они имѣютъ знаніе, то онъ и научаетъ истинной мудрости и знанію, чтобы кто-нибудь, увлекшись сходнымъ названіемъ мудрости, не впалъ въ мудрованія язычниковъ и еретиковъ. Ибо язычники, думая имѣть въ этомъ какое-нибудь значеніе и *глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (Рим. 1, 22). И еретики, считая себя знающими, совратились и погрѣшаютъ, осудивъ сами себя. Мудрый же, слыша божественныя изреченія, сдѣлается еще болѣе мудрымъ. Ибо, кто слушаетъ заповѣди Божіи и хранитъ ихъ, не пренебрегая ученіемъ Господнимъ и не увлекаясь обольщеніемъ, тотъ будетъ сыномъ мудрымъ, и сдѣлавшись знающимъ, скоро получитъ и познаніе о Богѣ. Такъ образуются мудрые! *Разумѣніе же словесъ мудрости* есть ученіе о единомъ истинномъ Богѣ. Изъ язычниковъ одни представляли Бога тѣлеснымъ, другіе служили вмѣсто Него идоламъ; также и еретики заблуждаются касательно истиннаго Бога. Посему Со-

ломовъ и предлагаетъ истинное познаніе о Богѣ, называя Его неизреченнымъ: *слава Божія кріетъ слово* (Прит. 25, 2). О промышленіи Божіемъ онъ говоритъ: *на всякомъ мѣстѣ очи Господни смотрятъ злыя же и благія* (15, 3); еще: *богатъ и нищъ срѣтоста другъ друга, обоихъ же Господь сотвори* (22, 2); еще: *заимодавцу и должнику другъ со другомъ сошедшымся, посѣщеніе творитъ обѣма Господь* (29, 13); и еще: *предъ очима бо суть Господнима путіе мужа: вся же теченія его назираетъ* (5, 21). О судѣ Его говоритъ: *жертвы нечестивыхъ мерзость Господеви: обѣты же правоходящихъ пріятны Ему* (15, 8); и еще: *домы досадителей разоряетъ Господь, утверди же предѣлъ вдовицы* (15, 25). О міротвореніи Его говоритъ не просто, но утверждаетъ, что Господь творитъ все Словомъ своимъ и премудростію; это особенно и составляетъ свойство истиннаго Бога, что Онъ есть Отецъ Сына. Такъ онъ говоритъ: *Богъ премудростію основа землю* (3, 19); и еще: *Господь сотвори страны и ненаселенныя и концы населенныя поднебесныя. Егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ, и егда отлучаше престолъ свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше вышнія облаки, бѣхъ при Немъ устрояя. Азъ бѣхъ, о ней же радовашеся, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Его* (8, 26 — 30). *Извитіями словесъ* названы тѣ изреченія, въ которыхъ открываетъ и находитъ сокрытый въ нихъ смыслъ

тотъ, кто изслѣдуетъ ихъ размышленіемъ Таковы напримѣръ слѣдующія: *спасется отъ зноя сынъ разумный, вѣтротлѣненъ же бываетъ на жатвѣ сынъ беззаконный* (10, 5); еще: *прилѣжи о злацѣхъ, сущихъ на поли, и пожнеши траву, и собирай сѣно нагорное, да имаши овцы на одѣяніе* (27, 25. 26); и еще: *аще сядеши вечеряти на трапезѣ сильнаго, разумно разумѣвай предлагаемая тебѣ* (23, 1), и тому подобныя. *Уразумѣніе правды истинной* предлагается потому, что нѣкоторые исказили слово: *правда*. Одни называютъ правдою—отдавать то́, что̀ получилъ кто-нибудь на сохраненіе; а другіе—воздавать зломъ за зло и добромъ за добро. Но такія опредѣленія не точны. Ибо нельзя говорить: какимъ образомъ онъ поступилъ со мною, такимъ и я поступлю съ нимъ, отмщу ему тѣмъ же, чѣмъ онъ обидѣлъ меня. Посему Соломонъ и научаетъ здѣсь истинной правдѣ; истинная правда состоитъ въ томъ, чтобы воздавать каждому свое. Прежде всего *чти Господа отъ праведныхъ твоихъ трудовъ, и начатки давай Ему отъ твоихъ плодовъ правды* (Прит. 3, 9); потомъ почитай царя, родителямъ воздавай должное, и всѣмъ—подобающее. Это—одинъ видъ правды. Другой состоитъ въ томъ, чтобы хранить въ правдѣ свою душу, соблюдать умѣренность, и не уклоняться въ неумѣренность, но подчиняться разуму, *да тя не постигнетъ совѣтъ злый, оставляющій ученіе юности* (2, 16. 17), и дѣлать все со вниманіемъ; пусть

будутъ помыслы твои сужденіями, такъ чтобы каждый судилъ самъ себя и имѣлъ всякія добрыя желанія; ибо *желаніе праведныхъ все благое, и желаніе праведнаго пріятно* (11, 23. 10, 24). О гнѣвѣ же онъ говоритъ: *не бывай другъ мужу гнѣвливу и со другомъ жестокосердымъ не соводворяйся: весь бо гнѣвъ свой произноситъ безумный, премудрый же скрываетъ по части* (22, 24. 29, 11). Такимъ образомъ, кто такъ устрояетъ себя и соблюдаетъ свойственную каждой сторонѣ души дѣятельность здравою и невредимою, тотъ будетъ человѣкомъ знающимъ истинную правду. *Исправлять судъ* значитъ прежде всего судить право по закону Божію, какъ говоритъ онъ: *отверзай уста твоя слову Божію и суди вся здраво, разсуждай же убога и немощна: глаголяй нечестиваго, яко праведенъ есть, проклятъ отъ людей будетъ и возненавидѣнъ во языцѣхъ: срамлятися лица на судѣ не добро* (24,. 23. 24). Это нужно говорить открыто; притомъ, судя въ чемъ-нибудь другихъ, нужно прилагать тотъ же судъ и къ самому себѣ, испытывать и самого себя, умѣряя себя, когда увеличивается гнѣвъ, удерживая, когда усиливается страсть, и возбуждая, когда засыпаетъ разумъ, такими словами: *доколѣ, о лѣниве, лежиши* (6, 9)? Кто ведетъ себя такъ праведно, и бываетъ судіею самому себѣ, тотъ научится *исправлять судъ* и не услышитъ отъ другаго: *научая инаго, себе ли не учиши; глаголя не прелюбы творити, прелюбы тво-*

риши (Рим. 2, 21. 22)? Ибо, какъ путешественникъ, идущій прямою дорогою, достигаетъ цѣли, такъ и человѣкъ, *исправляющій судъ*, будетъ признанъ справедливымъ и мудрымъ. *Притчами* же называются изреченія, состоящія изъ подобій того, чтó говорится. Въ нихъ сказанное объясняется посредствомъ подобія. Такъ, по сказанію Марка, Господь говорилъ: *чесому уподобимъ царствіе Божіе, или коей притчи приложимъ ѐ* (Марк. 4, 30); слѣдовательно, притча есть подобіе того, чтó говорится. И въ другомъ мѣстѣ Господь сказавъ: *подобно есть царствіе Божіе*, далѣе присовокупилъ: *сего ради въ притчахъ глаголю имъ* (Мѳ. 13, 13. 31). Таковы здѣсь слѣдующія притчи: *якоже исходище снѣга въ жатву зноя пользуетъ, тако вѣстникъ вѣренъ пославшихъ его* (Прит. 25, 13); и еще: *якоже вѣтри и облацы и дождеве являющіися, тако и хвалящіися о даяніи ложномъ* (ст. 14), и тому подобныя. *Реченія премудрыхъ* суть изреченія не софистическія и не обольщающія видомъ правдоподобія, но точныя, не какбы по приказанію высказываемыя, но какбы дознанныя самими говорящими и выражающія какбы приговоры, произносимые ими. Таковы напр. слѣдующія: *сердцу веселящуся лице цвѣтетъ, въ печалѣхъ же сущу сѣтуетъ* (Прит. 15, 13); еще: *сердце правое ищетъ чувства: уста же ненаказанныхъ уразумѣютъ злая* (15, 14); еще: *ненависть воздвизаетъ распрю, всѣхъ же нелюбопрительныхъ покрываетъ*

любовь (10, 12); и еще: *иже презираетъ вещь, презрѣнъ будетъ отъ нея, а боящійся заповѣди, сей здравствуетъ* (13, 13). Слова другихъ людей бываютъ большею частію не рѣшительны, а слова мудрыхъ, каковы напр. вышесказанныя, истинны и во всѣхъ отношеніяхъ точны, такъ что невозможно противорѣчить имъ. Другіе люди опредѣляютъ дѣла по слѣдствіямъ ихъ, напр. говорятъ: неправедный—дуренъ, прелюбодѣй—не хорошъ;—что́ всѣмъ извѣстно;—а мудрые открываютъ причины дѣйствій, дабы всякой, узнавъ причины золъ, остерегался ихъ, и представляютъ какбы краткій очеркъ движеній души; каково напр. вышеприведенное изреченіе: *ненависть воздвизаетъ распрю, всѣхъ же нелюбопрительныхъ покрываетъ любовь*; ибо у сварливаго распри его получаютъ свое начало отъ ненависти, и никто не скажетъ, что онъ любитъ сварливаго; напротивъ не сварливый показываетъ признаки любви, и никто не скажетъ, что любящій сварливъ. Также слѣдующія изреченія: *въ похотехъ есть всякъ праздный* (Прит. 13, 4); *острояростный безъ совѣта творитъ* (Прит. 14, 17). Здѣсь выражается, что *праздный* бываетъ преданъ всякимъ похотямъ, а гнѣвливый не имѣетъ никакого правильнаго сужденія. Всѣ эти изреченія болѣе указываютъ на нравственную сторону, на причину дѣйствій, раскрывая, что распрѣ предшествуетъ ненависть, а несварливости предшествуетъ любовь, праздности предшествуетъ порочное удовольствіе, а гнѣвливо-

сти предшествуетъ безразсудство; что презираемый подвергается этому отъ того, что самъ презираетъ законъ, а здоровью предшествуетъ страхъ Господень, что причиною погибели души бываетъ необузданность языка, а робости предшествуетъ дерзость. Такимъ образомъ изслѣдуя каждое изреченіе, ты найдешь, что оно сказано и написано для того, чтобы слушающіе, познавая причины золъ и благъ, избѣгали худаго и дѣлали доброе. *Гаданія* и *темныя слова* суть изреченія, сказанныя такъ глубокомысленно, что читающій ихъ сначала скорбитъ, какъ будто они ничего не выражаютъ и не содержатъ никакой мысли, но тщательно вникнувъ открываетъ въ нихъ смыслъ. Таковы напр. *піявица имѣ три дщери, любовію возлюблены, и три сія не насытишася ея, и четвертая не удовлися рещи: довольно. Адъ и похоть жены и земля ненапоеная водою, и вода, и огнь не рекутъ: довлѣетъ* (Прит. 30, 15. 16); и еще: *тріе ми суть невозможная уразумѣти и четвертаго не вѣмъ: слѣда орла паряща, пути змія по камени, и стези корабля пловуща по морю и путей мужа въ юности* (ст. 17. 18); и тому подобныя. Они выражаютъ одно, а даютъ мысль о другомъ, и хотя не ясны, но имѣютъ сокровенный смыслъ. Таково содержаніе книги Притчей.

А порядокъ изложенія въ ней слѣдующій. Въ началѣ говорится о самыхъ притчахъ *Соломона, сына Давидова, иже царствова* во Іерусалимѣ, написанныхъ для того, чтобы *познати*

премудрость и наказаніе; далѣе о томъ, что *начало премудрости страхъ Господень;* что нужно слушаться повелѣній отца и не пренебрегать совѣтовъ матери, что не должно обольщаться и итти однимъ путемъ съ людьми, совершающими беззаконія, которые имѣютъ *общее влагалище* (1, 14); что *премудрость во исходѣхъ поется, нечестивіи же возненавидѣша чувство* (1, 20. 22); что она звала ихъ, но они не послушали ея; посему и она не послушаетъ ихъ, когда они будутъ звать ее. Далѣе говорится: *пріими глаголъ заповѣди, и послушаетъ премудрости ухо твое, и уразумѣеши правду и судъ;* горе *оставившимъ пути правыя и радующимся о развращеніи злѣмъ* (2, 1—14); и еще: *да тя не постигнетъ совѣтъ злый*, чтобы тебѣ *обрѣсти стези правы гладки* (ст. 16. 20). Еще говорится о томъ, чтобы ты не забывалъ соблюдать законъ, дабы имѣть тебѣ долголѣтнюю мирную жизнь,—чтобы ты надѣялся всѣмъ сердцемъ на Бога, и не былъ *мудрымъ о себѣ*, но почиталъ Господа *отъ праведныхъ трудовъ твоихъ*, и *не пренебрегалъ наказаніемъ Господнимъ*; *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ* (3, 1—12). Говорится, что блаженъ человѣкъ, пріобрѣтшій премудрость; о томъ, что ты не долженъ предаваться нѣгѣ, но хранить бодрость и разумъ, дабы тѣло твое было здравымъ; о томъ, что не должно удерживаться отъ благотворенія нуждающемуся, когда рука твоя можетъ помочь ему; и не долженъ ты зло-

умышлять противъ друга своего; потому что не чистъ предъ Господомъ всякой беззаконникъ. Далѣе говорится, что *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Прит. 3, 34); о томъ, чтобы слушать наставленій отца: *сыне, моимъ глаголомъ внимай, и всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце, и Господь права сотворитъ теченія твоя* (4, 20. 29); о томъ, что не должно внимать женѣ злой: *на пути бо животныя не находитъ*; посему *далече отъ нея сотвори путь твой* (5, 3—8). Еще: *пій воду отъ своихъ сосудовъ и источникъ твоея воды да будетъ тебѣ твой: въ дружбѣ бо сея спребываяй, умноженъ будеши* (5, 15—19). Еще: *иди ко мравію, о лѣниве, и буди онаго мудрѣйшій; онъ въ жатву многое творитъ уготованіе* (6, 6—8). Также говорится, чтобы ты шелъ *ко пчелѣ: и увѣждь, коль дѣлательница есть. Доколѣ, о лѣниве, лежиши? Мало убо спиши, мало сѣдиши*; посему внезапно наступитъ погибель твоя (6, 9—11). Далѣе о соблюденіи заповѣдей отца; о томъ, что *свѣтильникъ заповѣдь закона, и свѣтъ и путь жизни* (6, 23); и еще: *вяжетъ ли кто огнь въ нѣдра, ризъ же своихъ не сожжетъ ли, или ходити кто будетъ на угліяхъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли? Тако вшедый къ женѣ мужатѣй не безъ вины будетъ* (6, 27—29). Еще: *не дивно, аще крадый ятъ будетъ: крадетъ бо, да насытитъ душу свою алчущую: прелюбодѣй же за скудость ума*

своего погибель души своей содѣваетъ (6, 30—32). Далѣе: *чти Господа, и укрѣпишися, и храни моя заповѣди, и напиши я на скрижали сердца твоего, да тя соблюдутъ отъ жены чуждія и лукавыя* (7, 1—5). Говорится, чтобы ты проповѣдывалъ премудрость; ибо она *на высокихъ краехъ есть, и лучше сребра и многоцѣннѣе злата искушенна;* и что *страхъ Господень ненавидитъ неправды* (8, 1—13). Еще: *Господь созда мя въ начало путей своихъ въ дѣла своя* (8, 22); еще: *премудрость созда себѣ домъ* (9, 1); и еще: *обличай премудра и возлюбитъ тя: аще премудръ будеши, себѣ премудръ будеши и искреннимъ твоимъ: аще же золъ будеши, единъ почерпнеши злая: жена безумная и продерзая скудна хлѣбомъ бываетъ* (9, 8—13). *Нищета мужа смиряетъ: сынъ наказанъ премудръ будетъ: память праведныхъ съ похвалами: иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся: иже отъ устенъ произноситъ премудрость, жезломъ біетъ мужа безсердечна: пути жизни хранитъ наказаніе: покрываютъ вражду устнѣ правыя: безумный творитъ злая: уста праведнаго каплютъ премудрость* (10, 4—31). Далѣе говорится объ идолопоклонникахъ, которые устрояютъ идоловъ изъ золота и серебра, изъ камней, или дерева; о томъ, что спасеніе для вѣрующихъ будетъ чрезъ древо (креста); о тѣхъ, которые дѣлаютъ или украшаютъ идоловъ, о злѣ всякаго рода, происходящемъ отъ идоло-

поклонства, о нечестивомъ богослуженіи и о томъ, сколько въ немъ золъ; о скудельникѣ и глиняныхъ идолахъ и о всѣхъ идолахъ языческаго богослуженія; о свирѣпыхъ животныхъ, змѣяхъ, конкахъ и подобныхъ; о томъ, что Богъ благоволилъ послать израильтянамъ вмѣсто жабъ крастелей и проч.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ІИСУСА, СЫНА СИРАХОВА.

Въ этой книгѣ говорится о страхѣ Божіемъ, о томъ, чтобы не гнѣваться и приступать къ Богу безъ лицемѣрія, объ искушеніяхъ и терпѣніи, о почтеніи къ родителямъ, о кротости, о томъ, чтобы не изслѣдывать глубже заповѣданнаго, о милосердіи и покровительствѣ бѣднымъ, о мудрости, о стыдѣ вредномъ и полезномъ; много здѣсь говорится о стыдѣ вредномъ. О томъ, что не должно предаваться страсти къ богатству, и думать, что мы грѣшимъ безнаказанно, хотя бы и не тотчасъ постигли насъ наказанія; Богъ долготерпѣливъ, но должно умилостивлять Его. О пустословіи, о тщеславіи, о выборѣ друзей, объ ученіи, о полезномъ слушаніи; о томъ, что не должно грѣшить, лгать, пустословить и повторять словъ въ молитвѣ, т. е. не откладывать того, что̀ обѣщалъ Богу. О женѣ, о рабахъ, о скотѣ, о дѣтяхъ, объ отцѣ, о благоговѣніи къ Богу, о почитаніи священ-

никовъ и призрѣніи страждущихъ; о томъ, что не должно ссориться, порицать и пренебрегать бесѣдами мудрыхъ старцевъ, о воздержаніи, о дружбѣ, о неподражаніи грѣшникамъ; о судіѣ мудромъ и безразсудномъ, о гордости, о смиреніи и о томъ, чтобы не укорять безъ суда и изслѣдованія, и остерегаться людей порочныхъ. Объ угожденіи богатымъ, какое многіе дѣлаютъ имъ, и о корыстолюбіи нѣкоторыхъ изъ нихъ. О скупыхъ, которыхъ называютъ червями (θρίψ), которые не удѣляютъ ничего другимъ. О пріобрѣтеніи мудрости и о свободѣ; о томъ, что лучше быть бездѣтнымъ, нежели имѣть дурныхъ дѣтей, и что нѣтъ ничего, сокровеннаго для Бога. О тваряхъ, о созданіи человѣка и чести, какой онъ удостоенъ. О дарованіи закона, о милосердіи и раскаяніи, о воздержаніи отъ сладострастія, о храненіи тайнъ, о вредномъ стыдѣ безумнаго; о раскаяніи во грѣхахъ и нелюбостяжательности, о мудромъ и безумномъ, о дерзкой дочери, о невнимательности глупаго, о твердомъ умѣ, о томъ, чтобы не говорить неосторожно. О сокрушеніи во грѣхахъ, о томъ, чтобы не клятъся, о мудрости. О женѣ злой и доброй, о купцахъ, о тѣхъ, которые открываютъ тайны; о тѣхъ, которые въ лицо хвалятъ, а потомъ насмѣхаются; о прощеніи ближнему прегрѣшеній его; о коварномъ языкѣ, о томъ, чтобы давать въ долгъ ближнему, не получая процентовъ, и снабжать нуждающагося; о тщательномъ воспитаніи дѣтей, о рабахъ, о животныхъ, о снахъ. О боящихся Бога, о жертвахъ непра-

ведныхъ, о приношеніяхъ праведныхъ, о сребролюбіи, о сластолюбіи, о пьянствѣ. О томъ, что природный составъ одинъ у людей, но различіе расположеній производитъ то, что одни благословляются, а другіе проклинаются. О врачеваніи, о томъ, что не должно слишкомъ предаваться скорби; о томъ, что должно повиноваться закону и заповѣдямъ Божіимъ, о дѣлахъ Божіихъ, о наказаніяхъ, о человѣческой жизни, исполненной многихъ бѣдствій и заботъ, о дѣлахъ Божіихъ.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ИСАІИ.

Въ ней содержится обличеніе израильтянъ и ихъ бѣдствія; отверженіе жертвоприношеній и увѣщаніе къ лучшей жизни. Пророчество о Церкви и будущемъ мірѣ. Укоризна израильтянамъ и будущая осада; обличеніе ихъ роскоши и гордости; отверженіе Израиля подъ образомъ виноградника. Пророкъ укоряетъ начальниковъ израильскихъ въ любостяжаніи и пьянствѣ и предсказываетъ имъ опустошеніе; угрожаетъ предпочитающимъ ложныхъ пророковъ истиннымъ пророкамъ. Нашествіе самыхъ враговъ; Пророкъ видитъ видѣніе, въ которомъ были очищены уста его. Царь сирійскій вмѣстѣ съ израильтянами идетъ войною на Іерусалимъ, и Исаія пророчествуетъ о Христѣ, опустошеніи Іерусалима и нашествіи Навуходоносора. Пророчество о вѣрующихъ во Христа. О силѣ, гор-

дости и погибели царя ассирійскаго. О вѣрующихъ во Христа; о рожденіи Христа по плоти; о кротости вѣрующихъ въ Него. Пророкъ предсказываетъ о погибели Вавилона и другихъ иноплеменниковъ. Погибель моавитянъ. Пророчество о Христѣ. Погибель Дамаска; бѣдствія израильтянъ и спасеніе ихъ. Погибель Египта. Пророкъ иносказательнымъ образомъ предсказываетъ бѣдствія народамъ, которые не вѣруютъ въ Господа, и истребленіе ихъ нечестія. Исаія получаетъ повелѣніе ходить нагимъ. Война мидянъ и вавилонянъ противъ Идумеи и Аравіи. Послѣдняя осада Іерусалима Навуходоносоромъ. Предсказаніе Сомнану, *строителю дома*, объ его погибели. *Строители дома*, т. е. хранители имущества въ храмѣ, были изъ священниковъ (Исаі. 22, 12—25). Погибель Тира, и потомъ спасеніе, и иносказательное пророчество о церквахъ. Погибель Вавилона отъ мидянъ и благодарность за него Богу отъ Пророка. Пророчество о вѣрующихъ во Христа; о погибели діавола отъ Христа, о пришествіи Христа во плоти; о вѣрѣ во Христа. Израильтяне укоряются за то, что они, оставивъ надежду на Бога, возложили ее на египтянъ, и предсказываются имъ бѣдствія, а потомъ — благополучіе. Здѣсь же содержится пророчество о Церкви Христовой, объ обращеніи язычниковъ ко Христу и опустошеніи Іерусалима. Сказаніе о Церкви, которое въ буквальномъ смыслѣ относится къ Идумеѣ и Іерусалиму, но въ переносномъ смыслѣ — къ отверженію іудеевъ и благоденствію Церкви,

Христовой. О дѣлахъ Сеннахирима. Пророчество объ Іоаннѣ Предтечѣ и вѣрующихъ во Христа. Изображеніе силы Божіей; обличеніе израильтянъ за идолопоклонство и напоминаніе объ оказанныхъ народу благодѣяніяхъ Божіихъ. Объ устроеніи Церкви и о безсиліи идоловъ. Пророчество о Христѣ и вѣрующихъ въ Него. Пророкъ укоряетъ израильтянъ за грѣхи и говоритъ, что за непослушаніе ихъ посланы на нихъ бѣдствія. О вѣрѣ во Христа; о томъ, что Богъ оставитъ народъ безъ жертвоприношеній и не будетъ требовать служенія посредствомъ жертвъ. Пророчество о вѣрующихъ во Христа. Обличеніе безсилія идоловъ и изображеніе силы Божіей. Погибель Вавилона; обличеніе жестокосердія іудеевъ и пророчество о благопріятныхъ обстоятельствахъ. Пророчество о Христѣ и утѣшеніе Іерусалима. Пророчество о Христѣ и апостолахъ. О рожденіи Христа по плоти, о страданіи Его, воскресеніи и множествѣ вѣрующихъ въ Него. Сказаніе о Христѣ и вмѣстѣ объ израильтянахъ по историческому смыслу, а по переносному—о вѣрующихъ во Христа. Осужденіе іудеевъ за идолослуженіе; отверженіе поста ихъ и указаніе на другой лучшій постъ. Далѣе обличеніе коварныхъ дѣлъ ихъ и замысловъ, и пророчество о вѣрующихъ во Христа. Пророчество о Христѣ, и объ изцѣленіяхъ души и тѣла, совершенныхъ Имъ; и объ апостолахъ и прочихъ вѣрующихъ въ Него. О страданіи Его. Исповѣданіе Пророка, какбы отъ лица народа, и обличеніе невѣрія іудеевъ отъ Господа;

принятіе вѣрующихъ въ Него, и осужденіе идолопоклонства іудеевъ. О вѣрующихъ въ Господа нашего Іисуса Христа изъ іудеевъ. Осужденіе невѣрующихъ въ будущую жизнь.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ІЕРЕМІИ.

Въ ней содержится предсказаніе будущихъ бѣдствій израильтянамъ отъ Навуходоносора. Обличеніе идолопоклонства израильтянъ и напоминаніе о благодѣяніяхъ къ нимъ Божіихъ, и о бѣдствіяхъ, которыя они потерпѣли за надежду на египтянъ. Обличеніе безсилія идоловъ и осужденіе самихъ израильтянъ за жертвоприношеніе людей. Обличеніе израильтянъ и тяжесть, въ сравненіи съ ними, преступленій іудеевъ; предсказаніе благопріятныхъ обстоятельствъ израильтянамъ, если они обратятся къ Богу, и исповѣданіе Пророка, какбы отъ лица народа. Нашествіе вавилонянъ; плачъ Пророка о будущемъ опустошеніи, и описаніе самаго опустошенія. Укоризна народу за то, что онъ не имѣлъ никого столь праведнаго, чтобы остановить гнѣвъ Божій, и обличеніе его нечестія. О томъ, что не до основанія будетъ разрушенъ Іерусалимъ Навуходоносоромъ. Нашествіе вавилонянъ и осужденіе непослушанія израильтянъ, не хотѣвшихъ слушать Пророка. Обличеніе лжепророковъ, обольщавшихъ народъ; ибо когда Іеремія говорилъ, что будетъ война,—они говорили: нѣтъ, будетъ миръ. Отвер-

женіе жертвоприношеній, нашествіе царя вавилонскаго и обличеніе неисправимаго духа іудеевъ. Богъ увѣщеваетъ іудеевъ сдѣлаться лучшими, и угрожаетъ, что, если не сдѣлаются, то подвергнутся тѣмъ же бѣдствіямъ, какъ израильтяне; а Іереміи запрещаетъ молиться о нихъ. Отверженіе жертвоприношеній, осужденіе невнимательности іудеевъ и жертвоприношенія людей, которое они совершали въ честь бѣсовъ. Предсказаніе о томъ, что мѣсто идола ихъ будетъ для нихъ гробомъ и что нѣкоторые изъ убитыхъ даже не будутъ преданы погребенію. Еще о нашествіи непріятелей и плачъ Іереміи о нечестіи іудеевъ. Осужденіе іудеевъ, какъ необрѣзанныхъ сердцемъ; увѣщаніе—не служить идоламъ, плачъ какбы отъ лица народа о будущихъ бѣдствіяхъ и осужденіе отъ Бога. Увѣщаніе израильтянамъ—слушать Бога; осужденіе отцевъ ихъ, и предсказаніе имъ будущихъ золъ. Опять запрещается Іереміи молиться о нихъ. Пророкъ плачетъ, подвергаясь litigationsкознямъ іудеевъ въ Анаѳоѳѣ, и посему предсказываетъ ожидающую ихъ погибель. Іеремія получаетъ повелѣніе скрыть поясъ и предсказываетъ, что народъ будетъ пресыщенъ и опьяненъ бѣдствіями. О бездождіи. Пророку запрещается молиться о нихъ; Богъ отвергаетъ всесожженія ихъ и посты, и угрожаетъ бѣдствіями лжепророкамъ, которые говорили, что несчастія не постигнутъ народъ. Пророкъ умоляетъ Бога; но Богъ говоритъ, что Онъ не послушаетъ, хотя бы даже Моисей и Самуилъ ходатайствовали за нихъ, но

предаетъ ихъ на мечъ и смерть, на голодъ и плѣнъ и на жертву всѣмъ бѣдствіямъ. Іеремія молитъ Бога объ отмщеніи тѣмъ, которые поносятъ его, а Богъ говоритъ ему: *аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко усти моя будеши* (Іер. 15, 19). Іеремія получаетъ повелѣніе не вступать въ бракъ, не плакать и не участвовать съ израильтянами въ обрядахъ по умершимъ. Пророчество объ апостолахъ и о Христѣ. Пророкъ предрекаетъ слова невѣрующихъ въ Него и молится противъ нихъ; затѣмъ увѣщеваетъ іудеевъ хранить субботу. Пророкъ посылается въ домъ скудельника. *Наконецъ возглаголю*, говоритъ Богъ, *на царство, да искореню* его: *и аще обратятся*, не искореню. *И наконецъ реку*, говоритъ, *на языкъ и царство, да возсозижду* его: *и аще сотворятъ лукавая*, не сотворю и Я тѣхъ благъ, *яже глаголахъ сотворити имъ* (Іер. 18, 7—10). Эта глава полезна для іудеевъ, когда они станутъ говорить, что Богъ обѣщалъ имъ блага: ибо они, не увѣровавъ въ Господа нашего Іисуса Христа, сами для себя сдѣлались виновниками настоящихъ бѣдствій. Далѣе Пророкъ предсказываетъ о злоумышленіи противъ него іудеевъ и молится противъ нихъ за то, что они воздали зломъ за добро. Іеремія получаетъ повелѣніе взять глиняный сосудъ и, засвидѣтельствовавъ злодѣянія народа, разбить сосудъ предъ его глазами и сказать: такъ сокрушится Іерусалимъ! Бывъ посаженъ въ колоду Пасхоромъ, Іеремія предсказываетъ Пасхору ожи-

дающія его бѣдствія (Іер. гл. 20). Потомъ негодуетъ на порицающихъ его, молится противъ нихъ и проклинаетъ день своего рожденія. Царь Седекія посылаетъ узнать отъ Іереміи, отступитъ ли отъ него Навуходоносоръ; а Іеремія говоритъ, что Богъ будетъ ратовать противъ іудеевъ и царя Седекіи; если же народъ захочетъ добровольно предаться Навуходоносору, то спасется, и царь не погибнетъ, если онъ, оставивъ свое нечестіе, захочетъ внимать повелѣніямъ Божіимъ. Пророчество противъ Іоакима и Іехоніи и пастырей Господнихъ, и осужденіе лжепророковъ. Іеремія предсказываетъ іудеямъ благопріятныя обстоятельства, а народу, оставшемуся въ Іерусалимѣ съ Седекіею, предвозвѣщаетъ подъ образомъ смоквъ нашествіе Навуходоносора, и всѣмъ народамъ предвозвѣщаетъ погибель подъ образомъ чаши. Предсказываетъ о разрушеніи Іерусалима. Священники берутъ Іеремію и обрекаютъ на смерть, но онъ избѣгаетъ опасности. Пророкъ получаетъ повелѣніе наложить на себя ярмо и сказать посламъ иноплеменниковъ, чтобы они совѣтывали царямъ своимъ покориться Навуходоносору, потому что Богъ угрожаетъ смертію тѣмъ, которые не покорятся ему. Такое же увѣщаніе онъ предлагаетъ и Седекіи, и народу, и священникамъ. Но лжепророкъ Ананія, вопреки пророку Іереміи, утверждалъ, что священные сосуды будутъ возвращены, равно какъ и Іехонія, сынъ Іоакима, брата Седекіи, и сокрушилъ ярмо Пророка. Посему Іеремія посылается воз-

вѣстить ему смерть въ томъ же году, что́ и исполнилось. Іеремія предсказываетъ бѣдствія лжепророкамъ въ Вавилонѣ, и народу продолжительный плѣнъ, и будущее возвращеніе изъ плѣна. На это вознегодовалъ Самей и укорялъ священника за то, что онъ не запретилъ Іереміи произносить такія предсказанія. Посему Богъ угрожаетъ Самею погибелью. Далѣе утѣшительная рѣчь къ израильтянамъ. Іеремія объявляетъ время, въ которое они имѣли возвратиться изъ Вавилона. Это было время *Пасхи*, какъ и у Ездры можно видѣть, что они возвратились въ праздникъ опрѣсноковъ (Іер. 31, 8). Такимъ образомъ іудеи явно обличаются въ заблужденіи, потому что они еще ожидаютъ описанныхъ въ этомъ мѣстѣ благъ, которыя уже осуществились. Далѣе пророчество объ убитыхъ Иродомъ младенцахъ. Пророчество о новомъ Завѣтѣ. Іудеи доселѣ еще ожидаютъ и описаннаго въ этомъ мѣстѣ возстановленія города, которое исполнилось тогда, когда они возвратились изъ Вавилона. Іеремія получаетъ повелѣніе купить поле своего дяди, и купивъ говоритъ: городъ преданъ, а Ты повелѣваешь купить поле? Богъ отвѣчаетъ ему: настоящія бѣдствія посылаются за грѣхи народа, но настанетъ время, когда городъ снова населится. Іеремія предсказываетъ Седекіи, что онъ будетъ взятъ въ плѣнъ, и обличаетъ тѣхъ, которые, отпустивъ на свободу рабовъ, снова поработили ихъ, и угрожаетъ великимъ бѣдствіемъ. Тогда онъ повелѣваетъ сыновьямъ Іонадава построить домъ; но они отка-

зываются. Іеремія получаетъ повелѣніе написать все, что пророчествовалъ объ израильтянахъ, для того, чтобы іудеи, услышавъ снова объ имѣющихъ постигнуть ихъ бѣдствіяхъ, хотя такимъ образомъ пришли въ страхъ. Онъ поручаетъ сдѣлать это Варуху, который и сдѣлалъ. Написавши, онъ прочиталъ народу. Когда услышали объ этомъ начальники, то объявили царю Іоакиму. Тотъ, взявъ книгу, сжегъ ее. Тогда Іеремія получаетъ повелѣніе написать другую такую же книгу, и предсказываетъ царю бѣдствія за такой дерзкій поступокъ. Пророчествуетъ о взятіи Іерусалима. Іеремію берутъ и заключаютъ въ темницу, и когда онъ былъ вызванъ оттуда Седекіею, то говоритъ ему, что онъ будетъ взятъ въ плѣнъ, и проситъ о себѣ, чтобы не отправляли его въ темницу. Но начальники схватили его и бросили въ грязный ровъ. Его вывелъ оттуда Авдемелехъ. Когда царь опять позвалъ его къ себѣ, Пророкъ предсказываетъ ему спасеніе, если онъ захочетъ добровольно выйти къ врагамъ; а если не захочетъ, то погибнетъ весь городъ и его самого постигнутъ великія бѣдствія. Такъ какъ царь не согласился выйти, то непріятель пришелъ, и народъ былъ взятъ въ плѣнъ съ Седекіею. Вельможи Навуходоносора поступили съ Іереміею благосклонно. Авдемелеху Пророкъ предсказываетъ спасеніе. Получивъ отъ архимагира позволеніе идти, куда хочетъ, Іеремія идетъ къ Годоліи, котораго Навуходоносоръ поставилъ начальникомъ надъ оставшимися въ Іудеѣ. Къ Годоліи

собрались разсѣявшіеся по селамъ іудеи. Измаилъ убиваетъ Годолію и нѣкоторыхъ другихъ и, захвативъ народъ Годоліи, уходитъ въ страну аммонитскую. Когда же увидѣлъ его Іоаннанъ, одинъ изъ начальниковъ, преданныхъ Годоліи, то Измаилъ убѣжалъ только съ осмью человѣками, и начальство надъ народомъ принялъ Іоаннанъ. Іеремію просили, чтобы онъ помолился о нихъ Богу; онъ совѣтовалъ имъ не ходить въ Египетъ;—потому что Богъ угрожаетъ смертію, если они переселятся туда;—но не убѣдилъ ихъ. Когда они дошли до Тафнаса, Іеремія убѣждаетъ ихъ не покланяться идоламъ. Такъ какъ они противорѣчили, то онъ предвозвѣщаетъ имъ великую гибель и царю египетскому предсказываетъ погибель Египта; говоритъ также о погибели и другихъ иноплеменниковъ, моавитянъ, аммонитянъ и идумеевъ, Дамаска и Елама, о погибели Вавилона и возвращеніи іудеевъ оттуда. Говоритъ, какъ взятъ былъ Іерусалимъ и какъ вышелъ изъ безчестія въ честь Іоакимъ, который добровольно отдался Навуходоносору съ своею матерію.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ІЕЗЕКІИЛЯ.

Пророкъ видитъ видѣніе херувимовъ и получаетъ отъ Бога повелѣніе говорить израильтянамъ. Переносится Духомъ въ плѣнъ и возбуждается Богомъ безбоязненно и нелѣностно возвѣщать нечестивымъ и праведнымъ путь къ

жизни и напоминать заповѣди Божіи. Получаетъ повелѣніе затвориться въ домѣ и предвозвѣстить осаду Іерусалима посредствомъ кирпича и сковороды. Также получаетъ повелѣніе проспать нѣсколько дней на одномъ боку, и тѣмъ возвѣстить предстоящія народу бѣдствія въ плѣну. Предсказываетъ посредствомъ хлѣбовъ, приготовленныхъ на коровьемъ пометѣ, и посредствомъ раздѣленія своихъ волосъ—смерть и разсѣяніе народа. Къ этому присовокупляетъ предсказаніе объ опустошеніи города и истребленіи идоловъ. Затѣмъ говоритъ о доживших до погибели города. Опять видитъ херувимовъ и предсказываетъ бѣдствія городу. Говоритъ о вѣрующихъ во Христа. Опять предрекаетъ плѣненіе народа при Седекіи и ослѣпленіе самого Седекіи Навуходоносоромъ. Говоритъ, что эти бѣдствія постигнутъ ихъ не въ отдаленное время, но скоро. Угрожаетъ лжепророкамъ и бѣдствія, какимъ подвергнется народъ, называетъ неотвратимыми, такъ что ни Іовъ, ни Даніилъ, ни Ной не могутъ спасти сыновъ его. Возвѣщаетъ конечную погибель іудеевъ подъ образомъ виноградной лозы. Изображаетъ первоначальное безобразіе народа, доколѣ Богъ не усвоилъ его Себѣ, и красоту послѣ того, какъ усвоилъ; затѣмъ—его идолослуженіе и постигшій его за то плѣнъ. Показываетъ великость его беззаконій, которыя и сами по себѣ велики, чрезъ сравненіе съ беззаконіями Содома и Самаріи. Блага же, которыя онъ предсказываетъ, въ словахъ: *возставлю завѣтъ мой съ тобою* (Іез. 16, 62),

можно разумѣть о вѣрующихъ во Христа. Предсказываетъ нашествіе Навуходоносора. Отвѣчаетъ тѣмъ, которые говорили: *отцы ядоша терпкое, а зубомъ чадъ ихъ оскомины быша* (Iез. 18, 2). О матери царя Седекіи. Говоритъ старѣйшинамъ о беззаконіяхъ отцовъ ихъ. А слова: *понеже на горѣ моей святѣй, на горѣ высоцѣ Израилевѣ, глаголетъ Адонаи Господь, тамо послужатъ Ми весь домъ Израилевъ до конца* (20, 40), можно разумѣть о вѣрующихъ во Христа. Пророчество о Ѳеманѣ, объ Израилѣ и сынахъ Аммона. Изображаются беззаконія и грѣхи Израиля, и священниковъ, и начальниковъ, и лжепророковъ. *И искахъ*, говоритъ, *отъ нихъ мужа живуща право, и стояща цѣло предъ лицемъ моимъ во время гнѣва моего, еже бы не до конца погубити его, и не обрѣтохъ* (22, 30). Объ идолопоклонствѣ народа израильскаго въ Египтѣ и послѣ, и о бѣдствіяхъ; также о томъ, что имъ не позволено будетъ даже плакать о приключающихся бѣдствіяхъ. Противъ аммонитянъ, и идумеевъ, и другихъ иноплеменниковъ, и Сора, подъ именемъ котораго разумѣютъ Тиръ. Предсказываетъ великія бѣдствія властителю Тира и Сидона, Египту и царю египетскому. Угрожаетъ стражу народному, если онъ не будетъ возвѣщать народу, для котораго поставленъ стражемъ, о насылаемыхъ отъ Бога бѣдствіяхъ. Говоритъ, что ни нечестивый не погибнетъ за прежнія беззаконія, если обратится и станетъ дѣлать угодное Богу; ни праведный не спасется за

прежнія праведныя дѣла, если, измѣнившись, сдѣлается нечестивымъ и неправеднымъ. Къ Пророку пришелъ нѣкто съ извѣстіемъ, что Іерусалимъ взятъ; при этомъ Пророкъ обвиняетъ іудеевъ за то, что они не внимаютъ предсказаніямъ пророковъ. Пророчествуетъ и противъ пастырей израильтянъ и обѣщаетъ, что имъ данъ будетъ одинъ пастырь; чтó и сбылось при Зоровавелѣ, между тѣмъ, какъ безстыдные іудеи утверждаютъ, что и этого еще не было; но это сбылось, какъ я сказалъ, при Зоровавелѣ. Пророчествуетъ противъ идумеевъ и возвѣщаетъ израильтянамъ благопріятныя обстоятельства, которыя Богъ даруетъ іудеямъ не потому, чтобы они были достойны, но чтобы имя Его не безчестилось. Пророкъ приводится на поле и произноситъ пророчество на сухія кости. Пророчествуетъ и о Зоровавелѣ, что онъ одинъ будетъ начальникомъ іудеевъ. Это можно разумѣть и о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Пророчествуетъ о Гогѣ и Магогѣ, которые нападутъ на іудеевъ, по возвращеніи ихъ изъ Вавилона, но будутъ побѣждены. Нѣкоторые разумѣютъ это въ иносказательномъ смыслѣ о Церкви, и о діаволѣ, и о гоненіяхъ, которыя въ разное время воздвигаемы были нечестивыми царями. Предсказываетъ о построеніи храма и возстановленіи законнаго богослуженія; чего также еще ожидаютъ іудеи; но это сбылось при Ездрѣ и Зоровавелѣ. Предсказываетъ о построеніи храма и о водѣ, которая мало по малу вытекаетъ и умножается; подъ именемъ ея можно

разумѣть обращающихся ко Христу, которые были мертвы, прежде нежели увѣровали, и ожили, когда увѣровали.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ДАНІИЛА.

Избираются Даніилъ и его товарищи, поручаются начальнику евнуховъ, питаются сѣменами и, бывъ представлены царю, найдены мудрѣйшими всѣхъ. Навуходоносоръ видитъ сонъ и приказываетъ умертвить волхвовъ, которые не могли открыть и истолковать его. Даніила и его товарищей, подвергавшихся опасности, Богъ спасъ, открывъ самому Даніилу тайну сна. Бывъ приведенъ къ царю, Даніилъ разсказываетъ сонъ и объясняетъ его. Камень, отсѣченный безъ содѣйствія рукъ, есть Христосъ; а то, что онъ отсѣченъ безъ содѣйствія рукъ, означаетъ, что Христосъ родился отъ Дѣвы безъ мужа. Навуходоносоръ, поставивъ истуканъ, повелѣваетъ всѣмъ поклоняться ему, и трехъ отроковъ непоклонившихся ввергаетъ въ печь. Когда же люди, находившіеся у печи, были убиты, а отроки прославляли Бога, то царь, вызвавъ ихъ и увидѣвъ невредимыми, удивился силѣ Божіей, почтилъ отроковъ властію надъ іудеями, и далъ повелѣніе казнить всякаго, кто будетъ хулить Бога. Навуходоносоръ видитъ сонъ, и когда мудрецы вавилонскіе опять не могли истолковать его, Даніилъ изъясняетъ его и совѣтуетъ царю искупить свои беззаконія милостынею. Спустя

немного времени, сонъ сбылся и Навуходоносоръ прославилъ Бога. Когда, по приказанію царя Валтасара, сына Навуходоносорова, принесены были священные сосуды, и пиршествовавшіе пили изъ нихъ, явилась кисть руки и начертала на стѣнѣ письмена, которыя мудрецы вавилонскіе не могли прочитать, а Даніилъ прочиталъ и объяснилъ, и за то облекли его въ порфиру, надѣли на него золотую цѣпь и провозгласили его третьимъ начальникомъ въ царствѣ. Дарій Мидянинъ, принявъ царство и поставивъ Даніила главнымъ сановникомъ, принужденъ былъ начальниками и сатрапами издать указъ, что всякой, кто въ теченіе тридцати дней станетъ просить чего-нибудь у какого-нибудь другаго человѣка или у бога, кромѣ царя, будетъ ввержень въ ровъ, наполненный львами. Когда это состоялось, то они, замѣтивъ, что Даніилъ молится Богу, обвиняютъ его и принуждаютъ царя ввергнуть его въ ровъ. Царь ввергнулъ его туда, но когда пришелъ и нашелъ его невредимымъ, то вывелъ его изъ рва, а тѣхъ, которые ввергли его, погубилъ вмѣстѣ съ ихъ женами, отдавъ ихъ львамъ. Въ тоже время онъ издалъ указъ, чтобы всѣ благоговѣли предъ Богомъ. Даніилъ видитъ видѣніе звѣрей, подъ образомъ львицы—царство ассирійское, подъ образомъ медвѣдицы—мидійское и персидское, подъ образомъ рыси — римское. Пророчествуетъ о Христѣ и о нечестивомъ Антіохѣ; ибо онъ есть тотъ малый рогъ, который истребилъ три прежнія царства. Предсказы-

ваетъ, какъ Александръ Македонскій разрушитъ царство персидское, разумѣя подъ овномъ царя персидскаго, а подъ козломъ—Александра Македонскаго. Послѣднее, упомянутое здѣсь, видѣніе о царицѣ южной описывается, какъ извѣстно, въ книгѣ Маккавеевъ. Даніилъ сокрушаетъ Вила и умерщвляетъ дракона; опять ввергается въ ровъ и остается невредимымъ, а виновники того, что онъ былъ вверженъ, сами ввергаются въ ровъ и пожираются львами.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ОСІИ.

Пророкъ получаетъ повелѣніе взять себѣ женою блудницу и раждаемыхъ отъ ней дѣтей назвать: *Iезраель, непомилована* и *не людіе мои* (Осіи гл. 1). Обличаетъ народъ въ прелюбодѣяніи, предсказываетъ ему бѣдствія, а послѣ бѣдствій нѣкоторое благополучіе. Слова: *завѣщаю завѣтъ съ звѣрьми сельными и обручу тя Себѣ въ вѣрѣ* (Осіи 2, 18, 20), можно относить къ вѣрующимъ во Христа. Опять получаетъ повелѣніе взять жену прелюбодѣйную, въ знакъ погибели іудеевъ, и обличаетъ ихъ, и народъ и священниковъ, во многихъ и тяжкихъ грѣхахъ; обличаетъ ихъ и въ пьянствѣ, и въ прелюбодѣйствѣ, и въ гнѣвливости. Осуждаетъ ихъ за то, что они, оставивъ надежду на Бога, надѣялись на ассиріянъ и полагались на египтянъ, и предсказываетъ имъ наказанія. Говоритъ, что Ефремъ, сдѣлавшись сильнымъ вслѣд-

ствіе полученной имъ помощи, не надлежащимъ образомъ воспользовался своимъ благоденствіемъ. Богъ показываетъ свою попечительность объ израильтянахъ и ихъ неблагодарность къ Нему и предсказываетъ имъ несчастія.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ІОИЛЯ.

Пророкъ говоритъ о погибели плодовъ земныхъ и убѣждаетъ умилостивить Бога. Предсказываетъ нашествіе царя ассирійскаго, и затѣмъ возвѣщаетъ нѣкоторыя блага. Предсказываетъ о бывшемъ съ апостолами чудѣ языковъ. Пророчествуетъ о погибели язычниковъ, случившейся послѣ возвращенія изъ Вавилона при Зоровавелѣ. Впрочемъ это мѣсто имѣетъ и иносказательное значеніе.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА АМОСА.

Пророкъ предсказываетъ беззаконія Дамаска, Газы, Тира, идумеевъ, аммонитянъ, моавитянъ, іудеевъ и израильтянъ, и наказанія, которыя постигнутъ ихъ. Перечисляетъ благодѣянія, которыя Богъ оказалъ іудеямъ и показываетъ ихъ небрежность и невнимательность и ожидающія ихъ бѣдствія. Пророчествуетъ о женахъ Самаріи, обвиняя ихъ въ пьянствѣ и хищничествѣ. Предсказываетъ голодъ и погибель за неисправимость, за то, что они, не смо-

тря на множество ранъ, не сдѣлались лучшими. Обвиняетъ израильтянъ въ томъ, что они негодовали на людей, которые обличали ихъ, и убѣждаетъ обратиться къ Богу. Угрожаетъ невѣрующимъ, что ихъ постигнутъ бѣдствія; ибо о нихъ онъ говоритъ: *увы лютѣ желающымъ дне Господня* (Амос. 5, 18). Нѣкоторые же относятъ это къ будущему суду, такъ какъ и теперь невѣрующіе говорятъ: не будетъ суда; если же онъ есть, то пусть придетъ. Описывается отверженіе іудейскихъ праздниковъ, и жертвъ, и пѣснопѣній. Называетъ Сатурна звѣздою бога Ремфана; потому что язычники говорятъ, что у бога ихъ Сатурна есть звѣзда на небѣ, которую они и называютъ Сатурномъ. Говоритъ: *еда закоенія и требы принесосте ми лѣтъ четыредесять* (Амос. 5, 25)? Ибо не народъ приносилъ ихъ, а одни начальники, когда стояла скинія; здѣсь же Пророкъ говоритъ о всемъ народѣ. Осуждаетъ ихъ за неумѣренность въ пищѣ и предсказываетъ имъ несчастія. Подъ образомъ саранчи, и завѣта, и адаманта пророчествуетъ объ ихъ погибели. Когда Пророкъ объявилъ это царю Амасіи, то царь употребляетъ насиліе и изгоняетъ Пророка, а Пророкъ предсказываетъ бѣдствія и ему и народу; потомъ видитъ сосудъ птицелова и чрезъ это указываетъ на ихъ плѣненіе. Перечисляетъ ихъ нечестія и насилія и говоритъ, что ихъ постигнутъ бѣдствія. Въ словахъ: *зайдетъ солнце въ полудне* (Амос. 8, 9) пророчествуетъ о времени страданія Христа. Далѣе предсказываетъ о вѣрующихъ во Христа.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА АВДІИ.

Пророкъ предсказываетъ наказаніе идумеевъ, которому они подверглись за то, что вмѣстѣ съ другими врагами нападали на израильтянъ. Пророчество о Церкви.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА ІОНЫ.

Пророкъ Іона описываетъ свое бѣгство въ Ѳарсисъ, бурю, поглощеніе китомъ и изверженіе изъ него, покаяніе ниневитянъ, сохраненіе тыквы, ея возрастаніе и погибель.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА МИХЕЯ.

Онъ предсказываетъ будущее опустошеніе Самаріи и Іерусалима и присовокупляетъ причину этого. Вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о возвращеніи іудеевъ изъ Вавилона; укоряетъ и осуждаетъ начальниковъ народа и священниковъ и лжепророковъ. Пророчествуетъ о Церкви, вѣрующей въ Господа нашего, и о новомъ Завѣтѣ;—такъ какъ древній законъ миновалъ;—и о мирѣ. Далѣе опять предсказываются бѣдствія іудеямъ. О рожденіи Христа по плоти и о вѣрующихъ въ Него. Пророкъ говоритъ: *и будетъ останокъ Іаковль* (Мих. 5, 7), такъ же, какъ говоритъ и апостолъ Павелъ: *оста-*

нокъ спасется (Рим. 9, 27). Изображается судъ Господа надъ народомъ Его, благодѣянія Его и отверженіе жертвоприношеній. Пророкъ плачетъ о томъ, что не стало праведныхъ и добрыхъ людей; и наконецъ, послѣ обличеній и угрозъ великими бѣдствіями, предсказываетъ израильтянамъ благопріятныя обстоятельства.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГИ ПРОРОКА НАУМА.

Онъ говоритъ о силѣ Божіей; предсказываетъ объ апостолахъ; присовокупляетъ пророчество о нашествіи вавилонянъ на ниневитянъ и плѣненіе этихъ послѣднихъ. Говоритъ также о могуществѣ и богатствѣ, которыя имѣли они прежде плѣна.

ОГЛАВЛЕНІЕ

1-го ТОМА БЕСѢДЪ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

НА РАЗНЫЯ МѢСТА СВ. ПИСАНІЯ.

Стран.

Толкованіе на 8 главъ книги пророка Исаіи. . . 3—160.
Бесѣда 1-я на слова пророка Исаіи: *и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь...* (Ис. 6, 1). . . 187—206.
Бесѣда 2-я на тѣ же слова. . . . . 206—216.
Бесѣда 3-я на тѣ же слова. . . . . 216—232.
Бесѣда 4-я на тѣ же слова. . . . . 232—252.
Бесѣда 5-я на тѣ же слова. . . . . 252—264.
Бесѣда 6-я на тѣ же слова. . . . . 264—277.
Бесѣда на слова пророка Исаіи: *Азъ Господь Богъ, устроивый свѣтъ...* (Ис. 45, 7). . . . . . . 278—300.
Бесѣда на слова пророка Іереміи: *Господи, нѣсть человѣку путь его...* (Іер. 10, 23). . . . . . . 301—319.
Толкованіе на книгу пророка Даніила. . . . . 320—419.
Обозрѣніе книгъ ветхаго Завѣта . . . . 420—570.